

№ 6 (70). 2025

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ

2015 г.

Союзное государство
Премия «Россия – Беларусь.
Шаг в будущее» – 2015 г.

2016 г.

2017 г.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
«ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ»

Премии: Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.

Памятная медаль
«ПОЭТ И ВОИН
ИГОРЬ ГРИГОРЬЕВ
(1923–1996)», 2023 г.

Золотой диплом Международного славянского форума
«Золотой Витязь», 2020 г.

Медаль имени первопечатника Ивана Фёдорова, 2020 г.
Золотая медаль в номинации «Россия и мир»
конкурса «Патриот России», 2020 г.

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Декабрь 2025 № 6 (70)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко,
секретарь Союза писателей России
Телефон: +79118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Александр Карлюкевич – председатель Союза писателей Республики Беларусь
Вадим Терёхин – сопредседатель Союза писателей России
Григорий Блехман – секретарь Союза писателей России
Вячеслав Лютый – секретарь Союза писателей России
Алексей Полубота – член Правления Союза писателей России (**В памяти навечно**)
Александр Герасимов – прозаик, публицист, драматург
Татьяна Грибанова – член Союза писателей России
Игорь Ерофеев – член Союза писателей России
Василий Киляков – член Союза писателей России
Римма Лютая – прозаик, публицист, переводчик
Александр Орлов – поэт, прозаик, историк, директор Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь»
Сергей Пылёв – член Союза писателей России
Светлана Савицкая – член Союза писателей России, учредитель Национальной литературной премии «Золотое перо Руси»
Геннадий Сазонов – член Союза писателей России
Александр Сидоров – Президент Международной Академии русской словесности в Австралии (МАРС), Председатель Австралийского отделения СПР
Наталья Советная – член Союза писателей России и Союза писателей Беларуси
Валерий Старжинский – доктор философских наук, писатель
Сухейль Фарах – доктор философских наук, писатель
Станислав Федотов – член Союза писателей России

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39–00302 от 24 сентября 2014 г.
Адрес редакции, издателя: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50
Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна,
адрес: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50.
Цена свободная
Издание предназначено для лиц от 12 +

Дизайн обложки – Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка – Елена Балантаева
Корректра – Валентина Куртяк

Дата выхода номера в свет: 12 декабря 2025. Тираж: 60 экз. Заказ № 2244.
Отпечатано в ФГУП «И и Т газеты “Страж Балтики” Минобороны России»
г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15, тел. 53-17-05.

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега»-Калининград обязательна.

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов, может не разделять
точку зрения опубликованных авторов. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»-Калининград

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи принимаются документом Word (шрифт – Times New Roman, кегль 11, межстрочный интервал – 1). Текст не подчёркивать, не форматировать, не набирать какие-либо слова отдельно большими (прописными) буквами, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе, электронный адрес, почтовый и телефон, фото автора. Мы уважаем все буквы алфавита, в том числе букву Ё. Тексты, где игнорируется буква Ё, не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Берега актуальности

Александр Субетто. «Роды» Действительного Человека и Действительного Разума – базовое условие спасения человечества от экологической гибели и императив Эпохи Великого Эволюционного Перелома. <i>Публикуется в сокращённом варианте</i>	5
Джихан Фтуни и Сухейль Фарах. Человек и духовность во времена хаоса и перемен. Целостный философский взгляд. <i>Беседа журналиста Джихан Фтуни (Pravda TV) с российско-ливанским мыслителем, доктором Сухейлем Фарахом</i>	14

Проза

Валерий Иванов-Таганский. Эхо плачущей земли. <i>Отрывок из романа.</i> Вступительное слово <i>Натальи Дутко</i>	17
Эдуард Квашнин-Раевский. Пепел и Дым. <i>Роман. Журнальный вариант. Окончание.</i> <i>Начало в № 5-2025</i>	49
Игорь Изборцев. Меж двух лугов. <i>Повесть о воле и неволе</i>	71
Александр Андреев. Василёк. <i>Рассказ</i>	90

Берега юбилеев

Геннадий Сазонов. «Высекать огонь из слова». <i>К 90-летию Николая Рубцова</i>	106
Светлана Савицкая. Герой, которого нет в современной литературе. <i>К 75-летию Юрия Конопляникова</i>	111
Александр Герасимов. Самая прекрасная Бабушка Яга. Сказка для детей и взрослых. <i>Пьеса в двух актах для интерактивного спектакля. К 70-летию</i>	114

Поэзия

Ирина Денисова. Манифест. <i>Стихи</i>	129
Лариса Бухвалова. Серебряное поле. <i>Стихи</i>	133
Наталья Радостева. Шафрановая осень. <i>Стихи</i>	136

Берега Беларуси

Наталья Михальчук. Господин Август. <i>Стихи</i>	139
---	-----

Брянские берега

Елена Юденкова. О литературном объединении «Горизонт»	142
Нина Волченкова. «Летающий к Богу – аист легкокрылый»	151
Александр Романов. Письмо в вечность. <i>Автобиографическая повесть</i>	167

Берега Новороссии

Владимир Курочкин. «Под разрывами трудно стоять...» <i>Стихи</i>	172
Яков Шафран. Святое дело. <i>Стихи</i>	174

Берега истории

Екатерина Фёдорова. Тильзитский переговорщик. Князь Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский (1758–1838)	176
--	-----

Берега прочтения

Игорь Агибалов. Культ книги как основа высокой духовной и материальной культуры России в триалоге общества, государства и бизнеса. <i>Статья дана в сокращённом варианте</i>	179
Владимир Карагодин. Кино как исповедь: О премьере фильма Николая Бурляева «Никита» ...	187
Светлана Волошина-Андрейчук. Мы там нужны. <i>О киноповести В. А. Иванова-Таганского</i>	190

Наши друзья

О приобретении журнала	195
------------------------------	-----

Александр Субетто

«РОДЫ» ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО РАЗУМА – базовое условие спасения человечества от экологической гибели и императив Эпохи Великого Эволюционного Перелома

Доклад А. И. Субетто, профессора Кафедры общественных наук Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ, первого вице-президента Петровской академии наук и искусств, почётного президента Ноосферной академии наук, почётного профессора Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, заслуженного деятеля науки РФ, лауреата премии Правительства РФ, профессора, кандидата технических наук, доктора экономических наук, доктора философских наук, 30 октября 2025 года на Международной научно-практической конференции «Человеческий капитал как ключевой фактор инновационной политики в условиях цифровизации экономики» (организаторы: Финансовый университет при Правительстве РФ, Московский центр научной и технической информации – МЦНТИ, Российско-итальянский международный университет – РИМ-Университет). Публикуется в сокращённом варианте

1. Ключевой вопрос нашего времени: «В какую эпоху мы живём?»

Один из ключевых вопросов, от ответа на который зависит наше понимание проблем человека, общества, экономики и прогноз развития человечества и России, – это вопрос «В какую эпоху мы, т. е. Россия и человечество, живём?».

Ещё в начале 90-х годов известный советский учёный В. В. Налимов определил переживаемую эпоху как эпоху смены смыслов бытия и призвания человека, поиска иных смыслов (Налимов В. В. В поисках иных смыслов. М., 1993. 280 с.). Он даже поставил вопрос в контексте этого определения – «Научна ли сама наука?» (с. 13).

Известный писатель М. Калашников определил будущее наступившего XXI века как «кровавого века» и «марша человека в преисподнюю», поскольку на сложившейся рыночно-капиталистической парадигме развития «Катастрофа неизбежна!» (Калашников М. XXI кровавый век. Катастрофа неизбежна! М., 2011. 320 с.).

Известный политэконом и наш современник В. Ю. Катасонов определил переживаемое историческое время Россией и человечеством как «закат эпохи либерализма» и разворачивающийся процесс «финансового Апокалипсиса» (Катасонов В. Ю. Закат эпохи либерализма. Хроника финансового Апокалипсиса. М., 2019. 512 с.). При этом он подчёркивает, что навязывание «идеологии экономического либерализма» России и другим странам со стороны Запада, а вернее – от «хозяев денег», есть часть стратегии разрушения национальных государств, чтобы легче было убрать с лица Земли «лишних людей и народов».

Он пишет (с. 455):

«...интересы хозяев денег понятны. Идеология экономического либерализма нужна для того, чтобы рассматривать устои государства, ослаблять государство, разрушать государство и приводить общество в состояние сетевого – сегодня это очень модное понятие. Но сетевое общество, – а я добав-

лю к этой мысли и соответственно “цифровое общество”, в том числе и общество на основе тотального применения искусственного интеллекта, – это некий переходный период, который будет очень коротким. После возникнет другая вертикаль власти, и на вершине этой вертикали будет мировое правительство, которое будет выражать интересы хозяев денег. Хозяева денег ставят своей высшей целью ещё большее обогащение. Они рассчитывают, что будут править миром. Сверхидея – это приведение к власти мошиаха. Того самого лжемессии – антихриста, о котором мы читаем в последней книге Священного писания – Апокалипсисе» (конец цитаты).

Для Джорджа Сороса наступившая эпоха – это «кризис мирового капитализма», который ставит под сомнение будущее «открытых обществ», концепцию которых он навязывал политическим элитам «развивающихся стран», чтобы их было легче поставить под диктат мирового финансового капитала (Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М., 1999. 262 с.).

Израэль Шамир в книге «Каббала власти» так определяет рефлексию над наступившим историческим временем, которое определяют многие граждане США, стран Европы и других стран как уже наступивший Апокалипсис (Шамир И. Каббала власти. М., 2008. 544 с.; с. 163–164):

«Джастин Раймон рассматривает статью, опубликованную в Weekly World News (“этой аляповатой бульварной газете, в чтении которой никто не признаётся даже у кассы супермаркета”) под странным названием “Лик Сатаны сфотографирован над американским Капитолием!”. WNews цитирует “одного бывшего оперативника ЦРУ, пожелавшего остаться неизвестным”:

“Тут изображено олицетворение ужаса. Ничего подобного мы никогда не видели в этой стране...”

Подобное чувство, некогда разделяемое только очень чувствительными индивидуумами... сегодня захватило всю шахматную доску социума. В Москве и Нью-Йорке, Иерусалиме и Багдаде, Париже и Берлине неверующие и практичные люди обращаются друг к другу с вопросами: “Неужели это конец света?”

“Да, он самый”, – ответил на этот вопрос известный американский философ Иммануил Валлерстайн, но добавил осторожную оговорку в заглавие своей книги с весьма точным названием “Конец (известного нам) Света”. Он пришёл к выводу, что продолжительный период человеческой истории подошёл к своему непредсказуемому финалу. Мир, каким мы, наши родители, наши дедушки и бабушки его знали, и в самом деле приходит к концу.

Он полагает, что “известный нам мир” сложился примерно 500 лет назад в Западной Европе и достиг своего апогея в Соединённых Штатах Америки. Он охарактеризовался специфическим феноменом, так называемым “капитализмом” или “рыночной экономикой”. Валлерстайн отклонил идею “неизбежного прогресса” и заявил, что подобный феномен... являлся случайным и отрицательным процессом, абберацией в истории человечества... Капитализм – это болезнь, и её надо уметь остановить, пока она не уничтожила организм общества» (конец цитаты, выдел. мною. – С. А.).

Кстати замечу, что последний вывод о гибельности «капитализма» или «рыночной экономики», порождённых исторически Западом и превратившихся в систему глобального империализма строя мировой финансовой капиталократии во главе с США, для общества и в целом для человечества, который прозвучал в монографии И. Валлерстайна «Конец (известного нам) Света», в определенном смысле повторил предупреждение о гибельности стратегий Запада – стратегий вестернизации для развития стран мира, которое сформулировал Арнольд Джозеф Тойнби в начале 70-х годов XX века (цитирую по кн. Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1991. 736 с.; с. 597–598):

«Запад способен гальванизовать и разъединять, но ему не дано стабилизировать и объединять... человечество не сможет достичь политического и духовного единства, следуя западным путём. В то же время совершенно очевидна насущная необходимость объединяться, ибо в наши дни единственная альтернатива миру – самоуничтожение, к чему подталкивают человечество гонка ядерных вооружений, невосполнимое истощение природных ресурсов, загрязнение окружающей среды и демографический взрыв.

...западные и вестернизированные страны прямо следуют катастрофическим путём, словно зашоренные, не прилагая даже малейших усилий, чтобы спасти себя и человечество от неизбежного краха в конце пути» (конец цитаты, выдел. мною. – С. А.).

И список этих предупреждений, указывающих на катастрофичность переживаемой эпохи, с одновременным устремлением «хозяев денег» к власти над миром и его ресурсами огромен.

2. Есть одно важное качество переживаемой нами эпохи – это Эпоха Великого Эволюционного Перелома

Но есть одно важное качество переживаемой эпохи, открытие которого принадлежит мне.

Переживаемая человечеством Эпоха есть Эпоха Великого Эволюционного Перелома, и соответственно – Ноосферная революция в основаниях и смыслах бытия, в призвании Человека и его Разума, масштаб и глубина которой намного превышает масштаб и глубину Неолитической революции (10–12 тысяч лет назад), запустившей социальную (стихийную по своим движущим механизмам) историю человечества, которую мы изучаем по учебникам истории и которую К. Маркс определил как «предысторию», противопоставляя её «подлинной истории», которую он связывал с коммунизмом.

«Стартом» для этой Эпохи Великого Эволюционного Перелома стал переход глобального экологического кризиса на рубеже 80–90-х годов XX века, в моей оценке, которую я впервые обосновал в 1990 году в книге «Опережающее развитие человека, качества общественных педагогических систем, качества общественного интеллекта – социалистический императив» (М., 1990. 86 с.) и затем развил в целую теоретическую систему в серии своих работ по «Ноосферизму», в первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы, процессы которой стремительно развиваются, – и являются процессом Экологического Отрицания рынка, частной капиталистической собственности и в целом – капитализма, а вернее (и здесь Ленин был прав, охарактеризовав в своей книге «Империализм как высшая стадия капитализма» в 1916 году капитализм как «империализм», в котором ярко проявились, как его свойства, – колониализм и устремление финансового капитала как власти к господству над миром, над развивающимися странами) – империализма в его глобальном воплощении (как глобального империализма; в 2009 году я раскрытию феноменов «капиталократия» и «глобальный империализм» посвятил книгу «Капиталократия и глобальный империализм» объёмом 572 с.).

Здесь определение коммунизма К. Марксом в его «Философско-экономических рукописях», очень редко цитируемое, – «коммунизм есть положительное упразднение частной собственности... и в силу этого как подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека... есть действительное разрешение противоречия между человеком и природой» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 116) – приобретает своеобразное подтверждение именно как императив спасения человечества от экологической гибели, когда «противоречие между человеком и природой», разрешение которого К. Маркс указал как на миссию коммунизма, достигло планетарного масштаба и превратилось в экологическое упразднение всей рыночно-капиталистической системы на Земле, а возможно, и человечества, если оно не сможет освободиться от объятий этого «экологического трупа». Мною в 2023 году была опубликована монография «Природа против Капитала и Рынка (или Конец “беременности” Природы Человеком и “роды” ноосферной истории)», в которой я показал, что Природа уже «подписала Экологический Приговор» строю мировой финансовой капиталократии, в целом всей «логике» развития по рыночно-капиталистической доктрине Запада.

Знаменитый советский философ, академик АН СССР Виктор Григорьевич Афанасьев в сборнике научных трудов АН СССР «Кибернетика и ноосфера» писал ещё в 1986 году («Кибернетика и ноосфера», 1986. 160 с.; с. 17, 18, 19):

«Воздействие общества на природу огромно. Это воздействие принимает всё большие масштабы. Однако оно не безгранично и далеко не безопасно для общества. Ещё столетие назад Ф. Энгельс отмечал, что не следует слишком обольщаться нашими победами над природой, ибо за каждую такую победу она нам мстит.

<...> К. Маркс характеризовал природную среду как неорганическое тело человека, с которым он должен оставаться в процессе необходимого общения, чтобы не умереть. Человек должен заботиться о её сохранении и воспроизведении. Он не волен нарушать законы природы. Он призван действовать в соответствии с этими закономерностями, в рамках диктуемого ими равновесия природы.

<...> Кажется, что природа уже печалится, уже считает себя беззащитной перед лицом могучего, неотвратимого натиска человека, общества.

<...> Но так только кажется. **Природа безмолвна, но не безразлична к человеческой деятельности, а реагирует на него своими собственными средствами.** И чем настойчивее, шире, глубже становится воздействие общества на природу, тем отчётливее, тем злее, если можно так сказать, она отвечает на эти воздействия. Она мстит человеку, если человек преобразует её, не руководствуясь законами природы и общества. <...> Она... грозит обществу лишить его всего, без чего социальная жизнь невозможна, – сырья, энергии, пищи.

<...> **Как можно говорить о гармонии общества и природы в обществе частного предпринимательства, где каждый кусок природы именно его, собственника, владение**» (конец цитаты, выдел. мною. – С. А.).

С этой тревожной мыслью В. Г. Афанасьева перекликается вывод в Докладе для Мирового Банка (Нью-Йорк), изданном в 1991 году под редакцией экономистов-экологов Роберта Гуденда, Германа Дейли и Салеха Эль-Серафи (цитирую по книге: Зубаков В. А. Эндоекологическое отравление и эволюция: стратегия выживания. М., 2002. 86 с.; с. 9): «...в условиях уже заполненной земной экологической ниши рыночный механизм развития экономики исчерпал себя» (конец цитаты, выдел. мною. – С. А.).

Развитием этого приговора стало положение «Хартии Земли» (2000) (цитирую по упомянутой книге В. А. Зубакова, с. 13):

«Доминирующие модели производства и потребления (моё замечание: а эти доминирующие модели и есть «капитализм» или «рыночная экономика», которые И. Валлерстайн назвал «болезнью», разрушающей общество) вызывают опустошение окружающей среды, истощение ресурсов и массовое вымирание видов... разрыв между богатыми и бедными растёт... основы глобальной безопасности под угрозой» (выдел. мною. – С. А.).

Недавно брянские учёные Э. С. Демиденко и Е. А. Дергачёва опубликовали монографию с названием, в котором звучит приговор всей системе капитализма, – «Буржуазно-техническое уничтожение биосферной жизни и земного мира: Междисциплинарное исследование» (М., 2023. 276 с.).

В ней профессора, доктора философских наук Эдуард Семёнович Демиденко и Елена Александровна Дергачёва подчёркивают, что главную ответственность за нанесение экологического ущерба Биосфере и «земному миру» несут США и Европа – «метрополия», в моей оценке, системы глобального империализма и экономического колониализма строя мировой финансовой капиталократии.

Они отмечают (с. 75, 76):

«Ведущие учёные мира подсчитали, что самую высокую ответственность за большую часть глобального экологического ущерба, вызванного чрезмерным использованием природы, несут США и Европа. Это нашло отражение в докладе, в котором впервые представлен анализ, кто из 160 стран в мире нанёс наибольший урон природной среде за последние 50 лет (1970–2020). Ведущим автором доклада стал профессор Джейсон Хикель из Института экологических наук и технологий (ICTA-UAB) Барселоны, назвавший эти результаты “драматичными и тревожными”. Главным виновником были названы США, на долю которых приходится 27 % используемых материалов, а следом идут страны ЕС, включая и Великобританию, – 25 %. Такие богатые страны, как Австралия, Канада, Япония и Саудовская Аравия, несут коллективную ответственность ещё за 22 %.

В этом отношении можно сравнить США с Китаем как крупнейшие экономические страны. Первая с населением 332 млн человек использовала 27 % природных ресурсов, тогда как вторая с населением 1,4 млрд – 15 %, что говорит о гуманном отношении её к биосферной природе, оцениваемом показателем 8:1 в пользу Китая. **Сравнительный показатель наглядно отражает бандитское отношение элитных слоёв США к природно-биосферным мировым ресурсам, хотя союзники США ненамного отстают от них.** Россия, Индия и Бразилия, составлявшие в совокупности 1,5 млрд человек населения планеты, ответственны за утрату 11 % биоресурсов за этот период. “Мы все были потрясены масштабом вклада стран с высокими уровнями дохода в чрезмерное использование ресурсов, – заявил Джейсон Хикель The Guardian. – Мы не ожидали, что он будет таким высоким...”

<...> Дж. Хикель... отмечает, что... богатым странам, таким как Великобритания и США, нужно уже “перестать использовать показатель роста ВВП в качестве основной цели развития и вместо этого формировать свою экономику вокруг поддержки благосостояния людей и сокращения неравенства”, что это действительно назрело (ссылка на работу: Идрисов Т. США и Европа несут ответственность за большую часть глобального экологического ущерба // «Маленькая земля»: экологическая организация. 08.04.2022) (конец цитаты, выдел. мною. – С. А.).

Почему XX век стал веком вхождения системы рыночно-капиталистического взаимодействия Человечества с Природой в глобальный экологический кризис? Большой Энергетический Взрыв и Закон Интеллектно-Информационно- Энергетического баланса

Возвращаясь к своему тезису. Вход человечества на рубеже 80–90-х годов в первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы означает собой, что рыночно-капиталистический путь развития «земного мира», во главе которого находятся США и Европа – «центр глобального империализма», который мы называем «Запад», превратился в процесс экологического самоуничтожения (о чём по-своему предупредил полвека назад А. Дж. Тойнби). И спасти человечество может только Социализм, именно как Управляемая история («подлинная история» по К. Марксу), противостоящая Стихийной парадигме истории, в последние столетия рыночно-капиталистической истории, – но теперь Социализм нового качества, как Ноосферный Экологический Духовный Социализм, обеспечивающий, теперь уже в Эпоху Великого Эволюционного Перелома, научное управление социоприродной, или Социо-Биосферной, эволюцией.

Никто в мировой науке не задал вопроса: «Почему именно в XX веке – единственном веке из 100–120 веков после Неолитической революции – разразился глобальный экологический кризис, который к концу этого века перешёл в катастрофическую фазу своего развития – первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы?»

Мой ответ состоит в следующем теоретическом положении, входящем в разработанный мною теоретический комплекс Ноосферизма (Субетто А. И. Ноосферизм. Т. 1. Введение в ноосферизм. СПб., 2001. 537 с.), – в XX веке благодаря научно-технической революции произошёл скачок в энергетической мощи в воздействии мирового хозяйства (мировой экономики) на живое вещество и гомеостатические механизмы Биосферы и планеты Земля на несколько порядков, в среднем (по моим расчётам) в 10 млн раз.

Этот «энергетический скачок» я назвал в «Ноосферизме» (2001) «Большим Энергетическим Взрывом в социальной эволюции», или «Энергетической революцией XX века». Большой Энергетический Взрыв проявил несовместимость «большой энергетики», лежащей в основе антропогенного, а вернее – рыночно-капиталистического давления на Природу – Биосферу и планету Земля, и стихийных регуляторов развития: частной капиталистической собственности, рынка, в целом «капитализма» как такового.

За этой «несовместимостью» скрывается «заработавший» особый закон, который я назвал **Законом интеллектно-информационно-энергетического баланса**, который формулируется мною так:

- чем больше по энергетической мощи воздействие со стороны хозяйства (экономики) социальной системы (общества, человечества) на живое вещество и гомеостатические механизмы Биосферы и планеты Земля, тем с большим лагом упреждения должно быть обеспечено со стороны «Разума этой системы» прогнозирование возможных негативных экологических последствий от такого воздействия, – и с не меньшим лагом упреждения должно быть обеспечено научное управление всей Социо-Биосферной (социоприродной), т. е. Ноосферной, эволюцией.

Ещё раз повторю, что родовым признаком Социализма является то, что он собою олицетворяет управляемую историю. Именно поэтому спасение человечества от экологической гибели в XXI веке требует от всех стран мира, и человечества в целом, в соответствии с начавшим в Эпоху Великого Эволюционного Перелома действовать Законом Интеллектно-Информационно-Энергетического Баланса, перехода к Ноосферному Экологическому Духовному Социализму, или к Ноосферизму, олицетворяющему собой научно-управляемую историю

в расширенном, ноосферном, содержании, как, ещё раз повторяю, научно-управляемую социо-природную эволюцию.

Великая Русская Социалистическая Революция (так я предложил называть Великую Октябрьскую социалистическую революцию; кстати, и В. И. Ленин, и И. В. Сталин неоднократно называли эту революцию «русской революцией») возвестила собой весть о переходе всего мира от Стихийной, рыночно-капиталистической или империалистической в последние столетия, истории к Истории Управляемой, которая была реализована историей СССР в XX веке.

Но теперь, выступив против Капитала и Рынка, процессами первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, на сторону Социализма, в соответствии с требованиями Закона Интеллектно-Информационно-Энергетического Баланса, встала Природа, т. е. Биосфера и планета Земля как «суперорганизмы», имеющие собственные гомеостатические механизмы, «реакция» которых на «рыночно-капиталистическое давление» и породила глобальный экологический кризис, а затем – первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы.

Это новая ситуация, необычная даже для сложившихся традиционных общественных наук. На арену Истории вышла Большая Логика Социоприродной Эволюции, основанием которой является уровень энергетической мощи хозяйственного взаимодействия человечества с Природой. До XX века история человечества состоялась как Малоэнергетическая Стихийная история под своеобразным «защитным зонтиком» производства негэнтропии (организованности) живыми системами, входящими в Биосферу (в соответствии с «законами Э. Бауэра – В. И. Вернадского»; впервые на них указал в своих работах В. П. Казначеев).

XX век – как век энергетической революции – предстаёт как «Высокоэнергетическая Стихийная история», которая быстро «упёрлась» в своём развитии в пределы компенсаторных мощностей Биосферы (обеспечиваемых этим производством негэнтропии). Слова К. Маркса, высказанные в одной из глав «Капитала», – культура, которая развивается стихийно, т. е. производя энтропию в окружающей среде, оставляет после себя «пустыню» – приобрели эколого-планетарный масштаб, превратились в Экологическое Отрицание всей сложившейся стихийной парадигмы истории человечества (которую пытался открыто защищать З. Бжезинский, видя большую опасность для Запада в установке Компартии в СССР на плановое управление развитием экономики, которой восхитился Анри Барбюс в начале 30-х годов, после посещения им СССР, в книге «Сталин», назвав советскую плановую экономику «управляемой экономикой»; кстати, в беседе с ним Сталин сказал, что это было бы чудом, если бы это не был социализм).

И миссия Эпохи Великого Эволюционного Перелома – смена парадигм истории, переход от Стихийной парадигмы к Управленческой парадигме, да ещё с возвращением истории человечества в «лоно» биосферной эволюции, т. е. с её превращением в «ноосферную эволюцию», которая и есть научно-управляемая Социо-Биосферная эволюция.

Эпоха Великого Эволюционного Перелома как «Роды Действительного Разума» человечества

Ещё раз обращаю внимание на то, что **Эпоха Великого Эволюционного Перелома есть Революция в механизмах развития человечества и в его взаимодействии с Природой таких масштаба и глубины, с которой оно сталкивается впервые не только за всё время социальной истории (после Неолитической революции), но и за всё время антропной эволюции** (по разным оценкам, от 5 до 7 млн лет антропогенеза, как продолжение эволюции живых систем на Земле). **Я эту революцию в своих работах назвал Ноосферной революцией.**

История России и затем СССР, «Эпоха Русского Возрождения» («Эпоха Русского Возрождения», которая длится более 300 лет начиная с деятельности Петра Великого и М. В. Ломоносова и которая выступает антиподом «Эпохе Возрождения в Европе», породившей капитализм, империализм и колониализм, имевшей антро-эгоцентричную и либеральную устремлённость, и с самого начала имела ноосферно-космический вектор своей устремлённости, – я посвятил в 2008 году монографию «Эпоха Русского Возрождения (Титаны Русского Возрождения) – I» объёмом 500 с., а в 2025 году книгу – научный доклад «300 лет истории русской общественной мысли как Эпоха Русского Возрождения» объёмом 92 с.) **породили целое научно-образовательное движение «Русский Космизм»,**

вершиной развития которого стали и космические творческие прорывы К. Э. Циолковского, А. Л. Чижевского, С. П. Королёва и многих других учёных, конструкторов и мыслителей, воплотившиеся в советской космонавтике, в полёте Ю. А. Гагарина 12 апреля 1961 года на советском космическом аппарате вокруг Земли, и учение о грядущем переходе Биосферы в Ноосферу как закономерности глобальной эволюции Биосферы, связанной с появлением Человеческого разума в Биосфере («Науки как планетного явления»), В. И. Вернадского.

Приведу некоторые высказывания Владимира Ивановича из его капитальных научных работ «Философские мысли натуралиста» (1988) и «Научная мысль как планетное явление» (1991).

Вот его некоторые высказывания из «Философских мыслей натуралиста» (М., 1988. С. 46, 50):

• **«Мне кажется, начавшееся создание ноосферы человеческой мыслью с трудом меняет всю обстановку его истории, не позволяет просто сравнивать прошлое с настоящим, как это было допустимо раньше»** (с. 46);

• «...никогда [ранее] в истории человечества интересы и благо всех, а не отдельных лиц или групп не ставились реальной государственной задачей. [И только теперь] народные массы получают всё растущую возможность сознательно влиять на ход государственных и общественных дел...;

• ...Впервые ставится [задача] проникновения научного знания во всё человечество;

• **«...Перед учёными стоят для ближайшего будущего небывалые для них задачи сознательного направления организованности ноосферы...»** (конец цитаты. – С. А.).

В «Научной мысли как планетном явлении» В. И. Вернадский заострял внимание на следующих моментах ожидаемого ноосферного переворота в логике движения истории человечества (М., 1991. С. 32, 35, 37):

• «Всемирная история человечества переживалась и представлялась для значительной части людей, а местами и временами для большинства, полной страданий, зла, убийств, голода и нищеты, являлась неразрешимой загадкой с человеческой точки зрения разумности и добра...

Все эти представления – при всей их далёкости иногда от точного научного знания – являются могучим социальным фактором на протяжении тысячелетий, резко отражающимся на процессе эволюции биосферы в ноосферу»;

• «...в конце плиоцена выявился в условиях, приближенных к суровым ледниковым, в биосфере новый организм, обладавший исключительной центральной нервной системой, которая привела в конце концов к созданию разума, и сейчас проявляется в переходе биосферы в ноосферу»;

• **«Биосфера XX столетия превращается в ноосферу, создаваемую прежде всего ростом науки, научного понимания и основанного на ней социального труда человечества»;**

• **«Взрыв научного творчества происходит и частью, в определённой мере, создаёт переход биосферы в ноосферу. Но, помимо этого, сам человек и в его индивидуальном, и в его социальном проявлении теснейшим образом материально-энергетически связан с биосферой, эта связь никогда не прерывается...»** (конец цитирования, выдел. мною. – С. А.).

Владимир Иванович Вернадский, создавая своё учение о переходе Биосферы в Ноосферу, не мог даже предполагать, что «взрыв научного творчества», который, в моей оценке по результатам моих исследований в 90-х годах XX века и в 0-х годах XXI века, породил «Большой Энергетический Взрыв» в социальной эволюции и который, в свою очередь, в единстве со сложившимися стихийными регуляторами развития вызовет глобальный экологический кризис, а на рубеже XX и XXI веков – первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы.

Развитие учения о переходе Биосферы в Ноосферу в Эпоху Великого Эволюционного Перелома, с опорой на достижения Русской Ноосферной Научной Школы (В. И. Вернадский, Б. Л. Личков, И. А. Ефремов, В. А. Ковда, А. Л. Яншин, Н. Н. Моисеев, В. П. Казначеев, А. Д. Урсул, Н. Ф. Реймерс, А. А. Яшин, В. И. Патрушев, В. Н. Бобков, В. Ю. Татур, В. И. Оноприенко, В. В. Семикин, Г. М. Иманов, В. Н. Василенко, В. В. Чекмарев, Е. М. Лысенко, О. А. Рагимова, Е. Е. Морозова, А. Ж. Овчинникова, А. М. Пищик, В. Т. Пуляев, Ю. М. Осипов и многие другие), – переросло, по моим взглядам, в огромный теоретический комплекс (в меганауку), который я определил как Ноосферизм и важной частью которого является учение о Ноосферном Экологическом Духовном Социализме (кстати, определённое предвидение имеется у И. А. Ефремова в романе «Час быка», в котором в скрытом виде присутствует императив перехода человечества к «ноосферному коммунизму» как главному основанию его превращения в космическую цивилизацию).

Чем вызвано появление Ноосферизма как развития учения о ноосфере В. И. Вернадского в Эпоху Великого Эволюционного Перелома?

– Если учение о переходе Биосферы в Ноосферу В. И. Вернадский разрабатывал в 30–40-х годах (до ухода из жизни в январе 1945 года) в форме научного обобщения, в основном на «поле» наук, относящихся к естествознанию, в первую очередь в развитие своего учения о Биосфере и живом веществе, то в **Эпоху Великого Эволюционного Перелома, в соответствии с сформулированным мною Законом интеллектно-информационно-энергетического баланса, переход Биосферы в Ноосферу трансформировался в императив выживания человечества на Земле, причём именно как императив его, как Разума, перехода к научному управлению Социо-Биосферной Эволюции.**

Ноосфера получает новое содержание, а именно, как такое новое качество единства Биосферы и Человечества, в котором коллективный Разум Человечества приобретает статус «Разум-для-Биосферы», или «Биосферного Разума», управляющего (на базе ноосферогенетического синтеза всех наук) всей Социо-Биосферной эволюцией (с соблюдением требований законов и ограничений, диктуемых гомеостатическими механизмами Биосферы и планеты Земля, в целом – законов Природы и Общества).

Тезис В. И. Вернадского о «стоящих перед учёными небывалых для них задачах» по «сознательному направлению организованности ноосферы» в «Ноосферизме» приобретает качественно новое развитие – как переход человечества к научному управлению Социо-Биосферной или социоприродной эволюцией, **что требует, в свою очередь, ноосферно-направленного синтеза науки и власти (этому я посвятил книгу в 2016 году «Грядущий синтез науки и власти»)**, перехода общества в статус **научно-образовательного общества, реализующего закон устойчивости социализма – закон опережающего развития качества человека, качества общественного интеллекта и качества образования в обществе** (как базовое условие реализации управления развитием общества, и тем более – научного управления социоприродной эволюцией).

Кстати, впервые концепция этого закона мною была представлена в СССР в 1990 году в монографии, которую я написал, оппонируя «хвостистой» логике «перестройки советского социализма», по М. С. Горбачёву, – **«Опережающее развитие человека, качества общественных педагогических систем и качества общественного интеллекта – социалистический императив»** (М., 1990. 88 с.).

В этой монографии, 35 лет назад, я впервые указал **на императив экологического выживания человечества на Земле, возникшего под воздействием процессов первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, как на синтез ноосферного и социалистического императивов.**

Я писал в упомянутой монографии, опираясь на письмо Б. Л. Личкова В. И. Вернадскому от 15 января 1943 года (с. 72, 73, 77):

«Б. Л. Личков в письме В. И. Вернадскому от 15 января 1943 года подчёркивал высокую значимость учения о ноосфере, одновременно отмечает наличие “очень и очень неразумного”, таящегося в ходе развития антропосферы. При этом он возвращается мыслью к императиву (хотя он это так не называет), который мы назвали социалистическим императивом: **ноосфера создаётся “в полной мере лишь тогда, когда человеческая история будет исправляться силами разума** (моё замечание: историческая проективность. – С. А.) **непосредственно и ход её будет определяться разумными факторами, а не непосредственно грубой силой, часто физической, на основе стихийно-неразумных низших сторон природы человека.** Два момента, следовательно, являются предпосылками замены антропосферы ноосферой: господство человека над внешней природой и господство в самом человеке и в человеческом обществе сил разума над низшими инстинктами” (Переписка Вернадского с Личковым, 1940–1944 гг. М.: Наука, 1980. С. 123, 124). **Здесь господство человека над природой означает не внешнее, грубое господство, которое оборачивается рабством и ведёт к экологической смерти, – а означает господство через подчинение природе и управление ноосферным развитием на основе знания законов развития природы (биосферы) и собственной природы.** Таким образом, закон опережающего развития качества человека, качества педагогических систем и качества общественного интеллекта имеет общегуманную природу, определяя условия поступательного разрешения фундаментального противоречия человека и, соответственно, условия ноосферогенеза. **Так, социалистический императив сливается воедино с ноосферным императивом, и в этом проявляются общегуманные истоки учения о социализме...**

...Понятие прогресса (социального и научно-технического) приобретает истинное содержание только в единстве с эколого-гуманитарными границами развития, с категориями “добра” и “зла”, которые в современных условиях приобретают не только социально-экономическую масштабность, но и масштабность экологическую, биосферную, ноосферную, космическую. **Выживаемость общества, выживаемость человечества становятся критериальной функцией социалистической нравственности, через которую преломляется синтетичность современного этапа развития культуры, когда ответственность человека за будущее, за принимаемые решения является не только ответственностью за себя и за своих потомков, за своё общество, за всё человечество, но и ответственность за всю природу, – за Землю, за Космос. Энергетическая мощь общественного человека, делая его “космиургом” в выражении Н. А. Бердяева, т. е. творцом будущего “космоса”, одновременно как бы расширяет “смысловые рамки” выживаемости, в которой преломляется глубокий синтез человеческого, природного и космического, – границы ответственности человека за всё живое и существующее» (конец цитаты, выдел. мною. – С. А.).**

Я процитировал обширный отрывок из своей книги, опубликованной 35 лет назад, только для того, чтобы показать, что Эпоха, которую мы переживаем и которую я назвал Эпохой Великого Эволюционного Перелома, есть **«Роды» в лице Человека и Человечества в целом именно – Действительного и Человека, и Разума, действительного в том смысле, что он, человек, выходя на стратегию выхода из Экологического Тупика Стихийной Истории, поднимается на «небывальную высоту» в своём разуме, научном познании себя и мира, в своей ответственности, и значит, в своём духовно-нравственном самоопределении, в своих ценностях «Правды», «Любви», «Добра», «Справедливости», которая (высота) позволяет ему, ещё раз повторю главное кредо Ноосферизма, научно управлять самым «сложным объектом», с которым он сталкивается как «управляющий разум» впервые, – Социо-Биосферной эволюцией, спасая и себя, и Природу на Земле от экологической гибели.**

А эта стратегия «спасения человечества и Биосферы» от экологической гибели в XXI веке требует от человечества разума и воли, чтобы сбросить с себя эту смертельную ношу – рыночно-капиталистическую систему, ставшую системой экологического самоуничтожения, и совершить спасительный Ноосферный Прорыв, который уже «созрел» как Ноосферный Прорыв из «России XXI века». Почему? – Потому что этот Ноосферный Прорыв означает собой переход от доминирования Закона Конкуренции и Рынка к доминированию Закона Кооперации и Планирования, который и был миссией Великой Русской Социалистической Революции и всей истории СССР, т. е. Социалистического Прорыва из России в XX веке, и который становится в более расширенном, ноосферном «измерении» миссии социализма Ноосферным Прорывом в XXI веке из России (как цивилизации, которая из-за «холодного климата» и высокой энергетической стоимости своего воспроизводства всегда развивалась при доминанте Закона Кооперации).

* * *

...Возглавить, я ещё раз повторю это теоретическое положение, входящее в «Ноосферизм», Ноосферный Прорыв человечества в XXI века призвана Россия. Именно – Россия! И все проблемы будущего для «цифрового прогресса», для развития технологий, связанных с «искусственным интеллектом», получают своё адекватное решение, кстати, способствующее «Родам» Действительного (Ноосферного) Разума и Действительного (Ноосферного) Человека, только в «пространстве» становления Ноосферного Экологического Духовного Социализма, научно-образовательного общества, и значит – в логике становления «Ноосферизма как нового пути развития» (под названием «Ноосферизм – новый путь развития» вышли две коллективные монографии в 2017 и 2022 годах).

В совместной с В. В. Лукояновым нашей книге «Диалоги: Ноосферизм – Будущее Человечества» в «Диалоге третьем: Ноосферизм – доктрина экологического спасения человечества», отвечая на один из вопросов моего собеседника, задававшего мне вопросы, я ответил так (и на этом я закончу расширенное изложение своего доклада) (Субетто А. И., Лукоянов В. В. Диалоги: Ноосферизм – Будущее Человечества. СПб., 2020. 183 с., с. 54, 55, 57):

«...Эпоха Великого Эволюционного Перелома – это ноосферная “мегареволюция”, включающая в себя “Роды Действительного Разума” (а “Действительным Разумом” может быть только «Ноосферный Разум») и соответственно “Роды Действительного Человека”, что одновременно может трактоваться и как “Роды Ноосферного Человечества”».

Беседа журналиста Джихан Фтуни (Pravda TV) с российско-ливанским мыслителем, доктором Сухейлем Фарахом

ЧЕЛОВЕК И ДУХОВНОСТЬ ВО ВРЕМЕНА ХАОСА И ПЕРЕМЕН. ЦЕЛОСТНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД

В эпоху стремительных политических и социальных перемен, когда хаос и напряжение в мире только растут, разговор о человеке, духовности и морали становится насущной необходимостью.

Это не просто попытка осмыслить реальность – это поиск внутреннего смысла жизни и человеческого равновесия.

Мыслитель **Сухейль Фарах**, которого считают одним из крупнейших философов современности в области гуманитарной и научной мысли, раскрывает перед нами целостное видение природы человека – его четырёх измерений и их связи с познанием, мудростью и духовным балансом.

В беседе с журналистом **Джихан Фтуни** доктор Фарах задаёт вопрос, который в наши дни звучит особенно остро: **Как человек, живущий в мире насилия, экстремизма и конфликтов, может сохранить внутреннее равновесие и вести осознанную, духовно зрелую жизнь – вдали от фанатизма, узких идентичностей и предвзятости, породивших миллионы страданий на Ближнем Востоке и за его пределами?**

Четыре измерения человека

Доктор Фарах рассматривает человека как существо, состоящее из четырёх взаимосвязанных измерений.

Биологическое – основа материальной стороны жизни: питание, здоровье, продолжение рода, физическое существование.

Психологическое – внутренний мир человека, где сталкиваются эмоции и желания, тревога и покой, стремление к принадлежности и жажда свободы. Именно это измерение формирует поведение и характер человека.

Интеллектуальное – способность мыслить, анализировать, понимать и применять знания. Разум помогает постигать мир, но без духовности становится сухим, ограниченным, лишённым глубины.

Духовное – наивысшее измерение, соединяющее человека с высшим смыслом и Вселенной. Духовность помогает преодолеть эго, обрести сострадание и мудрость, увидеть в жизни не только материальное, но и вечное.

Профессор Фарах подчёркивает: нарушение баланса между этими четырьмя измерениями разрушает личность.

- Когда доминирует биология, человек становится материалистом.
- Когда преобладает психология, он теряет устойчивость.
- Когда живёт только разумом, превращается в холодное существо.
- Когда отсутствует духовность, теряет способность к мудрости и прощению.

Умеренность и баланс – философия гармоничного человека

Философия умеренности, по мнению Фараха, – ключ к внутренней целостности.

Она не означает безразличия или нейтралитета – это осознанный выбор мудрости и внутренней дисциплины.

Человек, практикующий умеренность, не впадает в крайности – ни в чувствах, ни в мыслях, ни в вере. Он сохраняет ясность, внутренний покой и способность понимать других.

«Умеренность не измеряется тем, что человек делает для себя, – говорит Фарах, – а тем, насколько он способен положительно влиять на других и преодолевать религиозные, культурные и племенные барьеры».

Убийственные идентичности и корни фанатизма

Размышляя о причинах конфликтов, доктор Фарах ссылается на ливанского писателя **Амина Малуфа**, автора книги *«Убийственные идентичности»*.

По его словам, закрытые идентичности – религиозные, этнические, сектантские или культурные – становятся питательной средой для ненависти и изоляции.

«Каждая группа хранит в своей памяти войны и конфликты, подпитывая враждебность к “другому”. Чтобы разорвать этот круг, нужно изменить сознание человека – научить его сочетать индивидуальную и общечеловеческую идентичность».

Фарах также цитирует французского философа **Гастона Башляра**, сказавшего: «Научное знание – это непрерывное разрушение иллюзий».

Именно так человек освобождается от заблуждений, порождённых историей, идеологиями и фанатизмом.

Достоевский: между светом и тьмой

Фёдор Достоевский, как отмечает Фарах, – пример гения, в котором боролись противоположности.

Он стремился к духовному покою, уединяясь в монастырях, но не находил полного утешения. Возможно, потому что монахи живут в изоляции от цивилизационных тревог – в мире, где нет борьбы за власть, имущество и влияние.

Истинная мудрость, – подчёркивает Фарах, – рождается из баланса между теплом сердца и зрелостью ума, между личным и всеобщим, между стремлением к успеху и осознанием вечности.

Ближний Восток: перекрёсток цивилизаций

Ближний Восток – регион, где пересеклись Вавилон, Египет, Финикия, Греция, Рим, арабская и исламская культуры.

Каждая оставила след в душе народов, создав не только богатое наследие, но и вечную борьбу за ресурсы, власть и идентичность.

Понять человека здесь, по мнению Фараха, невозможно без изучения его психологии, религии, культуры и способности соединить разум с духом.

Человек и духовность во времена кризиса

Современные кризисы – гуманитарные, политические, религиозные – обнажают необходимость нового гуманистического мышления.

Фарах подчёркивает, что духовность – это не бегство от реальности, а способность мудро с ней взаимодействовать.

«Духовный человек не поддаётся гневу и фанатизму, – говорит он, – он сохраняет справедливость, терпение и понимание даже в тяжёлых обстоятельствах».

К целостному и устойчивому человеческому сознанию

Истинный человек, по Фараху, – это тот, кто достигает внутреннего равновесия, преодолевает узкие идентичности и возвращает себе человечность.

Осознанность начинается изнутри – с понимания себя, других и умения применять разум и дух в повседневной жизни.

Такой человек способен построить сплочённое, толерантное и процветающее общество, преодолевающее конфликты и достигающее внутреннего и внешнего мира.

Итоги интервью с доктором Сухейлем Фарахом

- Человек состоит из четырёх взаимосвязанных измерений: биологического, психологического, интеллектуального и духовного.
- Нарушение этого баланса приводит к внутреннему и социальному кризису.
- Умеренность – основа гармонии и справедливости.
- Закрытые идентичности – источник фанатизма и конфликтов.
- Достоевский – символ борьбы человека между светом и тьмой.
- Ближний Восток – зеркало духовных испытаний человечества.
- Духовность – не бегство от жизни, а путь к её осмыслению.
- Осознанность рождается из внутреннего самопознания.
- Уравновешенный человек способен строить мирное и справедливое общество.
- Во времена хаоса мудрость и умеренность – ключи к состраданию и свету.

Бейрут – Москва, 19.09.2025 г.

Валерий Иванов-Таганский

Валерий Иванов-Таганский – писатель, драматург. Окончил Щукинское театральное училище, Литературный институт им. М. А. Горького и ГИТИС. С 1966 по 1977 год работал ведущим артистом Московского театра на Таганке, заслуженный артист Российской Федерации.

Академик, первый вице-президент Петровской академии наук и искусств. Многолетний ведущий передачи «Искатели» на Первом канале. По роману автора «Семя отечества» снят многосерийный фильм «Репортёры», член Союза писателей России, лауреат Международной премии по литературе «Имперская культура»

ЭХО ПЛАЧУЩЕЙ ЗЕМЛИ

Отрывок из романа

Вступительное слово Натальи Дутко

Роман о раненой земле и исцеляющей дружбе

Иванов-Таганский – это голос современной России, голос, в котором слышны гул бронетранспортёров и тихий шёпот «плачущей земли». Его имя сегодня известно каждому, кто стремится не просто читать книги, а чувствовать нерв времени, биение пульса страны на одном из самых сложных витков её истории. Он не просто писатель, он – диагност и летописец эпохи, бесстрашно берущийся за самые болезненные и «неудобные» темы: синдром «возвращенца» с фронта, раскол в обществе, борьбу «маленького человека» с системой и новыми варягами, кризис идентичности. Его роман «Эхо плачущей земли» – это и есть та самая «злоба дня», переложённая на язык художественных образов, где каждая страница дышит правдой, порой горькой и беспощадной. Если бы нужно было выбрать одного писателя, чьё творчество стало бы зеркалом, отражающим все трещины, язвы и надежды России 2020-х годов, этим писателем, без сомнения, стал бы Валерий Иванов-Таганский. Его проза – это не бегство от реальности в мир вымысла, а, напротив, погружение в самую её гущу, в самый эпицентр социальных и духовных бурь. Он пишет на злобу дня, потому что сам живёт внутри этого дня, чувствуя его боль как свою собственную. В его текстах оживают персонажи, ставшие символами времени: травмированные войной, но не сломленные герои, отчаявшиеся «чудики», ищущие справедливости активисты.

Читая Иванова-Таганского, мы понимаем, что «злоба дня» для него – не просто набор тем, а живая материя, из которой соткана наша общая, полная драматизма и надежды, реальность. Роман Валерия Иванова-Таганского «Эхо плачущей земли» является ярким и многогранным примером развития двух ключевых для русской литературы традиций: «возвращенческой» литературы и прозы о «малой родине». Однако автор не просто следует канонам, а переосмысляет их в контексте современных социально-политических реалий, создавая новый, синтетический художественный сплав. Классическая «возвращенческая» проза (о ветеранах Афганистана, Чечни) обычно фокусировалась на проблеме неприятия и отчуждения героя от мирной жизни, которая кажется ему пресной и не понимающей его боли. А герои Иванова-Таганского не просто пытаются «вписаться» в старую жизнь. Они возвращаются, чтобы создать жизнь новую. Их травма становится не только грузом, но и источником особой правды и ответственности. Они, выдавшие смерть и хаос, теперь становятся созидателями и защитниками. Прохор не просто пьёт – он строит мастерскую и восстанавливает дом. Кирилл и его «мушкетёры» не страдают в одиночку, а организуются для защиты слабых. Это не история одного ветерана, а хроника братства («мушкетёры»). Возвращение и исцеление возможны для них только сообща, через возрождение общинных, почти артельных связей.

Традиционная «деревенская проза» (Астафьев, Распутин) часто была пронизана ностальгией по уходящему патриархальному укладу и элегической скорбью по утраченной гармонии. Для В. А. Иванова-Таганского деревня – это не объект тоски, а актуальное поле битвы. Битвы не с природой или советской властью, а с новыми угрозами: с китайскими фермерами, захватывающими земли; с азербайджанской мафией, ворующей станки; с равнодушным чиновничеством; с «песочными» олигархами, грозящими стране экологической катастрофой ради прибыли.

Таким образом, роман «Эхо плачущей земли» – это не просто «пример» двух традиций, а их мощный синтез. Это история о том, как русский солдат, вернувшийся с большой войны, вынужден начать малую войну за свою землю, и как эта земля, в свою очередь, спасает его душу.

Композиция произведения кольцевая и хроникально-эпизодическая. Роман начинается с появления в деревне Кремнёвка Прохора, «бритого с фронта», и заканчивается активными действиями уже встроившейся в жизнь деревни общины героев. Между этими точками – череда эпизодов «свершений»: застолья, визит бабки Серафимы, спасение Серёги, конфликт с китайцами, борьба за станки и дорогу. Эти эпизоды не просто сменяют друг друга, они наслаиваются, создавая плотную, многомерную картину действительности. Важную композиционную роль играют вставные истории-исповеди (рассказ Прохора о фронте и Лизке, история Игоря Соболева), которые углубляют психологизм и раскрывают травмы персонажей, это не просто физические увечья, а сложные психофизиологические символы, через которые автор показывает глубинные последствия войны и социального распада для современного русского человека. У Прохора есть физическая травма – усыхающая, плохо зажившая рука с красными прожилками, но есть и «эхо в голове» – посттравматическое стрессовое расстройство, проявляющееся как постоянный звуковой фон, напоминающий о взрывах, и эмоциональная отчуждённость («словно каменный стал»).

Что этим показывает автор? Невидимую войну: война для Прохора не закончилась. Она продолжается внутри его тела и психики. Его рука – это внешнее, видимое свидетельство, а «эхо» – внутреннее, невидимое, но постоянное. Автор показывает, что настоящие раны часто скрыты от глаз. Автор метафорически изображает, как война калечит самую основу жизни – способность к любви, продолжению рода, нежности. Он может действовать героически (спасать Серёгу), но не может проявить мягкость. Прохор начинает приходить в себя не на сеансах у психолога, а через физический труд, строительство и ответственность за других. Его рука, несмотря на увечье, способна и мотоцикл водить, и станки ремонтировать, и друга из реки тащить. Автор утверждает, что исцеление от травмы лежит в области созидательного действия и общинной пользы.

У Кирилла физическая травма – ампутация обеих ног. Психологическая травма – это осознание своей инвалидности, необходимость пользоваться протезами, ночные кошмары, в которых он «всё ещё воюет». Автор показывает на примере своего героя цену жертвы в её самом буквальном, кровавом выражении. Кирилл – самый тяжело раненный герой, его травма не позволяет забыть о цене войны ни на секунду. Несмотря на физическое увечье, Кирилл остаётся лидером, «богатырём». Его сила теперь – в воле, характере и верности друзьям. Его протезы и берцы становятся символом его стойкости, несломленности духа. Через систему травм героев Валерий Александрович показывает несколько ключевых идей: война – это тотальное явление, которое калечит не только тела, но и души, и продолжается долгие годы после последнего выстрела. Государство и общество часто оказываются не готовы принять и исцелить своих покалеченных защитников, бросая их на произвол судьбы. Исцеление возможно только в общине, через братство, взаимопомощь и общее дело. Травма преодолевается не в одиночку, а вместе. Физическое увечье – не приговор. Дух, воля и верность долгу оказываются сильнее физических ограничений. Герои, даже будучи ранеными, остаются самой дееспособной и морально здоровой силой в обществе, способной на созидание и защиту. Таким образом, травмы в романе – это мощный художественный инструмент, который позволяет Иванову-Таганскому говорить о самых болезненных и актуальных проблемах современной России, возводя частные истории до уровня национального мифа о стойкости, братстве и надежде на возрождение.

Сюжет первой части романа динамичен, насыщен событиями – от бытовых сцен до почти боевых столкновений, что держит читателя в постоянном напряжении. Иванов-Таганский мастерски выстраивает повествование по принципу «нарастающей волны», где периоды относительного затишья и бытовых сцен неизбежно сменяются острыми, часто конфликтными событиями, не давая читателю расслабиться. Это создаёт эффект «перманентного фронта», где жизнь в глухой русской деревне ока-

зывается полной неожиданных угроз и требует от героев постоянной мобилизации. Автор постоянно перемещает фокус внимания, создавая ощущение кипящей, многоплановой жизни, где проблемы приходят со всех сторон.

История начинается с будничного, почти комического алкоголизма Прохора и Серёги. Но очень скоро их пьяные посиделки прерываются визитом бабки Серафимы, которая обрушивает на них не бытовую ругань, а гневный моральный приговор целого поколения. Конфликт из бытового превращается в духовный и идеологический.

Монолог Прохора о его травме и предательстве Лизки – глубоко личная, интимная исповедь. Сразу после этого следует эпизод купания в реке, где Серёга тонет. Напряжение резко переключается с психологического на физическое, жизнеугрожающее. Это уже не драма души, а борьба за жизнь, требующая мгновенной героической реакции.

Кража станков – это локальная криминальная история. Однако расследование (разговор с дагестанским чабаном, визит в кафе «Ласточка») быстро выводит героев на могущественную азербайджанскую мафию, контролирующую целый бизнес-сектор. Масштаб угрозы вырастает от деревенского воришки до организованной преступной группировки.

Конфликт «деурбанистов» с китайскими фермерами из-за участка начинается как хозяйственный спор. Но он мгновенно перерастает в настоящее побоище: поджоги, работающий трактор, угрозы, применение травматического оружия и, наконец, предупредительная очередь из автомата АМБ-17, которую даёт Кирилл. Сцена снимается как штурмовая операция: есть разведка (Семён, идущий на трактор), огневая поддержка (Кирилл) и группа захвата (Прохор и Семён, обезвреживающие Рому).

Автор искусственно чередует эпизоды разного темпа и накала, не давая читателю заскучать. Эпизод-затишье: размеренная посадка малины с Мариной Львовной, душевные разговоры, комичные попытки Серёги понравиться. Эпизод-шторм: ночной приезд «мушкетёров», их пиршество с воспоминаниями о войне и план по возвращению станков. Эпизод-затишье: дружеское застолье с бараниной, философские беседы о «Товариществе “Заря”», зарождающиеся романтические линии. Эпизод-шторм: внезапный приезд полиции, арест Кирилла, напряжённые переговоры и детективная история с пропажей автомата. Такой ритм не позволяет истории «заблачиваться». Читатель постоянно находится в ожидании: что же случится дальше? Каждое следующее событие не отменяет предыдущее, а наслаивается на него, создавая общий клубок проблем, которые героям предстоит распутать. К финалу первой части романа все эти сюжетные линии не разрешены полностью, но герои уже действуют как единая команда, атакуя эти проблемы по всем фронтам одновременно. Это создаёт впечатление, что первая часть – это лишь один большой, насыщенный сегмент из непрекращающейся саги о жизни Кремнёвки, и за последней страницей нас ждут новые события.

Динамичный, насыщенный событиями сюжет служит у Иванова-Таганского не просто для развлечения читателя. Он является художественным отражением самой реальности, которую описывает автор: хаотичной, непредсказуемой, полной скрытых и явных угроз, требующей от человека постоянной готовности к бою. Жизнь в современной России, по мнению писателя, – это не спокойное существование, а перманентное преодоление, где бытовые сцены – лишь короткие передышки между «боевыми столкновениями» за выживание, справедливость и будущее. Именно это и держит читателя в напряжении – ощущение, что он наблюдает не за вымыслом, а за обнажённой правдой жизни, в которой сам является незримым участником.

Использование деталей – одна из сильнейших сторон прозы Иванова-Таганского. Эти, казалось бы, мелкие штрихи не просто украшают текст, а несут огромную смысловую нагрузку, работая на создание атмосферы и раскрытие характеров на уровне подтекста. «Оловянные с синими прожилками глаза» Прохора вроде бы внешняя, портретная характеристика, однако это цвет тусклого, холодного, безжизненного металла, который говорит о внутреннем состоянии героя – истощённость, эмоциональное выгорание, притупленность чувств. Взгляд человека, который видел слишком много смерти и ужаса. В нём погас огонь, осталась лишь металлическая стойкость и усталость. Это следы крайнего физического и нервного истощения. Эти «прожилки» – трещины в его «оловянной» броне, признаки лопнувших от напряжения сосудов, истерзанных нервов. Это намёк на боль, которая скрыта за внешней невозмутимостью. Всего одной фразой автор создаёт целостный образ травмированного войной человека. Мы ещё не знаем его историю, но уже видим его главную характеристику: внутренне мёртв, но держится на пределе сил.

Следующая деталь – это «грамота рядом с портретом деда» у Серёги, на первый взгляд интерьерная, характеризующая среду и систему ценностей героя. Портрет деда-фронтовика – это символ настоящей, героической войны, истинного мужества и жертвенности. Это эталон, на который Серёга невольно равняется. Грамота «за активное участие в военно-патриотических сборах» – это суррогат подвига. Она символизирует не героизм, а систему, которая формально отметила его травму, но не дала настоящего дела и смысла. Рядом с портретом деда эта грамота выглядит жалкой пародией. Эта деталь объясняет его комплекс неполноценности, его пьянство «из протеста». Он хочет быть как дед, героем, но его собственный «подвиг» оказался обесценен, и он сам это чувствует. Это визуализация его внутреннего конфликта между патриотическими идеалами и горькой реальностью.

В романе есть и запахи, например запах горелой малины и плавящейся синтетики – это сенсорная деталь, создающая атмосферу столкновения двух миров: «запах горелой малины» – это запах уничтоженного живого, натурального, того, что с любовью сажали и растили (символ «деурбанизации», труда на земле). «Запах плавящейся синтетики» – это запах современного, искусственного, чужеродного насилия, разрушающего эту идиллию. Этот двойной запах создаёт ощущение тотальной катастрофы. Это не просто пожар, это кощунство, уничтожение будущего урожая, надежды и самого смысла труда китайской грубой силой. Синтетика, плавящаяся в огне, отравляет воздух, символизируя ядовитость самого конфликта. Запах – самый прямой способ вызвать у читателя физиологическое отвращение и ощущение опасности. Автор не просто описывает пожар, он заставляет нас его почувствовать, погружая в атмосферу хаоса и утраты.

Иванов-Таганский использует деталь как сверхплотный концентрат смысла. Каждая такая деталь – это микро-история (она рассказывает о прошлом и настоящем героя); диагноз (она ставит диагноз состоянию души или общества); символ (она выходит за рамки конкретики, становясь многозначным символом). Это техника, идущая от классической русской литературы (вспомним «горящие глаза» Сони Мармеладовой или «ситцевый диван» Обломова), где через малое проступает великое. Благодаря этому мир повести ощущается не как литературная конструкция, а как живая, дышащая, страдающая и пахнущая гарью и надеждой реальность.

Символика в романе «Эхо плачущей земли»: Эхо, Дорога, Водка – эти три символа образуют единую систему, скрепляющую произведение от заглавия до финала. Они не просто украшают текст, а являются его философским и эмоциональным фундаментом.

Эхо – символ травмы, памяти и отклика. Это центральный, сквозной символ, вынесенный в заглавие и пронизывающий судьбы всех ключевых персонажей. «Эхо» становится метафорой незаживающей раны души, которая ноет при каждом воспоминании, при каждом напоминании о пережитом ужасе, отголосок войны в душах всех героев. Эхо – не только у Прохора. Оно есть у Серёги (в виде нереализованности и обиды), у Кириллы (в виде ночных кошмаров), у Семёна (в виде «снарядного шока»). Это коллективная травма поколения, вернувшегося с войны. Они пытаются жить мирной жизнью, но внутри них продолжает звучать «эхо» взрывов, смерти и боли. Отклик «плачущей земли» – это самый глубокий уровень символа. Земля в романе – не пассивный фон, а живое, чувствующее существо. Её «плач» – это ответ на всё, что творят на ней люди: на воровство, поджоги, беззаконие, равнодушие. Эхо – это голос самой земли, её боль, которая резонирует с болью героев. Слова умирающего в госпитале протоиерея Дмитрия – ключ к пониманию: «Главное, страдают не только люди, но и земля, которая плачет кровавыми слезами. Но эхо её плача разлетается по всему миру и творит чудеса конечной победы добра».

Таким образом, «эхо» – это не только символ разрушения, но и надежды: боль земли не остаётся незамеченной, она рождает ответный отклик – сопротивление, борьбу и, в конечном счёте, добро. Это многослойный символ, связывающий воедино личную травму человека, коллективную травму народа и метафизическую боль родной земли.

Дорога – символ пути, связи и её распада. Дорога в русской литературе всегда была философским символом жизненного пути. Иванов-Таганский использует эту традицию, но наполняет её острым современным содержанием.

Символ жизненного пути героев. Дорога приводит Прохора в Кремнёвку – его последнее пристанище, где он пытается найти новый путь. Дорогой приезжают и «мушкетёры» – его боевые товарищи, чтобы помочь. Это дорога к новому будущему, к исцелению и общине. Разбитая дорога – это разрушенная связь деревни с внешним миром, с властью, с цивилизацией. Она символизирует заброшен-

ность, оторванность «малой родины» от центра, её медленное умирание. Состояние дороги – это точный индикатор состояния общества. Её разрушают жадные предприниматели, которым плевать на жизнь людей. Борьба за дорогу становится борьбой за справедливость, за право на нормальную жизнь. Ремонт дороги силами общины – это метафора восстановления социальных связей, общего дела, которое объединяет людей. «Зигзаги» на дороге, описание того, как машины вынуждены петлять между ямами, – это яркая метафора искривлённой, непростой жизни, полной препятствий, которые приходится постоянно обходить. Это символ не только физического, но и социального и духовного пространства. Её восстановление равносильно восстановлению страны, по кирпичику, своими руками.

Водка – символ забвения, слабости и иллюзорного выбора. Водка – самый приземлённый, но оттого не менее мощный символ, показывающий изнанку жизни и внутреннюю борьбу героев. Для Серёги и первоначально для Прохора водка – это способ залить боль, заглушить «эхо» войны и жизненных неудач, уйти от ответственности и сложных решений. Это добровольный духовный наркоз. Бесконечные застолья символизируют потерю воли, распад личности, циклическое существование без цели и будущего. Бабка Серафима обличает именно это: «Пропивают последний разум и силу». Серёга оправдывает своё пьянство рассуждениями об «элитарности» водки и «приятном досуге». Автор показывает, что это самообман, за которым скрывается экзистенциальная пустота. Важно, что автор противопоставляет водку делу. Исцеление начинается не тогда, когда герои бросают пить, а тогда, когда у них появляется дело (стройка, мастерская, «Товарищество»). Водка отступает перед смыслом. Фраза бабки Серафимы «водка с разумом не ходит!» становится ключевой: истинное возрождение возможно только через труд и ясный ум. Это символ тупикового пути, соблазна и слабости, которые (должны) быть преодолены на пути к настоящей, осмысленной жизни. Вместе эти три символа создают мощное смысловое поле первой части романа. «Эхо» – это диагноз (боль), «Водка» – это ложное лекарство (бегство), а «Дорога» – это истинный путь к исцелению (действие, созидание, борьба). Через их взаимодействие автор раскрывает главную идею: чтобы заглушить «эхо» войны и боли, нужно не забыться, а всем миром взяться за восстановление своей «дороги» – своего дома, своей деревни и своей страны.

Вторая часть романа не только развивает сюжетные линии, но и углубляет идейно-тематическое содержание, делая её ярким примером «нового реализма». Жанр второй части можно определить как социально-психологический роман с элементами детектива и публицистичности. Автор создаёт многоплановое повествование, где переплетаются личные драмы персонажей и масштабные общественные конфликты. Композиция второй части построена по принципу контрапункта: главы последовательно освещают события, происходящие в двух противоборствующих лагерях – московских «мажоров» во главе с Алексеем Симкевичем и членов товарищества «Заря». Такой приём позволяет автору показать столкновение двух мировоззрений, двух России. Композиция кольцевая: начинается и заканчивается она в товариществе «Заря», что подчёркивает цикличность и неразрешённость конфликта. В центре произведения – острейший социальный конфликт между детьми высокопоставленных чиновников, «мажорами» и «новыми земцами» (представителями товарищества «Заря», ветеранами СВО, стремящимися к честному труду и общинной жизни).

Ключевой темой во второй части романа является тема «отцов и детей» в современном преломлении. Конфликт поколений здесь – это конфликт ценностей. «Дети» (Алексей и его компания) живут по законам вседозволенности и культа силы, опираясь на связи родителей. «Отцы» (Прохор, Кирилл, Семён) – носители традиционных ценностей: долга, справедливости, труда. Также в романе раскрывается тема социальной несправедливости и коррупции. Автор показывает, как система власти и правосудия работает в интересах «сильных мира сего». История с флешкой, исчезновением Клавды и арестом Семёна – яркая иллюстрация того, как закон подменяется понятиями и влиянием. В тексте открыто говорится о том, что участники СВО претендуют на роль новой национальной элиты, что вызывает сопротивление укоренившейся бюрократической системы. Этот дискурс, вложенный в уста Липкина и майора Кольцова, придаёт произведению злободневное политическое звучание темы «новой элиты» и «старой гвардии». Каждый герой стоит перед выбором. Татьяна отказывается подписывать лживое заявление, демонстрируя моральную чистоту. Алексей и его отец выбирают путь мести и интриг. Прохор пытается действовать в рамках закона, но сталкивается с системой, где закон бессилен, так затрагивается и тема возмездия и морального выбора. Сюжет второй части

закручен вокруг последствий драки на мосту. Он динамичен и насыщен событиями: от операции Алексея и юридических интриг Симкевича-старшего до поисков пропавшей Клавии и ареста Семёна. Детективная линия (похищение флешки, исчезновение) усиливает напряжённость. Автор мастерски использует значимые детали, которые становятся символами. Флешка с записью – символ правды, которую пытаются уничтожить. Перцовый баллончик и пистолет – символы агрессии и вседозволенности «мажоров». Сковорода «садж», подаренная Гаджиевым Симкевичу, – символ восточного коварства и «покупной» дружбы.

Основной художественный приём – контраст (или антитеза). Автор использует его не просто как стилистическую фигуру для украшения текста, а как глубокий структурный принцип, на котором строится весь конфликт произведения. Это противопоставление работает на нескольких уровнях, создавая целостную картину расколотой реальности. Противопоставление пространств в романе – это самый наглядный уровень контраста. Москва и «чужое» пространство и Кремнёвка, товарищество «Заря» («своё» пространство). Москва и «чужое» пространство динамичное, агрессивное, искусственное: Клиника «Эксимер», стерильная, но душная палата Алексея. Место страдания, но и место рождения низменных планов мести. Белый потолок ассоциируется у Алексея с пустотой и безысходностью («Белый квадрат» Малевича). Ресторан «Причал» и кафе «Ласточка» – места показной роскоши, сделок, интриг. В «Ласточке» Гаджиев устраивает пир с восточной помпой, чтобы купить лояльность Симкевича. Это пространство фальши, где всё продаётся и покупается. Этому пространству противопоставляется «своё» пространство. Оно статичное, гармоничное и природное. Товарищество «Заря» не просто деревня, а проект, утопия. Здесь царят труд, взаимопомощь, планы на будущее (школа долголетия, ангар для кроликов). Пространство организовано по принципу общего дела. Мост через Беспуту – пограничное, сакральное место, именно здесь происходит столкновение двух миров, буквально «перекрытие дороги». Это рубеж, который «мажоры» пытаются проехать безнаказанно, а «заринцы» – защитить. Москва олицетворяет разложение, власть денег и связей, эгоизм. Кремнёвка – созидание, честный труд, общинность.

Контраст пространств напрямую проецируется на характеры и ценности героев. «Московский» лагерь (Алексей, его отец, компания) и «Кремнёвский» лагерь (Проход, Кирилл, Семён, Елена).

«Московский» лагерь – «берёт» чужое. Его первый поступок в повествовании – кража овощей из теплиц. Они считают это своей привилегией. Живут по понятиям «папиной» власти и денег. Их оружие – пистолет, связи, взятки, ложные заявления. Компания Алексея держится на алкоголе, понтах и общем чувстве вседозволенности. Алексей калечит людей, его отец разрушает судьбы и правосудие.

«Кремнёвский» лагерь строит хозяйство, мастерскую, планируют будущее. Их действие – защита результатов своего труда. Живут по закону и совести. Их оружие – физическая сила (в крайнем случае) и правда. Их объединяет идея и общее дело. Они – товарищество в прямом смысле слова, создают и защищают. Семён защищает друзей, Проход строит мастерскую, Елена развивает хозяйство.

Через этот глобальный контраст автор решает главные задачи: драматизация конфликта, столкновение не просто людей, а цивилизаций, систем ценностей и моделей жизни делает конфликт непримиримым и особенно острым; социальный диагноз. В. А. Иванов-Таганский показывает раскол в российском обществе: с одной стороны – «элита», оторванная от народа и живущая в своём паразитическом мире, с другой – «новая элита» (как их называют в тексте), которая пытается созидать на земле. Кремнёвка и Москва превращаются в символы. Кремнёвка – это символ надежды на возрождение России через труд, справедливость и общинный дух. Москва (в изображении автора) – символ системной порчи, где правят бал коррупция, кумовство и цинизм. Таким образом, контраст – это не просто приём, а несущая конструкция всего романа. Он позволяет автору ясно, наглядно и эмоционально донести до читателя свою главную мысль: основная битва в современной России происходит не на полях сражений, а в столкновении двух принципиально разных укладов жизни и систем морали.

В своём романе Иванов-Таганский постоянно отсылает читателя к классике. Спор о Ван Гого и Моне в начале второй части романа не только характеризует героев, но и показывает вечный конфликт между пошлостью и культурой. Возвращаясь из Ясной Поляны, герои видят красивые теплицы, блестящие в закатном солнце. Алёшка (Симкевич) восклицает: «Ты смотри, Татьяна, какое хозяйство! <...> Какой-то Винсент Ван Гог вокруг!» Татьяна поправляет: «Какой Ван Гог? Скорее Клод Моне». Почему это важная интертекстуальность, а не просто спор об искусстве? Прежде всего это прямая характеристика героев. Сравнение Алёшки с Ван Гогом – поверхностно и пошло. Ван Гог –

это яркие, экспрессивные, даже бунтарские краски, страдание и безумие. Алёшка, человек действия и примитивных эмоций, хватается самое «яркое» и известное имя в искусстве, не вникая в суть. Его восприятие – это восприятие «картинки», внешнего эффекта. Выбор Татьяны Клода Моне не случаен. Моне – это импрессионизм, тонкая игра света и цвета, гармония, умиротворение, красота мгновения. Татьяна, интеллектуалка, видит не просто «пейзаж», а нюансы, свет, атмосферу. Это характеризует её как человека более глубокого и тонко чувствующего. Ван Гог (в устах Алёшки) становится символом хаотичного, грубого, необузданного начала, которое царит в его компании. Их вечер – это сплошная экспрессия: пьянство, воровство, драка, выстрелы. Это «ванговское» безумие в его самом примитивном проявлении. Моне (в устах Татьяны) – символ гармонии, упорядоченности, духовности, той самой культуры, которую пытается построить товарищество «Заря». Их жизнь – это попытка создать устойчивый, прекрасный миропорядок, основанный на труде и взаимопонимании.

Этот короткий спор – это микромодель всего конфликта. Столкновение Ван Гога и Моне – это столкновение двух миров: пошлости и культуры, хаоса и гармонии, «мажоров» и «заринцев». Фраза Тартарова «Я... похож на героя Достоевского Смердякова» неслучайна. Тартаров, заместитель главы города, после разговора с Прохором и получения приказа сверху не пускать его на встречу с Симкевичем, чувствует свою слабость, конформизм и предательство идеалов. Он цитирует свою любимую фразу Смердякова: «Упасть на самое дно не так ужасно, ведь теперь путь только наверх». Это ключ к его двойственной натуре. Прямая параллель со Смердяковым из «Братьев Карамазовых». Смердяков – лакей, незаконнорожденный сын, циник. Он презирает окружающих, но вынужден им прислуживать. В его характере сочетаются рабская покорность и затаённая, злобная спесь. Он совершает преступление, притворяясь слабым и немощным. Тартаров же – чиновник, «приличный» человек. Но по своей сути он такой же «лакей системы». Он понимает, что Прохор и «Заря» – это будущее («новая элита»), и внутренне, возможно, им сочувствует. Но он зависит от системы, от начальства, от «московских гостей». Его двойственность в том, что он знает, где правда, но поступает так, как велят сильные мира сего. Фраза про «дно» – это попытка Тартарова оправдать свою подлость. Он говорит себе: «Да, я сейчас предал и опустился на дно, но это лишь временно. Теперь, когда я выслужился перед Симкевичем, я могу начать движение наверх». Это чистая смердяковщина – философия циника, который видит в падении тактический ход, а не моральную катастрофу. Эта отсылка показывает, что Тартаров – рефлексирующий предатель. Он не просто подлец, он подлец, который понимает, что он подлец, и находит для этого интеллектуальное оправдание в классической литературе. Это делает его образ психологически сложным и трагичным. Отсылка к Смердякову – это мощнейший инструмент характеристики. Автор одним махом показывает всю глубину нравственного падения Тартарова, его внутренний разлад, его цинизм и его рабскую психологию, прикрытую чиновничьим мундиром. Это диагноз не только персонажу, но и всей системе, которая порождает таких «смердяковых» во власти.

Таким образом, интертекстуальность у В. А. Иванова-Таганского – это не украшение, а сжатая информация, которая позволяет через одну деталь или реплику раскрыть целый пласт смыслов: суть конфликта, глубину характера и связь частной истории с вечными вопросами русской литературы. Язык романа богат и разнообразен. Автор использует социолекты: речь «мажоров» насыщена сленгом («крулёж», «гопник», «потрясти»), речь членов «Зари» более простая, но с элементами военного и сельского лексикона. Публицистичность: в монологах Липкина, Кольцова и Елены звучит открытая публицистика, анализирующая состояние современного российского общества. А также ирония и сарказм. Особенно ярко это проявляется в описании компании Алексея и в сцене знакомства Алексея с Раей Липкиной. Алексей Симкевич, «золотой молодой человек», чья жизнь – череда развлечений и демонстрации превосходства. Травма глаза становится для него не только физическим, но и символическим увечьем, обнажая его уязвимость и питая патологическую жажду мести. Прохор Волков, депутат и лидер товарищества, «новый русский» герой – бывший военный, стремящийся к созиданию. Он пытается действовать по закону, но его трагедия в том, что его противники живут по «понятиям». Альфред Симкевич – это же воплощение системы. Замминистра, для которого закон – инструмент для защиты интересов своей касты. Его отеческая любовь к сыну оборачивается готовностью уничтожить любого, кто встанет на пути. Татьяна Егоркина – один из самых цельных персонажей. Интеллектуалка с «заводской» закалкой, она становится голосом совести в разлагающейся компании друзей. Юрий Липкин и Шахин Гаджиев, представители «третьей силы» – ловкие дельцы, готовые играть на обе

стороны, чтобы извлечь выгоду из чужого конфликта. Их альянс с Симкевичем символизирует сращивание криминала и власти.

Произведение Иванова-Таганского не существует в вакууме, а сознательно встроено в мощный контекст русской литературной традиции, которую оно и продолжает, и остро современно переосмысляет. Давайте разберём каждую из этих литературных параллелей подробно. Л. Н. Толстой, масштаб и «диалектика души» – символическое начало в Ясной Поляне, это не просто фон для экскурсии. Ясная Поляна – это отправная точка, духовный исток. Посещение музея Толстого задаёт высочайшую планку для последующих размышлений о смысле жизни, нравственном долге, отношении к земле и народу. Компания «мажоров» оказывается в этом месте духовно слепой – они не видят его сути, для них это просто «интеллектуальный пикник». Этот контраст сразу показывает их оторванность от корневой, толстовской России.

Как и Л. Н. Толстой, Иванов-Таганский показывает внутреннюю борьбу в героях, их «текучесть» и сложность. Прохор борется с гневом и желанием ответить силой на силу, но пытается найти законный путь. Татьяна разрывается между старой дружбой и нравственной непримиримостью ко лжи. Даже Алексей Симкевич после операции – не просто злодей, а травмированный, сломленный человек, в котором боль и унижение рождают чудовищную жажду мести. Тартаров – классический «колеблющийся» герой, который понимает, где правда, но не имеет душевных сил за неё стоять. Товарищество «Заря» – это прямая наследница толстовских утопий. Это попытка создать справедливую, нравственную жизнь на земле, основанную на коллективном труде, взаимопомощи и отказе от ложных ценностей «цивилизованного» мира (деньги, карьера, статус). В этом автор видит один из возможных путей спасения России.

Ф. М. Достоевский – «подполье», и полифония, и психологизм «тёмных сторон души». Достоевский – непревзойдённый мастер исследования одержимости, болезненных идей и моральных пропастей. Иванов-Таганский активно использует этот подход. Идея-страсть Алексея – месть. Она пожирает его изнутри, не давая покоя даже в больничной палате. Цинизм Симкевича-старшего – это не просто карьеризм, это целая философия человека, который через систему юстиции пришёл к полному отрицанию справедливости («справедливость у нас на последнем месте»). Драка на мосту – это «преступление» обеих сторон, за которым неизбежно следует «наказание»: физическое (травма глаза, ожог) и моральное (арест, чувство вины, страх). Полифоничность (многоголосие), как у Достоевского, в романе нет одного главного героя-резонёра, автор даёт высказаться разным, часто противоположным точкам зрения. Мы слышим голос «новой элиты» (рассуждения Липкина о смене власти), голос системы (Симкевич-старший), голос «земцев» (Елена, Прохор), голос закона и порядка (майор Кольцов) и голос циничного приспособленца (Тартаров). Автор не навязывает одну правду, а сталкивает их в диалоге, заставляя читателя самого делать выводы. Сцена с флешкой как улика-шантаж – это прямая цитата из «Преступления и наказания». У Раскольникова есть вещественное доказательство – украденные им вещи, которые он прячет под камень и которые мучают его не меньше совести. У Симкевича и Гаджиева таким «камнем» становится флешка. Она – материальное воплощение их вины и страха. Обладание ею даёт власть (Гаджиев шантажирует Симкевича), а её уничтожение становится навязчивой идеей. Это классический Достоевский сюжетный ход, где вещь становится символом морального состояния.

Иванов-Таганский берёт центральный конфликт «деревенской прозы» – столкновение уходящего, традиционного, гармоничного уклада жизни с бездушной, механистической урбанизацией, – и переносит его в XXI век. Город (Москва) здесь – это не просто индустриальный гигант, а рассадник коррупции, моральной деградации и культа денег. Деревня (Кремнёвка) – это не патриархальная, умирающая деревня, а сознательно создаваемый проект выживания и возрождения. «Заря» – это духовный наследник тех ценностей, которые отстаивали герои Распутина и Астафьева: связь с землёй, соборность, труд как добродетель, память предков.

«Новый реализм» – направление, к которому непосредственно принадлежит сам роман. Острая социальность и актуальность, автор не боится говорить на самые болезненные темы современности: СВО и ветераны как «новая элита», коррупция во власти, клановость, миграционные проблемы, сращивание криминала и государства. Герои говорят на живом, современном языке, со сленгом, матом (который здесь не самоцель, а средство характеристики). Это не абстрактные персонажи, а плоть и кровь сегодняшней России.

«Пограничные состояния» – автор интересуется людьми на разломе: ветеранами, ищущими себя в мирной жизни, чиновниками на распутье, «мажорами», сталкивающимися с реальными последствиями своих поступков.

Прозе Иванова-Таганского, как и его современникам, свойственна высокая повествовательная энергия, динамичный сюжет, иногда граничащий с гротеском, но всегда укоренённый в суровой реальности.

Роман «Эхо плачущей земли» – это своего рода литературный сплав. Он вбирает в себя масштаб и нравственные искания Толстого, глубину психологического анализа и интерес к «подполью» Достоевского, тему защиты «почвы» и традиционных ценностей у «деревенщиков», язык, актуальность и социальный нерв «нового реализма». Это делает произведение не просто интересным чтением, а серьёзной заявкой на роль одного из романов-диагнозов современной эпохи.

Вторая часть романа «Эхо плачущей земли» – это мощное и бескомпромиссное высказывание о современной России. Валерий Иванов-Таганский, опираясь на традиции русской классики, создаёт сложное произведение, которое является не только увлекательным чтением, но и глубоким социальным диагнозом. Роман исследует раны общества – от коррупции и социального неравенства до поиска национальной идентичности, – оставляя читателя с тревожным вопросом: чьё эхо в итоге отзовется на этой земле – плач разрушения или гимн созидания?

Это роман-диагноз и роман-надежда. Через истории конкретных людей автор показывает общенациональные процессы: последствия войны, вызовы глобализации, коррупцию, но одновременно – неистребимую тягу русского человека к справедливости, братству и вере в то, что «Бог нас пока не оставил». Соединяя в себе быт и философию, брутальный реализм и социальную утопию, произведение становится значимым явлением в современном литературном процессе.

*Дутко Наталья Петровна,
кандидат психологических наук,
доцент кафедры методики преподавания литературы МПГУ,
член МГОП России*

* * *

...В кафе постепенно набралось много посетителей, поэтому Кольцов и Иван стали говорить тише.

– Неужели нет никакой возможности подобраться к этому хозяйству незаметно? – спросил Кольцов, убирая показанный кирпич в сумку.

– Подобраться, наверно, можно. Либо со стороны моря на катере, но, если услышат мотор, не дадут причалить; либо брать штурмом длиннющий забор, к которому ночью выпускают собак. Так что подобраться туда можно только на аэроплане, – пошутил под конец Иван.

– Много женщин в этом хозяйстве? – спросил Кольцов.

– Не могу сказать. Знаю, что сейчас время собирать урожай. Говорят, что там большой участок, хозяин – миллионер, работы много. Видел я их ящики с хурмой килограммов по десять. Даже пробовал. Они выращивают зимнюю хурму.

– Что значит, зимнюю? – удивился Кольцов.

– Морозостойкую. Не всякий сорт ноябрь-декабрь выдержит, они, хитрецы, выращивают хурму особую, самоплодную. Пробовал, название не помню, знаю, что из Америки завезли.

– Ты говоришь, только на аэроплане прилететь можно? А если на вертолёте?

– Ну да, ну да, фильмов насмотрелся. Как ты свою бабу из десятка-другого с воздуха увидишь? Все в платках, наверно, в перчатках, под деревьями, рядом надсмотрщики подгоняют, чтобы не лежались.

– А если вызвать полицию и приехать за женой официально?

– Во-первых, наша полиция предупредит хозяина...

– Неужели все такие сволочи?

– Не сволочи, а «свои люди». У Островского, чтоб ты знал, есть такая пьеса «Свои люди, сочтёмся». А во-вторых, больше ты свою жену не увидишь. Отправят с концами в какой-нибудь горный район.

- А если прилично заплатить?
 - Ты что, не знаешь нашу полицию? Денежки заберут и всё равно обманут: кто-нибудь тайком донесёт.
 - Как я понимаю, здесь российской власти у вас нет, раз даже деньги ничего не решают.
 - Запомни, лучше иметь не деньги, а власть над теми, у кого они есть. Пока мэром Махачкалы был Саид Амиров, большие «бабки» многое решали. Но он теперь на «пожизненном», а после главы Дагестана Васильева, который многих пересажал, их совсем не берут, всё решают связи. Но у тебя таких связей нет, раз ты самостоятельностью занялся, а нужных денег у тебя до конца твоей жизни не будет. Я тебе говорю, мил человек, как оно есть, моё бродяжничество – трёх университетов стоит. Пойми, никто с владельцем этого хозяйства связываться не будет. А любая попытка плохо кончится для твоей жены. Спасти её можно только либо героизмом: какая-нибудь «бригада» ворвётся, всех «дагов» на пол уложит, заберёт из плена твою жену и быстро смоется. Либо... – Иван сделал долгую паузу и вдруг добавил: – либо подкуп.
 - Что значит, подкуп? – спросил Волков.
 - Сделать подкуп под забором, дать ей знать и в определённый час её встретить.
 - А как же охрана?
 - Ночью охрана подрёмывает.
 - А собаки?
 - Собак можно отравить. В вырытую яму положить хорошо отравленную еду – и готово. Через полчаса, когда твоя жена прибежит к подкupu, ни одна собака не залает. Подгонишь машину, сажай беглянку и без остановки в Россию. Если доберёшься до Волгограда, считай, что остались живы.
 - Тебе собак не жаль, как я понимаю?
 - Пока я импровизирую, мне никого не жаль, только разве ж твою жену. А вот если ты не сумеешь её освободить и вас поймают, то первым жалеть вас буду я.
 - Послушай, Иван, а в твоей зверской импровизации есть какая-то надежда на успех? Ты действительно поэт или просто сочиняешь на эту тему?
 - Я и журналистом был хорошим, с каллиграфическим почерком, помните у Достоевского: «Смирный игумен Пафнутий руку приложил».
- Иван достал из внутреннего кармана ветровки записную книжку, полистал её, а потом, убрав обратно, махнул рукой и стал читать стихотворение:

Я прошёл все мои дороги.
По уши сыт от своих дорог.
Но позывы душевной изжоги
Не имеют годности срок.

Я обшарил свои закоулки
Переулков моей души,
Где шаги, разлетаясь гулко,
Упираются в гаражи.

Я обжил все мои бульвары
В самом центре своих мозгов,
Где бульварного чтива задаром
Нахватался у дураков.

Я по-своему первопроходчик
Всех моих бестолковых дел.
Мне бы разум такой, как почерк, –
Я бы в чём-нибудь преуспел.

Я прошёл. И нашёл. И вышел,
Надоев самому себе.
Только поздно себя слышал,
По сигналу в моей судьбе ¹.

¹ Стихотворение М. Жукова.

Кольцов и Волков переглянулись и с нескрываемым удивлением уставились на Ивана.

– Что, сам сочинил? – с недоверием спросил Кольцов.

– Да, позавчера, поэтому помню наизусть. Вот за тем столом сочинил. Я, как Хемингуэй, пишу свой «Праздник, который всегда с тобой». Только у меня вместо Парижа мой Каспийск – дырка в законе на карте Дагестана.

– Слушай, Иван, – взволнованно начал Прохор, – ты написал очень хорошее стихотворение, а, если тебе создать достойные условия, ты можешь написать ещё больше, выпустить поэтическую книгу под названием последней строчки из этого стихотворения.

И Волков повторил: «По сигналу в моей судьбе».

Иван снова достал из ветровки записную книжку, помахал ею перед носом Кольцова и Волкова и сказал:

– Молодец, как тебя по кликухе?

– Последнее время «депутатом» зовут. А вообще я – Волков Прохор Иванович.

– Молодец, Волков, книгу я так и назвал бы: «По сигналу в моей судьбе».

– А что, если тебе, Иван, уехать с нами? – внезапно предложил Прохор. – Мы бы тебя приняли в наше товарищество «Заря», дали бы тебе хорошее жильё. Такой выбор и впрямь стал бы сигналом в твоей судьбе.

– Что за Товарищество? – с усмешкой оглядывая Кольцова и Волкова, спросил Иван. – Это вы – Товарищество?

– В Подмоскovie, рядом с деревней Кремнёвка, на берегу реки Беспуты, притока Оки, организовано товарищество «Заря», – не торопясь стал объяснять Прохор. – Это коллектив, который имеет свой жилищный фонд, большое хозяйство, распорядок и жизненные позиции. Народу немного, но каждый ценит дружбу и готов всегда помочь друг другу.

– И что, там жильё дают? – с недоверием спросил Иван.

– И жильё дают, и работа будет, а главное, ты всеми будешь востребован как поэт. Ты, дорогой Иван Крылов, прочитал прекрасное стихотворение, и место твоё не здесь, в «дырке закона», а у нас, где тебя сердечно примут и полюбят.

И вдруг у этого запущенного, лохматого, с поседевшими прядями волос человека на глазах появились слёзы. Он каким-то широким охватом внезапно обнял головы своих собеседников, плечи его затряслись, и, сквозь слёзы, он, захлёбываясь, заговорил:

– Ребята, гости долгожданные, мне ночью приснилось, что кто-то постучал мне в дверь и предложил... нет, не хлеба, как у Луки, а помощи, если даже тебе неудобно...

Он рукавом стёр слёзы, глаза его оживились, засияли, и он начал рассказывать свой план:

– Значит так, завтра мы поедем туда, это «слепая зона» между Каспийском и Махачкалой, и посмотрим подходы к этой шарашке. У меня там должен быть приятель, где-то записан его мобила, постараюсь сегодня вечером созвониться. Делать подкоп хоть и не тяжело, но могут заметить, надо, как при взятии казаками Азова, сделать двойную лестницу.

– Ты что сочиняешь, разве казаки брали Азов? – удивился Кольцов.

– В отличие от осады Азова царскими войсками в 1736 году, с подкопом, пороховыми бочками и всякими другими глупостями мы будем действовать, как казаки на сто лет раньше: завтра промерим забор и, когда всё будет подготовлено, ночью перебросим через него двойную лестницу, и готово.

– А как же собаки? А кто сообщит о лестнице жене? – стал возражать Кольцов.

– Собак, раз вы не хотите их травить, может и не быть, – засмеялся Иван.

– Ну, ты баснописец, Крылов, значит, ты сочинил про собак? – рассердился Кольцов.

– Конечно, разыгралось поэтическое воображение, к тому же хотел посмотреть на вашу реакцию. Собак там нет, а вот охрана, несмотря на «серую зону», там есть. Что надо сделать? Порыскать по Каспийску и найти в хозяйственном магазине две алюминиевые лестницы, их концы связать спряденной казачьей конской верёвкой.

– А где мы тебе найдём «конскую верёвку», да ещё спряденную?

– Тогда надо найти буксировочный строп из капрона, которым свяжем концы лестницы для переброски через забор.

– Хорошо, положим, мы всё это найдём, а кто передаст Клаве, что мы здесь, что будет такая лестница? Ты хоть фантазируй в пределах возможного.

– У Блока, друзья мои, есть строчка в стихотворении «Россия»: «И невозможное возможно, дорога долгая легка, когда блеснёт в дали дорожной мгновенный взор из-под платка...» Ты хочешь вернуть свою жену? – строго спросил Иван.

Кольцов одобрительно мотнул головой и затих.

– Тогда слушай и верь в невозможное. Значит так, я сегодня созвонюсь со своим знакомым, и мы с ним, надеюсь, сделаем «невозможное» возможным.

– Значит, у тебя там кто-то есть?

– Есть, поэт. Сеид, но не Ширвани, а Юсифов. Я его переводил на русский. Он там агрономом работает.

– Он что, из «дагов»?

– Нет, он азербайджанец, приглашённый агроном. У азербайджанцев колоссальный и традиционный экспорт хурмы. Сеида наняли за большие деньги, к тому же он сумел организовать для них доставку фосфора, калия и других минералов. Цены на эти удобрения фантастические.

Сеид у них на лучшем счету, его не заподозрят. Он сын предпринимателя и к тому же хороший поэт. Русский ему даётся трудно, вот я и помогаю. Он парень что надо, конечно, не для всех, даже у хороших «хорошка» быстро заканчивается. Но мне он должен, я ему десять стихотворений перевёл, думаю, поможет. Либо он ей передаст, где мы будем её ждать, либо подключим другого человека.

– А что, есть ещё, кто нам может помочь?

– И кто это?

– Я. Раз вы берёте меня в ваше Товарищество, тогда мне придётся устроиться в эту шарашку на работу, познакомиться с вашей Клавой и сообщить ей, что надо делать для её спасения. Ну, как мой план?

Иван выпил ещё водки и попросил, чтобы Кольцов заказал чай с колотым сахаром, молоком и варёными орехами.

– Этот чай быстро трезвит, а нам надо быть завтра в полной боевой готовности, – деловито сообщил он.

Через полчаса они обменялись номерами телефонов и условились, что утром поедут в «серую зону» на разведку.

На следующий день к назначенному времени Крылов появился хорошо выбритым, бодрым и окрылённым. За спиной у него был брезентовый рюкзак с биркой «Сделано в СССР» и ценником на шесть рублей сорок копеек.

– Ребята, нам повезло, я созвонился с Сеидом. Поздравляю тебя, Кольцов, твоя жена здесь, он её знает и всё сделает, как мы договорились,

Они прошли в кафе, заказали кофе капучино и еле слышно продолжили разговор:

– Так вот, этот Сеид, в прошлом хороший агроном, работает у них вольнонаёмным, занимается сейчас подготовкой посадочных ям на весну следующего года. Эти троплодиты хотят выращивать два новых сорта – Королёк и Бычье сердце. Сажать будут рядом с забором, чтобы было меньше сквозняков. Ночью, около двух часов, Сеид оставит зажжённую керосинку там, где удобнее всего перебросить лестницу, чтобы не заметили ни охрана, ни хозяева дома.

– Ну ты даёшь, Иван! – громко воскликнул Кольцов.

Иван сделал страшную гримасу, оглянулся и назидательно процедил: – Какой ты шумный, Кольцов. Пойми, в Дагестане даже у воздуха есть уши. – Он приоткрыл рюкзак и показал ленточный буксировочный трос. – Только что купил, теперь осталось найти две двухметровые лестницы.

– Так ты договорился сегодня её забрать? – теперь уже шёпотом спросил Кольцов.

– Да, вот собрал свои вещи.

В брезентовом мешке были аккуратно сложенные рубашки, бритвенные принадлежности и несколько школьных тетрадок, по-видимому, с какими-то записями.

– Вот готов поехать с вами, поверил в ваше Товарищество. Сдал на три месяца свою халупу, и, если господь наставит и поддержит, ночью мы тронемся в столицу нашей родины.

Кольцов большой пятернёй потрепал причёсанную голову Ивана и тихо сказал:

– Ваня, ты не пожалей. Я всё сделаю, чтобы ты был доволен. Да, Прохор?

– Конечно! Я уже говорил, у нас ты начнёшь другую жизнь.

– Тогда за дело! – весело воскликнул поэт. – Едем, надо купить лестницы. Забор там два метра, свяжем по-казачьи моей шутовщиной оба конца и троглодитовскую шабашку возьмём приступом.

Они объехали несколько торговых мест и наконец на улице Орджоникидзе, в магазине хозяйственных и бытовой химии «1000 мелочей», нашли алюминиевые лестницы-трансформеры, которые, правда, были чуть великоваты, 3,5 метра, но в сложенном виде вполне уместились в машине.

Поколесив по Каспийску несколько часов, они пообедали в ресторанном комплексе «Падишах», заехали в продовольственный магазин и накупили еды и минералки. Около одиннадцати вечера двинулись в указанном Иваном направлении.

Ехали не торопясь, оглядываясь по сторонам, запоминая пути отхода, если что-нибудь пойдёт не так. Вскоре почувствовали, что где-то недалеко море. Воздух приносил запах тины, водорослей и, тухлого солёного вкуса, сероводорода.

– Море и без того не особо чистое, да ещё загрязнено нефтепродуктами, – объяснил Иван, замечая, как тяжело дышится его новым друзьям.

Машину остановили метров за триста до забора. Вообще всё шло будто по расписанию, словно кто-то в небесной канцелярии распорядился, чтобы им не мешали.

После часа ночи все трое стали внимательно вглядываться в безмолвное загадочное пространство, где в темноте очерченной линией тянулась кромка панельного забора. Лестницы были крепко связаны тросом и аккуратно лежали на сухом суглинке.

Все были так напряжены, что не заметили, как вдруг левее, куда они даже не смотрели, вспыхнул огонёк. Было впечатление, что кто-то около забора прикурил. Но огонёк не погас, а разгорелся сильнее, словно кто-то помог ему раскраснеться.

Все моментально выскочили из машины, Прохор и Кольцов схватили лестницы по краям и, почти бесшумно, помчались в сторону горящего сигнала. Подбежав к забору, Кольцов неподалёку от светящейся керосинки стукнул по нему и тихо произнёс:

– Клава, ты здесь?

Вместо ответа раздалось рыдание, быстро притихшее, но всё равно слышное.

– Она здесь, – отозвался с небольшим кавказским акцентом мужской голос, – где лестница? Быстрее, у нас пять минут, скоро вернётся охрана.

Кольцов с Прохором начали поднимать лестницу и, закинув одну половину на забор, стали подталкивать её вниз, на другую сторону.

С той стороны кто-то подхватил лестницу и поставил её на землю. Через секунду послышалось, как на неё ступила нога и стал подниматься человек. Когда голова Клавы показалась над забором, Кольцов поразился, он не узнал собственной жены. На ней был тёмный, завязанный на затылке платок, лицо было измождённым, перепуганным и даже не радостным. Испуг и страх были в глазах. И только когда Клава спрыгнула на землю с внешней стороны забора, она пришла в себя, схватила Кольцова за рукав, боясь его снова потерять, и вдруг со стоном кинулась ему на шею.

– Всё, всё, всё, – повторял он, – успокойся. Тебя нести или пойдёшь сама?

– Сама! – прошептала она.

В ту минуту, когда человек по имени Сеид, оставшийся за забором, потянулся за керосинкой, чтобы погасить её, раздался выстрел. Выстрел был таким метким, что стекло керосинки буквально разнесло вдребезги. Потом они ещё услышали, как Сеид, устроивший побег, побежал вдоль забора, и крики вдалеке.

Кольцов подхватил Клаву под руку, и они понеслись к машине. Волков и Крылов сзади бежали с лестницей.

– Бросайте лестницу! – крикнул Кольцов. – Не успеем!

Отбежав метров двести, они слышали вдалеке шум, крики и мат на русском языке, с каким-то блатным акцентом. Потом послышался звук заводимой машины.

Клаву и Ивана посадили сзади.

– Прохор, ты запомнил дорогу? – спросил Кольцов, подталкивая того на место водителя.

– Да, более или менее.

– Садись за руль, они могут нас догнать. Придётся отбиваться.

– Не надо ехать в Каспийск! – закричал Иван. – Тут близко, догонят и поймут. Езжайте вперёд, а потом влево, на Махачкалу, тут километров двадцать, если на скорости – не догонят.

Прохор дал газ. Сначала на небольшой скорости проползли полкилометра по щебёнке, а затем выбрались на узкое шоссе. Дальше поехали быстрее. Где-то через километр сзади на пустой дороге увидели машину преследователей.

– Догонят, – зло бросил Кольцов и приказал остановить машину.

Он быстро открыл багажник, достал небольшой чемодан и снова сел справа от водителя.

– Теперь, Прохор, не гони, дай им подъехать ближе. Клава, не волнуйся, ты знаешь, как я стреляю. Предупреждаю, не трусить, всё будет в порядке! Чтобы ни в кого из нас не попали и не изуродовали машину, стрелять буду первым. Значит так, когда я вылезу в открытое окошко, Прохор, сбавь скорость до минимума, прикинемся, что мы сдаёмся.

Кольцов открыл чемодан, вытряхнул под ноги одежду и поднял нижнюю его часть, под которой оказалось второе дно. Там лежал какой-то нерусский пистолет. Он взял его в руку, крепко потряс и сообщил:

– Это музейный барабанный парабеллум «Люгер», двадцать патронов КС9×19. Эдик-дружок вошёл в ситуацию, не побоялся и одолжил. Я его проверил, бьёт зверски. Ты Эдика знаешь, Клава, он много раз бывал у нас.

Кольцов опустил боковое стекло, ветер хлынул в кабину, внутри стало холодно.

– Клава, укутайся, – он достал свитер.

Она быстро накинула его и, как можно ниже, прилегла на заднем сиденье.

– Правильно, Прохор, не торопись, сбавляй скорость, так они быстрее догонят. А я им помашу носовым платком, пусть увидят приманку.

В руках у него действительно появился светлый клетчатый платок, и он левой рукой стал сигналить догоняющей машине. Когда оставалось метров сто, майор всем корпусом нырнул в открытое окно и стал целиться по колёсам. От выстрелов в кабине раздался немыслимый грохот, Иван и Клава сползли на пол почти под сиденье, а вдалеке раздалось взвизгивание шин о дорогу.

Кольцов крикнул:

– Всё, уконтрапупил! Застряли на обочине. Теперь, Прохор, гони!

Он торжественно развернулся на кресле в обычное положение, поцеловал рукоятку горячего пистолета и спокойно уложил его на дно чемодана.

Подъезжая к Махачкале, Кольцов пересел за руль. Помотав по городу, они выехали на трассу Р-215, ведущую к московскому шоссе М-4 «Дон».

Кольцов гнал машину на предельной скорости, зная, что на них поступит сигнал из Дагестана и люди Гаджиева непременно очухаются и будут их или преследовать, или ждать где-нибудь на дороге.

Проехав Элисту и Астрахань, Кольцов выдохся. Волков не мог его сменить, боялись автоинспекции, документы на машину были оформлены на майора. После Астрахани решили сделать привал и остановились на ночь в Волгограде. Расположились в уютной гостинице «Ринг 4». Машину оставили на парковке в самом тёмном месте. Сняли два двухместных номера. Волков и Крылов перекусили в буфете, а Кольцов заказал ужин из ресторана в номер.

Наконец-то он мог остаться с женой наедине. Взяв из чемодана рубашку и спортивные брюки, она ушла в ванную комнату. Отмывалась долго, пока Кольцов не постучал в дверь и сообщил, что принесли ужин. Она и тогда вышла не сразу. Ей предстояло решить, что говорить мужу, а о чём молчать, чтобы его не оттолкнуть. Она боялась, что, узнав всё, муж на всю оставшуюся жизнь ею пренебрежёт и будет всегда ей припоминать то, что её насиловали. А это было, по три человека за ночь. Тогда она чуть не покончила с собой украденным на кухне ножом, и только в момент секундного замешательства её в тот раз схватили и спасли.

Решив, что говорить лишнего нельзя, она стала сочинять какую-то версию, зная, что Кольцов захочет узнать во всех подробностях всё, что с ней произошло за это время. Клава несколько раз перекрестилась, надела чистую одежду, предварительно простирав ту, в которой её забрали, и вышла из ванной комнаты.

На столе был накрыт ужин, пахло мясом, краснели в салате помидоры и красовалась бутылка водки.

«Он меня решил так угостить, чтобы я выпила, проговорила, и, чтобы всё осталось, как прежде», – подумала Клава.

Между тем она чувствовала себя не украденной, не униженной, а падшей, замученной женщиной, ненавидящей мужчин. Она знала, что Кольцов обязательно захочет её «трахнуть» – столько не виделись, – и боялась этого, как грешница. Там она не смогла сопротивляться, до смерти испугалась и поддалась течению обстоятельств. Сейчас надо было суметь как-то перестроиться и стать прежней женой, хотя считала, что не имеет на это права.

«Я его предала», – убеждала она себя, когда муж что-то говорил, разливая в стаканы водку и какую-то волгоградскую минеральную воду.

Она сделала большой глоток водки, прижала рукой рот и долго молчала, чувствуя, как быстро хмельная горечь поплыла по всему телу. И вдруг она прыгнула ему на колени, стала его целовать, слёзы покатались из её глаз, и они уже не могли оторваться друг от друга. Позже, утомлённые и счастливые, они поужинали и от смертельной усталости уснули, сцепившись руками и ногами друг с другом.

Кольцов после этой ночи никогда не расспрашивал о том, что с ней там произошло? Он был уверен, что если что-нибудь об этом узнает, то всё, что у них было до того, никогда уже не вернётся. Он понял главное, что настоящая любовь не нуждается в подтверждении, либо она есть, либо это сожительство.

Утром Клава устроила грандиозный сюрприз: из задней тесёмки лифчика вытащила красненькую флешку:

– Это – запись того, что случилось с нашими ребятами.

Кольцов буквально потерял дар речи, он подошёл ближе, рассмотрел флешку и только тогда спросил:

– Как это у тебя оказалось?

– Когда я в канцелярии посмотрела запись, решила сделать ещё одну копию, запасную. В этот момент в запертую дверь стали стучать. Я испугалась, инстинктивно спрятала флешку в лифчик и только потом открыла дверь.

Позже я поняла, что это люди Гаджиева. Когда, обыскав канцелярию и забрав из компьютера вторую флешку, они повели меня с залепленным ртом к машине. Перед тем как меня затолкали в конец салона, я увидела на переднем сиденье кавказца в папахе, а по тому, что слышала о нём, я поняла, что это Гаджиев. Они вывезли меня из Москвы, и всю дорогу я ехала с ними, привязанной к сиденью и с залепленным скотчем ртом.

– Клава, если его не посадят и на этот раз, я застрелю его из пистолета, который ты видела, застрелю без угрызений совести.

– Нет, Юра, его должны посадить без угрызения совести, и этого мы обязательно должны добиться.

– Ты вот что, об этой флешке пока никому не говори, – твёрдо сказал Кольцов, – её надо предъявить только тогда, когда будет необходимо.

– И даже Волкову не говорить?

– Никому! Волков решит действовать по закону: предъявит, потребует выпустить ребят, и вот тут всё обломится. За них взялись всерьёз и образцово-показательно, не исключено, что флешка, как доказательство, может исчезнуть, и тогда всех доведут до цугундера и посадят. Надо дать ход делу и только на суде предъявить наши самые веские аргументы. Сейчас мы едем в Москву, ты будешь жить с сыном у бабушки, я – один, на нашей квартире, а флешку спрячь на место, покажешь, когда понадобится.

– А где Иван и Прохор останутся? – спросила она.

– Иван – чудесный поэт и очень помог нам, его надо поселить в твоей комнате в Товариществе, а Волков сам решит, где ему прятаться. Нам главное – добраться до Москвы, это почти тысяча километров, если всё обойдётся, то считай, что мы «родились в рубашке».

– Может, лучше добираться автобусом или самолётом?

– На самолёт нет денег, а машину надо срочно вернуть в каршеринг.

В это время в дверь постучали, это были Волков и Крылов.

– Ну что, поехали? – спросил явно хорошо выспавшийся Прохор.

– Поехали! Клава, ты готова?

Клава забрала из ванной комнаты постиранные вещи, спрятала флешку обратно в лифчик, надела свитер Кольцова и, выйдя к мужчинам, торжественно сообщила:

– Я готова!

Кольцов ещё утром определил маршрут: без остановки до Борисоглебска, а потом до Михайлова и Ступино. Гнать вперёд, по 200–300 километров с небольшими остановками, тогда можно будет незаметно проскочить и надёжно спрятать жену и Волкова. О себе он не думал, знал, что его будут разыскивать в последнюю очередь.

Чтобы Волков был менее замечен в машине, его пересадили на заднее сиденье рядом с Клавой, а Иван устроился впереди. Здесь он чувствовал себя путевым лощманом: то и дело остроумно комментировал проезжающие места, то выдавал исторические справки, которые были, на удивление, достоверными и запоминающимися. Было видно, что неприглядная жизнь бомжа не лишила его интереса ко всему, что его окружает, к знаниям, которыми он весело делился, часто удивляясь самому себе, что кое-что ещё помнит, несмотря, как он выражался, на «выпитые литры».

Новые и смелые друзья, бешеная скорость передвижения, открывающиеся горизонты будущего и радость, что с каждым часом он ближе к другой и, возможно, счастливой жизни, его заметно меняли. Он не замолкал и по дороге напоминал «дорожное радио».

Клава, отвыкшая от такого общения, тоже включилась в разговор и упросила Ивана прочитать ей стихотворение, поразившее мужа и Волкова. Стихотворение ей тоже понравилось, и она из любопытства поинтересовалась тем, что поэт намерен написать в будущем, уже на кремнёвской земле?

– Напишу поэму, я даже название придумал.

– Какое? – увлечённо спросила Клава.

– Название длинное, но, как мне кажется, сразу берущее за горло.

– Ну и какое название возьмёт нас за горло? – насмешливо спросила Клава.

Иван развернулся к ней и чётко произнёс:

– Поэма «Да здравствует Юпитер, новое место жительства человечества!»

На секунду все скосили взгляд на него, подумав, что поэт шутит.

– Это что-то из области фантастики? – спросил Волков.

– Нет, это будет мой фантастический реализм. У Достоевского в «Братьях Карамазовых» два брата, Иван и Алёша, сидят в кабаке и говорят о некоем Старце, великом инквизиторе.

В романе примерно так сказано: «Инквизитор, пришедшему к нему узнику, духовным ценностям противопоставляет первобытную силу инстинктов, идеалу героической личности – суровую стихию человеческих масс, внутренней свободе – потребность каждодневно добывать хлеб насущный, идеалу красоты – кровавый ужас исторической действительности».

Он говорит вновь пришедшему в мир Христу: «Ты хочешь идти в мир и идёшь с голыми руками, с каким-то обетом свободы, которого они, в простоте своей и в прирождённом бесчинстве своём, не могут и осмыслить, которого боятся они и страшатся, – ибо никогда и ничего не было для человека и для человеческого общества невыносимее свободы!»

К моему Старцу приходит не узник, а Владыка местной земли и говорит: «На Украине не должно быть нацизма и оружия, которое могло бы угрожать безопасности нашей страны».

Вот и всё! Что тут может быть непонятного? Здесь же всё очевидно. Мы даже не собираемся устанавливать лояльный режим, не собираемся требовать, чтобы нас любили, чтобы к нам вернулись... Не хотите – ну и, пожалуйста. Единственное, что нас волнует – наш суверенитет и безопасность!

«Однако, – говорит Владыка, – беда в том, Старец, что всё затянулось и все спрашивают меня: “Когда Россия начнёт воевать по-настоящему?”»

Я отвечаю, что мы в рамках СВО воюем фактически на пределах возможностей, и усиление может быть только за счёт объявления мобилизации, введения военного положения и перевода всей промышленности на военные рельсы. Что мне делать, Старец? Всё больше тех, кто требует радикально решить вопрос, ты, наверно, догадываешься как?

Старец строго посмотрел на Владыку и спросил: «Что они требуют предпринять?»

«Требуют ударить таким оружием, которое решит вопрос с Украиной навсегда. Что мне делать, Старец, как поступить?»

«У тебя два выхода, Владыка, – отвечает Старец. – Один – это начать воевать, как они требуют. Это ещё больше искалеченных судеб, смерть невинных людей, разрушенные дома, гуманитарная катастрофа и тотальный ужас. Ты создашь свалку мирового масштаба. Вдумайся, пока не поздно, ты «шарахнешь», как они просят, и знаешь, что станет?»

“Старец, они уже не боятся, что с ними «станет», они хотят развязать руки”.

“Если ты «шарахнешь», Владыка, то получишь затопленные корабли, руины городов, строительные отходы, разбросанные по всей территории бетонные плиты. Всюду будут валяться предметы быта, которые отнесло взрывной волной и искорежило до неузнаваемости, мебель, светильники, зеркала, детские игрушки, одежда из гардеробов. Всё это уже не сможет подлежать восстановлению и переработке, да и вряд ли кому-то на войне будет дело до переработки. Во многих предметах образуются тяжёлые металлы и токсичные для природы вещества.

Всё это будет разбросано по земле, медленно просочится в неё и отравит. Со времён Второй мировой войны, вот уже 80 лет, в земле и водоёмах проявляются последствия военных действий – неразорвавшиеся боеприпасы, снаряжение военных, покрышки от военной техники, на дне морей мёртвым грузом лежат подводные лодки и сбитые самолёты.

Но самое главное, всё это не сможет «переварить» природа. Мусорные отголоски войны, от Куликовской битвы до Бородино и Сталинграда, столетиями будут встречаться нашим потомкам.

Земля давно плачет от её обитателей, а сейчас она отказывается привести в равновесие и восстанавливать баланс биоёмкости для жизни человечества. Про последствия атомной катастрофы не мне тебе рассказывать, Владыка. Достижение критического уровня радиоактивного загрязнения планеты создаст удвоенный процент мутаций и, соответственно, гибель человечества как вида”.

“И что дальше?” – грозно спрашивает Владыка.

И вот тут Старец отвечает: “Не исключено, что человечество возмечтает найти себе во вселенной новую родину, и это будет Юпитер! Два его спутника – Каллисто и Ганимед – примут наш восточный и западный мир, и мы там начнём всё заново, теперь уже повзрослев и научившись на ошибках”.

“Старец, мне известно, что ты прапраправнук монаха Авеля, предсказателя царей Павла и Николая Второго. Читал, что всё, о чём ты говоришь и предвещаешь, исполняется до мельчайших подробностей. Ответь, что мне надо сделать, чтобы потомки не славословили обо мне, как о других? Я не хочу быть ни Лениным, ни Сталиным, ни Брежневым, я хочу быть самим собой, хочу, чтобы наконец-то о ком-то вспоминали с любовью”.

“Надо вовремя уйти, Владыка!”

“К сожалению, я правил дольше многих. Что делать?”

“Сделай то, о чём ты мечтал, Владыка, – операцию «Преемник»! – с надеждой предложил Старец”.

“Преемника нет, а тот, который был, бухает по-чёрному”, – признался Владыка с горечью.

Оба задумались, ища выход. Владыка перекрестился, подсел ближе к Старцу и заговорил тихо, чтобы никто из челяди не подслушал:

“Ты считаешь, Старец, приятно думать, что стоит мне умереть, как сразу то, что при моей жизни не было доказано: отречение от всего во имя заработка в Санкт-Петербурге, постоянное лавирование, чтобы не спугнуть пьяного Гулливера в Москве, а потом – нескончаемые оправдания за мифические мешки гексогена, потонувший «Курск», Беслан и, наконец, за спасительную СВО, впервые давшую почувствовать народу не рабский менталитет, в результате не признают преступлением, обвинив меня единственного во всех очередных бедах России? Что мне делать, Старец?”

Владыка приблизился к Старцу на расстояние дыхания и зашептал:

“Господи, Старец, я не сказал тебе самое главное: через пять лет Запад наберёт огромную силу, их будет больше нас в пять раз, и тогда придётся воевать так, как просят меня мои советники, неужели другого выхода нет?”

Долгая и непроницаемая тишина наступила после этого вопроса. И вот наконец Старец ему говорит:

“Во-первых, не так всё страшно. Как предсказал Аристокль Афинский: «В предантихристовое время от России отвернутся все державы, но она с Божьей помощью устоит, укрепится и “станет маяком” для всех народов». А для insurance¹, – добавил он, – готовь экспедицию, посылай, Владыка, как Ной, лучших людей на Юпитер и его спутники, пусть там ищут площадку для новой цивилизации”».

Крылов замолчал, в машине возникла неловкая тишина, и только шум двигателя южнокорейской машины исправно доносился из-под капота.

– Ну, как вам моя поэма? – в гнетущей паузе спросил автор.

¹ Insurance (англ.) – страхование, подстраховка.

Клава, первой вызвавшая Ивана на поэтическое откровение, была настолько поражена, что не смогла сказать ничего, только рукой перевернула волосы Ивана и замолчала.

– Что, неужели так плохо, что вы молчите? – Иван развернулся к Волкову.

– Наоборот, хороша. Твоя поэма в рассказе кажется страшной, а что будет в стихах, да если ещё и хороших, трудно предсказать!

– Поэма твоя претендует на пророчество, но она немного жутковата, – подал голос Кольцов. Бестселлера из этого, Иван, не получится. Во-первых, твой Владыка на нашего Президента не тянет. Президент – дипломат, балансёр и никогда не решится на радикальные меры. Как ни соблазнительно некоторым нашим умникам «шарахнуть» ядерным оружием, но никому не захочется войти в историю Дьяволом, тем более нашему Президенту.

А вот о Земле у тебя написано сильно. Она действительно плачет от человеческой жестокости. Мой совет, не трогай в поэме Владыку, пусть твой Старец отругает нас за хамское отношение к Земле и пусть какой-нибудь русский Ной полетит на Юпитер и его спутники, и, как Гагарин, будет первым.

Кстати, в этом случае поэму опубликуют, а с «Владыкой» печатать испугаются. У нас идёт война, свобода слова даже в Ютубе ограничена, а ты хочешь, чтобы на книжной полке твой «шедевр» красовался. А вообще ты молодец, устроишься в Товариществе, пока в Клавиной комнате, и пиши в своё удовольствие, тема подходящая.

– А вы где будете? – спросил Иван Кольцова.

– Доберёмся до Ступино, высадим тебя, доедешь на такси до Кремнёвки, а там – рядом Товарищество.

– Мы поедем вместе, – подал голос Волков. – Ближе к Москве, я позвоню Елене, она тебя поселит. Только почему в комнату Клавы?

– Потому что Клава должна стать невидимкой, её нельзя никому показывать, – чётко отрезал Кольцов. – Уверен, что охота на Клаву продолжится и в Москве. Жену я буду прятать до тех пор, пока не выяснится, когда будет суд. Тебе, Прохор, я тоже не советую показываться всем на глаза.

– И что делать, отсиживаться, пока на нас поклёп готовят? Теперь у нас есть Клава, основной свидетель, – стал возражать Прохор.

– Правильно, но этому основному свидетелю надо дожить до суда. Понял? Поэтому, Прохор, доверься мне, я – полицейский, нашу охранительную систему за тридцать лет узнал досконально. Сейчас вернёмся, изучим обстановку, и, когда начнётся суд, вот тогда вы и появитесь. А пока дайте мне возможность спокойно всё выяснить и понять, как дальше действовать.

В районе города Ступино Прохор позвонил Елене и Нине-химику. Договорившись о подселении Ивана в комнату Клавы, а с Ниной-химиком о своём проживании у неё, Прохор и Иван взяли такси и поехали в сторону Кремнёвки.

Кольцов с женой отправились к себе на квартиру взять для Клавы нужные вещи. Однако подъехав ближе к своему кварталу и пробравшись на видимое расстояние к дому, Кольцов понял, что за подъездом следят какие-то посторонние люди. Сразу стало ясно, что об освобождении Клавы уже знают и принимают меры для её поимки.

– Нет, голубчики, больше вы нас не проведёте, – сказал Кольцов и поехал с женой на квартиру матери Клавы в Сокольники.

* * *

С конца ноября Кольцов искал скрытные подходы к Мосгорсуду. Его целью была одна, почти невыполнимая, задача – тайно доставить в суд Прохора и жену. Майор понимал, что их появление могло стать поворотным событием для всего дела. Но провести их незаметно через охрану, да ещё под неусыпным наблюдением людей Гаджиева, готовых на всё, вплоть до покушения, казалось практически невозможным. Надо было искать своих в Мосгорсуде, а их не было.

Он дважды запрашивал через руководство московской полиции административный состав Мосгорсуда – ни одного человека, хоть отдалённо ему знакомого, не нашлось. Тогда он решил искать людей, имеющих контакт с администрацией суда, со стороны. И нашёл!

У его школьного товарища оказался знакомый, работающий в компьютерном зале на первом этаже. После встречи и договорённости с этим человеком, Кольцов сумел организовать допуск и незаметно провести жену и Волкова в помещение электрорадиотехнического обслуживания компьютерной тех-

ники нового корпуса. Они устроились в небольшой светлой комнате, куда случайные люди доступа не имели.

Кольцов пригласил полицейского-оператора из своей команды, ему организовали допуск, и тот через Wi-Fi сделал настройку платформы и протестировал подключение к месту, где проходило заседание. Слышимость была вполне приличной. Кольцов со своими верными коллегами следил и за залом, и за тем, чтобы никто не прорвался в комнату, где прятались главные свидетели.

В это время суд уже шёл своим чередом. Председательствующий сообщил, что разбираемое дело является особым, что в нём рассматриваются по существу два преступления, совершённых одними и теми же лицами. Первое – хищение деревообрабатывающих станков на территории хозмагазина «Майрат» предпринимателя Гаджиева, и второе – вымогательство денег у московских туристов в деревне Кремнёвка.

Неожиданно председательствующий обратился к Алексею Симкевичу:

– Господин Алексей Альфредович Симкевич, поддерживаете ли вы, как потерпевший, свои требования?

– Да, – громко ответил тот.

Судья сделал пометку на лежащем перед ним листе бумаги.

– А вы, господин Гаджиев, поддерживаете ли свой иск к обвиняемым?

Хозяин «Майрата» не спеша, оглядываясь по сторонам, ответил: «Да».

В это время ему кто-то позвонил на мобильный телефон. Он растерянно и громко начал отвечать на азербайджанском языке и вдруг, расталкивая людей, быстро ринулся на выход. Но там он натолкнулся на майора Кольцова и людей из Бабушкинского отделения полиции. Каким-то собачьим чутьём он понял, что отсюда его не выпустят. Видимо, Гаджиеву сообщили по телефону, что Кольцову всё-таки удалось незаметно провести свидетелей в здание суда, и он решил сбежать.

Тем не менее Гаджиев сделал ещё попытку проскользнуть в другую дверь, но двое полицейских и здесь перекрыли ему дорогу. Тогда он, что-то бормоча себе под нос, вернулся и сел на свободное место в другом конце зала, но опять рядом с проходом.

В это время председательствующий повернулся к сидящим за стеклом «клетки-аквариума» обвиняемым и задал вопрос:

– Граждане Игнатъев, Водолагин, Сёмин и Саркисян, признаёте ли вы себя виновными в хищении деревообрабатывающих станков в хозяйстве предпринимателя Гаджиева и в вымогательстве денег пятнадцатого октября сего года у Алексея Симкевича и сопровождавших его друзей в деревне Кремнёвка?

– Нет, нет, нет, нет, – поочерёдно выкрикнули обвиняемые.

После такого ответа судья дал слово прокурору.

Филиппов был не только высококвалифицированным юристом, поддерживающим цели этого процесса, но и отличался блестящей эрудицией, умением в любых сложных ситуациях жёстко вести линию разбирательства и добиваться нужного результата. Симкевич-старший прекрасно понимал, что Алексея, как пострадавшего и подателя иска, следовало поддержать именно такой сильной фигурой, как Филиппов, человека не только физически крепкого, умеющего вести самые сложные дела, но и, как говорили о нём, обладающего хваткой бешеного ротвейлера. Он даже внешне чем-то напоминал эту породу собак.

Прокурор был крупного телосложения, почти под два метра ростом, всегда выглядел подтянутым, с густой, слегка подкрашенной шевелюрой, не то чтобы полный, но крепкой упитанности. К тому же Филиппов был подготовлен к этому делу эмоционально, он знал, кто в нём заинтересован и почему его нужно провести образцово. Во время слушания и дебатов с защитниками любого уровня его трудно было застать врасплох, голос его всегда звучал уверенно, и находились нестандартные аргументы.

Не последним доводом в его пользу было и то, что он нравился женщинам, в зале у него всегда возникал какой-то незримый контакт с женской аудиторией. Если судья Кац был воплощением еврейской скрупулёзности и безупречной юридической компетентности, то Филиппов был любителем импровизации, которая осталась в его юридическом арсенале после долгой адвокатской практики.

Сам Симкевич-старший смотрел на это судебное дело, как на личный вызов ему и его семье. Более того, он надеялся, что этот процесс станет поворотным событием не только в его жизни, но и даром в зале собралось такое количество людей разного партийного и общественного положения.

В какие-то минуты Симкевичу, как отцу, чей сын больше всех пострадал в этом скандальном происшествии, казалось, что именно ему каким-то небесным провидением выпала сверхзадача стать во всей этой истории демиургом. Он чувствовал, что обязан не подвести громадное количество людей высшего эшелона власти, переживающих в этот паллиативный военный период своего существования огромное испытание.

На этом процессе присутствовал ещё один человек с серьёзными амбициями и ответственно готовящийся к своей миссии, это был адвокат Олег Николаевич, с грозной фамилией Иванов. С ним подписало договор руководство товарищества «Заря», зная, что Иванов ещё в Каширском суде вёл дело о покушении на Волкова, и теперь ему предстояло отстаивать честь ветеранов СВО и всего коллектива. Олег Николаевич отдавал себе отчёт в том, что ему предстоят трудные испытания и что придётся вести судебные баталии с «московскими монстрами», которые таких, как Иванов, воспринимали не иначе, как провинциальной массовой.

Прокурор Филиппов, не заглядывая в документы, лежащие перед ним на подставке, начал так уверенно говорить, что зал сразу насторожился.

– Ваша честь, я подробно изучил дело обвиняемых. В предоставленном материале – практически два дела. В одном случае ограбление хозяйства предпринимателя Гаджиева, в нём участвовали Кирилл Игнатьев, Семён Кудрин, Тимур Саркисян и отсутствующий на скамье подсудимых, находящийся в розыске Прохор Волков. В другом деле – вымогательстве денег в деревне Кремнёвка – к этой группе присоединяется Сергей Водолагин, но исключаются Тимур Саркисян и Прохор Волков. Итак, ваша честь, позвольте представить развёрнутую характеристику существа этих дел, дать им оценку и, главное, установить мотивы этих преступлений.

– Пожалуйста, мы слушаем вас, господин прокурор, – ответил судья.

В зале наступила абсолютная тишина, лишь где-то в коридоре слышны были отдалённые голоса. Филиппов демонстративно ещё какое-то время помолчал, пока не затихли разговоры за стенами зала, и, когда установилась полная тишина, продолжил:

– Уважаемый суд, начну с оценки так называемой «новой элиты», к разнообразной деятельности которой всё чаще приковывают внимание средства массовой информации. Не ошибусь, если предположу, что к этой «новой элите» смеют причислять себя и сидящие на скамье подсудимых бывшие участники СВО Кирилл Игнатьев, Семён Кудрин и Тимур Саркисян.

Во-первых, давайте разберёмся, кого нам считать элитой в такой стране, как Россия. Пётр I правил тридцать шесть лет, сделав за это время Россию действительно великой, Сталин тридцать лет был у власти (перечислять его заслуги я не буду, как и говорить о жёсткости правления), но оно того стоило, потому что с нами тогда считались во всём мире. В системе управления перечисленных государственных деятелей была элита, она была и, как мне кажется, по праву считалась элитой!

Итоги прошедших лет в нашей стране наглядно показали, что все предыдущие попытки российской «элиты» стать «своими» на Западе потерпели полный крах. Тем не менее все дальновидные социологи и философы уверены в том, что сам ход текущих событий может создать для России и её народа такие условия, когда наши «верхи» наконец-то повернутся, образно говоря, лицом к народу и начнут заниматься развитием страны в его интересах.

Но согласитесь, господа, что укоренилось широкое мнение о том, что сегодня существенных шагов и действий со стороны «элиты» в этом направлении не сделано или сделано очень мало! И хотя на самом «верху» ранее говорилось, что современная модель капитализма исчерпала себя и что в самом социализме ничего плохого нет, но дальше слов, к сожалению, дело до сих пор так и не продвинулось.

Между тем мы часто слышим на разных экономических диспутах и всякого рода обсуждениях, что российская экономика, во-первых, и далее будет развиваться на безусловном приоритете рыночных механизмов, а, во-вторых, в ранее объявленной национализации нет никакой необходимости.

К этому добавим, что даже в условиях практически полного разрыва отношений с Западом нынешняя российская «элита», по моему оценочному мнению, по-прежнему хочет сохранить существующее положение дел в российском обществе, с его, как утверждают некоторые критики, диким социальным расслоением. Как декларируют недавние «владельцы заводов, газет, пароходов» – коммунисты: российские миллиардеры и чиновничий аппарат не хочет расставаться со своим привилегированным и господствующим положением в России.

Тем не менее есть немало наших людей, которые верят и надеются, что по окончании СВО, когда, мол, вернутся «наши ребята», нынешняя элита будет вынуждена начать перемены внутри страны в интересах народа и возьмёт курс на построение действительно социального государства в России.

На этих словах прокурор оглядел зал, повернулся к сидящим за стеклянным ограждением обвиняемым и, протянув руку в их сторону, воскликнул:

– Господа, вот она – вернувшаяся с фронта, отмеченная орденами «новая элита»! Она сегодня сидит «за решёткой» за организацию своеобразного ОПГ, за рэкет по отношению ни в чём не повинных, пусть и богатых, детей нашей элиты. В мыслях этих «героев Авдеевки», по свидетельству следователей, образно говоря, мерцает образ лучших социальных достижений Советского Союза, но в результате их мечты, как в раннее большевистское время, превратились в давно известную и легко реализуемую форму обогащения: отнять и поделить!

Так они отняли станки у предпринимателя Гаджиева, так же они хотели поступить и с интеллигентными, но богатыми туристами, возвращавшимися из Ясной Поляны после посещения музея гения русской литературы Льва Толстого. А давайте вместе вспомним, что говорят об элите, находящейся сейчас у власти, сегодняшней элите? Чаще всего о ней судят как о жертве «полит-аборта», кроме грабежа народа так ничему и не научившейся.

Получается странная история, столько лет эта элита у власти, работает рядом с Президентом, строит экономику, теперь ещё и в военное время повысила ВВП страны в этом году на 4,7 процента, а почему-то никак не может получить признание и любовь своего народа и отечества. Странный парадокс, не правда ли, господа?!

А эта элита, – прокурор снова указал рукой в сторону обвиняемых, – кроме отличного владения автоматом Калашникова, безусловно – больших жертв, которые мы учитываем и по коим скорбим, пока в управленческой среде ещё ничего не показала. Да, есть информация, иногда весьма противоречивая, что часть из них – скромно отметилась на руководящих должностях в провинции, в спортивном и охранном секторах, что некоторым, благодаря администрации Президента, повезло, и они учатся на очных модулях программы «Время героев», но кроме этих, повторяю, скромных достижений, они себя никак не обозначили.

Оказывается, то, что пишут, это не вся правда, вернее, это – полуправда. Истинная правда на сегодня – это факт судебного разбирательства за совершённые преступления этой «новой элитой», находящейся сейчас в этом «аквариуме» и определённой следственным комитетом как преступная группа из пяти человек.

Одного, главного руководителя этой ОПГ, – Прохора Волкова посадить на скамью подсудимых пока не удалось, он «в бегах», и поэтому ответят за него, этого депутата местного разлива, они, бывшие герои Авдеевки, награждённые орденами «Мужества».

На последних словах прокурора одновременно раздалась бурные аплодисменты и возмущённые выкрики:

– Нет у нас никакой элиты! Алчность и серость – вот наша элита!

– Хватит орать, гопники, – ответил мужчина из первых рядов.

Ему возразила женщина:

– Мели, Емеля, твоя неделя!

И вдруг зычный мужской голос из зала прокричал:

– А кто за последние три года вырастил ВВП на 37 триллионов, паразиты?

Казалось, что после такой бурной реакции и словесной перепалки в зале Филиппов растеряется, «даст трещину», но не тут-то было. Не моргнув глазом, даже не перестроившись, прокурор уверенно продолжил:

– Да, понимаю ваши чувства, уважаемые участники судебного разбирательства, понимаю вашу боль, скепсис и разочарование. Но как говорил поэт: «Жизнь прожить, не поле перейти...» А переходить это поле приходится всем! Одни переходят его трудясь, не покладая рук, другие – героизмом либо прикладывая творческие усилия, а некоторые – отъёмом чужого, дележом и, в результате, преступлением!

Казалось бы, с чего началось первое дело? Существует под боком у этих молодцов, – прокурор в очередной раз сделал жест рукой в сторону обвиняемых, – устроившихся для проживания в перспективном коллективе товариществе «Заря», крепкое, развивающееся хозяйство «Майрат» пред-

принимателя Гаджиева. Гаджиев, человек творческий и целеустремлённый, для развития своего дела покупает деревообрабатывающие станки, открывает цех, но в один день, по возвращению из Москвы, узнаёт, что станки украдены, под крышей установлен «жучок» и найти похитителей, оказывается, нет никакой возможности.

«Бог с ним», – говорит себе Гаджиев и решает не связываться с «новой элитой», себе, как говорится, дороже. Но взгляните ещё на одну деталь, самоуверенные похитители, для демонстрации своего абсолютного торжества, оставляют под крышей цеха «жучок», чтобы вдоволь посмеяться над «азером», как в их кругу недобросовестно зовут азербайджанских бизнесменов.

Но жизнь, Бог и справедливость, господа, вносят свои коррективы. Оказывается, находится свидетель, который ночью видел одного из преступников, главаря этой группы, Прохора Волкова. Свидетель узнаёт эту личность, находящуюся ночью около эвакуатора, и почти безнадёжное дело сегодня вновь пересматривается и, надеюсь, получит свою оценку.

Сумму, потерянную Гаджиевым в результате этого хищения, определит суд и сам пострадавший. Но тогда, при первом расследовании, дело было искусственно замято, преступников не то чтобы не оправдали, а вообще свели поиски виновных на «нет» или, точнее, «на нет – и суда нет».

Сегодня ситуация выяснена, оправдания не будет, факты и доказательства говорят сами за себя. С такой же очевидностью говорят факты и по второму делу: вымогательству денег у группы друзей потерпевшего Алексея Симкевича, столкнувшихся с обвиняемыми Кириллом Игнатьевым, Сергеем Водолагиным и Семёном Кудриным в деревне Кремнёвка, на мосту через реку Беспуту.

В результате этого инцидента потерпевший, Алексей Симкевич, от тяжёлого удара, нанесённого ногой обвиняемым Семёном Кудриным, потерял глаз.

Сделав небольшую паузу, прокурор подвёл итог:

– Ваша честь, как нам кажется, правосудие должно поставить в этом деле точку, а обвиняемые должны понести справедливое и заслуженное наказание. Почему я говорю: «должны»? Я предполагаю, что органы прокуратуры Военного отдела, по договорённости с Минобороны, а также, учитывая то, что у обвиняемых это первое преступление, будут искать своё решение этого дела. В конце концов, в деле фигурирует не слишком большая сумма стоимости станков, в триста тысяч рублей, а вымогательство и увечье одного из участников процесса – это мелочь, которую можно простить на фоне фронтовых заслуг бывших участников СВО, будет просить приостановить дело в связи с уходом обвиняемых на фронт. Но нужны ли в неминувшем конце войны такие герои? Должны ли они, таким образом, говоря на сленге, «отмазаться»?

В зале опять раздались аплодисменты и крики:

– Судить! Всех судить!

И только один высокий женский голос раздался с такой силой, что все оглянулись на молодую женщину, сидящую с военным в звании майора:

– Пока мы воров и мошенников считаем элитой, у нас нет никакого будущего. Отпустите этих солдат, они сражались за Родину, они инвалиды!

– Вот видите, господа, оказывается, есть и защитники, – без паузы ответил прокурор. – Нет, не отпустим, уважаемая «крикунья»! Не отпустит наше правосудие, не должны они там появляться, их место здесь, на скамье подсудимых. Они должны получить справедливую оценку своих деяний. Ваша честь, уверен, что уважаемый суд определит это наказание в соответствии с Уголовным правом Российской Федерации. Предлагаю, ваша честь, перейти к показаниям потерпевшего и свидетелей по этим двум делам.

Судья, не мешкая, объявил:

– Вызывается для допроса потерпевший, предприниматель Шахин Юсуфович Гаджиев.

Гаджиев, с какой-то бросающейся в глаза нервозностью, опасливо озираясь, поднялся на трибуну и, обернувшись в сторону судьи, начал говорить:

– Спасибо, ваша честь, за предоставленное слово. Оно будет кратким. Как говорят горцы: «Самая сильная крепость – любовь к родине». Вы, наверное, видели по телевидению, как люди разных национальностей с оружием в руках представляются: так вот, я – азербайджанец, но я – русский. Вы поймите меня правильно, ваша честь, мы все, кто живёт в этой стране, благодарны, что наша Россия объединяет нас, верующих разных религий, в битве против общего врага – сатаны, в лице натовского оккупанта.

Хочу подчеркнуть, что роль русского человека в этом вопросе очень велика. Поэтому я подумал, подумал без гнева и злобы, и решил отозвать своё исковое заявление и не требовать у моих русских товарищей компенсацию, и не просить высокий суд их наказывать. Я им всё прощаю и надеюсь, что и они мне всё простят. Как сказал Аллах: «О рабы Мои, которые излишествовали во вред самим себе, не отчаивайтесь в милости Аллаха! Воистину, Аллах прощает все грехи, ибо Он – Прощающий, Милосердный».

Что сделалось с залом, трудно передать: после оглушительной тишины и общего вздоха начался какой-то нарастающий вал гула и недоумения, затем раздались крики:

– Молодец! Правильно!

И в следующую минуту всё слилось в один несмолкаемый перекат обсуждений и оценок. У многих, особенно у женщин, появились слёзы радости на глазах. Замминистра Симкевич вскочил с места, развёл в стороны руки, затем, в немом недоумении, протянул их к судье, словно требуя объяснить, что пошло не так и почему хорошо подготовленный истец понёс такую немыслимую ересь?

За судейским столом, после заявления Гаджиева, тоже возникло замешательство, но судья, взяв молоточек, стал призывать зал и всех участников суда к спокойствию. Перекрывая шум, он потребовал тишины и начал говорить:

– Господа, в УПК Российской Федерации, в седьмой части 246-й статьи, существует понятие – «исключительное право на ошибку». Но, уважаемый истец, господин Гаджиев, вы – потерпевший, а, по закону и по этой статье, вы не имеете права «забрать» свои обвинения, так как право преследования лица, совершившего преступление, принадлежит государству, а не отдельным гражданам. Конечно, вы можете отказаться от своего иска и обвинений в рамках урегулирования спора в ходе судебного разбирательства, но окончательное решение остаётся за судом. В связи с этим передаю слово прокурору.

Прокурор пристально посмотрел на Гаджиева, на ещё возбуждённый зал и вдруг заговорил строгим, почти приказным тоном:

– Господин Гаджиев, так замечательно чувствующий себя «русским», вы намерены своим выступлением сказать, что на сегодняшний момент вы хотите, чтобы у нас не было события преступления, совершённого этими, – прокурор показал рукой в сторону скамьи подсудимых, – обвиняемыми? Однако, ваша честь, суд не может гарантировать, что эти люди избегут наказания, так как по УК РФ окончательное решение принимается судебным заседанием на основе представленных доказательств и фактов дела. Уголовное дело по ходу следствия досконально изучено, фактические данные и доказательства, все они известны. Конечно, потерпевший имеет право на примирение с обвиняемыми, однако это не означает, что он может самостоятельно снять обвинения.

В зале снова раздались аплодисменты и крики:

– Судить!

Кто-то крикнул: «Этот “русский” – провокатор!»

«Гаджиев шкуру свою хочет спасти», – крикнул Геннадий из товарищества «Заря».

Прокурор сделал секундную паузу и тотчас продолжил:

– Прошу зал успокоиться, суд может принять решение об отмене или изменении меры пресечения в отношении обвиняемых, если потерпевший и обвиняемые заключат мировое соглашение.

Опять в зале раздались аплодисменты, на этот раз аплодировали и члены Товарищества.

– Это очень показательно, что присутствующие в зале, болельщики за участников СВО, так положительно принимают решение потерпевшего, – иронично заметил прокурор, – но, господа, примирение не означает, что обвиняемые избегут наказания, если суд докажет их вину.

В зале раздался свист, грубые реплики, похожие на брань.

– Господа, держите себя в руках! – повысил голос прокурор. – Суд, в процессе вынесения решения, обязан руководствоваться законом, учитывать все обстоятельства дела.

В этот момент адвокат обвиняемых Иванов попросил слово:

– Ваша честь, протестую по преждевременному заявлению прокурора: «...если суд докажет вину обвиняемых». По положению статьи 246-й, части седьмой, суд прежде всего должен предоставить слово второй стороне предложенного примирения, то есть обвиняемым.

Председательствующий ударил молоточком и заявил:

– Хорошо, принимается. Суд будет допрашивать... кого-нибудь из обвиняемых.

Посоветовавшись, руку поднял Кирилл и громко начал говорить в подключённый микрофон:

– Ваша честь, ни одному слову этого потерпевшего мы не верим. Мы уверены, что у нашего защитника есть такие свидетельские показания, что Гаджиеву лучше просить мира, чем получить большой срок. Убеждён, кто-то проехал ему по ушам и он поджал хвост! Не выйдет, Гаджиев! Вы – преступник, подговоривший стрелять своего наймита Нурлана Багирова в нашего товарища, депутата Волкова, потому что он не давал спуска таким «русским», каким хочет представиться здесь этот преступник.

– Подсудимый Игнатъев, дело о каком-то наймите, которого нанял потерпевший Гаджиев, суд сегодня не рассматривает, – заявил судья. – Продолжим, – сказал он, обернувшись к прокурору.

– А почему не рассматривает? – громко возмутился Кирилл. – Потому что этот человек, по кличке «Арбалет», давно удрал к себе в Азербайджан и его, по нынешним временам, оттуда не вернуть? Мы все уверены, что этот азербайджанский предприниматель, по чьему подстрекательству чуть не убили нашего товарища, будет тоже оправдан и тоже смоемся в Азербайджан или к туркам в Стамбул.

– Секретарь, отключите у Игнатъева микрофон! – крикнул судья. – Вы, Игнатъев, нарушаете порядок ведения допроса, предупреждаю, ведите себя достойно, иначе суд накажет вас дополнительно.

– Ну, конечно, меня повесят, как декабриста? – глухо донеслось из-за стекла камеры.

В зале раздались смех и аплодисменты. Председательствующий резко стал стучать молоточком, пока в зале не наступила тишина.

– Продолжим допрос свидетелей, – заявил судья и, заглянув в разложенные перед ним бумаги, взял один листок и, надев очки, объявил:

– Вызывается на допрос свидетель Марат Гиззатуллин, водитель компании ООД «Сухой корм».

Высокий, средних лет мужчина, в короткой поношенной дублёнке, с замотанным на шее шарфом, с перепуганными большими бегающими глазами на смуглом лице и торчащими над ними густыми бровями, суетливо поднялся на трибуну и, озираясь по сторонам, принялся испуганно переводить взгляд то на судью, то на прокурора, то на затихшего в проходе Гаджиева. Кто-то из журналистов неожиданно приблизился с фотоаппаратом к свидетелю и стал его фотографировать, но Гиззатуллин зло оттолкнул снимающего, словно назойливое насекомое, внезапно появившееся рядом.

– Свидетель Гиззатуллин, почему вы не разделись в гардеробе? В верхней одежде у нас не принято давать показания, – сделал замечание судья.

– У меня работа, ваша честь. Мне долго здесь находиться нельзя. Потом, я поставил машину в непопозволенном месте, могут оштрафовать.

– Ну, хотя бы снимите вашу верхнюю одежду.

Свидетель снял дублёнку, смял её, отодвинул в сторону пустую столешницу для бумаг и подложил «свёрток» себе под локти.

– Вот так вас устроит? – спросил он, усмехаясь щербатым ртом.

– Так положено, – назидательно отозвался судья. – Пожалуйста, продолжайте, господин прокурор, – обратился судья к Филиппову.

Прокурор полистал свою папку и остановился на нужной странице:

– Итак, в деле потерпевшего Гаджиева есть запись ваших свидетельских показаний, свидетель Гиззатуллин. Сообщается, что лицу (водителю Гиззатуллину) предъявлялось для опознания, вместе с другими лицами, лицо одного из обвиняемых.

– Да, меня два раза вызывали в следственный комитет и показывали разных людей, в том числе и этих, присутствующих здесь ребят.

Гиззатуллин показал в сторону сидящих за стеклом обвиняемых и продолжил:

– Ночью я их там не видел, ни одного. Об этом я дважды сказал следователю. Я считаю, что директор хозмагазина Гаджиев выступил правильно, надо это дело прикрыть крышкой и освободить солдат в зале суда.

– Подождите, подождите, прежде чем прекращать и освобождать, ответьте по порядку на несколько вопросов, – перебил свидетеля прокурор. – Вы говорите, что вам предъявляли для опознавания несколько подозреваемых лиц, так ли это?

– Так.

– Есть ли среди этих обвиняемых лица, которых вы видели ночью в июне месяце в районе хозмагазина Гаджиева?

– Нет, ни одного из них конкретно я не видел. Когда я проезжал на машине в сторону Тарасково, на повороте сбросил скорость и видел издали каких-то людей рядом с входом. Да, видел! Ещё, поехав после поворота на Тарасково по прямой, я заметил под деревьями жёлтый эвакуатор и рядом с ним одного человека, фотографию которого мне показал следователь.

– И кто же этот человек?

– Это – Прохор Волков. Его я узнал, он депутат нашего района. Я его видел ещё на собрании, говорил он по делу. Я случайно трепанул приятелю по работе, что видел Волкова этой ночью. А тот понёс! Он знал, что Гаджиев подал на них за воровство в суд.

Гиззатуллин сделал паузу, высморкался в платок, вежливо извинился и продолжил:

– Я всегда знал, что язык – мой враг, иногда ляпну что-нибудь, а мне потом нащёлкают по лбу. Вот и здесь доложили, что я видел, ну и понеслось! А видел я то, что видел. Узнал Прохора Волкова, когда следователь показал мне его фотографию. В конце я вот что вам скажу, ваша честь, раз Гаджиев отказывается их обвинять, то прошу считать, что и я ничего не видел ночью около эвакуатора.

– Позвольте, ваша честь, задать свидетелю один вопрос, – подал голос адвокат Иванов.

– Задавайте, Иванов.

– Дорога на Тарасково в указанном вами месте делает поворот. С какой скоростью вы ехали в этот поздний час и почему в такое позднее время?

– Поздно ехал, потому что не высыпаюсь, вот и решил поспать у тётки в Москве. Я это уже рассказывал следователю.

– Значит, вы ехали, ещё недостаточно выспавшись, так ли это?

– Да, это так. Хотя я в дорогу выпил кофе.

– А с какой скоростью после поворота вы ехали? – продолжил адвокат.

– С какой скоростью? – удивился свидетель. – Народу не было, машин тоже, поэтому я ехал быстро, после поворота скорость была не меньше шестидесяти.

– На каком расстоянии от вас находился Прохор Волков? – снова спросил Иванов.

– Метров в пятнадцати-двадцати, я это уже говорил следователю.

– И тем не менее вы сумели узнать Прохора Волкова на таком расстоянии и на этой скорости?

– Да, он стоял один с краю дороги и о чём-то говорил с водителем эвакуатора, лицо которого я не видел, оно было в тени.

– Свидетель Гиззатуллин, достаточно, – оборвал допрос судья, – ваши показания зафиксированы во втором томе дела о хищении деревообрабатывающих станков в хозяйстве предпринимателя Гаджиева. В документах под вашими показаниями есть ваша фамилия и ваша подпись. Этот документ исправить и изменить нельзя. Нахождение Прохора Волкова в эту ночь рядом с территорией хозяйства Гаджиева доказано. Спасибо, свидетель Гиззатуллин.

– А как записана моя фамилия, ваша честь? У меня в фамилии два «зэ» и два «лэ»!

В зале раздался смех, и кто-то даже зааплодировал.

– Ваша фамилия так и записана: Гиз-затул-лин.

– Странно, а я думал, вы ошибётесь.

– Суд не ошибается, свидетель Гиззатуллин, и ваши показания очень важны для первого дела и определения вины обвиняемых.

– Ваша честь, позвольте перейти ко второму делу, участниками которого являются обвиняемые Кирилл Игнатьев, Семён Кудрин и Сергей Водолагин, – обратился к судье прокурор.

– Пожалуйста, господин прокурор.

– Вызывается потерпевший Алексей Альфредович Симкевич, заместитель директора ресторана «Причал».

Алексей, разминувшись со свидетелем Гиззатуллиным, уверенно прошёл к трибуне, стоявшей в центре зала, в метрах шести от сидящих за столом судей, и начал быстро просматривать что-то написанное на листе бумаги. Видно было, что он нервничает, но из-под тёмных очков это было не так заметно.

– Ваша честь, война – это не только убитые и раненые, это не только изуродованные города и земля, но это и перевёрнутая, искалеченная психика, – начал он резким, но уверенным голосом. – Раньше, когда я слышал о «дедовщине» в армии, о надругательстве взрослых мужиков над молодняком, мне

всё это казалось преувеличением. «Где же командиры, где дисциплина и порядок, – думал я, – если творится такое издевательство?»

Теперь я понял, что ошибался: издевательство процветает, и оно страшное. В нашем случае было как раз то, что можно назвать триумфом подлинного глумления.

Алексей сделал паузу, увидел вдалеке глаза отца, лицо Липкина и ободряющую улыбку Раи и, почувствовав, что начал правильно, продолжил:

– Ваша честь, для меня всё, что предложил потерпевший Гаджиев, который готов простить этим бандитам и потерянные станки, и немалые деньги, лишь бы этих русских, которыми он, видите ли, гордится, оправдали, прозвучало отвратительной насмешкой. Кому прощать? Этим извергам, этим собирателям мзды, по случаю своей непригодности ни к какому делу, кроме насилия?

Далее, ещё более комичное выступление свидетеля Гиззатуллина, который почему-то странным образом не узнаёт всех похитителей, а только одного, который находится в бегах и, наверное, где-нибудь смеётся над всеми нами, а заодно и над правосудием.

Ваша честь, я и мои товарищи, участвовавшие в этой поездке, ни на секунду не сомневаемся, что пятнадцатого октября этого года вот эти люди, эти обвиняемые, а если говорить по справедливости, эти бандиты, одетые в военизированную форму, остановили мою машину на мосту через реку Беспути и, перекрыв белой «Ладой» проезд, самым хамским образом потребовали у нас деньги.

– Где это было и сколько денег от вас потребовали? – спросил прокурор.

– Это было при въезде в деревню Кремнёвка. Мы, семь человек, возвращались из музея Толстого в Ясной Поляне и решили заехать в посёлок Тарасково, чтобы посмотреть дом сына Льва Николаевича, Михаила.

– Кто потребовал от вас деньги? – спросил прокурор во внезапно установившейся тишине.

– Первым потребовал деньги вот этот, длинный, который только что выступал. Потребовал десять тысяч рублей за проезд, иначе, как он сказал: «Вы не только не проедете, но и получите по морде!»

Мы все стали возмущаться, стали спорить, и вот тут они начали над нами издеваться, крыть матом. Затем напали и стали нас бить! Завязалась драка! Мы, конечно, сопротивлялись, но сразу было видно, что с нами дерутся профессиональные, хорошо обученные бандиты-налётчики.

А этот, седой, как я позже узнал, Семён Кудрин, приёмом карате нанёс мне удар ногой в голову, и я... потерял глаз.

Алексей снял на секунду очки и тут же их надел. В зале раздался гул и отчётливые крики возмущения:

– Бандит! Безобразие! Изуродовали парня. Посадить по полной!

В это время в стеклянном «аквариуме» обвиняемые начали что-то кричать. Слова долетали с трудом, но было слышно:

– Враньё! Драку начали они. Он врёт, у него была бита. У Симкевича был пистолет, он стрелял!

– Прекратите шум! – громко прикрикнул судья. – Суд даст вам слово.

Прокурор поднял руку и настойчиво стал успокаивать зал. Неожиданно человек пятнадцать из коллектива товарищества «Заря» стали скандировать: «Ложь! Ложь! Ложь!» – и через слово хлопать в ладоши. Тотчас в зале появились приставы и стали требовать тишины. Но кричавшие не утихали, тогда два пристава схватили Геннадия и вытолкали его за дверь.

Постепенно все успокоились, и судья дал слово обвиняемым. На этот раз поднялся Сергей Водолагин. Сергей очень нервничал, говорил тихо, но последовательно рассказывал обо всём так, как ему запомнилось.

Он сообщил, что против него использовали аэрозоль и что потом ему, в сопровождении жены, пришлось поехать к врачу в город Ступино, где ему промывали глаза. Рассказ этот хоть и произвёл впечатление, но не такое сильное, как история с выбитым глазом Симкевича.

Практически всем обвиняемым предоставили возможность выступить. Каждый из них уверял, что драку начали проезжие туристы, которые перед этим залезли в теплицы Товарищества, набрали полные сумки сельскохозяйственной продукции и на требование остановиться и ответить за свой поступок развязали драку, закончившуюся стрельбой, которую слышали полдеревни. Все обвиняемые говорили о некой существующей видеозаписи, содержание которой по телефону им передала дежурная Клава Кольцова. К сожалению, судьба её неизвестна, поскольку она вместе с видеозаписью исчезла в тот же день и так до сих пор не найдена.

После выступлений ответчиков судья дал слово свидетелям со стороны потерпевшего. Все члены клана друзей Симкевича по очереди рассказывали примерно то, о чём доложил суду в своём выступлении сам Симкевич.

Показания свидетелей, впечатляющая травма потерпевшего стали склонять чашу весов и настроение зала в пользу Алексея Симкевича. В узловой момент процессуального диалога прокурора с адвокатом обвиняемых к Иванову подошёл представитель Министерства обороны полковник Дмитриев и что-то ему прошептал. После этого адвокат обратился к судье с просьбой предоставить ему слово. Судья незамедлительно дал разрешение.

Выступление полковника было громогласным, коротким и впечатляющим. По просьбе Министерства обороны и командующего армией «Центр» генерал-полковника Мордвичёва военнообязанных Кирилла Игнатёва, Семёна Кудрина, Тимура Саркисяна и находящегося в запасе Сергея Водолагина предлагалось направить в действующую армию, в ремонтные бригады, расположенные в городе Авдеевка. В заключение письма Министерство обороны просило учесть это ходатайство при вынесении приговора участникам СВО, отмеченным правительственными наградами и к тому же являющимися инвалидами. Полковник прошёл к столу судей и передал бумагу председателствующему.

Неожиданно рядом с адвокатом Ивановым появился Юрий Кольцов и тоже стал что-то шептать защитнику обвиняемых. Адвокат приблизил к себе микрофон и обратился к судье:

– Ваша честь, защита просит выслушать не заявленного свидетеля, но тесно связанного с темой сегодняшнего заседания суда, Прохора Ивановича Волкова, депутата Каширского района, Колтовского муниципального округа.

В зале вначале не расслышали объявления, но когда по проходу Кольцов повёл в наручниках Волкова в военной форме, с орденом «Мужества» на груди, присутствующие, и особенно члены товарищества «Заря», принялись так громко аплодировать, что судья Кац пришёл в замешательство.

Перекрывая шум зала, он обратился к Волкову:

– Прохор Волков, вы проходите у нас обвиняемым по делу Гаджиева, как вы оказались здесь?

– Ваша честь, в суд меня доставили каширская и московская полиции. А туда я пришёл по собственному желанию. Это – явка с повинной, со смягчающими обстоятельствами, которую я сейчас делаю пока в устной форме.

– Гражданин Волков, вы, наверно, не знаете, что сама по себе «явка с повинной», без соответствующего заявления, не является смягчающим обстоятельством для наказания.

– Ваша честь, если бы я не знал, я бы не явился. Пока вы меня искали, я изучал законы нашего правосудия.

В зале раздался хохот и аплодисменты. Судье передан весёлый настрой аудитории, и он спросил:

– И как вам далась эта наука?

– Ваша честь, идея судебного процесса, в том числе и этого, заключается в том, что, если заставить двух лжецов разоблачать друг друга, правда обязательно выплывет наружу. Это первое! Второе, я написал в каширской полиции заявление о явке с повинной в двух экземплярах. Второй у меня с собой.

Волков попытался достать заявление в кармане гимнастёрки, но это ему не удалось.

– Эй, кто-нибудь из полиции, – распорядился судья, – освободите Волкову руки, снимите наручники.

Кольцов тут же быстро снял наручники и сел неподалёку от трибуны на место, которое кто-то ему освободил.

– Какие обстоятельства подвигли вас, Волков, прийти в полицию с явкой с повинной?

– Очень простые, ваша честь, мне сообщили, что поймали тех, кто стащил у меня станки. Дело было так: около восьми месяцев назад я подал в полицию заявление о пропаже из сарая на моём участке станков, взятых напрокат у старосты Кремнёвки Козлова Виктора Георгиевича. Он, кстати, сейчас в зале. Вот он!

Козлов из группы Товарищества громко отозвался:

– Да, было такое... в начале июня этого года.

– И что дальше? – спросил судья.

– Ваша честь, вы же знаете темпы работы нашей полиции. Дальше было ничего... Станки не нашли, но вскоре они объявились у Гаджиева, который якобы их купил в каком-то «Металлосборе» за триста тысяч рублей. Он, кстати, предъявлял липовую справку на эту сумму. На самом деле воры, которых поймали за очередное хищение и которые сейчас находятся в Кашире в следственном изоляторе, признались полиции, что они продали эти станки Гаджиеву за тридцать тысяч в этот же день, когда украли их у меня. Гаджиев, как ни в чём не бывало, купил целёхонькие станки, открыл мастерскую и стал качать деньги.

– Кто эти воры?

– Они сидят в изоляторе, с ними работает следователь лейтенант Пьяных. Их зовут... – Волков достал листок бумаги и стал читать: – Их зовут: один – Сеид Рустамхамлы, другой – Хасан Джафаров. Оба они азербайджанцы с временной пропиской в Ожерелье. Я с ними встретился, и они, кажется, очень сожалеют о своём проступке. Говорят, что не знали, что я участник СВО.

Ещё один важный момент, ваша честь, пока я ждал своей очереди в комнате рядом с залом, я слышал, что Гаджиев намерен отказаться от обвинения по этому делу. Знаете почему? Потому что «станочное дело» – это для него мелочь. Он замешан ещё в двух преступлениях: он является главным организатором нападения на меня и моего ранения.

К сожалению, мы в Кашире так и не добились суда над ним. Потому что Гаджиев нашёл высокого покровителя – замминистра юстиции Симкевича, который помог подсудимому Нурлану Багирову, по кличке «Арбалет», ранившему меня в ногу, бежать в Баку, и теперь дело о нападении на меня будет развалено.

В зале начался шум, все стали искать глазами Симкевича-старшего, но Волков, перекрывая шум, продолжил:

– Ваша честь, высокий суд, выступление Алексея Симкевича, как вы, надеюсь, поняли, абсолютная трёхкопеечная выдумка. Во всей этой истории он и его спойлеры виноваты сами. Мои друзья здесь ни при чём! В помине никакого вымогательства денег не было. А было наглое поведение вот этих самых туристов, наговоривших на обвиняемых, моих товарищей, целый короб вранья.

А теперь – главное! Для того чтобы обвинение, которое придумали Алексей Симкевич и его свидетели, было убедительным, и, чтобы спасти честь и репутацию семьи, было придумано следующее: отец Симкевича, замминистра юстиции, по всей видимости, за соответствующую мзду, нанял Гаджиева и его дагестанских дружков устроить набег на канцелярию товарищества «Заря» и рано утром выкрасть видеозапись камеры, запечатлевшей эту драку.

Однако что-то пошло не так: они натолкнулись на смелую женщину, дежурную Клаву Кольцову, которая видела всё, что делали в этот день московские «мажоры». Она видела, кто устроил драку с битой, стрельбу из пистолета и, как следствие, ответный удар Семёна Кудрина, который, защищая себя, случайно повредил глаз Алексею Симкевичу.

Но для того чтобы им жить спокойно, совершено ещё одно преступление: люди Гаджиева насильно увезли в неизвестном направлении дежурную Клаву Кольцову. Вот, ваша честь, коротко о том, что случилось пятнадцатого октября при въезде в деревню Кремнёвка и на следующее утро в канцелярии товарищества «Заря».

В зале повисла мёртвая тишина. Правда, присутствующие заметили, как сидевший неподалёку от Волкова молодой Симкевич в конце выступления свидетеля резко развернулся и посмотрел на него таким взглядом, что даже через тёмные очки просачивалась ненависть.

– Ваша честь, о государстве лучше всего судят по тому, как работает правосудие, – снова заговорил Прохор, – поэтому я прошу вас снять предъявленные обвинения с моих, ни в чём не повинных, товарищей и наказать подлинных виновников этого дела.

Зал прервал его выступление бурными овациями.

– По поводу станков, моей фотографии и предъявленного «жучка». Мои фотографии свидетель Гиззатуллин мог видеть, по крайней мере, в двухстах экземплярах во время избирательной кампании.

Что касается моего присутствия рядом с эвакуатором, замеченного свидетелем Гиззатуллиным ночью, то таких фотографий у следствия нет и не существует в помине. Главное в этой, не стоящей выеденного яйца истории то, что наконец-то восторжествовала правда и эти станки возвращены истинному их владельцу, Козлову, старосте деревни Кремнёвка.

И последнее, что касается «жучка», то через Интернет любой может купить эти приборы в разной модификации. Уверен, что у Гаджиева есть электронный запрос на покупку этого «жучка».

Вновь раздались аплодисменты. Волков сошёл с трибуны и сел за спиной адвоката Иванова, успев что-то шепнуть ему на ухо. Как только зал успокоился в ожидании, что будет дальше, как слова потребовал адвокат Липкин. Он словно почувствовал, что пробил его час и он сможет наконец-то отличиться.

– Ваша честь, – начал он громко, оглядывая зал и, нет-нет, обращаясь взглядом к тем чиновникам, которых он знал или видел по телевидению, – свалившийся как снег на голову свидетель является не кем иным, как много времени находящимся в розыске обвиняемым, Прохором Волковым. В связи с этим любые его домыслы, выпады и личные оскорбления – это не просто бесчинство, а серьёзное преступление. Мы считаем, что его показания не только зловещи по своей безответственности, но голословны по существу и легко юридически оспариваемы.

К сожалению, многие молодые люди считают, что суд – это театр. Они готовы действовать по логике: кто лучше лжёт, тот и выигрывает. Нет, в нашем суде, к счастью, это не так! Как известно, самые суровые судьи – мы сами. А тот, кто выносит приговор, должен помнить, что сам заносит меч над самим собой. Эту простую истину депутат Волков забыл.

Посмотрите, до чего договорился в своём выступлении этот внезапно появившийся защитник. Получается, что вся работа следственного комитета, выступления потерпевших, свидетельства участников судебного заседания, всё вышеперечисленное – это ложь, а его высокопарные, бездоказательные обвинения, выпады против уважаемых в стране людей – это правда.

По всей видимости, такие люди, как депутат Волков, считают, что сегодня в правосудии допустима любая клевета, которую можно выдать за правду. Но правда, как банный лист, не всем к лицу, и добавлю ещё, как выражаются молодые люди, характеризую подобных людей: «Мачо и чмо – две стороны одной медали».

Да, страшное, немыслимое явление в наши дни подобная драка, пролитая в ней кровь, но ещё трагичнее – потеря глаза молодым человеком из образцовой семьи, многого добившегося в своей жизни и на многое ещё претендующего. Это изуверское нападение – позор для обвиняемых, а нанесение подобного увечья требует самой строгой юридической оценки.

Ваша честь, я заканчиваю. Как юрист с опытом работы в течение сорока лет, ни одного убедительного довода в обвинениях этого «защитника» я не услышал. Нет ни одного свидетеля, выступившего сегодня на этом заседании в защиту версии, изложенной Волковым. И главное, нет этой пресловутой видеозаписи, о которой так много говорят обвиняемые и их, внезапно появившийся в суде, главарь – Прохор Волков. К несчастью, нет и Клавы Кольцовой, исчезнувшей в неизвестном направлении и разыскиваемой уже долгое время.

Какой же предварительный вывод мы делаем? При отказе потерпевшего Гаджиева и свидетеля Гиззатуллина по первому делу вина с Прохора Волкова и его соучастников в ограблении хозяйства Гаджиева не снята.

По второму делу мы считаем, что есть все основания наказать обвиняемых Игнатьева и Водолагина по статье за вымогательство, а Кудрина ещё и за нанесение увечья потерпевшему Алексею Симкевичу.

Ваша честь, в письменном виде мы, потерпевший и его представитель, предоставили наши соображения по вопросу: подлежат ли подсудимые наказанию за совершённые преступления? Мы надеемся, что высокий суд поддержит наше предложение и огласит соответствующий приговор обвиняемым в конце заседания. Благодарю за внимание.

В зале раздались аплодисменты. За судейским столом чувствовалось одобрение выступления Липкина и намерение подвести итог судебным прениям. Но не потерявший куража защитник Иванов, подзуженный сидящим сзади Волковым, попросил выслушать ещё одного свидетеля. Тут же вскочил Липкин и громко стал требовать прекратить давать слово незаявленным свидетелям и подвести черту свидетельским показаниям.

– Ваша честь, все присутствующие с нетерпением ждут заключительное слово прокурора, – громко и безапелляционно заявил в конце Липкин.

Судья спросил защитника Иванова:

– Имеет ли этот свидетель прямое отношение к делу и почему он не был заранее оповещён о судебном заседании? И вообще, господин Иванов, какова причина, по которой суд должен слушать незаявленного свидетеля?

– Ваша честь, только что защитник потерпевшего, господин Липкин, заявил, что «...к несчастью, нет и Клавы Кольцовой, исчезнувшей в неизвестном направлении». Так вот, исчезнувшая Клава Кольцова появилась и просит слова.

Первыми, почти хором, закричали, чтобы дали слово Клаве Кольцовой, люди из Товарищества. Ободрённый такой бурной реакцией защитник Иванов привёл естественный, но сильный довод, что суд должен быть заинтересован в установлении истины и, главное, что в российском законодательстве нет лимита на количество незаявленных свидетелей.

Возникла пауза. Зал напряжённо молчал и вдруг сорвался, раздались голоса:

– Сло-во, сло-во!.. Дать сло-во!..

И следом, через чёткий интервал, опять повторились нарастающие аплодисменты.

Наконец, судья поднял руку и в установившейся тишине объявил:

– Хорошо, пригласите свидетельницу Кольцову.

Когда Клава Кольцова в чёрном под горло свитере, подчёркивающим похудевшую фигуру, в вязаной шапке, под которой были спрятаны волосы, вошла в зал, наступила мёртвая тишина. Казалось, пролети для укуса на реющем полёте самка комара, и то стало бы слышно. Бледное, испуганное лицо Клавы в момент освобождения теперь стало другим: сосредоточенным, думающим и гневным.

Она осмотрела зал, бросила взгляд на сидящих судьёю и прокурора, потом нашла в зале Гаджиева и шёпотом сказала:

– Сатана!

В зале несколько человек развернулись в сторону Гаджиева. Он сидел с каменным, нервно вздрагивающим лицом.

– Свидетельница, назовите ваше имя, фамилию и род занятий.

Когда всё, что требуется, было озвучено, судья предупредил об ответственности за ложные показания. Адвокат Иванов, зная, что, по правилам ведения заседания, теперь слово предоставляется стороне, по чьему ходатайству свидетель был вызван, перехватил инициативу и первым задал вопрос:

– Свидетельница Кольцова, вас на протяжении почти двух месяцев разыскивала полиция, семья, друзья... Где вы были всё это время?

– Последние дни я лечилась, а так большую часть времени я провела в рабстве.

В зале раздался шёпот, слово «рабство» проговаривалось с удивлением и возмущением.

– Вы могли бы пояснить, что имеете в виду, сказав, что провели время «в рабстве»? – спросил адвокат Иванов.

– Ваша честь, не секрет, что социологическими опросами установлено, что в России, наряду с бурным развитием прогресса, по-прежнему уживается средневековое и даже рабство. Когда меня схватили шестнадцатого октября рано утром в канцелярии товарищества «Заря», где я сутки была дежурной, и насильно вывезли под Махачкалу на кирпичный завод, с этого момента я стала не кем иной, как рабыней. Я заявляю, что кирпичные заводы Дагестана – стройплощадка для рабов из Центральной России. Да, бывают случаи, когда люди едут туда по собственной воле. Там легко спрятаться от судебного преследования, тюрьмы, долгов и т. п. Едут туда и бомжи, и алкоголики, и бродяги, так как получают там хоть какую-то крышу над головой и еду. По вечерам этим несчастным людям «даги» даже наливают отвратительное питьё – «палёнку».

Немалая часть рабов, которые туда попадают, схвачены на вокзалах, в притонах, во время случайных встреч и совершаемых преступлений. В момент одного такого преступления схватили меня.

– Кто вас схватил, вы запомнили этих людей?

– Конечно, запомнила. Однако должна сказать, что сегодня респектабельные «цивилизованные» убийцы – «юридические мудрецы», изобретатели смертоносных вакцин, абортмахеры в белых халатах и прочие насильники рода человеческого – находятся под защитой незаконных демократических «законов».

Поймите, ваша честь, если я сейчас назову того, кто это сделал, и добавлю, что эти люди сейчас находятся в зале, то меня, моего мужа, ребёнка начнут в дальнейшем преследовать, травить и, скорее всего, убьют. Ваш суд не может предоставить мне гарантию неприкосновенности.

Оскорблённый такой постановкой вопроса прокурор вдруг оживился и, сославшись на государственную защиту МВД, потребовал:

– Не тяните время и не темните о каких-то преступниках в зале, а отвечайте по существу на поставленные вопросы, если уж вам дали слово.

– Хорошо, я, как вы сказали, господин прокурор, не буду «темнить». Когда эти люди ворвались в канцелярию, обыскали меня, забрали флешку с записью драки и повели меня с залепленным скотчем ртом в машину «Соболь», я видела в зеркале сидящего на переднем сиденье человека в папахе, который сейчас находится в зале.

Все присутствующие начали оглядываться по сторонам, предполагая, что кто-то, хоть каким-то движением, выдаст себя. Но никто не шелохнулся, стояла абсолютная тишина, и вдруг Клава громко выкрикнула:

– Этот человек – предприниматель Гаджиев, он сидит вот там, с краю, а люди, которые ворвались в канцелярию, были дагестанцы. Я хорошо запомнила лица Гаджиева и тех двоих, что везли меня на кирпичный завод и по дороге мучили своими мерзкими приставаниями.

– Ложь! – закричал вскочивший во весь рост Гаджиев. – Она видела меня в зеркале?! Кейфечо-насычим! ¹ Кто тебе поверит? Зеркало – это не доказательство!

– Свидетель Кольцова, вы подтверждаете, что в то утро видели в машине Гаджиева? – спросил Иванов.

– Да, я свидетельствую, что это был Гаджиев. Я не только запомнила его и его дружков, но и номер машины, на которой меня привезли в рабство и держали две недели, каждый день издеваясь, как над беспомощным зверьком. Вырвали меня оттуда выступавший здесь Прохор Волков, поэт Иван Крылов и мой муж. Причину, из-за чего это было сделано со мной, уже назвал Волков. Бандитам, напавшим на канцелярию, надо было отвести подозрение от Алексея Симкевича, скрыть того, кто начал первым драку, кто первый полез лупить ребят битой, кто стрелял из пистолета...

Им нужно было выкрасть главное доказательство – флешку, где было записано, как всё произошло на самом деле. Вот почему они появились утром, зачем захватили меня... Всё это было сделано только для одного, чтобы спасти сына замминистра от наказания. Это он напал на Кудрина с битой, и тот, защищаясь, врезал ему. Вот и вся правда. Теперь судите! А вот это поможет вам судить честно.

Клава подняла руку, в которой все увидели красную флешку.

Наступила гробовая тишина, и следом зал взорвался. Минут пять никто не мог остановиться, люди кричали, требовали немедленного решения суда и наказания виновных.

Надо сказать, что до самого последнего дня, пока не назначили дату заседания, Кольцов молчал о наличии флешки. Он боялся, что её могут заранее признать процессуально непригодной, вещественным доказательством, не соответствующим закону, или вовсе недостоверной. Поэтому даже адвокату Иванову о ней ничего не было известно. Правда, по ходу заседания Кольцов сообщил ему, что удалось провести в суд Волкова и Кольцову, и тогда адвокат пошёл на рискованный шаг – вызов дополнительных свидетелей.

Когда Иванов увидел в руках Кольцовой флешку, ему ничего не оставалось, как в полной мере использовать и этот аргумент. Он моментально подошёл к свидетельнице, взял флешку и, быстро пройдя расстояние до стола судей, вручил председательствующему это новое, крошечное вещественное доказательство.

Впервые за многие годы работы судья Кац понимал, что не принять флешку в таком разбушевавшемся зале, в присутствии стольких ответственных лиц и огромного количества представителей СМИ, значит, пустить под откос карьеру, которую он умело строил все годы своей работы. Он поиграл на ладони красного цвета флешкой, то ли взвешивая, то ли готовясь куда-то выбросить её, в связи с несвоевременным появлением. Наконец, переговорив с прокурором, судья поднялся и громко извещил всех присутствующих:

– Как видите, в ходе нашего заседания появился видеоматериал. Для того чтобы установить подлинность и неоспоримость этого свидетельства, – он показал флешку присутствующим в зале, – суду необходимо провести экспертизу этого видеоролика и правомочности согласия на его съёмку. Объявляется перерыв.

На этот раз все восприняли это сообщение довольно спокойно.

¹ Грязная шлюха (пер. с азербайджанского).

Минут черед двадцать переполненный зал встретил вошедших судью и прокурора стоя, не отводя от них взгляда. Судья Кац медленно открыл папку и быстро, скороговоркой прочитал:

– В связи с тем что сторона потерпевших и их представитель подали ходатайство о переносе судебного заседания, обосновав его необходимостью дополнительного расследования, суд принимает решение: удовлетворить ходатайство и назначить новую дату заседания – двадцать девятого декабря сего года.

В зале раздались крики:

– Позор! Безобразие! Как не стыдно!

Кто-то даже крикнул:

– Каца гнать взащей!

Всё это продолжалось до тех пор, пока полицейские и дежурные приставы не начали активно выпроваживать всех присутствующих в фойе, а следом – на выход из здания суда. Больше всех сопротивлялись полицейским члены товарищества «Заря». Они покинули зал последними.

Повторный суд двадцать девятого декабря был менее продолжительным, чем первый. Уже через полтора часа подсудимых Кирилла Игнатьева, Сергея Водолагина и Тимура Саркисяна освободили в зале суда. Винодность Прохора Волкова, из-за неявки в суд, вообще не рассматривалась и никаких обвинений ему не было предъявлено. Пострадал только Семён Кудрин.

Несмотря на очевидность нападения на него вооружённого битой Алексея Симкевича и устроенную тем стрельбу из пистолета, суд признал поступок Семёна Кудрина превышением пределов необходимой самообороны при условии отсутствия соразмерности угрозе и определил наказание – исправительные работы на срок до одного года.

В этот же день поздно вечером предпринимателю Гаджиеву удалось вылететь на отдых в Турцию, а через день группа его дагестанских помощников, возвращавшаяся в перегруженном фургоне «Соболь» в Махачкалу, при странных обстоятельствах сорвалась с узкой дороги между Гимринским тоннелем и Ирганским водохранилищем в реку Аварское Койсу и погибла.

Проза

Эдуард Квашнин-Раевский

Уроженец Челябинска. Работал учителем, журналистом, вахтовиком на Севере, снимался в кино (более двадцати эпизодов, и участвует в съёмках полнометражного фильма по его сценарию). Сотрудничает с изданием «Регнум» на постоянной основе. Печатался в «Завтра», «Взгляде», «Столетиях». Рассказы и стихи выходили в журналах «Урал» и «Бронзовый век». Победитель конкурса «Воспевая Китай» (при поддержке посольства КНР) в 2018 году. Автор романа «Серебро» (издательство «Чтиво», СПб., 2022) под псевдонимом Эдуард Диникин. Готовится к изданию роман «Трое в лодке, не считая Харона». Живёт в Санкт-Петербурге. Ссылки на статьи: https://regnum.ru/author/eduard_dinikin. Ссылки на рецензии на роман «Серебро» в «ЛГ» и «Завтра»: <https://lgz.ru/article/dukh-istorii-i-kocherga-legionera/> https://zavtra.ru/blogs/neproiznosimij_shibbolet

ПЕПЕЛ И ДЫМ

Роман. Журнальный вариант

Окончание. Начало в № 5-2025

Глава третья

Двадцатисемилетняя красивая женщина с рыжими волосами, собранными на затылке, сидела на диване у себя в квартире и держала в руке телефон, прижав его к уху.

Она слышала всё, что говорит её собеседник третьему человеку, судя по всему, такому же молодому мужчине.

– Коль, Коль... Да говорю же, иди сюда скорее, – несколько обеспокоенно говорил один.

– Да иду же, сказал. Что там у тебя? – не очень довольный отозвался второй.

– Смотри, короче – взломал я Госуслуги этой дуры, понял, отправил ей наш липовый договор на почту. Зашёл на почту, понял, чтобы проверить, а там письмо из Госуслуг.

– Саня, ты debil?!

– А что?! Там сообщение от Госуслуг – «зашли в ваши Госуслуги, если это не вы – позвоните по номеру». Вот тут указали.

– Она щас туда войдёт и первое – поймёт, что мы мошенники, второе – восстановит Госуслуги, третье – отменит заявки на кредиты, которые мы уже подали.

На лице женщины задумчивое выражение становится ещё более сосредоточенным.

Она дотрагивается пальцами левой руки до лба.

– Да я понял это, мне шо делать? – продолжал первый мошенник.

– В смысле – что делать? – почти возмутился его начальник. – Общайся с ней, говори, шо договор оформляется в салоне связи. Пусть идёт туда быстрее. Надо, чтобы она не читала этот номер телефона, чтобы вообще его не видела, понял? Если она его увидит и отменит кредит, я тебя с дерьмом съем и не закашляюсь...

– Алло? Агния Викторовна... – раздался в телефоне голос первого мошенника.

– Да подождите пока с «Агнией Викторовной», – сухо произнесла Агния. – Попросите к телефону Николая, пока он не закашлялся.

Обезмолвленный мошенник пытался соображать.

– Извините, шо вы сказали? За Николая я ничего не говорил, – начал он было.

– Позовите к телефону Николая Филимоненко, он рядом с вами. Я всё слышала. Вы забыли отключиться.

Примерно в тысяче километров от Агнии, в большом помещении в отдельных кабинках с наушниками на ушах, сидело шесть человек.

Один из них, худощавый белобрысый парень, растерянно смотрел на своего начальника, потом на монитор. Его лицо выражало растерянность и досаду.

Его начальник взял трубку в руку, на запястье которой блеснул циферблат «Ролекса».

– Алло, вы просите к телефону Николая Филимоненко. А кто это, не подскажете?

– Подскажу. Это ты, Коля, ты. Ну что ж – здравствуй. А это Агния Ильенко.

– Ильенко?

– Да, по мужу я теперь Сынчанская. Вот, значит, чем ты теперь занимаешься. Не ожидала.

На лице Николая отразилась масса чувств. Он вздохнул, выдохнул и ответил:

– А я вот ожидал, что ты в Москве. Обжилась уже там, я вижу, – в его голосе, несмотря на то что он пытался сдержаться, явственно прозвучали злость, растерянность и даже зависть.

– Слушай, ты же не из бедной семьи. Как тебе не стыдно обманывать людей? У бабушек, дедушек последнее красть?

– Да закрой свой рот, сука москальская! – не выдержал Филимоненко.

Он со злостью прервал разговор.

– Что смотришь? Давай продолжай работать, раз напортачил, дебил, – зло выговорил он подчинённому оператору и пошёл к себе в кабинет, нервно расстёгивая ремешок часов...

Агния с горечью смотрела в открытое окно. Как жаль, что так всё случилось. И с Николаем, и особенно с Павлом. Из тех, кто тогда был в их компании на берегу Днепра, ей была неизвестна только судьба Русланы. Света мертва. И относительно давно.

«А лучше всех сейчас, наверное, Денису Декарёву», – подумала она и взглянула на телефон, решая – позвонить ему прямо сейчас или позже.

* * *

– Она удивилась, он парень из семьи очень обеспеченной был. Но правильно, такие воевать не будут, дурных немає. Сказала, что даже не могла подумать, что он таким станет, этот Николай, – закончил свой рассказ Пётр.

– Да-а... Нико... – Павел спохватился, – ни хрена себе. Я... да, вот же бывают совпадения.

– Да ещё какие. Это цветочки. Я вот лично знаю отца, который с сыном встретился на поле боя. Оба танкисты. Он за наших, а сын за шваль эту. Так что Агния своего одноклассника по выражению вычислила не случайно. Вот на это они мастера – есть дерьмо и не кашлять. Предупреждай их не предупреждай – всё равно будут жрать. Свиньи, что тут скажешь...

Павел вспомнил тот день, когда Агния пришла к нему в больницу. Майдан был в самом разгаре. И Павлу не хотелось пропустить всё самое интересное. История менялась на глазах. Вот, казалось бы, ещё немного и в рабство к москалям, в их таёжный союз, а теперь? Теперь ещё немного – и они Европа! Европа, к которой они всегда принадлежали.

Агния уже собиралась уходить, когда в палату зашёл Николай Филимоненко. И сразу, с ходу, в своём активном оптимистическом стиле начал:

– Агнешка! Привет! Как ты здесь? Нашего героя решила проведать? Давно из Орды приехала?

– Здравствуй, Коля, – без особой приязни ответила Агния. – Или лучше – Мыкола?

– Та як, дорога Агнеш, захочеш. Головне, щоб тобі добре було.

Агния поцеловала Павла в щёку.

– Что ж, я пока тебя оставлю. Я позвоню тебе. Хорошо, что поговорили. Желаю, чтобы у тебя всё было хорошо.

По девушке было видно, что она находится в большом нервном напряжении. И это было так. Агния с трудом сдерживала слёзы. Но расплакаться сейчас? Нет, конечно, нет.

– Агния, подожди. Куда ты? – попытался остановить её Филимоненко.

Агния сухо кивнула ему.

– До свидания.

И вышла из палаты.

– Не ожидал её здесь увидеть, – медленно произнёс Филимоненко. – Так вы поддерживаете связь?

– Нет. Та не важно это.

Павел не хотел говорить на эту тему, но Николай, не обращая на это внимание, продолжил:

– Но телефон-то, я так понял, у тебя есть её?

– Нет, – соврал Павел. – А ты сюда про Агнию пришёл спрашивать?

Филимоненко положил на тумбочку пакет с гостинцами. Сел на пустую кровать рядом, не обращая внимания, что она аккуратно заправлена.

– Я к тебе пришёл. Ты же герой Майдана теперь. Надо монетизировать это дело.

Внимательно смотря на Павла, он сунул руку в пакет и, достав оттуда апельсин, подкинул его. Это было неожиданно. Но ещё неожиданнее было то, что он вернул апельсин на место.

– Да я это... – отмахнулся он в ответ на вопросительный взгляд Павла, – хотел наглядно описать, на примере апельсина, но передумал. А вообще, я шучу, конечно. Но вообще – в политику не собираешься двигать? Там бабосов выше крыши.

– Да таких героев, как я, тысячи. О чём ты говоришь вообще? Какие ещё бабосы?

– Да какие? Такие – гривны, доллары, евро, рубли, юани. Надо дело делать, я считаю. Майданы приходят и уходят, а кушать хочется всегда.

– Тебе что, кушать нечего? – насмешливо поинтересовался Павел. – Я не понимаю, не хочешь по отцовскому пути идти, что ли?

– Да скучно мне это. Я сам бизнес сделаю. Свой. Ну, конечно, у бати возьму денег на раскрутку, не в банке же брать.

Николай подошёл к окну и стал смотреть на улицу.

– Не люблю высоту. Вроде бы пятый этаж, а уже неприятно. У меня поэтому офис на втором этаже. Но я о другом. – Он повернулся спиной к окну. – Столько вокруг дураков, Пепел. Вот они, идут за окном стадами. А кто-то этими стадами пользуется. Так лучше быть тем, кто пользуется, а не тем, кем пользуются. Сечёшь? Мир – это цепочка пищевая. Надо быть наверху этой цепочки.

Он не видел, что на лице Павла появилось неприязненное выражение.

Повернулся. И в своей манере, нагловатой и уверенной, продолжил:

– Ты на третьем курсе сейчас? Бросай ты это дело и давай ко мне. Ты же в электронике всей этой, программировании отлично разбираешься. Мне нужны такие люди. Есть идея. Да не одна даже. Будешь хорошо зарабатывать, а не штаны просиживать на лентах своих.

– Здесь ленты парами называют, – заметил Павел.

– Тем более. В общем, я тебя не тороплю. Вот моя визитка. Свяжемся.

Глава четвёртая

– Это в Берёзовском было, на Урале, – Пётр потянулся в кресле. – День был летний, жаркий. И я на дереве сидел.

– На дереве? – переспросил Павел.

– Ну да. А чего ты хочешь? Мне было одиннадцать лет. Так не один сидел. Со мной были мои друзья – Сун Цзян, У Юн и Ли Куй.

Пётр замолчал, словно ожидая вопроса. И не обманулся в своих ожиданиях.

– Как друзей звали? – недоуменно спросил Павел, думая, что ослышался.

– А вот именно как слышал. Сун Цзян, У Юн и Ли Куй. Да и не только они одни, там ещё сотня была как минимум.

Мужчина сделал паузу, потом негромко рассмеялся.

– Ладно, не беспокойся, я не сошёл с ума. Просто со мной книжка была. «Речные заводы». Китайская. И вот попалась она мне в одиннадцать лет, я и увлёкся. А там приключения, драки, сражения. Конечно, мне нравилось. А жил я летом у дедушки с бабушкой, как правило. Их улица после войны была застроена белыми такими двухэтажными домиками. Кругом было много зелени, уютно, в общем. Некоторые деревья были срублены не так давно, но увезли их ещё не все. И я выбрал вот такой ствол у дороги, с мощными ветвями и густой листвой. И сел читать.

– А почему не дома?

– Так в этом всё удовольствие – читать про приключение и самому как бы участвовать. Тем более тогда автомобилей было вообще немного, да и на той улице они редко проезжали. Дорога уходила к водохранилищу, а оно мне почему-то напоминало обложку книги, которую я читал. Тоже... атмосфера.

Павел внимательно слушал.

– У меня на обложке удалыцы, – так они назывались, – на фоне заходящего солнца, выплывали из-за зарослей тростника. В руках они держали секиры, копья и мечи. А я тоже был «вооружён». У меня был с собой нож, причём восточного происхождения.

Пётр устроился удобнее.

– Дело в том, что во время Великой Отечественной войны мой дед был разведчиком. Закончил воевать он в звании капитана. А в одна тысяча девятьсот сорок пятом его назначили начальником лагеря для японских военнопленных. В одну из ночей, когда японцы отмечали один из своих праздников с обязательным жертвоприношением, мой дед, тогда молодой офицер, шёл с проверкой по лагерю. И вот проходит он мимо деревянного забора, оступается и теряет равновесие. В эту же секунду что-то пролетает прямо над его головой и втыкается в забор. Представляешь? – Пётр хмыкнул. – Вот у меня с собой на дереве был тот самый нож. Дед сохранил его.

– Так он у тебя с собой?

– Нож? Сейчас? Нет, конечно. Это же самопал был лагерный. Но сделан хорошо, даже с иероглифами.

– Я могу спросить?

– Спрашивай.

– Если дед у тебя был разведчиком, то как он стал начальником лагеря?

– Он служил в войсках НКВД, вот и всё. Конная разведка.

Павел, слушая Петра, пытался вспомнить что-нибудь про своего прадеда. Вроде бы тот упоминал лошадей каких-то. Но фото таких не было. И да, кажется, прадед в разведке служил во Вторую мировую.

– А в самом начале улицы, – продолжал Пётр, – в те годы частники продавали ягоды и фрукты. Это было запрещено, но милиция смотрела сквозь пальцы. Ну кто будет бабок гонять, правильно?

Павел машинально кивнул.

– Может, за этим, а может, просто так, я смотрю – трое мальчишек моего возраста гонят на велосипедах. Гонят и гонят – мне это было не очень интересно. Я сидел на дереве и читал «Речные заводи». А там, я говорил, сражения, драки, Ли Куй тигров убивает. И вот, в пылу чтения, я вытащил нож, которым когда-то хотели убить моего деда, и принялся размахивать им, помогая Ли Кую победить тигров. И слышу:

– Смотрите, пацаны!

– Это один из тех, кто на велосипедах ехал, крикнул. И я понял, что это про меня. Поднял голову и увидел, что все трое, засмотревшись вверх и неудачно затормозив, с криками, короче, падают друг на друга. Их велосипеды лежали на дороге. Мальчишки те поднимались, чертыхаясь и отряхиваясь от пыли. Это было забавно, но то, как Ли Куй убивает тигров, было гораздо интереснее. Поэтому, не обращая внимания на происходящее внизу, я воткнул нож в дерево и продолжил чтение. А потом слышу:

– Что вы на него смотрите! Он же сумасшедший!

Они как по команде подняли велосипеды и быстро уехали.

– Не знаю, был ли я сумасшедшим, – продолжал Пётр. – Но я сидел на дереве и читал до того момента, как начало темнеть. Вообще, я много читал, но мне ещё другая книга попала – индийская, про хатха-йогу, поэтому я делал упражнения для глаз. Из-за этого, возможно, зрение и не испортил.

* * *

Лёгкая дымка над водой – и тишина. Никаких звуков. Таким был рассвет для Петра и Павла.

– А как ты без патронов оказался?

– Ну, не совсем уж. Есть кое-что. Хватило, как ты понимаешь, на тех гавриков.

– Я просто решил, что у тебя все военные в семье. Ну и... в общем, как бы с молоком матери впитал в себя все эти премудрости боевые и...

– Да с чего ты так решил, что все военные?

- Та не знаю. Так не все?
 - Нет. Дед мой воевал. Но тогда все воевали. Отец даже не служил. А прадед, я знаю, картузником был.
 - Кем?
 - Картузником. Картузы шил. Это шляпы такие. Фуражки, точнее.
 - Картуз, значит, – тихо произнёс Павел.
- Он повернулся на спину. И стал смотреть на потолок, размышляя.

* * *

Агния уже не первый раз оказалась в загородном доме Дэна. В Россию он уехал ещё до Майдана гідности, в тринадцатом.

Получил в шестнадцатом гражданство. Но на Украине тоже бывал довольно часто, хотя бы раз в год.

А в двадцатом перевёз родителей.

«Ты как будто всё знал», – как-то сказала ему она. «Не знал, а просчитал, – пожал он тогда плечами, – всё к этому шло. Да мне всё было понятно уже тогда, когда начались все эти игры с Таможенным союзом. Постоянная пропаганда против него, постоянные рожи эти петлюробандеровские».

И вот сейчас Агния опять стояла в большой комнате на первом этаже его дома в ближнем Подмоскowie.

Кабинет, где Дэн работал, находился на втором этаже. Там Агния тоже была когда-то. В этой же комнате он обычно принимал гостей.

Одна стена была полностью занята под книжные полки. Были на них и экземпляры книг, написанных им. В основном его знаменитого романа-фэнтези «Бессмысленный и Беспощадный: в поисках Имени».

- А это на каком языке? – спросила Агния, держа в руках книгу.
- Венгерском, – мельком взглянув на обложку, ответил он.
- Дионисий Декарь, – прочитала Агния. – Всё никак не могу привыкнуть, что ты Дионисий, да ещё и Декарь.
- Ну, в школе меня всегда «Дикарём» звали. А Дионисий... да я рассказывал уже. Мама в девичестве – Чирикова, а она же художница у меня. Увлекалась и иконописью тоже. Вот и вбила себе в голову, что имеет отношение к роду дворян Чириковых, откуда вышел знаменитый Дионисий Иконописец.
- Тут название... Всего три слова. А не как у тебя.
- Бессмысленный и Беспощадный – эта аллюзия не сработает с иностранцами. Даже с украинцами не всеми сработает. Да что там говорить – не всякий русский поймёт, если родился в нулевых, например. Не так уж много людей вообще, кто вспомнит слова Пушкина: «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» Вот поэтому и переводят название, как им удобнее. В Аргентине перевели как «Номен эст омен», в Словакии – «В поисках допотопного оружия», а вот в Венгрии – просто «В поисках Имени».
- А на эстонский не переводили?
- На эстонский? Нет. Да как-то странно было бы, если бы перевели. Не представляю, что они, кроме американцев, переводят. Вообще, с учётом подтекста в романе, странно, что и в этих странах издали. Но это отдельная история.
- Русский бунт – бессмысленный и беспощадный, – повторила его слова Агния. – Украинский бунт оказался ещё хуже. Я помню Майдан.
- Я два помню, – усмехнулся Дэн.
- Но сколько нам тогда лет было? Когда первый случился. Десять? Что мы могли понимать? Да и помнить тоже.
- Отчего же. Я смотрел телевизор. И родители тоже смотрели. И к моменту окончания школы я уже знал, что поеду в Россию. Надо было сначала уладить дела с военкоматом, тогда это ещё так называлось. А как уладили, так я сразу в Российскую Федерацию. И не жалею, как ты понимаешь.
- Это уже давние дела, не думаю, что тебя это теперь... – начала было Агния и осеклась.

Она хотела спросить про Свету, насколько решение Дэна уехать в Россию повлияло на их отношения, как вспомнила – и как только она, дура, могла забыть?! – что видела в тот единственный раз, когда оказалась в его кабинете, её фотографию у него на столе.

– Что? – даже несколько настороженно смотрел он на неё.

– Да нет, – мотнула она головой. – Не так уж это и интересно. Ты ведь... – она лихорадочно придумывала вопрос, – ты ведь специально долго не получал российского гражданства, чтобы не было проблем с военкоматами здесь?

– Вот ты явно что-то другое хотела спросить, – заметил он. – А вообще – разные причины были. Но, кажется, я знаю, чем ты хотела поинтересоваться.

– Да?

– Да. Ты как-то меня уже спрашивала – почему я никогда не писал об этом? Про майдан и прочее. Ведь после выхода первого романа меня часто приглашали на телевидение. Это?

– Да, – после заминки соврала она. – Ты бы мог попытаться что-то объяснить. Через СМИ, через Интернет, как популярные блогеры, например.

– На Украине? Кто бы меня стал слушать? Да и что доказывать? Что объяснять? – поморщился он. – Знаешь, у Борхеса есть замечательный рассказ «Роза Парацельса». К Парацельсу приходит молодой человек и просит показать ему чудо, чтобы он уверился в знаниях и даже могуществе великого алхимика. Тот отказывается, а когда человек уходит, он творит это чудо. Для себя. Вот и для себя сотворил маленькое чудо – уехал с Украины и стал успешным в России.

– Я знаю этот рассказ. Ты ведь сам мне рекомендовал его прочитать. Но я не думала, что смысл его в этом. Парацельс творит из мёртвого пепла живую розу – вот в этом смысл. В том, что ничто не бывает безвозвратно потерянным.

– Да? – улыбнулся Дэн. – А по мне, уж тогда смысл в том, что не стоит метать бисер перед свиньями. Вот так. Я и не стал.

– Так что же – я, получается, тоже свинья?

– При чём здесь ты? – почти возмутился он. – Ты прекрасно понимала, к чему всё это приведёт. В отличие от...

Он посмотрел прямо ей в глаза и добавил:

– В отличие от Пепла того же. – И, увидев в её глазах недопонимание, пояснил: – Я про Павла.

– Ах, да, – словно вспоминая, она дотронулась пальцами до лба. – Это же его прозвище было у вас в школе.

– А знаешь, как иногда за глаза называли Филимоненко?

– Нет.

– Гроб.

– Что? Никогда не слышала. А почему так?

– Из-за отца. Если точнее, то Филимоненко называли «Гроб-младший». Его отец ведь в комсомоле работал. Это потом, когда выгодно стало, он в самостийники переобулся. А в комсомоле у него была должность очень непыльная – гражданской обороной заведовать. «Гр.об.» сокращённо. Я не знаю деталей – ну там, инструктором он был. А к ним подходит такое прозвище, – криво усмехнулся он. – После гибели Светы уж точно. Вот же пьяная скотина – нажраться и врезаться в остановку. Света в больнице умерла, ещё двое человек на остановке. Но – как с гуся вода, отмазали. Ещё и Свету обвинили в аварии. Да ты всё знаешь сама прекрасно.

Агния кивнула.

– А знаешь, я ведь с ним разговаривала по телефону два дня назад.

Дэн потрясённо посмотрел на неё.

– Как? Откуда он звонил?

– Да, собственно, не он звонил, – начала она и рассказала про случай с мошенниками.

– Вот как? – выслушав, произнёс он. – А ведь все в уверенности были, что он за границей где-то. В Азии, думали. Ты же знаешь, что он сильно накосячил в Киеве? Серьёзных людей подвёл. Кстати, связанных с братом Русланы. Помнишь ту девушку, что была с нами на отдыхе тогда? – По его лицу пробежала тень. – Отец его, покойник, ему уже не поможет, вот и решили, что он свалил. А номер телефона у тебя есть, с которого звонили? Интересно просто – на Украине он или где-то в другом месте ошивается?

* * *

Сидя за рулём автомобиля, едущего по шоссе, окружённому на этом участке зелёными деревьями, возвращаясь от Дэна Декарёва, в голове Агнии прокручивались вспышки его фразы, сказанные сегодня.

«Отец Филимоненко прогорел из-за Тимошенко. Не на тех поставил. А ведь из семьи приспособленцев. Прадед его ещё Екатеринослав украинизировал – старая школа».

«Я, кстати, зарегистрировал слово “стушеваться”. Теперь оно принадлежит мне. Означает – покончить жизнь самоубийством. Ну и соответственно – стушевать. Убить кого-нибудь».

«Это писательские дела. Время от времени облизывают друг другу тщеславники... Тот же Шаламов писал в 1954 году одно Пастернаку, а в 1971-м уже другое. Конечно, можно сказать, что русский троцкист недолюбливал еврейского сталиниста, но тут другое».

«Я хотел назвать роман “Обратная сторона колена”, обыгрывая то, что нет названия этому месту. Впрочем, Свете я говорил – онелок. А что? Звучит, мне кажется. Ну и то, что колено – это клан. А в романе Руслан находит истины действительно противоположные тем, каким верил с детства».

«Двадцать вопросов – двадцать ответов? Да, помню, мы играли в такую игру. Я загадал своего любимого литературного героя? И кого же – графа Монте-Кристо? Нет? Кассия Колхауна? Ничего себе. А кто это? А... тот самый, что во “Всаднике без головы”. Да, вспомнил. Тот, что решил убить главного героя, Мориса Джералда, который увёл у него девушку, но ошибся и убил её брата. Да ещё и отрубил ему голову, чтобы наверняка. И только потом понял, что ошибся. Да, непростительная ошибка. Но я прикалывался, понятно. Как он может быть моим любимым литературным героем? Конечно, нет».

«Я как-то вывел виды мажоров. Например, мажордомы. Это домашние мажоры, боящиеся жизни вокруг них. А вот Филимоненко точно входит в группу золотой молодёжи, то есть мажоров-золотарей. Он считает, что все люди – дерьмо. И жить надо так, словно вокруг тебя дерьмо. Не зря у него приписка любимая именно про это».

* * *

Дэн Декарёв, он же Дионисий Декарь, сидел перед экраном компьютера. Пять минут назад, проводив Агнию, он вошёл в даркнет.

Найдя нужный адрес, Дэн начал печатать сообщение: «У меня есть телефон, с которого он звонил. Судя по всему, он в Украине. Офис телефонных мошенников. Говорили с украинским говором. Вот номер...»

Он допечатал номер телефона и отправил. Что ж, там, в Киеве, разберутся.

Он посмотрел в окно. В августе за городом вечернее как-то особенно тихо.

* * *

Снег за окном, во дворе дома, где она жила, так контрастировал с буйной зеленью тропической листвы на экране, что Агнии казалось – это всё нереально.

Вот только четыре месяца назад она разговаривала с Дэном у него дома. Рассказала про телефонный разговор с Филимоненко.

И вот теперь она смотрит запись, которая уже пару раз мелькнула в цензурированном виде на телевидении.

Но сейчас – в Интернете – всё без размытости: так же чётко, как бывают чёткими ориентиры будущего у самоуверенного и целеустремлённого человека, каким, несомненно, был тот, чью голову обнаружили на тайском курорте, в траве, цвета потускневшей зелёнки на коже.

Человеку без головы зелёнка уже не понадобится. Как не понадобятся воздух, вода, солнце, да и другие люди.

И никто уже никогда не сможет съесть Николая Филимоненко хоть с дерьмом, хоть без него, за исключением разве что червей.

Тело же мужчины обнаружили в пентхаузе, на двадцать третьем этаже.

Агния раздумывала: позвонить ей Дэну или нет.

В конце концов, решила, что если позвонит, то не сейчас. И отчего-то ей отчётливо вспомнилась ещё одна его фраза, сказанная тогда, в их последнюю встречу в августе.

«Вот Ницше считал, что Бог умер, а я поддерживаю мнение Кальпиди – Бог бродит по квартире в Еманжелинске где-нибудь, наблюдает за газом в духовке, где у него ад, выводит на духовке слово “рай”, а потом сидит, “рассматривая пол, и сам себе, поморщившись капризно, Бог внутрененно делает укол проверенным снотворным атеизма”».

«Да, – подумала она, – иногда хочется забыть какие-то вещи».

Глава пятая

Было уже совсем светло, когда Пётр залез на крышу гаража. Первая попытка нырнуть оказалась не совсем удачной. Удачей было то, что двери гаража были приоткрыты. Или они были такими ещё до наводнения, или открылись под напором воды.

Пётр поправил мокрые трусы, вдохнул воздух и нырнул. Заплыв в гараж, он увидел женский труп. Не обращая внимания, он оттолкнул его в сторону и внимательно оглядел заполненное водой помещение. Есть! Он увидел сумку. Взял её и выплыл из гаража. Поднялся на поверхность. Поставил сумку на крышу. После чего опять нырнул.

В это время Павел поднялся с кровати. Он чувствовал себя гораздо лучше. Посмотрев в окно, увидел вынырывающего Петра, который встал на крышу гаража. Пётр тяжело дышал. Увидев Павла, подмигнул и улыбнулся.

Открыл сумку и осмотрел её. После чего залез в окно.

Пётр подошёл к столу, положил на него сумку. Повернулся спиной к противоположному окну.

– Ну всё, маэстро. Сделаем и поплывём. И... – Он поднял глаза к потолку, цитируя роман Дионисия Декаря: «– Господа, шаманского! – закричали Жак где Париж и Фриц вон Берлин».

Он улыбнулся.

– В общем, шаманского не обещаю, но шампанского, как доберёмся, выпьем.

И тут случилось то, чего Павел никак не ожидал. За спиной Петра, в оконном проёме, появился человек. Он стоял, держа в руке кинжал СС. Лицо человека было искажено злобной радостью и неким подобием страха. Павел сразу узнал его. Это было лицо Тараса, который в этот момент приложил к губам палец.

– Что ты? – удивился Пётр, подняв взгляд на Павла.

Что-то поняв, он попытался быстро обернуться, но Тарас успел допрыгнуть и ударить его рукоятью кинжала в висок.

Пётр упал, потеряв сознание. Тарас быстро оттащил его к стене, противоположной той, к которой был прислонён автомат Петра.

Пётр застонал и начал приходить в себя.

– Не ожидал, подлюка? Больно тебе? – спросил Тарас, с трудом выговаривая слова. – Я тебя позже буду убивать. Тебе понравится. Будет ещё больнее. Не сравнить.

Он криво улыбнулся. Улыбка его была неестественна – пуля, выпущенная Петром тогда, когда они начали высаживаться на крышу гаража, пробила ему обе щеки, выбив несколько зубов.

– Вначале колени тебе прострелю, – мечтательно произнёс он.

– Вначале вынь член изо рта, – слабым голосом ответил Пётр. – Непонятно, что ты там шепелявишь, недочеловек.

Тарас ещё сильнее налился злобой, осмысленной, беспощадной, страшной.

– Ну, руснявый, тебе конец.

Он взял автомат и стал медленно прицеливаться. Пётр, прислонившись спиной к стене, молчал и смотрел на него. На его губах застыла напряжённая улыбка.

– Смешно тебе? – ощерился Тарас.

– Погодь, Тарас, не стреляй. Давай доставим его к нашим, – предложил Павел.

– Что, жалко стало? Слышал я ваши душевные беседы.

– С чего вдруг «жалко стало»? Шо ты несёшь? Он много чего знает – рассказать может.

Тарас стал колебаться в своём, уже принятом, решении. Это было видно настолько же хорошо, как видна разница между повешенным и сожжённым.

– Наградят нас, – добавил Павел.

– Тю! За него, шо ли? Я тя умоляю.

И нехорошо посмотрев на Павла, скривил губы:

– А ты всё же подружился с ним. А он наших побратимов вбил. Виталика, Мыколу, меня подстрелил. – Тарас посмотрел на Петра: – Думаешь, я тебя застрелю? Нет, я тебя буду резать. Медленно, тварюка, буду резать.

Он достал эсесовский кинжал, закинув автомат за спину.

Пётр с усмешкой наблюдал за его действиями:

– Режь. Хозяин твой, Беня Коломойский, наградит тебя корытом помоев. А то и пучок морковки даст.

– Шо? Ты шо там вякаешь?

– Не вякаю, а говорю, что вами, быдлом, руководит Беня Коломойский. А все ваши портаки нацистские – это ваше тавро. Метка, которой вы сами себя пометили в знак того, что вы скот Коломойского и таких, как он.

– А ты думаешь, из-за твоей брехни я тебя быстро зарежу? – процедил Тарас. – Не-а. Не надейся. А с каломойскими мы потом разберёмся. А с вами, москалями, вначале. Вот с тобой, конкретно.

Тарас взял в руки вещмешок Петра. И достал из него видеокамеру.

– Так это же Андрия! Вот ты... мародёр.

Он включил камеру. Через секунду раздался звук. Это запись, которую вёл Андрий в доме. Павел ошеломлённо глядел на Петра.

Пётр, почувствовал это взгляд, посмотрел на Павла и тяжело усмехнулся:

– Такие дела, маэстро.

Со стороны улицы, совсем рядом, раздался звук. Тарас резко повернул лицо в сторону окна. На его лице было чётко написано понимание причины звука.

– Ах, ты ж, тварина... – зло пробормотал он.

И резко бросился в сторону Петра, ударив его ногой в голову. И ещё два раза прикладом автомата.

Пётр обмяк, потеряв сознание.

Тарас прислонил автомат к противоположной стене и быстро вылез из окна на крышу гаража. Павел с некоторым трудом пошёл в сторону стены, чтобы взять автомат. Но передумал, решив проверить Петра. Тот лежал вверх лицом и казался мёртвым.

Тарас вернулся очень быстро. Павел только начал прощупывать пульс Петра. И вернулся Тарас не один. Он с силой втолкнул в окно девушку на вид лет пятнадцати-шестнадцати.

Она была полностью мокрой, как и Тарас. Девушка испуганно дрожала. И сразу забилась в угол. Одежда на ней была явно порвана.

– Сиди здесь, и чтоб больше никаких глупостей, – приказал Тарас. – В следующий раз я тебя просто прирежу.

Пётр застонал. Казалось, он начал приходить в себя. Тарас достал из вещмешка Петра РШ-12 в кобуре.

– О! Це ж РШ-12, «слонобой». Не бачил в реале. Вот надо выяснить – откуда у него эта приبلуда.

Пётр открыл глаза. И по его виду понятно, что он чувствует себя очень плохо после ударов Тараса.

– А ты, похоже, непростая птичка, – Тарас внимательно смотрел на него. – Да, надо тебя к нашим доставить. Или подождать, когда наши сами сюда придут, освободив свои земли от вас, оккупантов? Как скажешь?

Пётр молчал. Тарас опять включил камеру.

Посмотрев две или три минуты, он с ненавистью бросил Петру, доставая кинжал:

– Все живые ещё, хлопцы. Всё же прирежу я тебя.

На его лице было написано садистское предвкушение удовольствия от предстоящего убийства.

– Слышишь, Тарас, не надо! Зачем это?! – почти закричал Павел.

– Жалко стало? – со злой усмешкой посмотрел на него тот. – А разрывать их издали не было жалко? Это ты должен был его этой ночью придушить. Но не стал. Почему? Родная кровь? А? Так, кацап?

– Да ты что говоришь? Какой я тебе кацап?

– А вот не знаю теперь. Может, самый настоящий кацап и есть. Нема у меня к тебе доверия. Я бы вчера его ночью прирезал, да окно было закрыто.

Тарас выглянул в окно.

– До села тут с километр. Не доплыть. Сколько вода будет стоять? Суток трое-четверо.

Повернувшись, стал смотреть на остальных оценивающим взглядом, в котором человеческого было не больше, чем человеческого в мумии.

Неожиданно он начал напевать:

– Четвёртые сутки всплывают старушки, корнет Суровикин, где ваш МЧС? Или кто там сейчас у вас?

– Ты с Галичины? – спросил Пётр.

– Я с Харьковщины! А ты, кацап, откуда?

Пётр смотрел своему противнику прямо в глаза.

– Я с Донбасса.

– С Донбасса? Мобик, что ли?

– Нет, не мобик.

– Я твою харю запомнил. Это же Пепел тогда тебя подрывал. Что, не признался, Пепел?

Раздался звук моторной лодки.

Девушка вскочила и побежала к окну. Тарас бросился за ней, схватил, развернул к себе, ударил и начал душить. Девушка отчаянно пыталась вырваться.

Моторная лодка вооружённых сил Российской Федерации на средней скорости двигалась мимо дома, где они находились.

Павел видел, что у девушки буквально стали вылезать глаза из орбит, её язык вывалился изо рта.

– Оставь её! – громким шёпотом «крикнул» он Тарасу, как будто его могли услышать.

Тарас повернул к нему лицо, искажённое дикой яростью.

– Ты что?! Эта сепарка! Таких давить нужно!

Катер вооружённых сил удалялся всё дальше и дальше.

– Молодец, что промолчал. Значит, наш, – пробормотал Тарас, отпустив девушку, которая упала, судорожно кашляя и очень тяжело дыша. – Я уж начал сомневаться. Чёрт! – выругался Тарас, увидев, что военные поворачивают назад.

Девушка, несмотря на своё состояние, вскочила на ноги, бросилась к окну, чтобы крикнуть.

Тарас схватил её за горло и стал душить. И теперь уже понятно – он будет душить её до конца.

Павел встал и обхватил Тараса сзади за шею.

Все происходило молча. Павел упал на спину, увлекая Тараса на себя.

– Отпусти, су... – захрипел Тарас.

Он с силой ударил локтем Павла в бок. Павел охнул и отпустил противника. Тарас резко вернулся и начал душить Павла.

Моторная лодка начала удаляться в противоположную сторону. Это было понятно по звуку.

Павел пытался расцепить руки, сжимавшие его шею, но безуспешно. «Как же девчонка смогла столько ему сопротивляться?» – мелькнула странная мысль в его мозгу.

Раздался какой-то, не менее странный, чем мысль, всхлип.

И неожиданно хватка ослабла. Что-то горячее, тёплое, липкое и солёное полилось Павлу на лицо.

А потом Тарас упал на него.

Павел не сразу, но столкнул с себя тело Тараса. И было понятно, что тело мёртвое. Павел попытался встать. У него это получилось со второй попытки.

Девушка, дрожа, смотрела на мертвеца, из шеи которого торчал эсесовский нож. Пол вокруг головы был залит кровью.

Павел на автомате вытащил нож. Он понял, что ударов было два. Посмотрел на девушку. Она стояла, не отрывая взгляда от мёртвого тела.

Павел посмотрел на Петра, который начал с трудом подниматься.

– Какой нож интересный, – заметил тот хриловато.

– Кинжал СС. Он им гордился, – тяжело дыша, произнёс Павел. – Купил на рынке в Киеве.

Пётр посмотрел на девушку:

– Как тебя зовут, девочка?

Девушка посмотрела на него беспомощно и как-то потерянно. Казалось, она не поняла вопрос.

– Маша, – наконец сказала она.

– Ты откуда, Маша?

– Я? Я отсюда. Он... – она на мгновение замолчала... – Я хотела крикнуть вам, но он сказал: «Сепарка, я тебе сердце вырежу». Он меня во второй половине держал...

Девушка опять замолчала, сдерживая слёзы.

– Связывал. Кляп засовывал.

Маша заплакала.

– Ничего, девочка, – успокаивающе произнёс Пётр, – сейчас починим лодку, доплывём до наших. Ничего. Всё будет хорошо. Веришь?

Он, улыбаясь, смотрел на девушку. Она подняла голову и доверчиво кивнула.

– Маэстро, в автомате был один патрон, – морщась и трогая себя за голову, обратился Пётр к Павлу. – Выстрели в воздух. Может, услышат.

Павел взял автомат и выстрелил в окно.

– Это, конечно, сильно на удачу. Раньше надо было. Но голова пока с трудом соображает. Так, есть ещё два патрона для «слонобая», но лучше оставить. Хорошо бы написать на крыше, что здесь люди. Вдруг вертолёт пролетит. Но мы и так сможем выбраться на гараж, если что. Правда, тут «серая» зона.

Он заметил взгляд Маши, обращённый на тело Тараса.

– Помоги-ка мне, – обратился Пётр к Павлу. – Хотя, подожди немного.

Он обыскал одежду Тараса. Нашёл пачку сигарет и зажигалку в презервативе.

– Когда это он подготовился, интересно? Куришь?

Павел кивнул.

– А, да, ты же всё искал по карманам. Лови тогда. – Он кинул пачку Павлу. – А я никогда не курил. Попробовал пару раз – не понимаю. Гадость редкостная. А дышалку вообще губит. Но ладно, потом покуришь. А теперь хватай его за ноги. Надо вытащить его отсюда.

– Может, в ту половину перенесём? – предложил Павел.

Пётр кинул на него быстрый взгляд.

– Хорошо.

Они перетаскивали тело Тараса к противоположному окну, у которого всё это время размещался Пётр, после чего – через лестницу – в другую половину дома.

Положили тело у стены, рядом с тумбочкой, на которой лежали несколько детских игрушек: машинки, медведи, новогодний шар диаметром пятнадцать сантиметров на подставке, книжка с картинками.

Пётр нашёл одеяло в большом шкафу и укрыл им тело Тараса.

Павел молча смотрел на это. Неожиданно происходящее напомнило ему движения фокусника, под покрывалом которого исчезает птичка в клетке.

Только вот эта птичка – его мёртвый товарищ, к смерти которого и он приложил руку.

Вернувшись, они увидели, что Маша подняла с пола нож.

Пётр расстелил рулон линолеума на пол, чтобы закрыть пятно крови. Он посмотрел на Машу. Та в какой-то прострации рассматривала нож.

– Давай его мне. – Понимающе, с сочувствием протянул он ей свою руку. И застыл, ожидая того, что она сделает это.

Маша отрицательно помахала головой и кинула нож в то окно, в которое недавно мужчины перетаскивали тело Тараса.

Нож упал на ступеньку лестницы между главной балясиной и косоуром под водой. Его не было видно, если не смотреть внимательно под ноги при подъёме по лестнице.

Но кому теперь он нужен, этот нож, кроме тени сомнений тех, кто остался жив?

Никто не будет внимательно смотреть под ноги или даже просто смотреть туда, вниз, – теперь другие мысли овладеют их разумами.

Глава шестая

Павел смотрел в окно. Вторая его ночь здесь. Мог ли он представить, что такое с ним произойдёт? Вообще – всё?

И что теперь ему делать? Он посмотрел на Петра. Даже не его перевязанная голова, а перевязку делал он, Павел, а сам его вид говорил о том, что ему необходимо ещё время, чтобы окончательно прийти в себя. Нокауты не проходят бесследно.

Сам же Павел чувствовал себя гораздо лучше, чем вчера. И даже, чем сегодня утром.

– Так, говоришь, всё это время здесь была? В той половине? – спросил Пётр Машу.

– Да, вначале вас увидела. Но я не поняла, кто вы... россиянин или... нет. Я в старый шифоньер спряталась. Вы не заглядывали туда. А вот он заглянул, когда там оказался. А дальше...

Её лицо исказила гримаса. Девушка не хотела продолжать – это было видно.

– Машенька, а телефона не было у тебя?

– Конечно, был. На первом этаже остался. Затопленном. Мы с мамой позавчера приехали. Мама уехала ночью. И я потом проснулась. Началось всё это. А телефон оставила внизу.

– Ну – ничего, – мягко улыбаясь, сказал Пётр. – Значит, нам предопределено завтра на лодке уплыть.

– А ты веришь в предопределения? – спросил Павел.

– Нет. Это в средневековье, например, люди верили, что мыши и тараканы заводились от грязи. Видели такое предопределение.

– Любишь ты усложнять всё непонятно. Средневековье какое-то. И что – в совпадения тоже не веришь? Вот, например, не была бы повреждена у нас лодка – не остановились бы у этого дома. И всё – не встретились бы мы с тобой.

– Не остановиться вы не могли. До села даже просто не доплыли бы. Утонули бы точно.

– Это понятно, что утонули бы. В лодке уже вода была. Я о другом. Важно то, что мы, чтобы не утонуть, остановились рядом с этим домом. Что он вообще здесь оказался. А в нём – ты.

– Корабль не тонет, когда он в воде. Он тонет, когда вода в нём. Не так важно, что происходит вокруг нас. Важно то, что происходит внутри нас.

Павел помолчал. Кашлянул. Видимо, давно не курил, лёгкие отвыкли, подумалось ему, но это было второстепенным.

– Ты меня извини, конечно, но у тебя что-то с головой после тех ударов стало? – спросил он. – Или ты вообще любитель притчами да баснями разговаривать? Или в твоей коррекционной школе ученики по-другому не понимали? Они тебя спрашивают: «Пётр, допустим, Иванович, а сколько будет дважды два?» А ты им: «Неважно, ребята, сколько будет дважды два. Важно, чтобы вы выросли патриотами». Так?

Пётр расхохотался.

– Демьянович, – сказал он, перестав смеяться.

– Что?

– Пётр Демьянович я. А не Иванович. Но это к слову. А вообще – тут всё зависит от того, что ты имеешь в виду. Должен быть базис. Точнее, не базис, а... Забыл слово...

– Контекст?

– Точно! Всё зависит от контекста. Вот был у нас телеведущий один. Любил повторять фразу: «Патриотизм – это последнее прибежище негодяя». Но то ли не знал сам, что эта фраза означает, то ли сознательно темнил и искажал, но вывод всегда делал неправильный. То есть как бы предоставлял делать его зрителям, подводил к такому выводу, кривовато ухмыляясь, что патриот – это негодяй. А сказал эту фразу американский человек один, Самуэль Джексон. И означала она, что не всё пропало даже для самого последнего негодяя, если в нём есть ещё чувство патриотизма. Понимаешь? И можно свершить благие дела тогда. Понимаешь?

Павел ответил не сразу, будто думая о чём-то другом.

– Да что же тут не понять... Демьяныч, – отозвался он.

– А завтра поплывём, – сказал Пётр. – Тут уже без разговоров. Не очень понятно, кто тут будет завтра, и вообще, что будет. Завтра поплывём.

– Куда?

– К своим.

Павел тяжело улыбнулся.

– А куда это, к своим?

– Ну уж не к бандерлогам, братан.

– А скажи, пожалуйста, ты ведь уже знаешь, что я служу в ЗСУ? И даже знал, оказывается.

– Уже нет. Не служишь. Ты выбрал правильный путь. Ведь твой путь – это не служение Белому Американскому Богу, правильно? Для их лакеев, лимитрофов разных – в этой службе

и заключено счастье, и служение это не требует никакой благодарности. Дворецкий не ждёт благодарности от джентльмена. Служить – это его состояние. А русские не служат американцам. Вот и ты не стал.

– Ты издеваешься? Вот зачем ты так? Ты что – перед Путиным выступаешь? Или где? У Соловьёва? Какой такой «Белый Американский Бог»? У вас что – нет американских добровольцев, что ли? Есть. Воюют за вас. И если хочешь знать, не только дворецкий, но и самурай тоже не ждёт благодарности.

– Во-первых, путь самурая – смерть. А ты жить должен. Во-вторых, он, самурай твой, опять-таки – служит хозяину. А в-третьих, японцы и не ждут. Они рады, что их хозяева не сбрасывают на них ядерные бомбы. Тем и довольны. Есть хозяин – и думать не надо, хозяин подумает за них. Не мыслю – следовательно, существую.

– Это Декарт сказал. Не так, конечно. Но Декарт.

Пётр с удивлением посмотрел на Павла.

– Верно.

– «Cogito ergo sum». I think therefore I am. If you don't mind. Or do you mind?¹

– Вот мне очередной урок – не подшучивать над людьми, – улыбнулся Пётр. – Да, иностранными языками не владею, как говорится.

Маша, всё это время молча смотревшая на них, вдруг подала голос. И это было почему-то неожиданно для них обоих.

– Дядя Петя... – начала она.

– Да, Машенька?

– Как вы считаете, мама жива?

– Да, Маша. Она жива, конечно.

Павел подумал, что его сосед по этому дому действительно педагог – соврал как надо. А что – девчонке не надо знать, что её мать сейчас плавает внизу, в гараже. Пётр рассказал ему об этом, когда они были в другой половине дома.

Да, девчонке сейчас ни к чему ещё одно потрясение после всех тех, что она пережила. Павел почувствовал злость по отношению к Тарасу. Вот же подонок!

Маша молчала.

– Маша, а ты морошку ела когда-нибудь?

– Нет. А что это?

– Это ягода такая жёлтая. У меня сестра в Красноуральске живёт. Поедешь к ней в гости?

– Вместе с мамой?

– Вместе с мамой, конечно. Да как захочешь. Вкусная ягода. Если, конечно, с сахаром, то ещё вкуснее. А ещё там облепиха растёт, грибы белые, да чего только нет. Поедешь?

Маша кивнула, и в этот момент была очень похожа на маленькую девочку. Павлу вдруг стало грустно, тоскливо и одиноко. И вместе с тем он почувствовал, что, может быть, в самое ближайшее будущее что-то решится. Решится хорошо. И... быть может, он увидит Агнию. В конце концов, он просто военнослужащий. В конце концов, можно просто «пропасть». Получится ли?

Не хотелось ни о чём размышлять.

– Никогда не думал, – сказал он, – что Самуэль Джексон такое мог сказать. «Криминальное чтение» – это классика, конечно, но он что, ещё и книги пишет?

– Ты о чём? – непонимающе посмотрел на него Пётр.

– Ну о Джексоне этом. Который про патриотизм сказал.

Пётр вздохнул.

– Да это другой совсем. Мало, что ли, в Америке Джексон? Майкл, например. Да и про Новгород я хотел тебе сказать. Есть Новгород на Волге, а есть на Волхове. Тот, что на Волге, – Нижний, а тот, что на Волхове, – Великий. Но это – к слову.

¹ «Мыслю, следовательно, существую» (лат.) Я мыслю, следовательно, существую. Если вы не возражаете. Или вы не возражаете?

Глава седьмая

Утро наступило, казалось, бесчеловечное. По крайней мере, на это надеялся Пётр, сказавший, что люди сейчас ни к чему. Он знает, куда плыть, а вот сюда прибыть может кто угодно – и не факт, что это будут военные России.

Но, как часто бывает, бесчеловечным оно только казалось. Причём недолго.

Пётр первым заметил приближение лодки. Прижав к глазам бинокль, он, явно стараясь скрыть волнение, как показалось Павлу, заметил:

– Не понятно кто. С «калашами» все, но это ничего не значит. Никаких знаков опознавательных. Нам лучше перебраться во вторую половину. К ней подплыть-то можно, но забраться им будет сложновато.

– А потом-то что? – испуганно спросила Маша, прижав руки к лицу.

«Вот она волнение не боится показать», – подумал Павел.

– Если они захотят забраться сюда, то будут же переговариваться. Так и поймём – кто они такие. Если наши, то я поговорю. Если... скажем так... ваши, – он посмотрел на Павла, – то ты расскажешь им о группе своей. В общем, только правда и ничего кроме правды, как говорится, – пошутил он, что в данной ситуации было неожиданно. – А мы – тут всё понятно. Местные жители. Отец и дочь. У меня дочь её возраста.

– Местный житель? В таком виде? – выразил сомнение Павел.

– Там есть одежда цивильная, в шкафу. Подойдёт мне, я посмотрел. Переоденусь. Но сразу про нас не говори. Может, они сюда, в эту половину и не сунутся.

– Ну а я? Что это за чудо во фраке?

– Всё расскажешь про себя, как есть. Про тот дом, рояль, или что там было, прилёт. Ты в крови, это понятно. Товарищи были ранены. Ну всё, давайте переходить в ту часть. Они уже скоро будут здесь...

Лодка, как и предполагали Пётр и Павел, подошла к крыше затопленного гаража. Из неё вышли трое. Привязав лодку, они повторили путь Петра и Павла – оказались внутри второго этажа, зайдя в него через окно.

Они переговаривались по-английски. Для двоих, Фреда и Пола, он был родным языком, третьему, поляку, родившемуся в Гданьске, но выросшему в Чикаго, в принципе – тоже.

Старшим был Пол, ему недавно исполнилось сорок. Таких, как он, было принято называть «дикими гусями», то есть военными наёмниками. В принципе, остальные были такими же, но Пол «готал» уже восемнадцать лет. Начал в две тысячи пятом под Эль-Каимом.

У его напарников опыта наёмничества было меньше, но и завербовали их не через сайт украинского посольства, куда обращалось, в основном, «пушечное мясо», которое пока не подозревало, что оно пушечное мясо для Интерлегиона.

У обоих, как и у Пола, за плечами была служба в спецподразделениях армии США. Но наёмниками они стали: Фред – два года назад, через канал Пентагона, поляк – полтора года назад, через сайт «Constellis Group».

– Неужели действительно тут есть подземные тоннели? – расположившись на кровати, задал почти риторический вопрос Фред.

Поляк сел рядом с ним, тоже откинув спину назад, на стену.

– Почему нет? – ответил Пол. – Сказали же, что есть. Ты не был в Соледаре, который русские захватили зимой. Там не шахта, там подземный город. Хоть «Боинг» ставь.

– Конечно, – зло скривился поляк, – использовали рабский труд заключённых ГУЛАГа. Курвы!

Пол усмехнулся:

– Кирками и лопатами такое не сделать.

– Я спорить не хочу. Что мы делать будем? Тут русских много.

– Если никого не найдём, то отправимся обратно. Но вообще управление у украинцев не на высоком уровне. Если бы русские действовали, как мы в Ираке или Сирии, просто равняли бы всё с землей – то они бы уже у вашей границы были.

Поляк опять скривился:

– Напиши им в Генеральный штаб инструкцию, как правильно поступать с украинцами.

– Это лучше тебе сделать, – заметил Фред. – Они же ваши братья, правильно?

– Украинцы? Никогда мы, поляки, не будем братьями с украинцами. Украинцы – это быдло, которое вдруг решило, что имеет какое-то представление о демократии и свободе. Решили, что они равны нам, европейцам.

– О, какие слова – демократия, свобода, – говоря, Пол продолжал внимательно изучать взглядом помещение. – По мне, пусть эти коммунисты друг друга перережут. Я сюда не из-за демократии приехал. И не на сафари. Тут не сафари, совсем не сафари. А я здесь из-за денег. А денег мне здесь платят больше, чем где-либо. Правда, не настолько больше, как надо бы. А сколько погибнет тут местных, что военных, что гражданских, – мне безразлично.

– А я бы хотел, чтобы побольше погибло, – сказал Фред и отправил в рот жевательную резинку.

Поляк удивился:

– Да? Почему?

– Этот Путин – парень жёсткий. Не то что наши придурки. Развели пидоров да ниггеров. А украинцы эти... они мне самому не нравятся. Конечно, воюют смело, но это меня и настораживает. В общем, чем больше они друг другу навредят – тем лучше для белых американских детей.

Пол осклабился:

– Ты в Конгрессе не хочешь выступить с такой речью?

– Хотел бы. Но я не сын сенатора. Больше всего я хочу отбыть здесь до окончания срока контракта и уехать домой. А потом, может быть, в Сирию или Африку. А что с этими украинцами будет – мне наплевать.

– А мне – нет, – заметил поляк. – Эти курвы ещё за Волынскую резню не ответили. А русские – за Катинь. Я здесь не только из-за денег. Я здесь ещё и за Речь Посполитую. От моря до моря.

– А мне вообще плевать, – Пол размял пальцы, словно перед подходом к спортивному снаряду, – кого убивать – хоть ниггеров, хоть арабов, хоть евреев, хоть русских, хоть сраных украинцев. Главное – деньги, а вот их Конгресс этим украинским ублюдкам переводит. Правда, нас это не касается. Но хватит разговоров, ещё немного отдыхаем – и назад. Смысла оставаться здесь – нет...

Павел, стоявший у окна рядом с лестницей, внимательно слушал то, что говорили в другой половине дома.

На лице Павла отражались злость и негодование. Пётр и Маша стояли рядом с ним.

В руке Петра находился РПШ-12.

Труп Тараса, накрытый одеялом, напоминал брошенный на пол огромный мешок. Никто из троих, включая Машу, которой просто было страшно смотреть в ту сторону, не обращал внимания на него. Но если бы кто-то из них повернулся, то они увидели бы, что одеяло начало шевелиться.

Маша услышала какой-то шорох. Повернувшись, она увидела, как из-под одеяла выбежала, подсакивая, прямо на неё, большая отвратительная крыса.

Маша вскрикнула.

Тишину, что последовала за этим звуком, было бы правильнее назвать предмогильной.

Павел быстро оценил ситуацию: он не может говорить по-английски, иначе те, кто за стеной, поймут, что он слышал весь разговор.

Павел закричал прямо в окно:

– Шановні панове, не турбуйтеся! Це воїн ЗСУ! Я свій!¹

Напряжённое молчание не предвещало ничего хорошего, но в эти мгновения оно было лучше автоматных очередей или закинутой гранаты. Павел обернулся и увидел, что Пётр, уже давно переодетый в гражданскую одежду, спортивные штаны и рубашку, вместе с Машей осторожно уходят в сторону шкафа.

Пётр держал палец у губ, показывая, чтобы Павел не говорил о них.

Павел услышал голос, выговаривающий русские слова с польским акцентом:

– Покажся в дверь! Сюда! Медленно! И без шуток говорю.

– Не стреляйте! Я Попил! Ви за нами! – прокричал Павел.

Он осторожно высунул голову в дверную раму. И сразу наткнулся на дуло автомата. И только потом увидел маску-череп, с покрытой головой капюшоном.

– Выходи медленно, – приказал поляк. – Так. Руки за голову.

¹ Уважаемые господа, не волнуйтесь! Это воин ВСУ! Я свой!

Павел вышел на верхнюю, большую ступеньку. Его руки были за головой, – он в точности выполнял распоряжения наёмника.

– Я свій, пане. Попіл. До нашого будинку приліт був. Не знаю, як нас вираховали. Я один лишився. Група три девять шість. Боже око¹.

– Так это мы вашу группу ищем?

– Так, пан. Я Попіл. Пепел значит по российскому.

– Повернись спиной ко мне. И медленно иди туда, где был.

* * *

В помещении, правой половине второго этажа, стояли четверо: Павел и трое военных в масках с черепами. Фред осматривал тело Тараса. Осмотрев, обратился к своим по-английски:

– Я не понял, почему у парня рана шеи? Это же явно ножом.

Поляк задал вопрос Павлу по-русски:

– Отчего он умер?

– Він був поранений ще в хаті. Осколком чи ще чимось. Я зміг його доставити сюди. Але з човном проблема. Він у тій кімнаті помер. Я його переніс сюди².

Поляк перевёл. Фред испытывающе, долго, по-змеиному смотрел на Павла.

– Смотрите за ним, я сейчас, – сказал он напарникам. – Что-то здесь нечисто. Ладно, можно поверить в его историю про переодевания, такое сложно придумать, но эта рана. Я видел такие. Это явно удар ножом. Может, этот музыкант из оркестра Вагнера. Тех я тоже видел. Я скоро буду.

Он пошёл к лестнице.

Пол внимательно оглядел комнату.

Его взгляд привлёк шкаф...

Оказавшись в другой половине, Фред поднял линолеум на полу и увидел засохшую кровь.

Он ещё раз осмотрел всю комнату. Более тщательно, чем в первый раз. И теперь он заметил гильзу от патрона «калашникова». Возвратился к окну. Перелез на лестницу. И тут ему бросился в глаза нож около ступени под слоем воды. Это кинжал СС...

Во второй половине Пол подошёл к шкафу. Протянул руку к дверце. Взялся за неё и начал открывать.

– Я забыл сказать, – быстро начал Павел. – Не успел, точнее...

– Чёрт! А это что?! – раздался голос Фреда.

Пол, услышав восклицание напарника, быстро отошёл от шкафа. Дверца шкафа осталась немного приоткрытой.

Пол увидел Фреда, стоящим уже в помещении. В его левой руке нож с чёрной рукоятью. Автомат был за спиной.

Время будто смешалось. Прошлое и будущее чётко соединились в одно, только сейчас и здесь существующее настоящее.

Фред говорит:

– I smell a rat³.

Пол напряжённо откликается:

– Rat?⁴

Фред продолжает говорить по-английски:

– Да. Что-то мне подсказывает, что этого парня убили вот этим ножом. И, как понимаю, убил его этот парень, Пепел. А потом он, когда нас увидел, нож выбросил. Но не получилось далеко. Но тогда откуда он знает про три девять шесть?

Поляк обращается по-русски к Павлу:

– Что тут у вас случилось? И не ври. Встань к стене.

¹ Я свой, господин. В наш дом прилёт был. Не знаю, как нас вычислили. Я один остался. Группа три девять шесть. Божий глаз.

² Он был ранен ещё в доме. Осколком или ещё чем-то. Я смог его доставить сюда. Но с лодкой проблема. Он в той комнате умер. Я его перенёс сюда.

³ Я чувую неладное.

⁴ Неладное?

– Зачем к стене?

Поляк ухмыляется:

– Стало страшно – по-кацапски стал говорить? Затем туда становись, что, если увижу, что ты лёжешь мне, я тебя сразу расстреляю. И да, говори по-русски. Вы, хохлы, всё равно украинский не знаете.

Павел встаёт к стене. Фред по-прежнему стоит у выхода на лестницу, держа в руке нож, его автомат за спиной. Поляк стоит напротив Павла, небрежно наставив на него автомат. Пол находится слева от поляка, он хмуро смотрит на Павла. Кисти рук Пола свисают с автомата, который повешен на грудь.

– Ну да... да. Тут местная была... Девочка. В общем, он хотел её изнасиловать. Я не позволил. Мы сюда освобождать пришли людей, а не издеваться над ними. И у нас драка произошла. В общем... Нож у него был, я только оборонялся. Он сам на него напоролся. Я не хотел об этом говорить, вы же понимаете.

Поляк переводит слова Павла. Пол, выслушав их, подходит к телу Тараса и поднимает за волосы его голову. Внимательно осматривает рану. Отпускает голову, которая с глухим стуком падает на пол. Берёт с тумбочки игрушку – новогодний снежный шар, внутри которого Дед Мороз, ёлочка и мешок с подарками. Встряхивает его. Усмехается. Возвращается на то место, где стоял ранее, рядом с поляком.

Если Бог проверяет на истинность наши желания временем, то тут Он непостижимо быстро решил бросить этим заниматься. И Павел почувствовал, как будто оно – время его жизни – вернулось в прежний ритм.

– Он говорит «девачка»? – поинтересовался Пол.

Последнее слово он произнёс по-русски, с акцентом. И, не дожидаясь ответа поляка, крикнул:

– Санта-Клаус, лови!

Пол резко бросил шар в сторону Павла. Павел инстинктивно поймал игрушку, ощутив её тяжесть.

– Правша. А удар был слева, – заключил Пол. – И чуть сзади. Если бы они боролись и тот парень сам напоролся, то ранение было бы совсем другим. Он точно его ударил сзади правой рукой. Спроси-ка его, где девочка тогда, о которой он говорил?

Поляк собрался перевести, но Пол не дал ему это сделать и, глядя на Павла, обратился прямо к нему:

– Эй ты! Ты ведь всё понял, ублюдок? Я по глазам вижу.

Пол сделал ещё один шаг по направлению к Павлу, который посмотрел на поляка. И быстро заговорил:

– Что он говорит? Я не понимаю его. Он говорит – «гёл»? Он спрашивает, где девочка? Так?

Поляк нехорошо ухмыльнулся:

– А ведь ты действительно понял всё, что он сказал. Правильно?!!

Он выкрикнул последнее слово очень громко. Так громко, что звук его крика почти невероятным образом слился с грохотом выстрела из РШ-12. Голова поляка взорвалась. Через полсекунды взорвалась голова стоявшего рядом Пола. Кровь, кусочки мозга, костей оказались на лице и груди Павла, как оказывается на полу разбитая банка с малиновым вареньем – в одно мгновение.

– Стой, сука!!! – Пётр целился из «слонобоя» во Фреда. – Руки вверх! Переведи ему!

Павел в шоковом состоянии смотрел на Петра, чей вид внушал страх, несмотря на домашнюю одежду.

– Переведи! Пусть уронит вниз нож и поднимает руки!

Фред молча смотрел на Петра. Автомат был по-прежнему у него за спиной. Павел кашлянул. И несколько раз выплюнул. После чего выполнил то, о чём кричал Пётр.

– Freeze! – громко сказал он американцу. – Hands up! Throw the knife on the floor! ¹

Фред очень медленно поднял обе руки вверх, продолжая держать кинжал СС в правой.

– Быстро нож бросил на пол, сука! – опять крикнул Пётр.

– Quickly threw the knife on the floor, bitch! – перевёл точь-в-точь Павел.

– О'кей, о'кей... – тихо, успокаивающе сказал Фред.

Он примирительно протянул руки перед собой, но не отпустил нож. Павел опять дважды глухо кашлянул.

¹ Замри! Руки вверх! Брось нож на пол!

Глаза американца, скрытые под маской-черепом, внимательно следили за Петром. Фред медленно отпустил левую руку вниз. Пётр продолжал удерживать его на мушке.

– Скажи ему – пусть разжимает правую ладонь. Или я стреляю.

– Open your right palm. Or he will shoot.

– He... won't¹, – сказал Фред.

– Why? – по инерции на английском спросил Павел. И действительно, почему не будет? В этот момент он совершенно не помнил, что у Петра было только два патрона. И они оба уже израсходованы.

– Because he has no ammunition², – заставил его вспомнить это американец.

Американец продолжил:

– Не переводи ему это. Короче, парень. Просто стой в сторонке и останешься жить. Я тебя доставлю к нашим. Скажи ему, что я сдаюсь, понял?

– Он сказал, что сдаётся, – словно под гипнозом произнёс Павел.

– Так пусть нож ложит на пол.

– Он говорит, у тебя нет патронов, – таким же тоном, как и секунды назад, сказал Павел.

Пётр замер.

Фред бросил быстрый взгляд на Павла.

Пётр, сообразив, как можно переиграть американца в сложившейся ситуации, начал:

– Скаж...

Фред снизу, без замаха, метнул нож в сторону Петра. Лезвие вонзилось в правую верхнюю часть грудины. Рука с пистолетом автоматически опустилась.

– Вот и всё, – сказал Фред.

Он, не особо торопясь, собрался взять автомат на боевое положение. Павел резко бросил новогодний шар – тот самый, что кинул ему Пол и который он до сих пор держал в руке, в лицо американцу.

«Снаряд», весом в два с половиной килограмма, прилетел в район скулы и носа. Это очень больно. И это на какие-то мгновения дезориентировало наёмника.

Пётр рывком выдернул нож левой рукой и бросился вперёд, пока противник ошеломлён. И с силой вогнал нож Фреду под подбородок. Наёмник, глухо вскрикнув, захрипел и повалился лицом вперёд. Звук, с которым его тело упало на пол, неожиданно был похож на звук упавшего со стены тяжёлого ковра, на который кто-то прицепил пару декоративных сабель.

Павел дважды кашлянул.

– Бросал бы ты это дело, – произнёс Пётр, тяжело дыша и зажимая рану. – Курение – враг лёгких.

– Что?

– Вот ты за сколько километр пробегаешь?

Павел посмотрел на трупы вокруг них.

– Не знаю.

– Плохо, что не знаешь. Я за четыре двадцать. А мне ведь пятьдесят семь. Так ведь не доживёшь до моих лет, Паша.

Последняя глава

Моторная лодка наёмников двигалась по водной поверхности со скоростью, которую трудно было бы назвать высокой.

Раненый Пётр полулежал ближе к передней части судна. Маша расположилась справа от него, посередине.

Павел управлял лодкой.

– Как ты, Машенька? – спросил Пётр.

– Меня трусит всю, – призналась девушка.

– Не удивительно. Но ничего – скоро уже у наших будем... Вспомнил, дочь сказала: «День Манула в зоопарке». Типа – пойдём. Подошли мы к этому манулу, который, наверное, уже устал всех, кто

¹ Не... будет.

² Потому, что у него нет патронов.

около его клетки собирался, херами обкладывая да ждать, когда День Жирафа какого-нибудь наступит, чтобы отдохнуть от всех этих толп, и подумал я тогда: а что я сейчас делаю? Тоже ведь в клетке.

Павел озабоченно посмотрел на Петра.

– Сейчас уже скоро будем. Ты сознание-то не теряй. Какие манулы?

– Да они играют, американцы эти, – продолжил абсолютно понятный только ему разговор Пётр. – Роли расписаны у них. Один президент, типа, злой полицейский, второй – добрый. Но оба играют одну игру. Просто списывают грехи друг на дружку.

– Да? Вот поэтому и Кеннеди убили? Ради правдоподобия игры, что ли? Ты даже сейчас угомониться не можешь.

Павел усмехнулся и покачал головой. Внимательно посмотрел на Петра. Тот успокаивающе улыбнулся.

– Ты-то с бинтами на голове импозантно смотришься в своём фраке, – заметил Пётр. – Это я в своём тряпье и с башкой перевязанной на ремка похож.

– На кого?

– На ремка.

– Никогда не слышал такого слова.

– Я до двадцати одного года не только ни одного баклажана не видел, но и не знал, что они синенькими называются, – отозвался Пётр.

– Да уж. У тебя и до этого мысли скакали, как скакуны, а теперь ещё и в разные стороны. Какие «синенькие», какие президенты США? А книга-то тебе зачем Дэнкина? – Павел бросил взгляд на «Бессмысленного и Беспощадного» в руках у Маши.

Пётр хотел ответить, но вдруг девушка вскрикнула:

– Смотрите, котик!

Справа от движения лодки, чуть впереди, на сорванной с петель двери сидел кот. Павел остановил лодку. Они медленно подплыли к двери. Кот жалобно мяукал и явно боялся делать резкие движения.

– Кыс-кыс-кыс, – подозвала его Маша, протянув руки.

Кот осторожно сделал шаг, и девушка ловко сняла его, прижала к себе и стала гладить...

– Всё затоплено, – Павел покачал головой. – А ты точно учителем был?

– Да что ж у тебя моя педагогическая деятельность такие сомнения вызывает? – слабо усмехнулся Пётр. И попытался принять более удобное выражение.

У него вырвался стон от неловкого движения.

– Слушай, ты не говори, тебе нельзя, наверное, – предположил Павел.

– Это кто тебе сказал? Просто я пошевелился резко. Так почему? Что во мне не так, как в учителе?

– А вот сказал ты тогда – пусть «ложит нож».

– И что? – спросил Пётр и тут же сам догадался. И опять устало улыбнулся. – «Ложит» – понятно. Я, знаешь, не филолог. Бывает. Это не страшно. Страшно, когда вокруг спалахуйки в огне и залупивки летают, знаешь... Или за бортом не кот бы оказался, а кит.

Он замолчал, глядя в небо.

– И гвинтокрылы вместо вертолёттов, – добавил он. – Вот это особенно неприятно. Посмотри, Пепел, что это там. Беспилотник?

Павел быстро обернулся. Все трое начали напряжённо внимательно вглядываться в небо.

– Нет, это птица какая-то, – облегчённо произнёс Павел.

– Большая... Птица, надо же. Вроде не должен был отвыкнуть, а больше другого ждёшь. Других «птичек».

– Я вот тоже не ждал, что ты меня Пеплом назовёшь.

– А я, кстати, всё хотел тебя спросить – почему они-то тебя Пеплом называли? Не-е, я понимаю, что это позывной. Но почему – Пепел?

– Из-за фамилии. Меня так с детства называют.

– И какая же она у тебя?

– Пепеляев, – сказал Павел и всмотрелся в лицо Петра.

– Ну да, не поспоришь, – согласился тот. – У меня позывной тоже по фамилии. «Дым».

– Да, я помню. А фамилия у тебя, получается, Дымов?

Он смотрел на Петра, уже зная ответ.

– Нет. Дымченко.

На лице Павла было написано непонимание. Он чётко помнил, что фамилия друга прадеда была Дымов.

– Точно не Дымов? – недоверчиво спросил он.

Пётр коротко рассмеялся и тут же скривился от боли.

– Что же, я свою фамилию забыл, что ли? Нет, не Дымов. Дымченко. А мы с тобой, можно сказать, однофамильцы, раз ты Пепеляев.

– Почему?

– Я интересовался происхождением своей фамилии. Она от казачьего прозвища «Дымчий». То есть «пепельно-серый». Можно сказать – Пепеляев.

Павел молчал, задумавшись.

– А у вас в роду был кто-нибудь по имени Касьян? – наконец спросил он.

Пётр удивился.

– Нет, я не помню такого. Может, и был когда-нибудь. Лет двести назад. А почему ты спросил?

– Да... в общем, – с заминкой начал Павел, – кажется, читал что-то про атамана Касьяна Дымченко.

– Да? Интересно. Никогда не знал. Но не важно. Другое важно.

– И что?

Пётр посмотрел на небо, чуть прищурясь. В небе летело несколько птиц. Не было сомнений, что это птицы. Он улыбнулся. Посмотрел на Павла. Его лицо стало серьёзным.

– А то, что будем жить, маэстро. Будем жить.

– Смотрите! Смотрите! – закричала Маша.

Она встала. И показала рукой в направлении катера, который стоял у дома, к которому они приближались.

– Мама! Мамоchка моя! – радостно закричала девушка.

Пётр смотрел на Павла.

– Что, наши? – только спросил он.

– Наши, – ответил Павел.

Эпилог

БЛИЖНЕЕ ПОДМОСКОВЬЕ. 2025 ГОД. 27 ФЕВРАЛЯ. НОЧЬ

Мужчина и женщина, сидя в креслах, лицом к камину, переговаривались негромко, но слышали каждое слово друг друга – настолько тихо было сейчас в этом двухэтажном загородном доме.

Между креслами стоял столик, на котором расположилась бутылка красного вина, два бокала и тарелки с закусками.

– Слышишь, – сказала женщина, – огонь начал угасать.

– Не только слышу, но и вижу, – ответил мужчина, – а тени по углам зашевелились.

– Да, – присмотрелась женщина, – странно. Вроде бы чем меньше огонь, тем и их должно быть меньше.

– Да. Что-то в этом есть метафизическое. Говорят, что перед смертью перед человеком проходит вся его жизнь.

– Интересно тебя вывело. Как-то о смерти я меньше всего сейчас думала.

– Знаешь, жизнь – это своеобразный жизненный огонь. Ведь так? Собственно, мы, люди, да и не только – букашки всякие и зверушки тоже – добываемся трением. Как добывали когда-то огонь. Есть тут сходство. Не находишь? А тени... Тени забытых событий, людей, которые нам встречались, дел... И на них, на эти тени, не прикрикнешь, чтоб они остановились. И во многом из-за того – я в это верю, – что далеко не все они были прекрасными, эти тени. Эти мгновения жизни.

– Да. Теряем их. И никогда больше не найдём.

– Даже не всегда находим время встретиться со старыми друзьями, знакомыми, любимыми людьми.

Молчание, что последовало после этой фразы, своей недосказанностью напоминало недостроенный памятник.

– Что же, кстати, нам мешало встретиться в двадцать третьем? – спросила она. – И когда мы виделись в последний раз?

– Последний раз мы виделись в Киеве.

Они вдруг одновременно встали, чтобы подбросить в огонь дров. И рассмеялись. Она села в кресло, предоставив ему эту работу.

– Всё, как тогда, помнишь, у Днепра? – сказала она. – Тоже костёр разжигали.

– Ну, не мы, Руслана, не мы, – ответил он.

– Да, Дэн, не мы. Агния и Павел. Ты говоришь, что у них всё хорошо?

– Да.

– Что ж, рада за них. У хороших людей должно быть всё хорошо. А у плохих – плохо. Жаль, что это не правило.

– Но и исключением это не назовёшь.

– И хорошо, когда наступает возмездие, – сказала она.

– Соглашусь, – отозвался он. – Ты сейчас о Филимоненко, конечно.

– О нём. Мой брат отомщён. Деньги с подлеца тоже получены. Ну и все те, кого он обманул, тоже могли бы быть довольны, если бы знали, чья голова была обнаружена на тайском курорте. А ты чувствуешь удовлетворение?

– Сложно сказать. Я знаю, что Света была с ним несчастлива, несмотря на деньги. Ведь она хотела уйти от него.

– К тебе?

– Да, – ответил он, взял бокал и отпил из него.

Руслана поступила так же.

– Да, – повторил он. – Мы несколько раз встречались с ней незадолго до того, как это произошло. И всё уже решили. Он как будто специально всё сделал...

– Не исключено.

– В это трудно поверить. Думаю, случайно. Но пьяным за руль он садился часто. Она его много раз уговаривала этого не делать. И в тот раз, уверен, тоже. Но он сделал. Сел за руль и убил её. И ещё двух человек на остановке. И всё сошло с рук. В деле зафиксировано было, что это она вела машину. То есть не только убил, но ещё и посмертно опорочил. Как любил манипулировать живыми людьми, так манипулировал и уже мёртвыми, получается.

– Памятью о них.

– Да, памятью.

– Кстати, а вспоминая тот день... – Руслана бросила на него взгляд: – Что за спор у тебя с ним вышел?

– Не спор. Ну... не совсем спор. Он сказал, что заплатит мне сто евро, если я сочиню стихотворение про что-то совсем не нужное ему и всем нам, но этому чему-то и он и мы не нужны тоже. Но в стихотворении должен быть смысл.

– Ха! Мудрёное что-то. Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что.

– Это ещё что – «не знаю что», – улыбнулся Дэн. – Он где-то услышал слово «оксюморон» и хотел вначале, чтобы я туда ещё и оксюморон вставил, но потом смягчил условия, всё же.

– А что такое оксюморон?

– Если двумя словами – сочетание несочетаемого. В названиях часто бывает. «Живой труп», «Мёртвые души», «Оптимистическая трагедия», «С широко закрытыми глазами», «Правдивая ложь», «Бесконечный тупик» и так далее. Да даже праздник Старый Новый год – это тоже оксюморон. Но, в общем, решили без него обойтись. И так задание было своеобразным оксюмоном.

– И что – сочинил?

– Сочинил. Но не стал показывать, когда понял, что случилось между ним и Светой. Отдал Агнии бумагу на растопку огня.

– Вот как? – удивилась женщина. – И не жалко было?

– Нет.

– Получается, сгорела твоя рукопись?

Дэн встал, подошёл к полке, взял с неё книгу, вернулся.

– Вот, – сказал он, протягивая Руслане лист бумаги, который достал из книги, – не сгорела.

– Каким образом? Как так получилось?

– Агния подменила бумаги. У неё в кармане другая оказалась, вот её и подбросила в огонь. А мой листок хранила все эти годы. Когда они с Павлом приезжали, то призналась.

– Я могу прочитать? Интересно, про что может быть стихотворение про что-то совсем нам не нужное, но и мы не нужны тоже этому что-то.

– Конечно, – улыбнулся он, – за этим и дал тебе.

Руслана поднесла листок ближе к глазам. Стихотворение называлось «Эстония».

Женщина стала читать:

– Я – человек. Меня добыли трением. Я робко вспыхнул в глубине ночей.
И в ночи, каждый день с немыслимым терпением, бросает языки мой огонёк ничей.
Бросает их он, как слова ненужные, те самые, что впопыхах и сгоряча.
Срываются они в строку натужную, о чём-то искрами шепча.
Возможно, языком лизнул тебя когда-то я горячим тлением.
Возможно, языком своим ты нашептала мне невыразимым гением
Слова любви, простые, как полена. Возможно, их накрыла пена
Тех дней, что, превращаясь в ночи, уносят в вечность искр людских
Немое многоточие...
Я – человек. Ячейка в камере хранения всего того, что есть всё это:
Миров, где каблук один на туфлях юной инфузории
Впечатывает след на двух полярных шапках пожилой планеты.
Огонь и я. Я и огонь. Я – человек. Одна десятая во мне не из воды.
Я испаряюсь с каждым годом больше, чем арктические и антарктические льды.
Я – человек. Меня добыли трением. Смущаясь, вспыхнул я, зарницей в облаке.
И гром и молния, без всякого сомнения, ей следовали в жизни. В тупике
Огонь затихнет, дёрнувшись в агонии. Никто не вспомнит обо мне в Эстонии.

Дочитав, она некоторое время сидела молча.

– Мне очень понравилось, – наконец сказала она. – Хотя, ты знаешь, я не особая любительница чтения. Но это просто здорово.

– Спасибо, – Дэн потянулся и забрал листок из руки женщины.

После чего встал и аккуратно положил его в камин. Огонь охватил его, скрутил и за несколько секунд превратил в пепел.

Дэн сел в кресло.

Руслана не проронила ни слова.

* * *

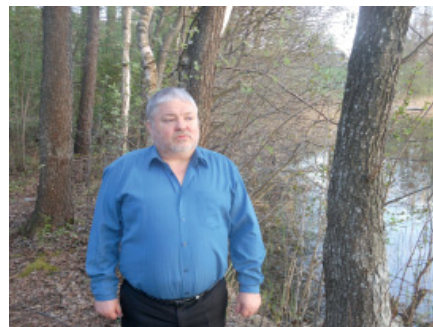
За окном, своеобразным оксюмороном, лежала уставшая от звуков дня ночная тишина.

Проза

Игорь Изборцев

Игорь Александрович Смолькин (творческий псевдоним Игорь Изборцев) – прозаик, публицист, председатель правления Псковского регионального отделения Союза писателей России (с 2005 года). Является действительным членом Академии российской словесности и Петровской академии наук и искусств. Автор двадцати двух книг прозы и публицистики. Лауреат Всероссийской литературной премии им. св. благоверного Великого князя Александра Невского, Всероссийской литературной премии им. В. Я. Шишкова, литературной премии им. Михаила Алексеева, им. Расула Гамзатова, им. Ф. М. Достоевского, Международной литературной премии «Югра», премии Союза писателей России «Слово-2019» и др. Номинант Патриаршей литературной премии 2023 и 2024 гг. Награждён призом «Золотой Витязь» и Патриаршим знаком «За вклад в развитие русской литературы». Является председателем жюри Всероссийской литературной премии им. Н. С. Лескова «Очарованный странник». Живёт в г. Пскове

МЕЖ ДВУХ ЛУГОВ

Повесть о воле и неволе

Каждый выбирает по себе
слово для любви и для молитвы.
Шпагу для дуэли, меч для битвы
каждый выбирает по себе.

Юрий Левитанский

Полдень плеснул в город горячим взваром. Зной накрыл улицы, парки и площади, хлынул во дворы и подворотни. Измаявшись от жары, Фокин, наконец, высмотрел для себя свободную затенённую скамейку – бутылочно-зелёную и короткую, как прокрустово ложе. Хотя насчёт короткости вопрос спорный – кому-то она явно пришлась бы длинной. Но не Фокину, Питера Динклэйджа он давно перерос. И вообще, Динклэйдж его ничуть не волновал. Он был озабочен... как бы это точнее объяснить? Если по-латыни, то примерно так: *Asinus Buridani inter duo prata*, а если на языке Пушкина, то это звучало попроще: «Буриданов осёл между двух лугов». Кстати, сел Фокин под деревом, весьма напоминавшим вставшего на задние копыта осла. И мужики мимо прошли с чисто ослиными рожами. Нет, это у одного, а второго, похоже, просто перекосило, словно он наступил на ядовитый плющ токсикодендрон.

О Буридановом осле Фокину думалось легко, он живо представлял серую ослиную шкуру, сначала мокрую от волнения, а потом сухую по причине долгого воздержания от пищи. Про уши понятно, о них классики что можно уже написали. Про хвост тоже... Но если брать шире, то всё опять упрётся в Аристотеля, его трактат «О небе» и о тупом греке, обалдевшим от голода и жажды, но не тронувшимся с места, потому что еда и питьё были отнесены от него на равновеликое расстояние. Так и не сделав выбор, бедолага умер – скорее от жажды, потому что от голода умирают дольше. Может, это и был тот самый Буридан, позже превратившийся в осла? Кто-то ошибочно записал его как Жана Буридана, родившегося во Франции в 1300 году. А на самом деле он был Аристидом Буриданом или Деметрием Буриданом, появившимся на свет в Тебах или Кноссе в третий или четвёртый год 98-й олимпиады? Или ослом данайца Буридана? Кто их теперь разберёт? Над этим стоило поломать голову.

И над тем, почему «великий учитель сведущих», как называл Данте сына Никомаха и Фестиды, зачастую занимался сущей чепухой, рассуждая, например, о том, что «способность сидеть и способность стоять человек имеет одновременно – в том смысле, что, когда он обладает первой, он обладает и второй, а не так, чтобы одновременно и сидеть и стоять; осуществлять эти способности он может только в разное время. Однако если нечто имеет несколько способностей в течение бесконечного времени, то их невозможно осуществить в разное время, а только одновременно».

Ослу понятно, что невозможно! Однако осёл от голода впал в прострацию, и думать стало некому. Приходится теперь ему, Фокину, всё разливать по рюмкам и стаканам.

– Вы когда-нибудь брали займы?

Фокин пропустил вопрос мимо ушей. Он был занят собственными мыслями.

– А я вот взял. Сто тысяч. У соседа-пьяницы. Откуда у него? Пёс его знает! Хотя у Демьяна Бедного спросите. Он у соседа в прихожей на обувной полке стоит в виде бронзовой головы. По-моему, антиквариат. Где взял? В том и вопрос. И сто тысяч тоже. Ведь сразу дал, с первого захода. Я даже и не просил. Так зашёл. А он: «Деньги нужны?» Я ему: «Ну да». Он: «Сколько?» – «Сто тысяч». А он: «На!» Кстати, под башкой Демьяна Бедного и лежало. Стопка пятитысячных. Он мне отслюнил двадцать штук. А осталось раза в два больше.

Фокин посмотрел на внезапно материализовавшегося рядом с ним незнакомца. Тот был похож на долговязый стручок позднего гороха в уже подсохшем, но ещё не располовиненном мундире. Его тоненькие, похожие на стебельки руки и ноги, как показалось Фокину, чуть колебались в неощутимом воздушном потоке, продолговатая, сильно вытянутая вверх голова смотрела на Фокина круглыми желтоватыми, как кусочки янтаря, глазами. Голос его неспешно струился, как сок из пробитого ксифосом кактуса. Он теребил длинными пальцами парусиновые штаны на коленях и кривил бесцветные губы:

– Нет, я, конечно, ему благодарен, и деньги нужны, но, может быть, вернуть? Как бы чего не вышло. Вы как думаете?

Фокин никак не думал. И если вопрос прозвучал бы ещё раз, он ответил бы как Аристотель докучавшему ему болтуну: «Я тебя не утомил?» – «Нет, я не слушал».

И вообще, Фокин чувствовал себя распаренным в парилке веником, по нему струился горячий банный сок – по спине между лопаток, по груди и ниже в потайные места. Он вытирал пот рукавом, но тот снова набегал на глаза, нос и ручьями растекался в бороде, назойливый, как аркадский Миагр. Нет, в глубине своей, запретной для незнакомцев, Фокин всё-таки думал. О том, например, что воля, как способность или возможность, предполагает деятельность. Согласно своему выбору. Но тут опять на пути Фокина вставал, раскорячившись, Буриданов осёл: как выбрать? как не ошибиться? Как уйти от чувственных склонностей и совершить поступок? Ведь в этом разумность. И вообще, как жить? Согласно природе или судьбе?

– Надо было отказаться? – стручок щёлкнул себя пальцами по выстриженной под ноль голове и, скривив лицо, выгнул губы дугой концами вниз. – Вдруг придут и предъявят что-нибудь. Вдруг это коррупция? Взятка? Так отказаться? Но... Деньги ведь тоже нужны. Лучше бы взял книгу. У него там на полке книга лежала старинная, дореволюционная. Аристотель. То ли «Политика», то ли «Этика». Я посмотрел первую страницу. Перевод с греческого Жебелева. Я почему запомнил? У меня одноклассник был Вася Шебелев, сейчас писатель, в Подмоскovie живёт, не слышали? А переплёт-то кожаный с золотым тиснением на корешке. Думаю, и больше ста тысяч потянула бы. А?

Аристотель? Тут Фокина пробило. Но почему-то сначала на Феокрита Хиосского: «Пуст Аристотеля ум, и пустую он ставит гробницу». Зачем сказал? История ответила, кто на самом деле пуст. Фокин теперь уж полностью осмыслил присутствие рядом постороннего человека. Тот сидел на самом краешке скамейки, отчасти даже за краешком. Оценив этот факт, Фокин сказал:

– Полипемон отсёк бы вам часть туловища.

– Покемон? – переспросил незнакомец с некоторым удивлением в голосе. – Почему часть?

– Такое у него было обыкновение, – с менторской ноткой в голосе сказал Фокин. – Всех, кто шёл мимо его дома из Мегары в Афины или обратно, он укладывал на своё ложе. Что не умещалось – отрубал. Если, напротив, не хватало – вытягивал.

– Вытягивал? – ещё больше не понял незнакомец. – Да я же про деньги...

– А я про Аристотеля, – сократил дистанцию в разговоре Фокин. – Готов немедленно купить книгу у вашего соседа, вам комиссионные – двадцать процентов от цены. Устроит?

– Двадцать процентов? – Теперь у стручка дугой выгнулись выросшие болотными кочками брови. Похоже, из сказанного ему он запоминал только последние два-три слова. С другой стороны, с арифметикой он как будто бы ладил:

– Сорок процентов звучит убедительнее! – Он почесал туго обтянутый зелёной футболкой впалый живот. – Готов сейчас же сопроводить.

– От жадности к богатству вам не устать, прав Аристофан, – Фокин вскинул вверх большие ладони, словно апеллируя к невидимому афинскому комику. – Двадцать пять – и по рукам!

– Тридцать, – тихо вздохнул стручок, – и сразу к делу.

– Идёт! – Фокин встал на ноги. – Где там ваш сосед?

Рядом с патлатым-бородатым Фокиным с мощной фигурой Зевса Олимпийского его визави, представившийся Анатолием Трофимовичем Крайним, выглядел этакой тростинкой Паскаля. В общем, один ноль в пользу Фидия.

Их колоритная парочка по парку Декабристов двинулась прочь от центра города в сторону улицы Энтузиастов, привлекая любопытные взгляды старушек, приткнувшихся в поисках прохлады к кустам пузыреплодника и спиреи. Они шли между вязов и клёнов, сквозь листву которых на парковые аллеи атакующими, как в штыковой, волнами, напирал зной. От африканского жара по укромным уголкам попрятались даже ненасытные голуби. У сухопарого Крайнего зелёная футболка покрылась влажными пятнами, а защитного цвета рубашка Фокина почернела от пота.

Поравнявшись со сверкающим золотом куполов Христорождественским собором, Фокин остановился и трижды осенил себя знаменем креста. Крайний, взглянув на него с опаской, отступил на полшага.

– Что, Анатолий Трофимович, креста боитесь? – громко спросил Фокин.

– Да нет... – замылся Крайний. – Я, как это сказать? Агностик. И можно просто Толя.

– Нехристь вы, Толя, а не агностик, – поправил Фокин, – ну, да это нашей сделки не отменяет. Далеко ещё?

– Два квартала по Энтузиастов, потом по улице Катаева до старой Пожарки, а там рукой подать.

У кинотеатра «Салют» Фокин притормозил, придерживая невесомо колеблющегося в горячих потоках полдня Крайнего.

– Где-то здесь «Соки – воды»? Не ошибаюсь? – спросил он осипшим от жары голосом.

– Так и есть, – согласился Толя, – за следующим углом. Только пива там нет.

– Пива? – Фокин тряхнул гривой тёмных волос, обдав спутника каплей пота. – Вы меня разочаровали, Толя, вы не только жадноватый нехристь, так ещё и пивной алкоголик. Вы ведь алкоголик, Анатолий Трофимович? Не обиделись?

– Ничего, привычный. Насчёт пива и прочего – всего лишь любитель – так, стакашок-другой.

– Знаете, Толя, что цель человека – достижение счастья?

– Могу предположить.

– Может он, – проворчал Фокин, – если бы могли, то знали, что счастье определяется как добродетельная жизнь, проходящая в постоянной деятельности.

– В школе учились.

– А если учились, то знать должны Гесиода, что «тот наилучший над всеми, кто всякое дело способен сам обсудить и заранее предвидеть, что выйдет из дела».

– В школе учились, – чуть обиженно повторил Крайний. – «Идиота» читали, знаем, Достоевский, это где старушку убили.

– Вот что, Толя, – Фокин тяжело вздохнул, – вы пугаете меня. Знаю вас пятнадцать минут, а кажется, что с оных мартовских ид. Не про вас ли написали, что жить надо так, чтобы не было мучительно больно? Вам не бывает мучительно больно, Анатолий Трофимович?

– Иногда, – честно признался Толя, – когда нечем голову поправить.

Они остановились у киоска «Прохладительные напитки». Фокин попросил бутылку холодной минералки с газом, разом заглотил её и взял вторую. Крайний сделал глубокое глотательное движение, словно передёрнул затвор, отчего острый кадык его на мгновение взлетел вверх, потом провалился вниз. Испуганно съёжившись, он отвёл глаза в сторону, зачем-то заглянув в урну.

– Чего вы не пьёте воду? – спросил Фокин, внимательно разглядывая своего визави. – Ба! – Фокин слегка подтолкнул его в плечо. – Да у вас нет денег! А как же сто тысяч займы?

– Ну почему нет? – Крайний нервно пожал плечами. – Гипотетически они есть, вернее, могли бы быть... Буду признателен, если купите мне газировку, с гонорара рассчитаюсь.

Фокин отдал ему свою, и, пока Толя мелкими глотками пил воду, он рухнул в Буриданову переднюю, где всё ещё стоял пучеглазый осёл. Парнокопытное двинуло ушами, в готовности слушать, и Фокин выложил накипевшее: «Ты-то, мой друг, хотя школ не кончал, поймёшь, что представление о благе и счастье связано с образом жизни, оттого весьма грубые, подобные Крайнему люди разумеют под благом и счастьем удовольствие, и потому для них желанна жизнь, полная наслаждений, как правило, очень даже низкопробных, рюмки водки, например. Согласен, лопоухий?»

Осёл, похоже, не возражал, он скосил глаза в сторону правой копны с сеном, но смолчал.

– У меня предложение, – Крайний, одолев полбутылки воды, прервал философскую думу своего спутника, – можете сэкономить.

– И как же? – заинтересовался Фокин.

– Если выплатите комиссионные сейчас, ограничусь десятью процентами.

– О какой сумме речь?

– Ну как же? Сто тысяч. Десять процентов. О такой, – янтарные глазки Анатолия Трофимовича, метнувшись из стороны в сторону, испуганно зашторились веками.

– Вы не моргайте, Крайний, – недобро усмехнулся Фокин, – слышали, где выдают от мёртвого осла уши?

– В принципе... – Толя заёрзал и ещё сильнее заморгал, – в осознание проблем... не знаю.

– О том и речь! Читайте классику. А за деньгами – к Пушкину!

– Не премину! – мгновенно согласился Крайний, скосив глаза на тяжёлые кулаки Фокина.

Из-за тумбы объявлений прямо на них выринула сгорбленная старушка в светленьком платочке и тёмно-вишнёвом креп-сатиновом платье, модном лет восемьдесят назад. Очевидно, чтобы не замёрзнуть, она утеплилась в удлинённый вязаный жилет и войлочные ботики.

– Сынки, – обратилась она к ним, – помогите бабке, ищу прозорливого старца Антипу, а адрес, что внучка-то записала, потеряла, вот телефон ещё дала внучка, да я запамятовала как звонить.

Она протянула им старинный кнопочный аппарат.

– Разрядился ваш телефон, – сказал Фокин, повертев в руках раритетную трубку, – мой мобильник дома, я его в выходные с собой не беру. Вот, разве что Анатолий Трофимович выручит? Номер внучки помните? – он подмигнул Крайнему.

– Ой, батюшка, прости, не признала! – умильным голосом воскликнула старушка, разглядев курчатовскую бороду Фокина, – благослови, родимый, рабу Божию Ульяну.

Она скоренько метнулась к Фокину, сделав поясной поклон, ухватила его за руку, пытаясь поцеловать.

– Вы что? – испуганно вскинулся Фокин. – Я никакой не батюшка. Я за Аристотелем иду. Крайний! – вскричал он, придерживая женщину навесу, – дайте, наконец, телефон!

– Да нет у меня, – развёл руками Толик. – Нам не положено, а где монах старый живёт, подскажу. Бабушка, видите просвет между домами? – он указал старушке на противоположную сторону улицы. – Пройдёте вглубь дворов, там флигель стоит жёлтенький, заборчиком обнесён. В нём и живёт монах.

– Ой, сынки, спаси вас Господь, – старушка опять потянулась губами к руке Фокина. – Что бы я, старая, без вас делала?

Тот, остановив её жестом, попросил:

– Помолитесь лучше за раба Божия... – он наклонился к ней и что-то неслышно шепнул, – и старца попросите о том же!

– Не премину, милок! Спаси, Господь! – Она поклонилась на прощанье и засеменила через дорогу, черпая ботиками асфальт. Вслед за ней плыло похожее на человеческую фигуру невесомое облачко. Что это? Ангел? Навейный зноим мираж? Будь неладна эта жара! Фокин перекрестился.

Крайний, проводив старушку взглядом, пожал плечами:

– Удивляюсь, и не парко ей в таком прикиде? Идёмте, – добавил он, – осталось немного. Вон старая Пожарка. От неё через двести метров свернём в тупик Демократии, нам в четвёртый дом.

– Ба! – Фокин хлопнул в ладоши. – В таком тупике я и сам бы поселился.

– Могу устроить, – тут же поймал Фокина за язык Крайний, – обойдётся недорого.

– Да вы комбинатор, – усмехнулся Фокин, – правда, не великий, крохотный, прямо. Вам самому в силу отсутствия образования любую лажу можно втюхать.

– Например?

– Например, что Земля не вращается вокруг оси.

– Смешно! Мы в школе проходили. Есть день, есть ночь.

Они подошли к одноэтажному зданию старого пожарного депо. Фокин помнил его с детства: неизменный жёлтый фасад, который время от времени подштукатуривали и подкрашивали; пара деревянных ворот для пожарных экипажей. Всё это давно устарело, новые пожарные автомобили здесь просто бы не поместились, потому помещение было передано станции Юных техников. Но поднимающаяся над крышей метров на пятнадцать вверх пожарная каланча выглядела ещё бодрой. В начале XX века в этой пожарной части служил унтер-офицером его прадед Борис Поликарпович, проживший долгих девяносто три года. Фокин застал его краешком детства и ещё помнил его рассказы. Как в былые благословенные времена всходили на смотровую площадку каланчи седой брандмайор с молодым брандмейстером и наблюдали за безопасностью городских кварталов. Брандмайор смотрел в телескопическую подзорную трубу, а брандмейстер, приложив ладонь козырьком ко лбу, зорким взглядом обводил горизонт. Заметив дым, кричал зычным голосом: «Горит за Рядным рынком!» – «Бей в колокол!» – командовал брандмайор и что есть силы орал вниз: – Готовься, пожарный обоз! Мастерам заливных труб, готовься воду! Кучерам и фурманщикам, готовься к лошадям!»

– Откуда вы это знаете? – с удивлением спросил Толя у Фокина, который, застыв словно в трансе, проговорил это почти без пауз.

– Что? – отозвался Фокин. – Ах, это? Прочитал в «Хочу всё знать». На чём мы закончили?

– На Земле, которая не вращается.

– А что, вращается?

– Да.

– Хорошо, возьмите булыгу, вот лежит у парапета. Держите в руке перед собой.

Крайний поднял небольшой, в четверть кирпича, голыш и прижал к груди. Фокин посмотрел на его шатающуюся под лёгким ветерком тщедушную фигуру и, неодобрительно хмыкнув, спросил:

– Сможете подбросить вертикально вверх?

– Думаю, да.

– Бросайте, только отойдите, чтоб на голову не упало.

Толя глубоко вздохнул, выдохнул и что есть сил подкинул голыш метра на три-четыре вертикально вверх. Получилось неплохо. Отскочить бы не успел, если бы его не дёрнул за предплечье Фокин.

– Смотрите, – Фокин указал на вернувшийся на землю камень, – упал ровно туда, где вы стояли.

– И что?

– А то! – Фокин назидательно помахал похожим на сосиску указательным пальцем перед лицом Крайнего. – Жан Буридан семьсот лет назад дал ответ: «На вращающейся Земле брошенные вертикально вверх тела не могли бы упасть в ту точку, из которой началось их движение: поверхность Земли сдвигалась бы под брошенным телом». Раз не сдвинулась, значит, не вращается Земля. Усвоили?

– Так что? – Толя затеребил пальцами впалый живот. – В школе неправильно учили?

– Не знаю, чему вас там учили, – Фокин похлопал себя руками по бёдрам, – но, повторюсь, втюхать вам можно любую лажу. Несчастный вы человек, не про вас ли сказано: «Не слово, а несчастье есть учитель глупцов». Не обиделись?

– Привычный.

– Ну хоть в этом-то вы молодец!

Улица Катаева вывела их к городской окраине, дальше тянулись складские ангары, мастерские по производству мебели и пошивочные цеха, где трудом мигрантов из ближнего и дальнего зарубежья рождались на свет местные «Dolce & Gabbana», «Armani», «Gucci» и «Versace».

Они свернули в переулочек, где город окончательно впадал в деменцию, обставляя себя кривыми сараями, карзубыми заборами и неясного происхождения руинами.

Фокин подумал, что с Катаева, по справедливости, следовало бы попасть на Гладилина или Петрова. Но не в этом городе, здесь обязательно вляпаешься в какую-нибудь антисанитарную гадость. Очертив рукой пространство, он спросил строгим голосом:

– Анатолий Трофимович, не причёсываете ли вы мне мозги? Насколько не изменяет память, здесь в советские времена располагался переулочек Марксистов? Откуда взялись демократы? И почему тут всё развалено, раньше было приличное место?

– Сие мне неведомо, – пожал узкими плечиками Толя, – живу тут недавно, а Петрович называет адрес Тупином демократии.

– Понятно. А Петрович это кто, сосед-пьяница?

Крайний не ответил. И Фокин, воспользовавшись моментом, ускользнул вглубь себя. В последнее время, когда ему хотелось подумать, он спрыгивал в переднюю Буридану. Дальше людской его не приглашали. Да и кто он такой, Фокин, скромный доктор наук, по сравнению с Жаном Буриданом – человеком-легендой? Одна связь этого головастого философа-номиналиста с королевой Жанной Наваррской перекроет все вместе взятые диссертации их научно-исследовательской конторы. Ради этих отношений натурфилософ поставил на кон свою жизнь. Послушайте Вийона, он скажет: «Где королева, для которой / Лишили Буридана нег / И в Сену бросили, как вора? / Но где же прошлогодний снег?» Хотя, это чистый Гумилёв. У Феликса Львовича Мендельсона (не путать с Феликсом Мендельсоном-Бартольди) ближе к оригиналу: «Где королева, чьим вельнем / Злосчастный Буридан казнён, / Зашит в мешок, утоплен в Сене? / Но где снега былых времён?»

Дался им этот снег. Лучше бы написали, как Буридан треснул башмаком по лбу будущего папы Климента VI. Возможно, от последствий ушиба появилась булла, безмерно возвышающая власть папы и оправдывающая индульгенции? Вот за это Буридан заслужил бы быть зашитым в мешок. А за любовь? Нет, глупость – удел всех времён! Не случайно Цицерон как-то обронил, что после долгих размышлений пришёл к печальному выводу: мир плотно населён дураками, их количество неисчислимо. Да и Сократ в «Апологии Платона» указывал на тупость заурядных людей... Но пусть глупые сами хоронят своих глупцов. Буридан же достоин оаций! Слава Буридану! Вот только со свободой воли он погорячился, зачем напештал ослу, что её, свободы воли, не существует? И своим детерминизмом уморил животное голодом? Лучше бы ушастый слушал либертарианцев, жрал солому слева и справа и прожил бы долгую счастливую жизнь...

– Всё, пришли, – Крайний опять бесцеремонно вырывал своего спутника из глубины дум.

– Что? – спросил Фокин, собачьим движением стряхивая с себя пот.

Он едва не шандарахнулся о деревянный столб с тёмно-синим почтовым ящиком советских времён, на котором кроме написанного белой краской слова «Почта» присутствовали ещё два словечка, очевидно, нацарапанные гвоздём: «Корабль дураков».

– Весело живёте! – окончательно вернулся в реальность Фокин. – Что тут у вас за корабль номер четыре?

– У нас не корабль, дом, – поправил Толик и указал рукой на двухэтажное, одноподъездное, когда-то бывшее серым, а нынче изрядно облупленное здание, про которое бывалый человек обязательно сказал бы: «Хрущёба».

Такие строили в послевоенные пятидесятые и заселяли рвущимися в пролетариат колхозниками. Из удобств – одно электричество. Газ – баллонный привозной. В квартирах – дровяные печи, во дворе – дощатый клозет, далее по улице – водоразборная колонка. Очевидно, дом давно расселили, окна в некоторых квартирах были закрыты щитами из OSB, двор завален поломанной мебелью и выброшенным домашним скарбом. Сарайчик и притулившийся к нему сортир покосились, как пьяные после полочки мужики.

– Не знаю, что и сказать. – Фокин задумчиво оглядел территорию. – Жутчее, чем Нельская башня. Не бывали в Нельской, Анатолий?

– Не довелось. Что там? Экскурсии?

– Нет. Там Буридан превратился в рыцаря Лиона де Бурнонвиля и был арестован стражей.

– Про это не знаю. Проходите. – Крайний приоткрыл дверь в подъезд и предупредил: – Осторожно, лампочка перегорела. Нам в первую квартиру.

– Неважно! Как учили стоики, следуя за судьбой, – глубокомысленно изрёк Фокин, делая шаг в темноту. – Мудреца судьба ведёт, а глупца тащит.

– Столики у нас есть, сейчас сами увидите, – пообещал Толик.

Идти пришлось недолго: первый марш расшатанной деревянной лестницы оказался совсем коротким. Скрытый мраком Толя распахнул невидимую дверь. Из квартиры выплеснулся свет, и Фокин

во мгновение ока оказался в прихожей. Огляделся в поисках обувной полки и головы пролетарского писателя. Почти всё имело место – и полка, и голова, только не Бедного Демьяна, а богатого Фридриха Энгельса; и не бронзовая, а гипсовая. Книг же повсюду было полно: и на самой полке, и на полу у стены. Сделав пару шагов, Фокин попал в большую, квадратов на тридцать, с высоченным потолком комнату, заставленную картонными коробками, чемоданами и, опять же, баррикадами из книг.

– Пару лет уж живу, а с вещами, так сказать, не разберусь.

Мужской голос прозвучал из-за громоздкого, красного дерева комода, запруженного сверху книгами и перевязанными бечёвкой стопками журналов.

– Вы Толин сосед-пьяница? – не церемонясь, спросил Фокин. – Голос хороший, от ля большой октавы до ля первой.

– А у вас центральный бас, самый, так сказать, широкий басовый диапазон. – К Фокину из укрытия выкатился сидящий в кресле с колёсиками пожилой мужчина с небольшой бородкой и длинными седыми волосами, макушка его была прикрыта шапочкой, как у булгаковского Мастера. – Насчёт соседа верно, насчёт второго – нет. Не употребляю, опьянение – добровольное сумасшествие, – добавил он и представился: – пенсионер от науки Лука Петрович.

– Анатолий Трофимович, как же так? – с деланным возмущением воскликнул Фокин. – Ставлю вам минус и сокращаю комиссионные до пяти процентов. А я тогда – Васька Пепел, коллекционер и большой любитель Аристотеля. Где, кстати, его «Этика» в переводе Жебелева? Я за ней.

– Вы что же, ожидали встретить Михаила Ивановича Костылёва? Так нет тут такого. А я на самом деле Лука Петрович, – пенсионер скинул с себя шапочку, обнажив гладкую блестящую лысину, – и фамилия у меня Лукин.

– Хорошо устроились, Лукин! Выдайте мне, пожалуйста, Аристотеля. Готов заплатить десять тысяч рублей, а не то рассержусь, – Фокин недвусмысленно продемонстрировал крепко сжатый правый кулак молотобойца.

– Друг мой Анатолий, ты чего там затих? – Лукин поднялся с кресла на ноги, вытянувшись во весь свой небольшой рост. – Возьми на кухне пятьсот рублей, твой гонорар и поди-ка навести Василису. Да напхни, как зовут нашего гостя, а то сам он, похоже, делать это не собирается.

– Фокиным представился, – тут же выпалил Крайний, – а столики вон они, целых два, – он указал на них своему недавнему знакомцу и добавил: – про проценты не забудьте. А вам спасибо, Лука Петрович!

– Пока не увижу Аристотеля, никаких процентов! – отрезал Фокин. – Где получить? Разбаловались вы тут, друзья, как видно, позабыли про импульс Буридана, могу напомнить.

Крайний заморгал янтарными глазками и смущенно прикрыл рот ладошкой.

– Анатолий Трофимович, – усмехнулся Лука Петрович, это не про то, что вы подумали. Вас с Василисой никоим образом это не касается. Только «Физики» Аристотеля и забытого всеми Буридана, объявившего импульс причиной движения брошенных тел. Но при чём тут столики?

Толя, пожав плечами, метнулся на кухню, схватил деньги и едва ли не бегом покинул квартиру, оставив после себя стайку пустившихся в пляс пылинок.

– Ба! – воодушевился Фокин, – так я действительно имею дело с научным пенсионером? Приятно! А столики ни при чём. Потому что они не столики, а стойки. Очевидно, для некоторых разница промеж них отсутствует.

– Коль у образования нет корней, то, так сказать, и плодов нет. Но в целом Анатолий неплохой малый. Был бы совсем неплохим, если бы не пристрастие к алкоголю, высох весь, печень вон вконец разрушил, глаза, как желтки. И к вере его никак не приучить, однако – это дело времени. Но без него я бы тут пропал. – Лука Петрович вздохнул и ещё раз представился: – Доктор технических наук Лукин.

– Аналогично! – не скрывая удивления, ответил Фокин.

– Ну что ж, надеюсь, что двум докторам наук всегда найдётся о чём поговорить, – мягко улыбнулся Лука Петрович.

– Не думаю! Надежда – это сон наяву! – отрезал Фокин. – Так есть у вас Аристотель?

– Конечно, – Лука Петрович, улыбнувшись ещё шире, указал рукой себе за спину, в сторону подпирющей стену прямоугольной высокой голландской печки. – Наверху.

Подняв глаза к потолку, Фокин увидел пристроенный на вершине печки гипсовый бюст Аристотеля на манер тех, что используются для портретной скульптуры в художественных школах.

– Издеваетесь? – он сердито крикнул.

– Ничуть, – Лука Петрович опять опустился в кресло, пригласив Фокина присесть на стоящий рядом стул. – Не знаю, удивлю ли вас. Хотя хотелось бы, ведь познание начинается с удивления, а удивление побуждает людей философствовать. У нас тут целый мир, так сказать, плерома, в христианском понимании, конечно, без гностицизма. – Он кивнул подбородком на висящую на стене икону Спаса Нерукотворного и быстрым движением перекрестился. – А люди... С Анатолием знакомы, я – ваш покорный слуга. Об остальных, захотите, расскажу...

Что-то было не так в этой заваленной невесть чем квартире. Врождённое «чутьё по ветру» Фокина обычно не подводило. Несоответствие формы и содержания? Словно «Метафизика» Аристотеля была вставлена в обложку комикса про Дэна Пираро. Память – писарь нашей души: остановившись мыслью на содержании, он вспомнил, как в конце девяностых, будучи совсем молодым аспирантом, участвовал в научной конференции в Технологическом институте Джорджии, расположенном в столице штата Атланте. Обсуждалось изменение жизни человека с помощью передовой науки и технологий. Тогда ещё политика так не довлела над научной мыслью, дух противостояния не ощущался столь остро, и верилось, что, пусть не всё, но что-то значимое, весомое можно изменить к лучшему. Для него, наверное, причина крылась в молодости, наивности. Сейчас эта атмосфера – того, что приближение к идеалу возможно, – на мгновение накрыла его. Глутаминовая кислота в голове Фокина забурлила, а осёл в Буридановой передней ударил копытами в элитный французский Select. А эти скрытые цитаты? Фокин и сам был неплохим мастером подобных экспромтов...

– Приходится постоянно думать об общем благе, – продолжал Лука Петрович, – ведь благо, так сказать, везде и повсюду зависит от соблюдения двух условий: правильного установления конечных целей и отыскания соответствующих средств.

Фокин, собравшийся, было, уходить, решил всё-таки с этим помедлить.

– А что за история с «Этикой» Аристотеля? Коли у вас не было такой книги, зачем ваш янитор мне её предложил? И как узнал, что её ищу?

– Тут всё просто, – Лука Петрович взял с комода книгу в кожаном переплёте с золотым тиснением, – вот, смотрите, это Фет «Мои воспоминания», 1890 год, типография Мамонова, первое прижизненное издание. Средняя цена на рынке порядка двухсот тысяч, а я готов отдать за сто. Обратите внимание: цветные форзацы на кожаной слизуре, дублюра блинтовая, шёлковое ляссе и капталы. Или, к примеру, «Сочинения» Батюшкова, 1850 года, тоже прижизненное издание, переплёт выполнен в мастерской «Артель». Просят до ста сорока тысяч, я отдам за семьдесят. А «Этики» Аристотеля у меня сейчас нет. Что же касается Анатолия Трофимовича, то я его специально командирую в магазин «Раритет», там хороший отдел антикварных книг, чтобы наблюдал за гражданами, интересующимися дорогими изданиями. У него поручение: подойти к такому коллекционеру-искателю на улице, познаться и как бы невзначай предложить нужную ему книгу. Упомянуть соседа-пьяницу, потому что возникает соблазн купить что-то стоящее за гроши. Про Демьяна Бедного непременно упомянуть, есть в нём какая-то магическая сила. Привести гостя сюда ко мне. И пусть того, что тот искал здесь нет, но зато есть тысяча других книг – авось что-нибудь купит. Таков алгоритм, этим наша община живёт.

– И что, работает? – спросил Фокин, как-то разом успокоившись, он уже почти не злился, напротив, испытывал желание продолжить это странное знакомство.

– Не всегда, но достаточно часто, так что нам хватает на жизнь.

– А откуда всё это книжное богатство? – Фокин обвёл рукой пространство комнаты. – Да и комод вызывает определённый интерес. Такой далеко не в каждом антикварном салоне найдёшь.

– История проста как мир. Эту библиотеку начал собирать мой дед, академик Иван Лукич Лукин, продолжил отец – профессор Пётр Иванович Лукин, я подхватил, а теперь вот, так сказать, расточаю. После смерти супруги мы остались вдвоём с дочерью Лизой, она выбрала профессией ботанику, занималась лихенологией, причём успешно. Но, как сказано, человек предполагает, а Бог располагает. Тяжело заболела. Поскольку она оставалась одинокой, проблемы с лечением легли на мои плечи. Поверьте, сделал что мог, в Германию возил на операцию. Всё, что можно, включая квартиру и дачу, продал, книги вот только оставил да дедов комод. Но лечение не помогло. В итоге – один без крова и средств, работу, пока занимался лечением, пришлось оставить. Хорошо, что мир, так сказать, не без добрых людей, подсказали это место. Дом определён под снос уже как несколько лет. И я живу здесь без всяких прав с такими же бедолагами, как сам.

– Ну что ж, я не ошибся, тут у вас Горький во плоти.
 – Выходит, что так!
 – А что с этим местом? – Фокин двинул плечами, шевельнув своё большое тело античного дискобола, отчего стул под ним опасно закрипел. – Припоминаю, что в советские годы этот райончик вполне процветал.

– Разрушили. У нас ведь с этим просто. Злые поступки, так сказать, вершим по доброй воле и под видом добра. Ну что насчёт книг? Что-то будете покупать? Рекомендую энциклопедический словарь в трёх томах под редакцией доктора философии Филиппова. Типография Сойкина, 1901. Опять же роскошный кожаный переплёт ручной работы с золотым тиснением. На корешке два блинта и золотое тиснение. Цена смешная, всего-то семьдесят тысяч. Как?

– Никак! – теперь Фокин тронул губы улыбкой, вышло, правда, грустновато. – Для меня этот Аристотель не просто философский трактат, это, как сейчас говорят, – триггер, стимул для принятия решения. Не могу сделать выбор, но уверен, как только получу её, подержу в руках, раскрою, перелистаю, прочту что-нибудь из начала или середины... И что-то сработает, какие-то ассоциации, прошлый опыт – не знаю, что, но сработает!

- Важный выбор?
- Жуть какой важный!
- Не поделитесь?
- Не сейчас.

– Понимаю. Вы к музыке как относитесь? – Лука Петрович изящным движением вернул на голову шапочку мастера, – своим друзьям всегда напоминаю, что музыка, так сказать, имеет силу формировать характер, учит развивать правильные чувства...

– И ещё облагораживает нравы, – добавил Фокин; подхватив из стоящей рядом стопки верхнюю книгу, он начал её перелистывать, – нет, напрямую к музыке не отношусь, я ведь технарь, но слушать люблю, Свиридова, например, Чайковского... Интересно... «Античная философия» под редакцией Александрова, 1940... Эту я, пожалуй, купил бы. Сколько?

– А я бы вам эту подарил, если возьмёте что-то посущественней. Например, «Курс истории древней философии» Трубецкого 1910 года, – чуть помедлив, предложил Лука Петрович.

– Подумаю. Так что с музыкой?

– Приглашаю пойти послушать. Потом попью чаю, так сказать, в дружеской обстановке. Василиса! – негромко сказал Лука Петрович.

Фокин оглянулся в уверенности, что призываемая дама находится где-то совсем рядом, в этой комнате. Но никто не откликнулся.

– У нас есть своё отделение филармонии, музыкальный зал, – продолжал Лука Петрович, – так сказать, служим другим, делаем добро. Не в этом ли смысл жизни?

В прихожей скрипнула входная дверь, и в комнату вошла невысокая, лет сорока, полная женщина с пышным хвостом волос на затылке и круглым рябоватым лицом. Её широко распахнутые серо-голубые глаза смотрели с такой наивностью, словно она родилась лишь неделю назад и нынче обязательно в очередной раз спросит, почему вечер сизый, а закат багряный. На ней было полувековой давности удлинённое синее платье А-силуэта и чёрные кеды.

– Василиса, голубушка, организуй нам чай, – любезно попросил Лука Петрович, – а мы пока в музыкальный зал спустимся.

– Хорошо, дядюшка, – покорно склонила голову женщина и тихо удалилась.

– У вас что, микрофоны, видеокамеры? – удивлённо спросил Фокин. – Как племянница вас услышала, её же не было в квартире?

– Уверю, ничего подобного здесь нет, – Лука Петрович поднялся с кресла, – у нас только доброта, понимание и согласие, а они творят чудеса. Василиса мне не племянница, скорее, так сказать, сотрудница, сотоварищ, единомышленник. Что ж, приглашаю в нашу филармонию.

Увлекая за собой Фокина, он вышел из квартиры. Подсвечивая фонариком, спустился в тамбур перед выходом из дома и указал рукой вниз, где зиял провал крутого схода в подвал. В лицо Фокину пахло сыростью, тленом, но ещё острее повеяло тайной. В сердце кольнуло странное чувство ожидания, словно что-то несбывшееся вот-вот сбудется. И осёл в Буридановой передней опять забил копытами, только теперь не по паркету, а по его гипоталамусу и зрительным буграм, отчего

нырнувшие под землю заплесневелые серо-зелёные стены заискрились, как зеркальные шары на дискотеке. В луче фонаря чёрные колонии кладоспориума на щербатом кирпиче ожили и потянули к ним щупальца. Спустившись вниз, они повернули направо и пошли по длинному узкому коридору. В какой-то момент Лука Петрович щёлкнул незамеченным Фокиным выключателем, загорелись лампы в забранных решётками настенных фонарях забытых советских времён, осветив теряющиеся в перспективе, ставшие теперь бетонными стены и потолок. Ого! Фокин почувствовал, что распухает от удивления. Откуда всё это под разваливающейся халупой? Тайный бункер? Куда он попал?

– Не переживайте, сейчас придём, – успокоил Лука Петрович, наверное, почувствовав волнение спутника. – Вот уже дошли.

Они упёрлись в типичную для подземных убежищ мощную железную дверь, на которой красовалась аккуратная табличка: «МКЗ филиала городской филармонии имени М. И. Глинки». Ниже был приклеен бумажный листок с надписью от руки: «Вход строго по билетам».

– Это шутка Прокопия, позже с ним познакомлю, – усмехнулся Лука Петрович и с лёгкостью для такого массива металла распахнул дверной створ. – Проходите.

Они вошли во вместительное помещение без окон, с высоким потолком. Воздух здесь был на удивление чист, недавно его явно озонировали. В противоположном конце зала располагался невысокий просцениум, как в античных театрах, но с подвешенными софитами и закрытым пурпурным занавесом. В центре располагался ряд театральных кресел. Стены украшали достойного качества репродукции картин известных мастеров на библейские темы, среди которых Фокин узнал «Поклонение волхвов» Андреа Меллони, «Уверение Фомы» Караваджо, «Христос в пустыне» Ивана Крамского, «Моление о чаше» Фёдора Бруни. Что ж, весьма недурственно для подвала, почти как в покоях Буриданова. Он хотел, было, задать хозяину будоражащие его сейчас вопросы, но Лука Петрович приложил палец к губам:

– Потом! Располагайтесь! Сначала музыка.

Кресла оказались достаточно удобными. Откинувшись назад, Фокин спросил:

– Что будем слушать?

– Сейчас прояснится, здесь они всё решают, – Лука Петрович указал подбородком в сторону сцены.

Тем временем невидимый распорядитель приглушил в зале свет. Заиграла музыка, и Фокин узнал полонез Огинского.

– Неожиданно! – тихо хлопнул в ладоши Лука Петрович. – Впервые здесь слышу «Прощание с Родиной» Михаила Огинского. Как будто оркестр Большого театра? Дирижёр Борис Хайкин?

– Да нет! – Фокин в волнении выпрямил спину. – Это симфонический оркестр Всесоюзного радио, дирижёр Самосуд, как на дедовой старой пластинке начала шестидесятых. Не поверите, мечтал её найти, не попадалась. И вот у вас здесь... Только музыка живая... Не может быть!

– Здесь всё может быть. Эка звучит! Прямо за душу берёт! – Лука Петрович поднёс ладонь к своему уху. – Как неподвластная уму загадка! Не верю в колдовство, но чувствую непостижимую колдовскую силу.

– Не поверите, что я чувствую! – воскликнул Фокин. – Как это технически возможно? Вы что, оживили Рогаль-Левицкого и Самуила Абрамовича Самосуда?

– Нет, – Лука Петрович мягко коснулся руки гостя, – просто заблудилось чьё-то детство, а теперь нашлось. Ведь когда-то где-то всё потерянное находится. И вы вольны принять это и вольны отказаться!

Музыка смолкла, но неостывший от неё воздух ещё едва ощутимо вибрировал. Фокин с жадностью дослушивал эти вибрации и, когда последняя капля звука иссякла, дрогнувшим голосом спросил:

– Почему занавес закрыт? Хочу увидеть музыкантов.

– Это невозможно, – грустно вздохнул Лука Петрович.

– Отчего же? – Фокин вскочил на ноги, за несколько мгновений преодолел расстояние до просцениума и раздвинул по сторонам тяжёлые пурпурные занавесы. То, что он увидел, его ошеломило! Минуту он стоял неподвижно и тупо смотрел на глухую бетонную стену – серую, холодную и совершенно пустую. От занавеса её отделяло не более полуметра, и в этом узком пространстве не было и следа музыкантов, их инструментов, акустических систем, усилителей, сабвуферов – всего того, что необходимо для воспроизведения звука. Мистификация? Трюк?

– Нам надо уходить! – обеспокоенно вскрикнул Лука Петрович – Немедленно! Как вас? Фокин? Почему не называете своё имя? Так вас и звать? По фамилии?

– Алексеем Максимовичем зовите, – растягивая слова, рассеянно ответил Фокин.

– Может, и фамилию прежнюю отменим? Будете Пешков?

– Без разницы, зовите, как вам угодно, – Фокин попытался нырнуть в Буриданову переднюю, чтобы сбалансировать мысли, но лаз оказался закрытым.

– Это, так сказать, что-то вроде оперативного псевдонима? – продолжал задавать вопросы Лука Петрович.

– Угадали.

– Надеюсь, вы наш? Не от супостат наших?

– Свой, до мозга костей.

Они возвращались по тому же длинному коридору с тусклыми кондовыми фонарями. Взявший себя в руки Фокин уже обычным ровным голосом сказал:

– Огинский – враг России. Как вы сказали? От супостат наших? Именно! Но пронзает, до стона сердечного. Пожалуй, у поляков и нет больше ничего стоящего. Впрочем, Станислав Лем – «Сумма технологии», «Солярис»...

– «Звёздные дневники Ийона Тихого», «Эдем», – добавил Лука Петрович. – Можно Сенкевича упомянуть с «Камо грядеши».

– Можно, – согласился Фокин, – тогда уж Коперника и Шопена с ними вместе.

– Ну вот, целую полку выстроили! – улыбнулся Лука Петрович.

– Ничего не хотите объяснить? – спросил Фокин, когда они уже поднялись на площадку первого этажа.

– А нечего объяснять, – тяжело перевёл дыхание после подъёма Лука Петрович. – Есть факт музыкального зала, есть факт музыки, а объяснений этим фактам нет. Но всегда есть результат! Это данность!

– Что ж, за неимением лучшего, принимается. Вы, прямо, ритор, умеете находить способы убеждения относительно каждого события.

– Ясность – главное достоинство речи, – Лука Петрович постучал себя ладошками по груди и бокам, стряхивая подвальный прах. – Идём пить чай! Не откажетесь, Алексей Максимович?

– Не откажусь.

– Вот и славно! Нам сюда, – Лука Петрович осветил фонариком дверь в соседнюю со своей квартиру, – думаю, нас ждут.

В отличие от обиталища библиофила Лукина, жилище, в которое они вошли, было вполне обихожено, обставлено некоторой мебелью, пусть и неродственной друг другу, но не вызывающей протеста эстетствующего разума, не склонного, как известно, красоте смешивать с истиной. Друг Фокина Яша Левинсон внушал ему, что нет ничего лучше еврейского стиля интерьера с простотой и изысканностью во главе угла. Он отвергает кичливое барокко, позолоченные подлокотники или ручки, компенсируя свой минимализм многофункциональностью, простором и большим количеством света. Здесь всё это имелось в наличии, так что окажись тут Левинсон, он явно почувствовал бы себя в своей тарелке. Застывшие в разных местах гостиной-столовой стулья использовались не только как сидалища, но и как полки для различных предметов. Стоящий в центре этой просторной, как и у Луки Петровича, комнаты стол, в данный момент покрытый нарядной светлой скатертью и уставленный чайными приборами, в другое время явно использовался для иных целей. С одной его стороны Фокин заметил пропущенные веником крохотные островки древесных опилок и стружек. Значит, иногда этот картибул превращался в столярный верстак. Пустоту стены с одной стороны скрашивала большая икона Пресвятой Богородицы Казанская, с другой – витиевато выведенная на разрезанном вдоль листе ватмана цитата кого-то из античных мудрецов: «Афиняне открыли людям пшеницу и законы, но пшеницею жить научились, а законами нет».

Скользнув глазами по греческой сентенции, Фокин задержал взгляд на святом образе и неспешно осенил себя крестным знаменiem.

– Удивляетесь соседству? – с вызовом в голосе спросил появившийся из смежной комнаты высокий молодой русоголовый мужчина, выстриженный в круг, как Емелька Пугачёв. – Напрасно!

На всём его облике лежала печать бунтарского духа, легко распознаваемая в упрямом выражении лица, непреклонном взгляде голубых глаз, твёрдом подбородке, – сущий хорунжий второй сотни полковника Ефима Кутейникова. Такому – или в гущу битвы, или прямо на эшафот!

– Отнюдь! – парировал выпад незнакомца Фокин. – Видел на фреске «Христос – Царь философов». Это в Фессалии в Большом Метеорском монастыре. Там Фукидид, Аристотель, Платон и Плутарх. Смысл в том, что вся мудрость и красота мира берут своё начало в Боге. И Григорий Богослов говорил, что каждая высокая строка любого древнего поэта или мудреца принадлежит христианам.

– Я имел в виду изображения античных философов в притворе Московского Благовещенского собора, – мужчина недовольно поджал губы, – есть там и Аристотель.

– Алексей Максимович, это Прокопий, о котором я упоминал, – вмешался в разговор Лукин. – Давайте за чаем продолжим, смотрите, как Василиса всё ладно накрыла!

Стол выглядел, что называется, скромно, но со вкусом. И то, что чайная посуда разнилась друг от друга, как люди на городской площади, картины не портило. Фарфоровая чашка соседствовала с керамической, к гранённому стакану придвинулась узбекская пиала, высокий заварочник, вздёргнув над «коллегами» долгий носик, блистал красками, как заморский петух вайандотт. Из стеклянных вазочек выглядывали сушки, печенье и конфеты «Коровка».

Расселись как придётся, так, что на главном месте в торце стола оказался Толя, а по бокам почтенный Лука Петрович с русоголовым казаком Прокопием и Фокин с наивной тихоней Василисой. Место напротив Крайнего пустовало, хотя чайный прибор стоял и там.

– Кстати, печенье «Привет» Чебоксарской кондитерской фабрики, СССР, 1989 год, конфеты «Красный Октябрь» того же года, – Лукин плавно обвёл рукой разложенные угощения, – рекомендую.

– Что, до сих пор выпускают? – спросил Фокин, пробуя печенье на зуб.

– Нет, именно то, старое, забытое советское, – широко улыбнулся Лука...

– Да бросьте, – скептически фыркнул Фокин, – как это возможно?

– Коля намечтал, – пояснил Прокопий, отхлебнув из пиалы чай, и указал на пустой стул.

– Дорогие мои, позвольте вернуться к прерванному разговору, – Лукин аккуратно промокнул губы салфеткой. – Фрески философов в притворе не случайны: античные мудрецы, так сказать, не являлись христианами, поэтому их изображения в самом храме не были уместны. В то же время, начиная с Иустина Мученика, христианские авторы указывали на параллели идей античных философов и христианского вероучения. В XVI веке на Руси появилось сочинение «Пророчества еллинских мудрецов», представленных там провозвестниками христианства. С этим, думается, и связано появление в притворах храмов их изображений. У них в руках, как правило, находятся свитки с изречениями. Так, у Сократа на свитке написано: «Доброго мужа никакое зло не постигнет. Душа наша бессмертна. По смерти будет добрым награда, а злым – наказание».

– В Благовещенском соборе Аристотель не только на фресках, но и на медных пластинах «златых врат», – с упрямым видом добавил Прокопий, словно кто-то собирался его оспаривать. – Уверен, многих сегодняшних так называемых христиан вообще дальше паперти пускать нельзя, потому как ряженные, – он в упор глянул на Фокина.

– Не стал бы спорить, – ответил тот, выдержав взгляд молодого человека, – как и некоторые другие, ищу, хожу кругами, но и перипатетик может достичь многого, например от Аполлона Ликийского дойти до лица и написать Пророка.

– Алексей Максимович имеет в виду не только Пушкина, но и учеников Аристотеля, – с довольным видом пояснил Лукин, – их называли перипатетиками из-за привычки Аристотеля, так сказать, прогуливаться с учениками во время лекций, а в Средневековье так называли схоластов типа Фомы Аквинского, которые многое взяли из философии Аристотеля.

– Вам Алексей Максимович сейчас «Песню о соколе споёт», – сердито поджал губы Прокопий. – А Аристотель, коли не упёрся бы в мысль, что теоретическая деятельность важнее практической, глядишь, и за порог притвора бы перешагнул. Потому что важен баланс! Баланс между теорией и практикой!

– Ой, Коля зовёт! – воскликнула Василиса. – Сейчас сбегую!

– Кто, наконец, этот Коля? – Фокин вопросительно взглянул на Луку Петровича. – И как Василиса его услышала? Вроде, тихо было.

– Чистая душа, – по обыкновению улыбнулся Лукин, – ей много ведомо. И Коля чистая душа, он сейчас на работе, – библиофил указал пальцем на потолок.

Василиса вернулась через две минуты с большой коробкой пиццы, открыв её, поставила на стол. По комнате поплыл острый жгучий запах специй.

– Курьер доставил, от Коли, – тихо сказала она и присела на своё место.

– Понятно, что от Коли. Для кого он намечтал? – с деланной строгостью спросил Лукин. – Хотя понятно для кого.

Молчавший до этого момента Толик заёрзал, ткнул кулаком себя в грудь и заныл:

– Ну не люблю я ваше печенье, я пиццу люблю и пиво.

– Пива не было, – сказала Василиса, – только пицца и записка, всё это курьер передал.

– Так-так, любопытно, – Лука Петрович принял из рук Василисы сложенный вчетверо листок, – что тут? – развернув, начал читать:

– Аристотель, самый преданный из учеников Платона, был шепеляв в разговоре, ноги имел худые, а глаза маленькие, но был приметен одеждою, перстнями и причёской. У него был сын от наложницы Герпиллиды, Никомах. Скончался он в Халкиде, выпив аконит, и было ему семьдесят лет...

Пока Лукин читал, Толик Крайний, ухватив в каждую руку по осьмушке пиццы, с завидным аппетитом откусывал то слева, то справа, отчего щёки его ходили ходуном, кадык прыгал, а плечи дёргались и дрожали. Горячее тесто хрустело на зубах, с губ тянулись к груди сочные нити сыра.

Достойно кисти художника! Фокин внутренне улыбнулся: Питер Брейгель Старший, не иначе! Он вдруг обратил внимание на отсутствие жары, словно работал хороший кондиционер. Но неоткуда тут было взяться кондиционеру. Странно, что электричество не отрубили. Здесь, среди этих людей, царил тепло. В лучшем понимании. Он искал нужные слова... Искренность? Непосредственность? Уважение? Дружественность? Да, именно она! Платон, например, ставил дружбу выше остальных чувств, потому что она основана на любви к добру и истине. Аристотель говорил о полезности, удовольствии и добродетели дружбы. Как здесь, например, где даже упрямство Прокопия выглядит милой забавой, а колкость – дружеской шуткой.

Он вспомнил свою научную контору. Какие-то смурные, желчные, пожелтевшие от зависти лица. Только добьёшься успеха, тут же шёпот за спиной, сплетни, грязь. Если же успех настоящий? Если он ведёт к новым возможностям и, по их мнению, к большим деньгам? Тогда – ненависть, доносы, травля... Всё, как у него сейчас. А ведь сколько помогал? Кому-то писать диссертацию, статьи, кому-то продвигаться в карьере, кому-то просто тупо давал в долг, не ожидая возврата... Да мало ли что ещё? Как же прав Аристотель, сказавший, что скорее всех стареет благодарность! Фокин вдруг опять увидел себя в Буридановой передней. Наверно, здесь самое место для безрассветных дум. Осёл взглянул на него грустными глазами и отвернулся. Знает, наверное, что Эзоп называл благодарность признаком благородных душ. Соответственно, неблагодарность – признак душ... Да что уж там. Златоуст учит, что наш долг вообще всегда приносить посильную благодарность и непрестанно прославлять Бога. Непрестанно! А если не хватает сил даже на самую малость, какую-нибудь веверицу?

Тут Лукин, вырывая его из дум, постучал ложкой по чайной чашке.

– Внимание, друзья-товарищи! – сказал он громче обычного. – Похоже, нам Коля сигнал подаёт, заканчивать надо с Аристотелем и по углам прятаться...

Сложив листок опять вчетверо, он в задумчивости потёр пальцем правый висок.

– Шаги, – прислушавшись, сказала Василиса. – Кто-то чужой идёт.

И действительно, через несколько мгновений в комнату без стука вошёл высокий худой майор полиции с длинными, как у куклы Барби, ногами.

– Я ваш участковый Геннадий Александрович Витаминов, честь имею! – сказал он вкрадчивым голосом, словно боялся, что его сейчас же в чём-нибудь обвинят. – Что у вас тут происходит, что за несанкционированное сборище?

Сняв очки в тонкой металлической оправе, он приблизил к сидящим глубоко посаженные глаза, бегающие как заводные из стороны в сторону, и принялся к расставленным на столе яствам крупным носом, нависающим клювом на дурацкие треугольные усики, как у превратившегося к старости в павиана Микки Рурка.

– Чем пахнет? – он скривил губы и чуть дрожащей рукой погладил сбегаящую на лоб с залысины прямоугольную дорожку тускло-серых волос, похожую на заросшую мхом могилку. – Травкой балуетесь?

– Исключительно чаем, ваша честь! – отрапортовал Лукин. – Не соблаговолите ли с нами откусать? И где, кстати, наш прежний участковый капитан Ильин?

– Очевидно, в следственном комитете, – Витаминов вернул очки на нос и взглянул на часы, – да, как раз сейчас следователь начинает допрос. Обстругает он вашего Ильина, как худое полешко.

– Почему это нашего? – спросил, как всегда, с вызовом Прокопий. – Мы с ним детей не крестили.

– А взятки ему давали? – Глаза у майора забегали ещё быстрее, словно это он не о капитане Ильине спрашивал, а о самом себе. – 291-я статья Уголовного кодекса РФ, часть первая тире третья, штраф от пятисот тысяч до полутора миллионов рублей или лишение свободы до восьми лет.

– Мы лишь маленькую денежку в конверте подавали, чтобы из дома не выселял, – простодушно призналась Василиса, – десять тысяч раз в месяц и коньяка бутылку.

– Вот за это и сядете! – повысил голос Витаминов. – По полной! Сейчас приглашу наряд, он на улице в машине, и разом всех упакуем!

– Простите, ваша честь, господин майор, никого не надо сажать, – примирительным тоном попросил Лукин, – давайте всё решим на месте, мы и штраф готовы заплатить прямо сейчас. В разумных пределах, конечно.

– Штраф? – Витаминов, задумавшись, ущипнул себя за могильный холмик на лбу. – Что ж, в этом есть смысл. Квитанции у меня с собой. Только не думайте, что отделаетесь малой кровью, выпишу вам на первый раз сто пятьдесят тысяч. Или поедем в отделение.

– Ваша честь, – растерянно улыбнулся Лукин, – откуда у нас столько? Давайте уменьшим контрибуцию хотя бы до тридцати тысяч.

– Торг неуместен! – опять прикрикнул Витаминов. – У меня самая маленькая квитанция на сто тысяч.

– Хотя бы пятьдесят, – едва не взмолился Лукин.

Но тут пружиной взвился вверх Прокопий, резко рубанув по воздуху ладонью. Фокину даже показалось, что над столом промелькнул смертоносный клинок шашки.

– Фиг тебе, а не деньги, – закричал русоголовый казак, – взяточник, оборотень! Пошёл прочь, а не то сам сядешь!

– Должностному лицу при исполнении оружием угрожать? Статья 318-я, часть вторая, до десяти лет! – одной рукой участковый потянулся к кобуре и достал штатный «Макаров», другой вытащил рацию.

Очевидно, ему тоже привиделся клинок. Иначе чего он так всполошился? Засунув рацию под мышку, он щёлкнул предохранителем и передёрнул затвор. События развивались с молниеносной скоростью. Пока Фокин, собираясь вмешаться, вставал с намерением урезонить зарвавшегося полицейского, тот выстрелил в потолок и тут же направил пистолет Прокопию в грудь.

– Стреляй, собака! – крикнул тот и сделал движение в сторону майора.

В то же мгновение Витаминов нажал на спусковой крючок... Что-то случилось со временем? Оно почти застыло, так что пуля, увязнув в воздухе, двигалась, словно повисший в небе далёкий самолёт. Фокин наблюдал, как на полпути к Прокопию она вдруг, сделав петлю, повернула обратно; двигаясь крайне медленно, почти достигла груди полицейского и замерла на месте... И вдруг с реактивным рёвом рванула вверх и, ударив в потолок, рассыпалась разноцветными брызгами салюта.

– Что это? Вы в меня стреляли? – взвизгнул Витаминов и, включив рацию, завопил: – Наряд, сюда!

– По-моему, вы сами в себя стреляли, – сказал наконец поднявшийся в рост Фокин, – и сами намотали себе срок.

Он подошёл к участковому и начал что-то шептать ему на ухо. Выражение лица у майора поменялось, глаза, метнувшись несколько раз туда-сюда, застыли на месте.

– Ну, это мы ещё проверим, – сказал он с деланной бравадой, – мало ли что можно нафантазировать. Аферисты на это мастаки. Проедем в отделение, установим вашу личность...

– За афериста тоже ответите, – уверенно пообещал Фокин, – только не в вашем отделении, а совсем в другом месте.

Тут, едва не сшибив с петель дверь, в квартиру ворвались два полицейских сержанта с автоматами наперевес.

– Работает ОМОН, всем лежать! – заорали они.

– Отставить! – скомандовал Витаминов. – Значит, сейчас делаем так: всех пакуем, кроме этого худосочного, его брать не будем, ещё очокурится, – он указал на Толика, – и везём...

– Лучше по-другому, – Лукин мягко коснулся его руки, – идём на чердак, там хранится наша казна, вы берёте сколько надо денег, уезжаете и забываете про нас.

– Что, прямо-таки казна? – участковый опять почесал могилку на голове. – И возьму сколько хочу? А если всё захочу?

– Всё и возьмёте, – пообещал Лука Петрович и грустно улыбнулся.

– Тогда чего тянуть кота? Идём! – Витаминов, оглядев сержантов, скомандовал: – Ты, Берестов, со мной, а ты, Глебов, здесь. Если кто дёрнется – в наручники и на пол.

Лукин поманил майора за собой, и они вышли в подъезд. Похожий на оплывшую старую бабку низкорослый Берестов, закинув за спину автомат, последовал за начальником.

Оставшийся в комнате сержант Глебов, тощий, как короленковский Тыбурций Драб, обвёл притихшую компанию полубезумным взглядом выпученных глаз и рявкнул:

– Всем сидеть, кипишнётесь, пристрелю!

– Погоди чуть-чуть, – недобро усмехнулся Прокопий, – скоро будет наш черёд смеяться!

– Замечтает их Коля, – сказал Толик, доедая последний кусок пиццы, – как пить дать, замечтает.

– Толенька, жуй помедленней, не подавись, – попросила его Василиса.

– Разговорчики! – опять рявкнул Глебов.

Ничего не понимающий Фокин вопросительно взглянул на Прокопия, но тот молчал.

– Ладно, соединим приятное с полезным, – сказал, пожав плечами, Фокин и подлил в свою чашку чая, с удивлением отметив, что тот ничуть не остыл.

– Вот ненасытное племя, – Прокопий стрельнул глазами в сторону сержанта, – гребут, гребут под себя, потом одни копят, словно должны жить вечно, а другие тратят, словно тотчас умрут.

– Ещё хоть слово! – Глебов передёрнул затвор «калаша».

Под дулом автомата мозги у Фокина переключились на какой-то турбокосмический режим. Мысли забегали, перестраиваясь то в хирды, то в фаланги, то в манипулы. Прежняя невозможность выбора на глазах трансформировалась в возможность. Неволья превращалась в волю. Зачем стоять меж двух лугов, если луг один? Можно перейти его из края в край и вернуться обратно. Зачем выбирать между общим благом и личным счастьем? Выбор сделан ещё Аристотелем: общее благо и есть счастье граждан. В чём оно? В благородстве поступков, исповеди добродетели. В конце концов, ты ведь государственный человек, Фокин, вот и делай выбор в его сторону, помня, что государство – высшая форма общения людей, путь к общему благу. Всё по Аристотелю!

Где-то рядом загрохотало, зазвенело, запрыгало сверху вниз.

– Кто-то таз Васькин с лестницы спустил, она стиранные Толины подштанники развесить не успела, – прислушавшись, констатировал Панкратий.

– Ой, бельё моё! – Василиса вскочила и, как курица крыльями, замахала руками. – Я его на втором этаже, глупая, оставила, хотела развесить на чердаке! Не успела, не доглядела!

– Потому что дура! – оскалился Глебов. – И замолчи, бабка!

– Какая она тебе бабка? – неожиданно вскинулся Толик. – Сам дурак!

– Ну всё, хана тебе! – сержант с угрожающим видом повёл из стороны в сторону ствол автомата.

В подъезде прямо за их дверью опять загрохотало, раздались громкие голоса и хохот. Первым в комнату вошёл Лукин, держа в руках мокрые мужские панталоны.

– О, мои треники! – тут же признал их Толик.

– Василиса, прости, не заметили твои постирушки, – повинился Лука Петрович, – потом помогу собрать.

Вслед за Лукиным в квартиру ввалился хохочущий майор Витаминов в совершенно непотребном виде – без амуниции и оружия, в расстёгнутом до пупа, лишённом погон кители, в растерзанной рубашке, обнажившей белую безволосую грудь.

– А вот ещё анекдот, – давась смехом, крикнул он, размахивая зажатými в руке погонями. – «Почему менты сидят в машине по четыре?» – «Чтобы водить машину, надо восемь классов образования!» Ха-ха-ха! А вот ещё...

– Геннадий, вы ж теперь поэт, забыли? – широко улыбаясь, напомнил Лукин. – Вы ведь стихи приготовили.

– Ах, да! – Витаминам расхохотался ещё пуще и, как школьник, с выражением прочёл: – В преддверье лета с туалета / Несётся с шумом стайка мух. / Весенним солнышком согрета, / Она садится на старух. Каково?

Наблюдавший за всей этой фантасмагорией Фокин потерял дар речи. Зато Панкратий оживился и с победным видом бросил Глебову:

– Я же говорил, что будет наш черёд. Это он и есть!

– Намечтал! – с серьёзным видом сказал Толик и, повернувшись к Василисе, сменив тон, ласково добавил: – Не переживай, Васенька, соберу я твоё бельё и на колонку опять снесу, сам, если хочешь, прополоскаю.

Женщина, наивно хлопая глазами, неотрывно смотрела на него и благодарно кивала.

– Уважаемый Геннадий, – Лукин дружески похлопал Витамина по спине, – даю вам совет как начинающему поэту, не стоит увлекаться стилистически сниженной лексикой, то есть в частности писать про клозеты, естественные потребности и так далее. Пишите про природу, цветы, радость общения, про животных, наконец.

– Про природу? – повторил участковый. – Может, так? В преддверье лета по району / Цветов несётся пряный дух, / Идут колонной почталыоны, / Письмом порадовать старух. Каково?

Всё, что в майоре прежде выглядело неприглядно, вызывало раздражение, стало вдруг симпатичным, даже могильный холмик на голове беспомощно растрепался и превратился в милягу.

– Теперь лучше, – одобрительно кивнул Лукин, – но ещё раз напоминаю, избегайте всяких жаргонизмов, варваризмов, вульгаризмов и тем более ненормативной лексики. Это понятно?

– Мне непонятно! – рявкнул Глебов, удерживая перед собою автомат. – Товарищ майор, что происходит? Где ваше оружие? Почему вы в таком виде, без погон? На вас напали?

– На меня? Ну что вы, дружок! – Витаминам кокетливо ущипнул мохнатый холмик на голове. – Я отпустил себя на волю! Долой крепостное право! Домой, в мешёры, в родное полесье!

– Опоили? Вас чем-то опоили! Надо сообщить в отделение, – угрожающе продолжал Глебов.

– Ну что вы, сержант! Не хлопчите! – рассыпался смехом Витаминам. – Вот послушайте лучше лесной детектив: В бору на ёжика напали, / Неадекватные типы, / Мочалку, веник отобрали, / А также майку и трусы. Да, вот вам приказ в письменном виде. – Витаминам достал из кармана помятый листок и протянул сержанту: – Прошу ознакомиться.

– А где Берестов? – спросил Глебов, забирая от начальника документ.

– Последовал зову сердца! – радостно доложил Витаминам. – Как это там у меня? Сержанта притянуло к свету, / Отринув пути клеветы, / Он встал с постели до рассвета / На клумбу высадить цветы. Каково?

– Неплохо! – похвалил Лукин. – Есть, так сказать, философия, масштаб, и добавил, глядя на Фокина: – Этот самый Берестов вспомнил, что его прадед в здешних местах работал золотарём. И вроде бы бочка и черпак ещё целы. Где-то в ближней деревне хранятся. В общем, пошёл искать наследие – так сказать, по стопам отцов.

– Наконец кто-то сортир у нас вычистит, а то мочи уж нет, – облегчённо вздохнув, сказал Толик.

– Это что? – удивлённо воскликнул читающий приказ Глебов: – Сдать амуницию и оружие в районный отдел полиции и идти сеять разумное, доброе, вечное молодёжи и подросткам, утверждая их на рельсах добропорядочности и гражданственности. Как это понимать? Разве что...

Фокин с удивлением наблюдал, как у сержанта радикально меняется выражение лица, как вылезающие из орбит глаза возвращаются на место, исчезает безумие и появляются ростки мысли.

– Разве что добавить, – заговорил вдруг Глебов чужим голосом, словно депутат районного совета, – что все, кто размышляет об искусстве управления людьми, убеждены, что судьбы государства зависят от воспитания молодёжи... Вряд ли кто будет сомневаться в том, что законодатель должен отнестись к этому с исключительным вниманием, так как в тех государствах, где этот предмет находится в пренебрежении, и сам государственный строй терпит от того ущерб.

Поэтому необходимо воспитание детей поставить в соответствующее отношение к государственному строю.

– Браво! – зааплодировал Лукин. – Умно! Своевременно! Так вы сейчас куда? Тоже в мещёры?

– Нет, сначала соберу всё оружие и амуницию, отвезу, как приказано, в отдел полиции, сдам дежурному, – с деловым видом перечислял Глебов, – а потом – в третий Детский дом, надо просветить кое в чём воспитанников и педагогов.

– Мудро! Дерзайте! – одобрил Лукин.

Глебов, опустив автомат на ремне к самому полу, отдал честь присутствующим и с философской грустью ослика Иа-Иа изрёк прощальные слова:

– Что ж, уезжаю! Не поминайте... как говорится! Всего вам... – энергично развернувшись на носках штатных полицейских ботинок, он вышел прочь, оставив собравшихся без своей персоны.

Витаминов помахал ему вслед и с энтузиазмом возгласил:

– Воспитанье молодёжи – / Это дело на века! / В жизни нет его дороже – / Знаю то наверняка!

– Растёте на глазах! – опять похвалил Лукин.

– Ай да Коля! Ай да намечтал! – с нескрываемым восторгом в голосе воскликнул Панкратий. – Вот уж кому точно браво! Брависсимо прямо!

– Ладно, – засобирился бывший участковый, – пора мне, автобус на Рязань через два часа отходит, мне ещё вещи собрать. Леса гибнут! Надо спасать, сажать молодняк! Молодняк – вот главное! Он достал из штанов очки и нацепил на нос. – Всё, пока!

– Бог в помощь! – напутствовал его Лукин. – И много новых стихов!

Панкратий показал майору фигу, а Василиса – язык.

– Ребята, вы что? – призвал всех к порядку Лука Петрович. – Это не по-нашему! Ну-ка, быстро исправляйтесь!

– Ангела в дорогу! – тут же отреагировала Василиса.

– Ни пуха! – пожелал Панкратий.

– И не кашляй! – добавил Толя.

Когда шум шагов Геннадия Александровича Витамина окончательного затих, Фокин, не сдерживая себя, почти что крикнул:

– Мне кто-нибудь, наконец, объяснит, что происходит? Что это за буффонада? Кто тут на кого мечтает? И кто такой этот Коля?

– Здесь происходит жизнь, – ответил Панкратий, – только по справедливости.

– Это не ответ, – покачал головой Фокин, – странная справедливость, как «по щучьему веленью»? Игра какая-то...

– А чем это плохо? – Лука Петрович пожал плечами. – Справедливость в любом исполнении хороша. Из неё выходят все добродетели. Она именно не часть, а полнота добродетели – более удивительной и блестящей, как говорили древние, чем вечерняя или утренняя звезда.

– Ладно, пятёрка вам! – теперь уж согласно моргнул глазами Фокин. – Вынужден признать, что Аристотель всё-таки у вас есть, и я его как будто в руках подержал и даже прочитал, где хотел. И знаете? Помогло!

– То есть тот тайный, мучающий вас выбор вы сделали? – спросил Лукин.

– Да, – кивнул Фокин. – Но почему же тайный? Теперь можно всё рассказать. Один только вопрос, кто такой Коля? И что значит «он намечтал»?

– Вопрос не в том, кто такой Коля, а в том, кто такие мы, – туманно ответил Лука Петрович. – Вы же были в нашем музыкальном зале. Задавали вопрос про музыкантов. Получили ответ. Про Колю ответ прозвучит так же. Вот есть его место за столом, есть чайный прибор, а он – и есть и нет. Иногда он скорее результат, чем человек. Вы же видели результаты? Удовлетворены?

– Более чем, – согласился Фокин. – Что ж, этим пока ограничусь. Боюсь запутаться. В голову крамольная мысль заползает: вдруг он и меня намечтал? И нет на самом деле никакого меня.

– Нас он уж точно намечтал, – неожиданно подал голос Толик, – как пить дать!

– А Коля ваш, – продолжал Фокин, – всегда в суперпозиции: и жив и мёртв, как кот Шрёдингера, так?

– Резон в этом есть, – признал Лукин. – Только чтобы это подтвердить, нужен наблюдатель. Но ни вы, ни кто-то из нас для этого не подходит. Согласны?

– Согласен, – кивнул Фокин. – Что же касается моей истории, то вот она. Работаю на оборонку в секретном НИИ. Личная жизнь не сложилась, давно в разводе. Но есть давняя любовь, первая любовь, которая, как говорится, не ржавеет. Мы с Тасей мечтали прожить долгую и счастливую, но не вышло – судьба-разлучница вмешалась. И вот я здесь, а она в Саратове с мужем и сыном. Вспоминал, конечно, о ней, но не так, чтобы часто. И вдруг звонок от неё: «Ты как?» – «Нормально, а ты?» – «Терпимо, овдовела полтора года назад, сын женился, уехал на Дальний Восток. Вот одна теперь». А у меня сердце уже жим-жим, чувствую, к чему-то важному идёт разговор. «Какие планы?» – спрашиваю. А она: «Какие планы, Менедем?» Так она меня в молодости звала, а я её – Таис Афинская. «Ты, слышала, давно один, – продолжает, – и я одна. А какого рожна? Приезжай! Буду ждать! Ничего ещё не потеряно!» Потом рассказала, что полгода меня искала, всех знакомых на ноги подняла. А меня ох не просто вычислить. Да я и сам к ней всей душой! Но вдруг по работе поступило долгожданное предложение. Подробности не могу разглашать, но связано это с тем, что в России создаётся новый род войск – войска беспилотных систем. Подключается серьёзный научный потенциал. То есть такие, как я. Работа связана с переездом в новые регионы. Тут уж не до личной жизни! Но как ей объяснишь? Нас уже однажды на этой стрелке жизнь развела по разным колеям. От работы не могу отказаться. Но и её не могу опять потерять. Что делать? Поэтому и не давал ответа ни этой ни той стороне.

– И что же теперь? – тихо спросил Лукин. – Есть решение?

– Есть! – Фокин без усилия стукнул кулаком по столу. – Есть! Сегодня же лечу в Саратов, срочно добиваюсь регистрации нашего с Тасей брака, потом отбываю к новому месту работы и решаю вопрос о переезде ко мне жены. Всё!

– Это ему Коля намечтал? – спросил Толик.

– Не думаю, – задумчиво протянул Лука Петрович, – я бы почувствовал. Сам, наверное. Или, быть может, Аристотель? А что?

– Да ну вас, – махнул рукой Фокин.

– Говорят, будто после Аристотеля осталось очень много посуды, – неожиданно заявила Василиса, – а Ликон сообщал, что он будто бы купался в тёплом масле и потом это масло распродавал. Некоторые говорят также, будто пузырь с тёплым маслом он прикладывал к животу. А когда спал, то держал в руке медный шарик, подставляя под него лохань, чтобы когда шарик падал, то будил бы его своим звуком

Фокин не поверил своим ушам. Это что же, Василиса? Притворялась? А сама кто? Но проявлять любопытство не стал, вместо этого спросил:

– Почему ваш Коля победу нам не намечтает? Она так нужна!

– Эх! Если бы война у нас в доме шла, тогда бы давно всех фашистов побили! – мечтательно закатил глаза Панкратий и рубанул по воздуху невидимой пашкой.

– Значит, такие у Коли возможности? Жаль! И ещё жаль, что у него самого спросить невозможно...

– Почему невозможно? – удивился Толик. – Ещё как возможно. Сейчас сами и спросите. Слышите шаги на лестнице?

– Что? – Фокин почувствовал, как по его бороде карабкаются мурашки и оттягивают к груди его нижнюю челюсть. Всё сильнее и сильнее...

* * *

Мы так давно, мы так давно не отдыхали.
Нам было просто не до отдыха с тобой.
Мы пол-Европы по-пластунски пропахали,
И завтра, завтра, наконец, последний бой.

Михаил Ножкин

Зима выдалась бесснежная и бессильная, словно сама, впав в недуг, слегла в постель. Погода кашляла, сопливилась дождём, в общем, совсем не бодрила. Зато радовали военные сводки. Наши взяли Харьков, Сумы, Днепропетровск, освободили Одессу. Киев дышал на ладан. Введённые, было, на-товские «миротворцы», поджав хвосты, бежали в свои Европы. Обескураженный Трамп рукоплескал

Владимиру Путину. Да что там Трамп! Весь мир аплодировал Российскому Президенту. Пространства всех русских городов, районных центров и посёлков заливали звуки победных маршей.

Фокин на своём УАЗ «Патриот» ехал по улице Катаева под грохот «Прощания славянки». Казалось, на каждом перекрёстке из невидимых репродукторов доносилось: «Наступает минута прощания, / Ты глядишь мне тревожно в глаза, / И ловлю я родное дыхание, / А вдали полыхает гроза».

Тая, как всегда цветущая, румяная, с интересом смотрела в окно, то и дело с восторгом комментируя увиденное:

– Смотри-ка, скамейка у пятнадцатого дома! Мы же на ней целовались, помнишь?

– Конечно!

На самом деле Фокин не помнил, но зачем отнимать от супруги радость встречи с прошлым?

– А та кафешка? Мы там мороженым объелись, мне ещё плохо стало, помнишь?

Фокин опять кивал, хотя знал наверняка, что заведение это открылось года четыре назад. Но зачем огорчать любимую?

– А мы куда? – спросила она.

– Тут недалеко, за старой Пожаркой повернём, увидишь.

На Катаева музыкальную эстафету подхватил «День Победы». Теперь уж Лев Лещенко поднимал настроение знакомыми с детства словами: «Этот День Победы пороховым пропах...»

Фокин слушал и улыбался.

– И никакого тебе Буридана! – он не заметил, что сказал это вслух.

– Ты про кого, дорогой? – спросила Тая, не отводя глаз от окна. – Мне начинать волноваться?

– Ни в коем случае, – успокоил он, – это так, один сослуживец, забудь.

За минувшие месяцы и без того brutальный Фокин ещё более заматерел, его словно заново выковали и закалили, так что он превратился в негнбемый обожжённый войной булат. Он был аккуратно подстрижен и выбрит, ему очень шла захватившая виски седина. Идеально на нём сидящий чёрный с лёгкой искринкой костюм с орденскими планками подчёркивал мужественность и атлетичность его фигуры. Такой мужчина как магнит притягивает взгляды женщин.

– Ну вот, приехали, – сказал он, – Тупик Демократии.

– Что? Какой тупик? – переспорила Тая, оглядевшись. – Здесь что, фильм про войну снимали?

И действительно, в памятном Фокину тупике всё пришло в окончательное запустение – деменция обернулась смертью. Знакомая облупленная двухэтажка стояла без окон и дверей с провалившейся крышей. Там, где раньше клонился к земле сарай, чернело пепелище. Среди груды старых досок копошился старик, что-то выбирая и откладывая в сторону.

– Простите, – обратился к нему Фокин, – здесь недавно ещё люди жили, что случилось? Где они? Почему дом рухнул?

Дед повернул к Фокину морщинистое бабье лицо, показавшееся ему смутно знакомым и, шепелявя беззубым ртом, ответил:

– Путаешь, милоч, здесь уж лет десять никто не живёт, дом пустой стоит, крыша, вон, лет пять назад рухнула. – Дед тяжело вздохнул: – Такая уж нам, старикам, судьба!

– Ваша фамилия не Берестов? – вдруг вспомнив, спросил Фокин.

– А если и так, то что? – помедлив, ответил дед. – Пенсию мне прибавишь? То-то! Шёл бы отседова, милоч!

– Мы скоро поедem, дорогой? – Тая, приоткрыв дверь машины, с нетерпением посмотрела на мужа.

– Скоро, любимая, уже едем.

– Что это за место? – спросила она, когда Фокин сел за руль.

– Да так, друг один жил.

– Буридан?

– Именно! – подтвердил Фокин и, поддав газу, резко выкрутил руль. – Домой пора, чай будем пить!

Выезжая обратно на Катаева, он прошептал себе под нос:

– Было – не было? Какая теперь разница? Главное – результат! А он есть!

Июнь 2025 г.,
Псков

Проза

Александр Андрееenko

Александр Андрееenko – прозаик, поэт, переводчик. Член Союза писателей России, Международной ассоциации писателей и публицистов. Автор поэтических сборников «Переулки лета» и «Мелодии зимы». «Возраст осени» – совместный с Анатолием Мартыновым. Отдельные сочинения вошли в альманахи: «Дуновение дюн», «Балтийские зори», «Российский колокол», «Созвездие», «Сестра моя Литва», «Цветик-многоцветик», «На что похожа любовь», «Мы из “Воинского содружества”», «И липчане ковали победу», «Милый край», «И шла война народная»; в антологию «Писатели Липецкого края. XXI век». Публиковался в журналах: «Берега», «Сова», «Метаморфозы». Член Международной академии русской словесности, финалист VI Международного фестиваля национальных культур Беларуси и России «Созвездие-2023»

ВАСИЛЁК

Рассказ

*Светлой памяти Васильевой Валентины Петровны –
моей Валюши – посвящая*

Для меня нет красивей цветов.

Я. Халецкий

Василёк – именно так ты внесена в память моего мобильного. Ведь ты же у меня Васильева. – Василёк. Я начинаю это повествование, когда прошла двухнедельная вечность. Вечность без тебя. Ночь июня с десятого на одиннадцатое была одной из многих тяжёлых, но, увы, ставших привычными, ночей. Как *обычно* (до чего же страшное, оказывается, слово), ты молча страдала от болей в сердце, не желая будить своего Сашульку, чтобы дать ему выспаться перед школой. Но вот в 4.30 ты, наконец, не выдержала и с чувством некоторой виноватости сказала тихонько: «Саш, наверное, придётся “скорую” вызывать». Сплю я хорошо и очень крепко. Но этот, едва слышный, шелест голоса твоего поднял меня сразу. Я знал: коль Валюша решила меня побеспокоить, значит, ей по-настоящему лихо (её выражение). С величайшей нежностью сострадания я посмотрел на тебя и взял телефонную трубку. Но в очередной (который уже по счёту!) раз всё так же виновато спросила: «Может, подождём чуть-чуть? Вдруг пройдёт». И стояло за этим вопросом небольшое, едва ощутимое, а потому такое трогательное облегчение: ты уже не одна – твой Сашулька рядом и готов помочь. И – такая наивная детская надежда, что вдруг и вправду «само пройдёт». Конечно, Валечка, подождём. И не «чуть-чуть», а сколько надо подождём. Тем более что иногда действительно обходилось. Иногда. Но тогда, две недели назад, не обошлось. И «само не прошло». «Скорую» вызвали. Бригада приехала на удивление быстро: я даже с нашего пятого спуститься не успел, чтобы открыть дверь подъезда, которую мы исправно запираем на ночь. И у бригады был даже прибор для кардиограммы. Два дня назад приезжали без него, хоть я очень просил взять «машинку». Да, именно взять, а не захватить: мол, так, на всякий случай. Ибо знал я уже эти случаи, коих было весьма немало, кстати. И хоть позавчера врачи были без прибора, они предложили госпитализацию, но ты отказалась. Сегодня я решил настоять на том, чтобы ты полечилась в больнице. На сей раз ты даже не пыталась возражать. И эта непривычная, а потому такая пугающая безропотность – красноречивое подтверждение того, насколько больно тебе и тяжело. Кардиограмма показала, что

кривая «один в один» совпадает с последним, а л е к о не самым худшим, результатом. Как же ты, моя хорошая, повеселела: «Я так боялась, что будет хуже!» Мы даже меню обсудили. Впрочем, «обсудили» вряд ли подходит к нашему коротенькому диалогу. Спросил традиционно: – Солнышко, чего бы ты хотела на завтра?

– Да ничего вроде особо-то и не хочется. Давай как обычно.

Сие означало, что ты оставляешь за мной свободу выбора с неременным условием: на столе должен быть крабовый салатик.

Тут начал действовать снотворный укол, и ты вскоре уснула, облегчённо пробормотав: «Может, и зря будила тебя». Ох, не зря, моя девочка! Ох, не зря! Прямо в одежде я прикорнул **около** тебя – впервые за несколько лет. В половине седьмого, изо всех сил стараясь не шуметь, отправился на работу. Ближе к полудню позвонил домой и услышал твой радостный щебет: «Ой, только что проснулась. Так хорошо спала, что даже не слышала, как ты ушёл». У меня отлегло от сердца, и остаток дня я отработал почти весело. И уж совсем весело шёл домой. Купил твой неизменный хлеб «Крестьянский нарезной» и свой любимый тминный. Ещё попросил печенья «Звёздочка»: «Знаю, что влетит, но уж очень люблю его». – И продавщица понимающе улыбнулась.

Дверь открывал осторожно: традиционный «тихий час» с двух до четырёх ещё не закончился. А навстречу мне – радостное: «Кто это там пришёл?» Эта реплика сделалась у нас чем-то вроде ритуала. И отвечал я в зависимости от того, как прошёл мой день. Ни разу не произнёс банального «нормально»: скучно, господа. Изредка входил, потихоньку напевая. И тогда: «Ну, раз поёшь, то всё в порядке». Основными же вариантами ответа были такие: «Школка пришла» и «Который человек трудящийся».

Когда было две смены да ещё во Дворце работал, уставал изрядно. И откликался так: «Жу-жу-жу... Жу...»

- Пчёлочка моя прилетела. А что это она жужжать перестала?
- Пчёлки крылышками жужжат, а силушек нет у меня, чтобы их поднять.
- Ну, иди отдыхай, пчёлочка. А вот зачем ты перчатки бросил на пол?
- Да и не бросил вовсе, а просто сильно положил.

Иногда входил я молча, печально взглядывал на тебя, прямо в коридоре ставил на пол портфель и, ни слова не говоря, утомлённо-преутомлённо шествовал в комнату.

- И почему же это мы не отвечаем? – сурово допытываешься ты.
- А муравейки не умеют говорить, они молча устают, – отвечаю печально.
- Ах, так это муравеечка моя пришла! Тогда понятно, почему молчим.

...Порою, открыв дверь, обессиленно приваливаюсь к ней, не в состоянии двинуться «ни единым мускулом».

– Так-так. Устали мы, значит? Притомились? А ведь скажи идти куда-нибудь, тут же помчимся.

Глаза мои вспыхивают – задорно и молодо:

- А куда?
- Вот видишь, я ж говорила ...
- Вообще-то я бы что-нибудь в себя вкушал.
- Ах, ты бы ещё и вкушал! А чего бы, к примеру?
- Ну, я съел бы некий корм. Или, например, пищу. Но лучше всего еду какую-нибудь. Вот когда я поем, то буду сытым. А то что ж толку быть голодным. Никакого толку и нет. Что вообще хорошего быть голодным (без воды, без сна, без кофе – и далее по ситуации). Правда, Валечка?

– Придётся тебя покормить. Ну, иди ужинать. Зай-чик!

«Зайчик» звучал в два приёма и с понизительной интонацией, а потому вроде как с желанием поддеть. Ты поясняешь причины такой интонации: «А скажи-ка мне, зайчик, зачем ты носки на дверях развесил, а на люстре – галстуки?»

- Для красоты. Правда же – красиво?
- Красиво-то оно красиво, только некультурно как-то.
- А если не вешать, тогда культурно?
- Вполне. Больше так не делай, хорошо? Не всем же дано понять такую красоту.

Я вздыхаю:

– Что ж, раз некультурно, то и не буду больше красоту делать. Не докоснусь даже.

Обычно по утрам ты не слышала, как я собирался и уходил. Но иногда, если ночь была спокойной, просыпалась вместе со мной и даже сама начинала беседу. Тогда я с таинственным и радостным видом подходил к тебе: «Ой, **что** я здоровски придумал! Давай ты сегодня пойдёшь в школку, а я сегодня не пойду в школку». – «Да нет, Сашулька, как же без тебя твоя любимая школка?»

Вообще же ты очень заботилась о моём полноценном отдыхе. Как-то дали нам неожиданный выходной. А я накануне поздно пришёл из Дворца. Ничего тебе не сказав, утром сплю себе спокойно. Сквозь сон слышу твоё растерянное: «Проспал, маленький?» В растерянности этой столько отозвалось любви, заботы и нежности, что я устыдился молчания своего. Но ведь и правда хотел для тебя приятного сюрприза. О здоровье моём ты заботилась тоже. Стоило мне чихнуть:

– Опять простудился, паразит! Смотри – заболеешь – возиться не стану, так и знай.

Я знаю, что *станешь*, но хлопот лишних доставлять не хочу. Потому оправдываюсь:

– Да просто вода в носовые ноздри попала.

– Знаю, какая вода. Говорила же одеваться потеплее.

...Сегодня на традиционный твой вопрос я ответил удивлённым:

– А кто это у нас не спит? Тихий час вроде не кончился.

– Да вот как сильно помог укол. Совсем спать не хочется.

Выволочки за «Звёздочку» я не напрасно опасался: опять ты поворчала, что «сколько можно одно и то же покупать, неплохо бы, мол, уже и что-нибудь другое попробовать». Но поворчала не сердито – больше по привычке и так, «для порядку»: реноме своё строгой хозяйки надо же поддерживать. Да только я ведь и «что-нибудь другое» принёс: «Романчетто» с маком. Было и ещё что-то вкусненькое. Деликатесы какие-то: всё ж праздник завтра. Ну, не совсем праздник, может. Но выходной точно. «Скорая» настоятельно рекомендовала тебе показаться участковому после оного. Про стационар ни слова. Это ещё одна причина твоей снисходительности и весёлости. А ведь сегодня, повторяюсь, ты уже была готова принять это предложение, если бы оно последовало. Значит, и впрямь крепко тебя прижало. Ведь до этого раза четыре ты отказывалась ещё до приезда бригады: «В больницу ни за что не поеду. Вдруг там храпеть будут – я тогда совсем не смогу спать». Этим утром отправиться в больницу не предложили.

Мне удалось тебя покормить. Я прямо счастье испытывал, видя, с каким удовольствием ты обедаешь. Да тебя и саму это радовало. Мы безудержно болтали – пустяково и весело. А когда ты за сканворд взялась, я вовсе воспрял духом и настроился на завтрашний праздник: к сканвордам ты обращалась только в твои самые хорошие – в смысле здоровья – минуты. И сегодня ты, как обычно, сердилась, если я сразу же давал ответ на прочитанное тобой определение: «Я и сама это знала!» Да, Валечка, конечно же знала, кто ж спорит. И уж совсем ты ликовала, когда я ошибался, а ты угадывала слово: «Не *плеск*, а *блеск*. Дурак!» И так восторженно-вкусно ты этого дурака произносила, так праздновала, что с полным основанием можешь об этом заявить, что я невольно улыбался. После сканворда мы ещё с удовольствием поболтали – весело и пустяково. Я припомнил знаменитого инспектора Варнике из «Науки и жизни» и не без гордости поведал, как проницательно я сам «раскрыл» несколько запутанных дел из его практики. Потом ты произнесла свою коронную фразу: «Иду укладываться. Не кантовать!» Расстались мы дружно и счастливо. Когда я понял, что ты уснула, то и сам прилёг. Прилёг – да в каменный сон и провалился: сказались последние тревожные ночи. Спал едва ли больше часа, но «прокинулся» весьма посвежевшим. У нас по этому поводу даже нечто вроде игры сложилось. По выходным ты мне выговаривала: «Опять ни свет ни заря подхватился! И меня разбудил. Спал бы ещё да спал!» На это я весьма резонно отвечал:

– Валя, вы мне причиняете смех. Дело не в количестве сна...

– ...а в его качестве! – подхватывала ты.

– Ну, хоть на словах усвоила!

Доставалось мне и не только по выходным. Бывает, засидишься (зачитаешься, заиграешься) до такой поздней степени, что сам всем нутром понимаешь собственный наглёж. Ты на редкость точно улавливаешь момент моего покаянного прозрения: «Ты что? С ума сошёл? Первый (второй, третий) час. А ну-ка спать!» – «Я только *мало* посижу». – «Никаких *мало*. Быстро спать!»

Понимая, что терять уже нечего, нападаю сам:

– Вот видите ли, Валя, вы поступаете юридически неграмотно и человечески некультурно: вы ущемляете мои гражданские права и вдобавок *все рамки мне попутали*¹. Я заявляю решительный протест, причём исключительно по-португальски. А в общем, так: *хорош быковать*, в натуре.

– Я сейчас так побыкую, так побыкую, что удивление возьмёт (моё выраженье). И права твои разъясню, и грамотность проявлю юридическую, и сознательность гражданскую. По полной программе выдам. Кстати, если было по-португальски, то почему я всё поняла?

– Так я сразу же переводил, ибо в языках вы, мягко говоря, не очень.

– Что ж, а теперь я переведу.

Начинаются такие пространные философские рассуждения о моих личностных особенностях, что не только «удивление берёт» – оторопь. Смысл обширной тирады сводится к тому, что кое у кого руки неправильной стороной вставлены и что «я даже знаю, у кого именно». Потрясённый столь полной аттестацией скромной моей персоны, врываюсь в первую же паузу и отправляю тебя куда подальше: «Ну, хорошо же. Ступай!» Эта невинная фраза подливает масла в затухающий огонь твоего красноречия: «Я сейчас так ступлю, так ступлю! Ну-ка спать!» Терпение моё лопаётся, и я отправляю тебя... как бы это поделикатнее сказать... Ну, просто очень далеко отправляю: «Ступай себе всюду!» Тут мы оба понимаем, что несколько заболтались и что действительно неплохо бы поспать.

...Итак, я вполне отдохнул. Посмотрел «Федерального судью», позвонил в Светлогорск по поводу июльского отдыха. Шёл уже шестой час, потому я не очень таился. Правда, и шумел не слишком: привык ценить твой глубокий сон. Иногда случалось тебе за ночи страданий и в неурочное время отсыпаться. Обговорив светлогорские сроки, сел я свои вечные папки разбирать. По этому поводу и ругалась ты, и подтрунивала: мол, который год с ними возишься – надоело уже. Так вот, переключая планы, клубные списки, собственные наброски, а сам невольно прислушиваюсь и гадаю: когда проснёшься – ругаться будешь или шутить? И то и другое готов принять с улыбкой: выходной же завтра. Отдых. В общем, сижу, разгребаю свою канцелярию. С неким даже упоением. А сам на дверь с опаской поглядываю: не идёшь ли чертей мне давать. Нет, не идёшь. Уже и самому это занятие прискучило. И решил я тогда посмотреть, не случилось ли чего. Вроде не случилось. Лежишь в удобной позе, лицо безмятежно-спящее, в руке лекарственный аэрозоль. «Надо же, как намаялась, бедненькая, что так долго спишь», – думаю. Хотел потрепать за руку: мол, проснись ненадолго, перекуси, а там и до утра отдыхай. Всё ж решил подождать немного. В последние два-три года уже случалось мне приглядываться, дышишь ты или нет: настолько тих и незаметен твой сон. Даже днём не сразу можно различить твоё дыхание. А сейчас уже сумерки. К окну подошёл, открыл его побольше, чтобы свежесть вечернюю впустить. На кресло присел. И вдруг что-то страшно мне не понравилось. Не пойму – что, не пойму – почему. Как-то не так мне стало. Я подошёл к дивану, присел и заглянул тебе в лицо. По щеке змеилось ужасное коричневое пятно. Ещё не вполне осознавая ужас момента, скользнул взглядом по телу: и на ногах похожие пятна. Когда ВСЁ понял, издал такие звуки, каких, полагал, в природе и не бывает. Тем более не думал, что могу их издавать я. Это был какой-то вой, смешанный со слезами, причитаниями и всхлипами. Это было зажимание, отпускание и вновь зажимание орущего, воющего, плачущего рта. Это была беготня по квартире с ощущением того, что надо что-то за чем-то делать, куда-то звонить, кого-то и за чем-то звать. Всё упомянутое вроде бы и называется истерикой. Со мною это было впервые. И ещё было ощущение, что смотрю я на всё (и на себя, истеричного, тоже) откуда-то сверху и наискосок – как из верхнего угла комнаты, и даже плечами этот угол чувствую.

Где-то внутри стучало: может, я ошибаюсь; может, сейчас ты проснёшься и скажешь: «Не надо пока звонить. Вдруг пройдёт!» И ещё думал я, что страшный фантом окончательно станет страшной явью, как только наберу номер. Потому до всех разумных и неразумных пределов оттягиваю это. Трубка выскакивает из рук, не слушаются кнопки, не слушаются пальцы, не слушается голос. Вряд ли даже понимаю, что говорю в телефон. А если и понимаю, то как-то не доходит, что речь о тебе. Как могут к Валюше моей относиться такие слова: «Скажите, вот когда человек умирает, куда надо звонить: в “скорую” или в милицию?» Да и как я могу всё это произносить? А во всё это время – явное ощущение, что в квартире два человека. Один судорожно мечется, кричит, звонит. Другой с тупой безучастностью за ним наблюдает, не воспринимая и не понимая происходящего. А меж тем трубка спокойно и деловито объясняет, что звоню я правильно, что сейчас придут и придут те, кому нужно

¹ Нарушили планы (*жарг.*)

приходить и приезжать в таких случаях. И с этого вот момента я физически почувствовал, что отделён от мира. Отрезан – болью, смертью, скорбью. И отрезан навсегда. Я не люблю и не употребляю слов «никогда» и «всегда». Но сейчас пришлось. До чего же страшные слова.

Позвонил в Москву твоей сестре Лиле. И через тысячу километров почувствовал всё, *что* она ощутила при этом. Лиля не переспрашивала, не причитала – она зашлась горем. И это передалось по телефону. Своей дочери и её мужу Диме отослал на Волгу сообщение: «Детки мои милые, тётя Валя умерла».

Агент из «Обряда» появился минут через пятнадцать после звонка в «скорую» (ей бы такую оперативность). Траурно-привычно выразил соболезнования и сразу же деловито приступил к обсуждению материальной стороны предстоящего ритуала. Потом пришёл милиционер. Он только издали, не входя в комнату, посмотрел на тебя, задал несколько дежурных вопросов и сел на кухне заполнять протокол. Мне было предложено расписаться. И ещё – указать «время обнаружения трупа». Не мог я написать про тебя – «труп». И потому спросил очень робко: «А нельзя ли – не трупа, а тела?» Оказалось, что можно. Оба посетителя были соболезнующе-спокойны. И очень-очень деловиты. У меня же в голове не укладывалось: как такое спокойствие вообще возможно?! Ведь же не просто кто-то умер – не стало тебя – моей Валюши.

Потом был Володя Белалов, товарищ из нашей литературной студии, которого я вызвал по телефону. Находиться в квартире мне было очень страшно. Но одну тебя оставить я тоже не мог. Володя провёл со мной томительно-ужасных несколько часов – до той минуты, пока не приехала жуткая машина. И не пускал смотреть, как тебя увозят. Даже пригрозил употребить силу, если я не уйду из комнаты. Но всё-таки – помимо желания – на какие-то секунды я увидел, как неосторожно тебя стали поднимать. Я не выдержал, я крикнул умоляюще: «Пожалуйста, потише. Ей же больно!» Володя правильно меня удерживал: в памяти моей ты останешься просто спящей.

Ни при каких условиях я не остался бы ночевать дома. Если бы не удалось договориться с ночлегом, бродил бы до утра по улицам. Делать этого не пришлось. Приютил Миша – другой товарищ по студии. Разумеется, не спал я ни секунды. То, что я чувствовал во всю эту ночь, даже не было болью. Было окаменение – тупое, леденящее, безжалостное. И были строчки. Вернее, одна. Первая. Плоской металлической змейкой билась она в голове, причиняя невероятную боль: «Когда уходит близкий человек...» Остальные строки пришли к утру. Так естественно, что они оказались о тебе. Так уж случилось, что при жизни стихов для тебя я не сочинял. И сейчас эти пронзительные строчки вроде даже не совсем о тебе. Конечно, больше всего о тебе и для тебя. И всё же обо всех вместе и о каждом в отдельности. Но и стихи о любви так же пишут: имеется в виду кто-то один, а касается всех. И всем это одинаково близко. Вот и выходит, что строки мои всё же *полностью* о тебе. Первый раз. Если не считать написанных в школе о каждой из коллег. Разумеется, было и про тебя что-то. Коллеги... Неужели когда-то могли мы существовать лишь в качестве коллег? Не верю. Прости, Валечка, за бессвязное многословие, но иначе не получается. Вдруг это наше последнее письменное общение? И тогда не должно быть даже *такой* недоговорённости. Нет, лучше: *невыговоренности*. Ибо не договориться хочется, но *выговориться*. Далеко за полночь вспыхнул экранчик мобильного: из Балакова звонит Аэлита. «Папочка, какое горе. Мы только что приехали из деревни и прочитали твоё сообщение. Крепись, мой хороший. Мы с тобой. Я тебя не разбудила?» – «Доченька, какой сон!» – кажется, мне удавалось сдерживать рыдания. С мамой Аэлиты мы 23 года в разводе. Ты видела мою дочь всего один раз, когда Лита приезжала сюда как раз на своё двадцатилетие. В эту единственную и недолгую встречу вы очень сдружились, прониклись глубокой взаимной симпатией.

...Почему-то всю ночь представлялось, что дверь нашу выломали, вещи растащили. Эти видения меня преследовали на некоей зыбкой грани между беспмятством и реальностью. Видения эти не пугали: мне было всё равно. Всё было неважно, всё меркло перед страшной реальностью твоего ухода. В шесть утра я попросил Михаила отвезти меня домой. А в десять позвонил Анатолию Мартынову в Зеленоградск. Анатолий – мой университетский друг. Дома его не оказалось, и жена передала ему мою просьбу перезвонить. Через час – телефон: «Говорить ничего не буду. Сейчас выезжаю». Он появился через пару часов, и до самого прилёта сестры твоей Лили мы с ним беседовали о литературе вообще и о нашем альманахе в частности. В некоторых местах я настолько забывался, что даже вскрикивал, горячился, спорил. Словно ничего и не произошло. И вдруг на глаза попадает шоколадный батончик, очень похожий на тот, из советских времён, стоявший тогда тридцать три

копейки. Несколько дней назад я принёс его для тебя. Ты приняла его с благодарностью, но отложила «на потом», которое для тебя так и не наступило. И опять перехватывает горло, и опять внутри всё каменеет. И душат слёзы, и рвётся (откуда – из груди, из души, из сердца?) страшный, с трудом подавляемый крик. И так – все эти бесконечные часы. Потом ещё и дни. А 12-го, до самой ночи – ежеминутное сравнение: вчера в это время ты со мной по телефону щебетала. Вот я домой прихожу, и ты меня встречаешь. Вот уходишь спать. И ты жива. Вот шестой час. И тебя уже нет. Есть упомянутая истерика. Такое сравнение преследовало меня и ровно через неделю, и сегодня – через две недели.

...Следующий после «праздника» день весь прошёл в скорбных заботах. Надо было похлопотать о подзахоронении тебя к папе с мамой. Для этого следовало в конторе взять дубликаты утерянных документов, и сходить в кассу, и вернуться в контору. И много ещё чего. И ещё затруднение в том, что многие товарищи по горю после дополнительного выходного были заняты тем же. Но мы ещё как-то так попали (чуть не сказал: «удачно»), что управились часа за два. Вот иду я и представляю, как стану тебе рассказывать о нашей расторопности. И тут – как в случае с батончиком: острое осознание утраты, пронзающая боль, едва подавляемые рыдания и страшная внутренняя истерика, худшая истерики внешней. Меня *два* идёт по улице. Один – каменно-заторможенный, несколько угрюмый, сосредоточенный. Другой – невидимый – мечущийся, растерянный, горем до черноты сожжённый. Движения обоих – каменно-автоматические, по инерции. Оглушающая тишина посреди грохочущего проспекта. Я понимаю, что звуки есть, но совсем их не слышу. Я в центре людского потока, но совсем его не воспринимаю. Все и всё – мимо меня. Словно я в аквариуме, а весь мир – снаружи. Часа в четыре прилёт ненадолго и почему-то вдруг с леденящим душу удивлением отметил, что за неполные три дня минул целый век – непонятный, чуждый и враждебный. И что всего лишь позавчера в самое это время ты была ещё жива. Лиля всё повторяла: «Как я хвалю себя, что по телефону её не послушалась и приехала две недели назад на её 60 лет. Хоть повидала сестричку напоследок. Она ж отговаривала: чего на меня больную смотреть. Вот поправлюсь – приезжай». Да, Валечка, свои 60 ты застала. А вот мои 55 пришли уже без тебя. Но успела порадоваться моему участию в конкурсе и рождению внука, которые совпали во времени. Как ты гордилась моими в нём достижениями. Как поддерживала меня и создавала условия для успеха: брала на себя всю черновую работу, чтобы побольше времени мне высвободить для работы творческой. На это время позабыла и про свои полуночные назидания, и про мои неправильные руки.

Потом были неизбежные дела в «Обряде». Не переступив ещё порога этого страшного бюро, а лишь в открытую дверь, увидев ряды гробов, надгробий, венков, я не смог подавить стона-восклицания, который подкатил влажно-горячим комом: «Валюша!» И меня при этом резко шатнуло. Лиля владела собой лучше:

- Дома поплачем.
- Извини. Сейчас. Это от неожиданности. Само... Так много венков и гробов. Это само... Я справлюсь.

И вот мы выбираем гроб, венки и временный обелиск. Я вдруг ловлю себя на мысли, что появился деловой какой-то подход, какое-то заинтересованное любопытство. Обсуждения и споры даже: что оптимальнее выбрать (кошунственно прозвучали бы слова «удачнее» и «лучше»), словно перед нами самый обычный, а не самый страшный на свете товар. Ещё были нужны надписи на лентах. Я настоял на такой: «Валюше от Саши». Хотя, как мне объяснили, уменьшительные имена в таких случаях не приняты. Дома Лиля готовила для тебя последний наряд. Долго, тщательно, с любовью: «Надо сестричку проводить без помпы, без роскоши, но достойно. Она ведь у меня не бродяжка». Самым поразительным и непонятным было то, что после всех дневных надломов и страданий и сны мои, и пробуждения оставались спокойными, умиротворёнными, светлыми. Родная моя, а ведь я совершенно точно знаю, что это твоя обо мне забота. Ты по-прежнему оберегаешь меня – так же точно, как делала это все четырнадцать лет. Реакция на утрату наступала минут через десять после пробуждения. Слёзы, рыдания-причитания, стоны подавляться никак не хотели и слышны были через стенку. Лиля не прерывала меня, давая возможность выплеснуться тому страшному, что скопилось во мне и чего раньше не было со мной. Ни одну смерть не переживал я с такой острой болью полнейшей непоправимости. До этого я легко, хотя и сознательно, избегал слова «никогда». Теперь оно ненадолго, но прочно появилось в моей речи. Вечером прилетел Лилин муж Толя. Оба они так поддерживали меня в те дни и так помогли справиться с этими – самыми страшными в мире – хлопотами. Как-то вечером

они задержались почти до сумерек, и я, решив, что супруги вдруг у кого-то заночуют, испугался до оледенения. И стал думать, где бы самому переночевать. И вот, когда страх уже выморозил всё внутри; когда, стоящий у окна, я боялся не только от него отойти, не только обернуться в комнату, но даже и пошевелиться, к подъезду подошли Лиля с Толей. Страх пропал тут же. Овладевает он мною безжалостно-постепенно, а отступает моментально. Так что метаться в страхе и в поисках ночлега не пришлось. Я бесконечно им благодарен и сохраню эту благодарность вместе с памятью о тебе. А как же буду открывать пустую квартиру и ночевать в ней, когда они уедут, если даже от мысли такой леденею? Лучше об этом не думать.

Очень помогла мне наша коллега-филолог Жаннетта Ивановна: она взяла на себя тяжкую миссию оповещения твоих подруг по работе. Без неё было бы тяжело держать всё в памяти и забывчивостью кого-нибудь обидеть. Все эти дни были страшными. Выделить какой-то, сказать, что именно он и был самый страшный, не могу. И всё ж один из них отмечу как особый. Это день, когда провожали тебя в последний путь. Ночь снова прошла спокойно. И снова спокойным было пробуждение. А за минуту до него ты тихонечко, – чтобы не напугать меня, – присела рядом и очень ласково и очень печально произнесла: «Вставай, Сашулька. У тебя сегодня очень трудный день». И столько заботливой нежности было в твоём голосе, что я не испугался. Напротив – дух мой укрепился. И скорбный день этот я встретил и провёл, смею думать, достойно. Единственное, чего не смог преодолеть – резкой неприязни к поповщине. Поэтому при отпевании стоял от церкви поодаль, чтобы не слышать никаких звуков оттуда. В катафалке сидел у твоего изголовья и во всю дорогу видел тебя спящей. Сквозь погребальную ткань не обжигало мою руку мертвящим холодом твоё тело – было оно тёплым и живым. Настолько живым, что, когда катафалк потряхивало, я бережно тебя придерживал, бессвязно успокаивая нежными и заботливыми словами. Потом тебя несли к последнему твоему приюту. Чуть не доходя до него, остановились и предложили «проститься с усопшей». Мне подходить последним. Я отрешённо-каменно смотрю на скорбную церемонию прощания и тайно желаю (почему???), чтобы не кончалась она. Кажется мне, что, пока это всё длится, можно ещё что-то поправить, как-то изменить, что ли. Вдруг выяснится, что всё это какая-то ошибка и что совсем ты не умерла, а просто очень болела. Я смотрю на вереницу людей у гроба, а глаза переполняются слезами. Я не хочу, чтобы их видели. Я запрокидываю голову, словно что-то в небесах пытаюсь разглядеть. На деле же *так* я загоняю слёзы внутрь, чтобы не катились по щекам: не хочу, чтобы их видели. И это вроде бы даже удаётся. – Ненадолго. Чуть ниже переведу взгляд – и возвращаются слёзы. А следом новые и новые набегают. Я упорствую и не даю им пролиться. Но вот и мне пора склоняться в последнем «прости». Вглядываюсь в твоё лицо – такое родное, такое доброе и красивое. И – совсем живое. Разве что спящее. Хочу прикоснуться к тебе в прощальном горьком поцелуе. Но – боюсь. Боюсь обжечься леденящим холодом смерти. С таким обжигающим холодом столкнулся я в возрасте шести-семи лет, когда в Жигулёвске умерла бабушка-соседка, а я случайно задел её руку. Тот детский ужас так впечатался в меня, что я с тех пор ни под каким видом к покойникам не прикасался. Даже когда прощался с отцом, не мог преодолеть этого парализующего неприятия. Но ты ведь не покойник. Ты просто моя Валюша, и ты просто спишь. И я решаюсь. Решаюсь на то, чего ни разу в жизни не делал. Нежно и с любовью касаюсь губами твоего лба. Он живой и тёплый. Никакого холода и никакого страха.словно и впрямь просто поцеловал тебя на ночь. В лице твоём что-то неуловимо дрогнуло, блеснула золотая коронка. Это было очень похоже на ответную улыбку: прощальную и прощающую. Читались в ней поддержка сейчас и обещание помощи в будущем. Кажется, никто не заметил этого. Значит, улыбка твоя – только для меня. И я её понял. Понял и принял. И благодарно оценил. Улыбка эта не испугала, а наполнила щемящей до слёз нежностью. Опять эти слёзы! Я ведь мужчина, и показывать их людям не должен. Снова пытаюсь разглядеть что-то в небе. Вижу тебя. Ты смотришь в мои глаза – освобождённо и печально. Печально – из-за того, что тебе *меня* жалко. Освобождённо – потому, что сердечко твоё больше не болит и болеть уже не будет. Но, Валечка, лучше бы ты жила. Остальные события этого дня прошли в отрешённом тумане. Венки на могильном холмике. Печальный обед в кафе. Печальный ужин дома, когда самые близкие остались. Из всего мною в этот день произнесённого запомнилось одно короткое высказывание:

– Лилия, ты по телефону сказала, что знаешь, как я любил Валюшу. Так вот – это неправильно. Неправильно, что л ю б и л. Правильно – л ю б л ю. Разве смерть – причина для того, чтобы пере-

стать любить? Валечки нет с нами, а любовь к ней осталась. Никуда она не исчезла и не исчезнет. Без всякой мистики и философии получается, что любовь сильнее смерти. Сильнее и долговечнее.

...На другой день положено было прийти на могилку и спросить, как ты спала. Это Лилю кто-то так просветил. Она и спросила об этом вслух, а я не стал. Я приходил к тебе до отъезда в Светлогорск каждый день – почти месяц. И, отпетый безбожник, во всё это время возжигал свечу в кладбищенской церковке, зная, что моя свечечка для тебя особенно важна. И не ошибся: где-то внутри себя тут же увидел благодарную твою улыбку.

Телефонные разговоры из учительской были неременной частью шутивых наших пикировок. Я звонил домой каждый день с единственной целью: голос твой услышать. Это сделалось необходимостью – как дышать. И ещё: по твоему тону, по тому, подхватывала ты шутку или нет, я без лишних вопросов понимал, как ты себя чувствуешь. Итак, я звоню:

– Скажите, пожалуйста, это какая-нибудь средняя школа?

– Да, это какая-нибудь средняя общеобразовательная школа.

– А это сам товарищ секретарь?

– Да, это сам товарищ секретарь.

– А можно, пожалуйста, самого товарища директора?

– Да, можно, пожалуйста. – И без всякой паузы ты переходишь на «директорский» тон: – Я вас внимательно слушаю. Я вас *очень* внимательно слушаю.

– Нет уж, позвольте, это я вас очень внимательно слушаю. Что вы там об себе понимаете?

– Мы тут об себе понимаем то, что уже очень об вас соскучились и ждём вас домой с нетерпением.

– Так, с вами всё ясно. Простите, у меня урок.

Надо ли говорить, что после такой беседы остаток дня проходит на подъёме.

...Иногда, уехав летом в Москву, ты гостила там до ноября, а то и декабря. Во всё это время я поглядывал на телефон в учительской осуждающе-неприязненно: вот, мол, стоишь тут, а толку с тебя никакого. Как же буду смотреть на него теперь, зная, что тебе позвонить не смогу уже *никогда*?!

Из событий девятого дня запомнилось одно. Мы стоим у твоей могилки. Мы – это наши с тобой коллеги, моя мама, Лилия и Толя. Говорили мало. Говорили искренне и тепло. Глубокой была скорбь наша, но светлой – от светлого образа твоего, от светлой нашей о тебе памяти. Я говорил после всех: «Иногда за домашними хлопотами я напевал. Валя к моим вокальным упражнениям относилась мягко, но сама участия в них не принимала. Лишь одну песню она чуть слышно подтягивала: “Ты не печалься”. Это из фильма “Большая руда”. Очень хорошая песня. Добрая. Но всегда она вызывала у меня сильную грусть: я ведь знаю, чем закончился фильм. И теперь – при каждом исполнении, при каждом прослушивании – буду испытывать острую боль – боль утраты. Давайте мы споём сейчас – совсем тихонечко. Я знаю, что Валюша не обидится».

Пели все. Пели сквозь слёзы:

Там, где сосны, где дом родной,
Есть озёра с живой водой.
Ты не печалься, ты не прощайся:
Всё впереди у нас с тобой.
Будет радость, а может, грусть.
Ты оклики – я оглянусь.
Ты не печалься, ты не прощайся:
Я обязательно вернусь.

Сколько людей песню эту уже слушали и пели. Сколько ещё споют. И всё же теперь она только наша. Твоя и моя. Твоя – навеки, моя – на всю оставшуюся жизнь¹. Когда отзвучала песня, наступила горестная, печальная, но очень светлая, очень высокая и всех нас объединяющая тишина. А у меня во время пения само собой сложилось:

Я уверен, что песню прослушав,
Ты вернёшься ко мне, Валюша:

¹ Здесь и далее образ использован с согласия Попова Бориса Ивановича.

«Первым сентябрьским погожим деньком»
Или же майским последним звонком.
В зимний вечер вернёшься безмолвный
И в тягучий июльский полдень.

То придёшь невесомой ромашкой,
То Вселенной пылающе-тяжкой.
То холодной листвою проплачешь,
То зарёй улыбнёшься горячей.

Обернёшься звездой полночной
И моею удачною строчкой.
Станешь смыслом поступков моих
Каждый день, каждый час, каждый миг.

Вот сейчас, после этих строк,
Возвращайся ко мне, Василёк.

Приглушённые рыдания были ответом. Потом Нина Леонидовна тихонько сказала: «Обязательно включите это прощание в свой рассказ».

О многом хочу сказать, о многом хочу написать. Но мысли мечутся и скачут. Прямо никакой композиционной стройности. Страшно хочется излить душу, хоть какой-то дать выход боли, от которой выжгло всё внутри. Так может, не очень здесь и важна стройность эта самая? Так может, и не изливать душу? Может, позволить ей излиться самой? *так*, как просит и хочет она сама? Возможно, это будет лучше? Вот про Светлогорск напишу. Не развлечёшься поехал туда – отвлечёшься. Не от горя, нет: отвлечёшься от него невозможно. Всё дело в том, что здесь, в Калининграде, ежедневно хожу на твою могилку. Дня пропустить не могу. И ничего мне с собой не поделать. А ведь нельзя дорогих ушедших тревожить так часто. Я это знаю теперь. Надо покой тебе дать. Впереди у тебя суровое испытание: сорок дней. Поэтому уезжаю. Но в день отъезда непременно приду попрощаться. Не с тобой – с местом этим, ставшим самым святым для меня и заветным.

Потому я теперь в Светлогорске. Впервые в жизни этот город не радует меня. И конечно же, больше не сможет радовать так, как радовал прежде. Не его вина. Я по-прежнему его люблю. Он меня успокаивает и утешает. Я очень ему благодарен за это сейчас. И благодарен буду постоянно. Не виноват светлый этот город в том, что к ночи я от жути боюсь выключать свет и ложиться, если знаю, что ни души во всём двухэтажном здании школы, где нахожу летнее пристанище вот уже не первый год.

Дни холодные и дождливые – отдыхающих нет, сторож ещё не пришёл (придёт ли?). Если слышу скрип дверей и щелчки выключателей, успокаиваюсь моментально: значит, не один до утра. Утром уже не страшно. Леденящая боль не отступает. Не заглушаемая страхом, она разрастается так, что ломает рёбра. Что бы ни делал днём, как бы ни выматывал себя – не отступает боль. Казалось бы, и без того непереносимая, она порой обостряется так, последних лишает сил. В пасмурные дни темнеет раньше, чем обычно, поэтому часов около шести в некоторых окнах уже горит свет. И мокрая тенистая улица становится по-особому уютной, подчёркивая, как сухо и тепло дома, усиливая предвкушение ужина и отдыха. В такие моменты особенно чувствуется грустное окончание лета. И одновременно – мягкая радость от ожидания нашей скорой встречи. А теперь такого ожидания нет. И с того в душе пронзительно пусто и пронзительно больно. Лет 5–6 назад подготовка к лету заранее начиналась. Зная, что на курортах продукты дороже, а холодильника в частном секторе не предвидится, тушёнкой и другими консервами запасались уже с ноября: в один приём всего не купишь. Среди зимы, бывало, наткнёшься взглядом на одну из баночек – отрадно делается, ассоциации приятные возникают. Не всегда всё **гладко** складывалось по Светлогорску. Бывали годы, когда я просто ездил на пляж в погожие дни. Однажды тебе захотелось, чтобы я остался дома. А я на поездку уже настроился. И мы повздорили. Ты вспылила: «Езжай куда хочешь и что хочешь делай!» Я уж было собрался молча выбежать, но взглянул на тебя. Шторы задёрнуты, полумрак. Ты сжалась комочком в уголке дивана – крошечная, хрупкая, незащищённая. Почти и не видно тебя. Всё во мне защемило от

жалости и нежности. «Бедная маленькая женщина, – подумал я, – ей ведь в тысячу раз хуже, чем мне. Какой же я гад!» Подсел к тебе, спросил о чём-то. Мы поговорили немного и нашли приемлемый для обоих вариант. Уж не помню, какой именно. Зато своё состояние тогдашнее запомнил накрепко. И больше не повторялись подобные сцены.

Я прочитал когда-то, где – не помню, что счастье – это или воспоминание о чём-то хорошем, или мечты о чём-то ещё лучше. То есть оно либо в прошлом, либо в будущем. И вывод: счастье – это то, чего нет. Я не согласен. У меня были минуты, часы, дни, когда я вполне осознавал себя счастливым. Последний раз я был счастлив летом 2005-го – два года назад. До деталей помню самый момент ощущения: «Как я счастлив!» Я вернулся из Балакова после двух чудесных волжских недель, проведённых в обществе дочери и Димы – её мужа. И почти сразу же уехал в Светлогорск. По дороге от остановки «в номера» получаю СМС от Аэлиты, предвкушаю морской отдых, вспоминаю отдых волжский и при этом знаю, что в Калининграде ждёшь ты. Если счастье не ЭТО – то ЧТО тогда? Ну, если только ночные беседы с тобой, когда, припозднившись, возвращаюсь к себе глухими тропами, а на ладони вдруг вспыхивает экранчик «Моторолы»: мол, что это мы не спим и где это мы вообще-то шлёмся по ночам. Услышав же, что я и в самом деле где-то бреду в крошечной темноте, ты моментально становишься обеспокоенно-нежной: «Сашулька, ты постарайся так поздно не ходить: мало ли что». Это «мало ли что» поддерживало, помогая не обращать внимания на непроглядную темь, гудящие ноги, длинный путь и на то, что «мало ли что». Потому-то каждый уголок в городке и окрестностях накрепко слит с твоим образом. Так и видится, что всюду побывали мы вдвоём. А ведь только один раз – лет 10–11 назад – мы приезжали в этот город вместе. И то были только в его центральной части. В том же счастливом 2005-м случайно открыл «вишнёвое поле». Как-то пошёл я в ближайший лесок за черникой, но свернул не туда и в лесок не попал. Зато набрёл на прекрасную вишню. Нет худа без добра: и сам вдосталь наедался, и тебе литра два привёз. Мы ягоды засахарили и среди зимы наслаждались вишнёво-летним ароматом и вкусом. Через год – опять две литровые банки. И собирать было вдвойне приятно от осознания того, что тебя это порадует. А сейчас, когда тебя рядом¹ не стало, я опять прихожу сюда за июлем и солнцем пропитанными ягодами. Не покидает чувство, что собираю их для тебя.

Послезавтра уезжаю в Москву, а пока стою на краю этого поля и, прощаясь, шепчу нашу песню. И даю обещание прийти сюда после Москвы и сказать: «Валечка, я вернулся». А пока перейду шоссе и наберу целую охапку васильков (с неделю, как я их обнаружил). Привезу в Калининград и *синевою* прикрою печальный твой холмик. Немножко цветочков поставлю дома у твоих портретов. Перед вишнёвым полем есть уютной красоты лужайка: мягкая трава, редкие высоченные сосны и, смягчённые их кронами, ласкающие лучи. Здесь, в кружевной тени, любил я дать отдых набегавшимся ногам и с наслаждением чего-нибудь перекусить. Уносила меня лужайка в далёкое жигулёвское детство. И от такого щемящего напоминания два лета подряд мне было здесь хорошо до боли. Теперь – только боль осталась. И шелковистая трава больше не манит присесть. А сосны чьи-то слова повторяют: «Надо привыкать жить одному». Какое бездушное это слово – «привыкать». Так не надо. Пусть по-другому. Вот как: «Укрепить сердце и продолжать жить – ради себя, ради тебя. Жить за двоих. И так, чтоб не было стыдно мне здесь, а тебе – там. Там, откуда нет возврата».

Я обязательно вернусь

На полянке этой родилось наивное продолжение песни:

Василёчек ты мой родной,
Не расстанусь теперь с тобой.
Ты не печалься, ты не прощайся,
Ведь ты единственный такой.

Оно самовольно удлиняет последний куплет, когда в 11 утра по воскресеньям гуляю у питьевого озера. Естественно, и тогда, когда приезжаю на эту полянку. В остальных случаях напоминает о себе

¹ Любимые не умирают, // Лишь рядом быть перестают.

редко. И – ни разу под баян. Я время от времени беру инструмент, исполняю небогатый свой репертуар. По какому бы поводу это ни делалось, завершаю «концерт» этой песней.

Сорок дней. – Время окончательного твоего освобождения от земных забот и тягот. Как трепетно и скорбно я готовился к этому дню. Как старался в это время тебе не мешать и тебя не отвлекать слишком частыми своими посещениями. Для того и в Светлогорск уезжал. И ни одной минуточки этого срока не забыл. А из самого сорокового дня помню только, что после прощания у могильного холмика повторил то же, что и в первый день, и в день девятый:

«Любовь не уходит с уходом любимого человека. И потому теперь за двоих я жить обязан. Да так, Валечка, жить, чтобы не стыдно было мне за себя здесь, а тебе за меня – там. Там, откуда не возвращаются. И я тебе это обещаю. И себе обещаю, и всем, кто тебя любит и помнит».

...Но вот я в Москве. Вспоминаю, как мы впервые приехали сюда вместе. Тогда Лиля с Толей были в Индии. Утомлённая дорогой, ты уснула рано. А мне мешали новизна впечатлений и огромная видеокolleкция, с которой не терпелось ознакомиться. Да и книжка прелюбопытная в руки попала. Когда решил всё-таки поспать, невольно глянул в окно. Светает. Воровато, чтобы избежать твоего справедливого гнева, пробрался в отведённую мне комнату и прилёг. Выспался быстро. По крайней мере, завтраком тебя угостил. И в этот приезд не сплю до рассвета. Но теперь спать мешает ледяная пустота. И боль – постоянная, острая, изматывающая боль утраты.

За все дни пребывания здесь лишь по вечерам наступало облегчение – когда домой приходил Толя. В остальное время не покидало чувство стеклянной отгороженности от всего. И ничто не в силах это стекло разбить: ни Третьяковская галерея, ни надземное метро, ни московские прогулки с моей калининградской коллегой, ни визит на Ваганьковское к Высоцкому и Есенину. Я посетил все наши места. Меня даже пропустили в санаторий под Зеленоградом, где несколько раз ты поправляла здоровье. Впервые я навестил тебя здесь восемь лет назад. Ехал из Москвы с двумя полными сумками, в которых были позарез необходимые для тебя вещи. Тогда, стоя на автобусной остановке Зеленограда, я почему-то спросил себя: «А люблю ли я эту женщину?» Тебя, то есть. Если да, то где поцелуи, объятия, вздохи, нежные слова? Стихи, наконец? Если нет, то почему с непонятным восторгом лечу к тебе в любое время – как только позовёшь? И в любую даль в любое время готов для тебя тащить любую тяжесть? И вот теперь, бродя по чистым и радостным аллеям, вспоминал то время и разговаривал с тобой.

Там, где сосны, где дом родной...

Пропустили меня и в корпус. Я дошёл до дверей кардиологического отделения, а дальше не смог: ноги пригвоздило к полу. Видимо, щадя мои нервы, ты не пустила меня дальше. Я вышел и прощально взглянул на два окошка второго этажа:

Пусть очень недолго:
Минуту ли, час ли –
За этими окнами
Были мы счастливы.

Ведомый тобою, покинул я пределы здравницы и направился к небольшому озерцу, пересыхающему летом. Там гуляли мы в те времена. Тогда здесь было просторно и немного запущенно. А сейчас еле нашёл озерцо: всё перекопано, перегорожено, переприватизировано. Заборы не дают подойти к той части берега, где два раза побывали мы вместе. С дальней стороны лишь посмотреть удалось. Уходя, нашептал на диктофон про «сосны и дом родной». В «Газели» подкатил к вокзалу почти одновременно с электричкой. У памятника защитникам Крюкова едва успел монетку бросить, чтоб когда-нибудь вернуться. Доведётся ли?

Разбрелись возле синей реки
Васильки, васильки, васильки.

В один из выходных ездили с Толей на дачу. Почему-то и дачный посёлок, и сосновый бор вокруг него тоже воспринимались как наши места, хотя здесь мы вместе и не бывали. Но в мой первый при-

езд сюда я очень жалел, что ты не поехала. От самих сожалений этих всё вокруг так было наполнено тобой, что теперь казалось, будто мы и впрямь здесь бывали когда-то вдвоём. С дачами и соснами этими прощался тяжело и больно. Когда запрокинул голову, чтобы увидеть верхушки, полоснуло по сердцу: сделалась полная иллюзия, что загоняю слёзы – как тогда – за несколько минут до погребения.

Ты не печалься,
Ты не прощайся...

Однако места *самые* наши – мостики, лужайки и тропинки в парке Тропарёво. Нередко мы по вечерам там прогуливались. А теперь я здесь без тебя. И всё равно с тобой. Вот через мостик выходим на тропинку. Вот любимся полянкой, очень живописной в лучах заката. Вот приближаемся к скамеечке, и ты хочешь посидеть, потому что устала: люди с больным сердцем утомляются очень быстро. Ты опускаешься на лавочку. А я подчёркнуто стою, демонстрируя здоровье, силу и выносливость. При этом вроде бы тебя защищаю. Ты благодарно улыбаешься, встаёшь, и мы идём дальше. Обогнув полянку, возвращаемся к мостику, но уже другой тропинкой. Дорожки, мостики, лужайки. Десятки тысяч людей прошли по ним. И всё же теперь они только наши. Твои и мои. Твои – навеки, мои – на всю оставшуюся жизнь.

...Всё впереди у нас с тобой

До чего больно здесь одному, когда каждый поворот, каждая скамеечка о тебе напоминают. Пытаюсь фотографировать. Не знаю, что получится: быстро темнеет, кончается плёнка, батарейки еле дышат. Сегодня последний мой вечер на этих дорожках. Обхожу их медленно, грустно и с любовью. Приходят размышления о васильках. Я с детства безотчётно люблю эти простенькие и неприхотливые цветы. **Их** и песни про них люблю до сих пор. Чем они так меня приворожили? Чем очаровали? Глубокой синевой небесною? Необычностью лепестков? Чем? Скорей всего, во все эти годы они были предчувствием тебя. Предвестником необходимой нашей встречи. Однако пора идти. Утром встану пораньше и обязательно ещё раз пройду по нашим тропинкам. А пока постараюсь вобрать в себя мельчайшие подробности вечернего Тропарёва.

...Час ночи. Утром рано вставать, а не спится. Смотрю с восемнадцатого этажа на затихающую столицу и беседую с тобой. Вдруг это моё последнее пребывание в этой квартире? Тогда – никакой недосказанности. Окна лоджии заливают обильный, но тёплый и ласковый дождь. Поздно, а я всё не могу сделать двух шагов с лоджии до кровати. Всё пытаюсь продлить момент моего здесь, возможно, последнего пребывания. Никак с тобой не наговорюсь напоследок. Но и впрямь пора бы укладываться. Что тебе сказать при этом? Спокойной ночи? Жутко. Не подходит. Давай поспим? Ещё хуже. Вот, нашёл: пусть я немного посплю, ладно? А по утрам что говорить? Здравствуй? – издевательски звучит: о каком здоровье речь? Доброе утро? Нет, конечно: разве доброе оно без тебя! Вряд ли я вообще когда-нибудь смогу назвать добрым утро, день или вечер. Разве что: «Валечка, вот и я!» И всё же пора спать.

...Чуть свет я отправляюсь к нашим дорожкам. Грустно и нежно обхожу их все. Фотографирую. Всеми чувствами вбираю в себя Тропарёво утреннее. *Нашей* песней прощаюсь с ним. И вот уже я с лоджии последний (???) взгляд бросаю на утреннюю умытую Москву. Закрываю дверь. Ключи Лиле в Калининграде передам: она меня дожидается в квартире на Каштановой аллее. Лифт – вниз, и сердце – вниз: приветствовать всё это доведётся ли?

И вот я в поезде. Еду в Калининград. К тебе.

Ты не печалься, ты не прощайся,
А выходи меня встречать.

...На Каштановой, лишь вещи домой забросив, отправился к тебе – рассказал о московской поездке. Долго стоял в твоём изголовье. Ленточки на венках разглаживал. Перечитывал все надписи. Простился нашей песней.

Ты не печалься, ты не прощайся,
Я обязательно вернусь.

Через день проводил Лилию и ещё на неделю уехал в Светлогорск. И сразу же – на вишнёвое поле.
– Я вернулся, Валенька. И всегда буду возвращаться – где бы ни был, как бы себя ни чувствовал. Пока живу, пока дышу, пока ходят ноги. Как благодатно уединение и как ужасно одиночество! Споём потихоньку?

Над дорогой встаёт заря,
Синим светом полны моря.

Потом я пошёл за васильками, но поле уже перепахано. И теперь навечно станет оно для нас васильковой пашней. И поле и пашня наши теперь. Твои и мои. Твои – навеки, мои – на всю оставшуюся жизнь. Дней через десять после твоего ухода кто-то мне сказал, что в течение первого года обязательно где-нибудь в толпе тебя увижу. И я дважды за неделю с тобой повстречался. Оба раза на озере Тихом. Причём это не были *похожие люди* – это была ты. Чуть отпускала острая и тяжёлая боль. Добрый знак читался в твоих появлениях. Я их воспринял как два свидания, хотя ты делала вид, что не замечаешь меня.

Как кукушке ни куковать,
Ей судьбы нам не предсказать.

И в последнюю светлогорскую неделю – ежеминутное чувство утраты, жуткое ощущение того, что в мире всё вокруг меня сделалось не так. Стал он пустым, холодным и совсем чужим. Сколько бы теперь ни прошло времени, что бы в мире теперь ни случилось, для меня он прежним не станет. Ощущение трагической непоправимости обостряется, когда что-нибудь переживаю без тебя впервые: конец лета, жёлтую листву, но особенно – первое сентября, которое мы отмечали постоянно, хотя давно уже ты не работаешь. И мои 55, до которых ты не дошла, и День учителя, на который пришли эти 55. Я пригласил Бориса Ивановича с его Таней и Володю Белалова, который буквально спас меня в день твоего ухода. Однако пришёл только Борис Иванович. Мы душевно посидели, славно угостились. Я давал концерт на баяне, а мой гость заснял его на видео. Завершился грустный праздник, конечно же, «Большой рудой». С тех пор что бы и сколько бы я ни играл, последняя песня – эта.

Валечка моя! Только что наших соседей – Римму Гавриловну с мужем – проводил. Печальный вечер, печальный ужин. Сегодня одиннадцатое декабря 2007-го. Полгода, как тебя нет. А я не то что закончить – взяться толком не могу за продолжение. Слишком тяжело. Сначала казалось: на одном вздохе напишу. Нет, не получается: нельзя писать такое наспех. Вроде бы и время есть. Духу не хватает. Слишком остро переживается всё. Но дело даже не в этом. Мне страшно просто-напросто. Я элементарно за перо боюсь браться, когда остаюсь один, ибо не знаю, как это на меня подействует. Скорей всего, буду парализован ужасом. Потому и не сажусь, когда один. Приглашаю то Бориса Ивановича, то Володю Олейника, то, как сейчас, – Михаила. Сегодня после уроков, конечно, был у тебя. До сих пор **только там** чувствую себя спокойно. И по-прежнему тяжело уходить. В последние годы многие мне говорили, что я сильный человек. Говорили так часто, что я и сам стал это осознавать. Почему ж тогда у сильного этого человека ватно подкашиваются ноги, едва окажется он за кладбищенской оградой? И почему он, если такой сильный, вынужден за ограду цепляться, чтобы не упасть? В этот момент приходит фраза: «Валечка, я ухожу, но иду к тебе же». Фраза помогает справиться со слабостью. Я направляюсь домой, а над асфальтом только моя голова почему-то. Остальное всё под землёй. И дома мы снова рядом: передо мной три твоих фотографии, которых касаюсь губами, как только возвращаюсь домой. И порой говорю при этом: «Теперь сердечко твоё не болит. Но, Валечка, лучше бы ты жила!»

Когда в Советск впервые *после* тебя ездил (по вопросам пенсии), со всеми делами быстро справился, удачно билет на автобус приобрёл, рвался сюда, а на полпути домой вдруг *страшно* понял, что мог и не спешить. А ведь всё равно спешу – постоянно и отовсюду. Хоть и прошёл год. Спешу к тебе. И постоянно буду. Сколько бы лет ни прошло. Пока жив. Теперь, через год, я это знаю точно. Так же точно знал это и тогда – год назад.

Сегодня двадцать восьмое мая 2008-го. Тебе 61. Не «*был бы*», не «*мог быть*», а 61. После уроков я поехал на кладбище. К непреходящей горечи утраты добавилась боль от увиденного на могилке. Дверка распахнута и перекошена. Табличка с твоим именем сорвана и валяется на осевшем холмике. Табличка – тонкая и ломкая, потому я сначала подумал, что это ветер виноват. Однако сообразил, что со времени последнего посещения (9 мая) сильных ветров не было. Оглядевшись, обнаружил, что и надгробная плита пропала. Потом заметил, что на ближайших могилах некоторые надгробия осквернены или разбиты. Кое-где за оградки набросан всякий лом, а местами и самые оградки разворочены. Слегка приладил табличку. Очень крепить не стал: скоро постоянное надгробие делать. Когда через две недели разравнивали холмик, запах влажной земли так явственно вернул к событиям прошлого года, что я заново пережил ритуал твоего погребения. Опять ватно ослабели ноги. К вечеру накрыл наш традиционный стол. Всё как ты любишь. И сок твой любимый, и салат крабовый. Никак не могу о тебе в прошедшем времени говорить. Но и вычурности вроде «*Валя так любит, Вале так нравится*» – тоже не хочу. И потому – «*Валин любимый*» – и время не прошедшее, и без претензий. Посидели с мамой вдвоём. Потом я чуть прогулялся и сел за продолжение рассказа. Но его не оказалось ни на одной флешке. Значит, он в старом ПК. И как я самое-то главное не скопировал! Но продолжу так. Потом соединю части. И мама в гостях. Как почти год назад, когда я этот рассказ начинал. И вот ведь: в тот раз было две недели ПОСЛЕ твоего ухода. А сегодня – две недели ДО. Пока искал файл – стало очень поздно, и продолжить вряд ли получится. Мысли скачут и мечутся, слова разбегаются. Послезавтра мама уезжает, так что на рассказ у меня только завтрашний вечер (ночь?). Едва ли закончу. Но, может, уже смогу писать и без чьего-то присутствия. Ведь уже не боюсь оставаться наедине с тобой. Единственно, чего опасаясь, так это неизвестности от того, как подействует на меня работа над продолжением. Но вот сейчас почему-то считаю, что справлюсь: допишу рассказ к 11 июня.

Через неделю год, как ушла ты, моя Валечка. Надо бы завершать самое страшное в моей жизни повествование, да всё не получается, всё мешает что-то. Сегодня, например, это – капризы нового моего ПК. Так увлёкся продолжением, когда случайно удалось наладить работу, что не озаботился сохранить написанное. Пошло было продолжение. Ну, и решил не прерываться. А он (ПК, то есть) взял и отключился в самый разгар печального вдохновения, когда пальцы едва поспевали за словами, а слова – за чувствами. Теперь вот поумнел: каждый абзац сохраняю. Только вот некоторые слова заветные не восстановить: уж очень независимо от меня рождались они. Валечка, а может, сама ты по какой-то причине завершения этого не хочешь? *Пока* не хочешь?

Одиннадцатое июня 2008-го. Год как тебя нет. Я закончил свой рассказ. Условно закончил. Это значит, что весь материал не только собран, но и зафиксирован. То есть я записал не только *то*, что хотел, но и *так*, как хотел. Условность же в том, что элементы не упорядочены. Но это уже дело техники и времени. Иными словами, могу не торопиться и закончить в согласии с душой, а не с определёнными сроками. Возможно даже, это произойдёт на Волге, в окружении лучших в мире людей: дочери, зятя и внука. Зимой Литочка прислала мне фотографии внука. От его лица я сочинил к ним подписи. На одном из снимков ребёнок улыбается на руках у папы:

Ты, дедушка, там не волнуйся о внуке:
У папочки сильные добрые руки.
Ведь вон как вырос я уже
У нас на третьем этаже.
Покой и мир в семействе нашем –
Не беспокойся, дедушка Саша,
Не поддавайся жестокой печали:
Ведь этого хочет и бабушка Валя.
Пока в сердцах любовь несём,
Тебя судьба не сгубит злая.
Ты выступишь, милый, ты выдержишь всё.
Ты сильный, дедушка, – я знаю.

Лита в ответе призналась, что плакала, эту подпись читая. Да я и сам чуть сдерживался, когда её создавал.

Я разлюбил фильмы ужасов. Сейчас на школьном компьютере набираю эти строки, отдавая памяти твоей светлой высокую дань уважения и скорби. Сегодня меня отпускают пораньше, и я сразу же поеду к тебе.

Сегодня тебе, Валечка, 62. Я не забываю и не пропускаю 28-е число месяца мая. Вот и сегодня – сделал твой любимый крабовый салатик. Купил сок. Накрыл стол. Как в прошлом году. И как в позапрошлом. Словом, всё, как обычно. Только тебя нет за этим столом. Вот уже два года. Да неужто и правда – два года прошло? Второй мне гораздо тяжелее дался: ничто не интересует, не увлекает. Ничего не сочиняется. Строчки по заказу, разумеется, не в счёт. И это не удивляет меня: *«острая тоска // Стала ясною, осознанною болью»*¹. Год назад думалось мне, что закончил я повествование. Но, как оказалось, это только казалось. Каждый раз во время прогулок над нашим озером или при поездках в Светлогорск приходят новые образы, мысли, воспоминания, которые не позволяют считать изложение законченным. Возможно, ты этого не хочешь, возможно, я не в силах завершить разговор с тобой. Наверное, и то и другое.

Валечка, два года я без тебя. Материал собран, а упорядочить его не получается. Особенно с диктофона. Там я подробно, даже, может, слишком подробно, изливал свои мысли. Скорей, так: не мысли, но эмоции. И не я их изливал, а сами они изливались – горестно и свободно. Несколько раз приезжала Лиля. Однажды я поделился с ней тревогой по поводу аэрозоля, который ты держала в руке. Вопрос во мне сидел занозой почти год, а я всё не решался спросить:

– Может, она хотела принять лекарство, да не успела. Рядом – никого, и потому умерла? Но ведь лицо было спокойным, светлым. Не просто же так я думал, что она спит.

Лиля сказала, что такое было и раньше; что и сон-то спокойный был как раз потому, что она лекарство **приняла**. Значит, всё-таки без мук ушла ты, Валечка. А ещё я Лиле говорил, что, видимо, тоже уйду в 60: не хочу смотреть на мир дольше Вали. Лиля велела так не настраиваться, а жить, сколько судьбой отмерено.

Я нередко сетовал, что ты не приходишь в мои сны. И вот в марте 2009-го прихожу домой и вижу в кресле тебя. Ты не напряжена, не расслаблена – ты просто спокойна. Я не удивлён: видимо, очень тебя ждал. Об испуге и речи нет. Разве что чаще и сильнее сердце забилося. Я присел на диван. После некоторой паузы услышал: «Собираешься ко мне в свои 60? Не торопись: ко мне всегда успеешь, а вот назад уже не вернёшься». Голос был не замогильный, не потусторонний, а твой самый обычный: добрый и заботливый. Ну, что ж, Валя, согласен. Как это у Твардовского:

Спят бойцы. Своё сказали,
И уже навек правы.

Сегодня вдруг понимаю, почему ты долго не хотела завершения этого рассказа. Его нельзя было заканчивать раньше: чтобы понять, насколько важен он и нужен, проверка временем требовалась. Два года он жёг меня и держал в напряжении, всячески сопротивлялся или ускользал. А сейчас вдруг сам полился – легко и свободно, а разрозненные фрагменты сложились в единое, может, не совсем стройное, но вполне связное целое. Значит, время пришло. Много за два года изменилось, многое осталось прежним. Часто я всё так же, когда затеряю вещь какую-нибудь или книжку, ловлю себя на мысли: «У Валюши бы спросить – может, помнит». Построят новый магазин или переоборудуют прежний: «А Валюша-то не знает. Надо бы ей сказать!» Каждый раз при этом иглой пронзает боль. И ещё сохранилось глубоко внутри: после каждой покупки подсчитывать расходы, чтобы объяснить тебе, сколько и на что истрачено денег. Когда признался в этой инерции Лиле, она печально сказала: «Теперь придётся отчитываться только самому себе». А это, Валечка, так трудно. И так плохо. Я так же прихожу к тебе в памятные дни: и в общие праздники, и только в наши; в день твоего рождения и в день твоей памяти. А ещё перед долгим отъездом и после него. Прошлым летом началось наступление на яблоньки в интернатском саду. Создают футбольное поле. Груды глины и земли там, где ещё минувшей осенью яблоки лежали островками или повторяли очертания тропинок, на которые упали. Подверглось нападению и вишнёвое поле. Его трудно узнать: заборы, бетонные плиты, развороченные дорожки. Но я по-прежнему навещаю и его, и васильковую пашню, а в сезон приношу тебе охапку цветов.

¹ В. В. Маяковский.

И куда ни взгляни,
В эти ясные дни
Улыбаются людям они.

И по-прежнему укрываю тебя васильковой синевой. И не покупными цветами, а с болью и любовью собранными – собранными только в Светлогорске. Сегодня, 8 июля 2009, закончено повествование, начатое два года и две недели назад, и я пробыл у тебя дольше обычного. Роскошный густой дождь, и я с удовольствием роскошно вымок. Я отнёс тебе сегодня васильки июльские. Насколько же они нежнее, свежее и синее августовских. Теперь только такие буду носить.

Я по-прежнему не решаюсь не только уснуть, но и просто полежать на твоём диване. И по-прежнему боюсь дверь в твою комнату на ночь закрывать: утром просто-напросто не решусь к ней даже подойти. По-прежнему дома постоянно говорю с тобой и с тобой советуюсь, – вернее, не столько советуюсь, сколько объясняю и комментирую свои действия. По воскресеньям гуляю у питьевого озера. Два раза в конце прогулки ты звала меня к себе за оградку. Не заходя домой, спешил к тебе. Каждый раз моё сердце рвётся. Но знаю, что рвалось бы оно ещё больше, если бы я на твой зов не откликнулся.

Когда бываю в Зеленоградске, иду к четвёртому корпусу санатория «Зеленоградск». Жду тебя у дверей. Ты выходишь. Ты, как всегда, кое-что от своего обеда поберегла для меня. Мы идём к морю. Слова нам не нужны, и мы молчим. Гуляем недолго: на берегу прохладно, а пальтишко на тебе лёгкое. Я не хочу тебя морозить и предлагаю вернуться. Ты возражаешь: «Гулять-то мне надо!» Тогда мы идём в город, где не так ветрено. Потом провожаю тебя к четвёртому корпусу. Ты говоришь: «Ну, иди. Мне пора отдыхать». Через несколько шагов оглядываюсь: ты машешь рукой на прощание.

Ведь жизнь придумана не зря

Я по-прежнему люблю тебя. Спасибо, моя хорошая, что ты появилась в моей жизни. Я по-прежнему отовсюду спешу домой по двум единственным причинам: во-первых, ты меня по-прежнему ждёшь, а во-вторых, мне по-прежнему не к кому спешить. Душа твоя всегда со мной. Меня спрашивали по этому поводу: «О какой душе можете говорить вы – безбожник?» Я неизменно отвечаю, что душу понимаю как *то* лучшее, что есть в человеке, и безбожие моё здесь ни при чём.

По-прежнему, конечно, засиживаюсь допоздна. Гляну мельком на циферблат: первый (второй, третий) час. Кажется, вот сейчас подойдёшь и скажешь: «Ты что – с ума сошёл? Первый (второй, третий) час! А ну-ка – спать!» Не подойдёшь. Не скажешь. Не встретишь после работы радостно-заждавшимся: «А кто это там пришёл?»

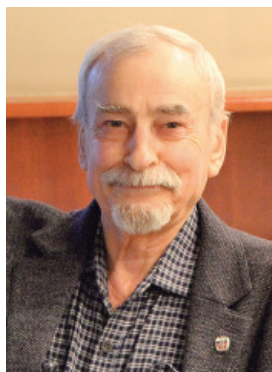
И глухну я от этой тишины

Мне с детства безотчётно нравились простенькие и неприхотливые васильки. *Их* и песни про них люблю до сих пор. Чем они так меня приворожили? Чем очаровали? Глубокой синевой небесною? Необычностью лепестков? Чем? Скорей всего, во все эти годы они были предчувствием тебя. Предвестником необходимой нашей встречи. Когда-то в своём «Наброске» говорил я о «рассветах васильковых». И ловил себя на мысли, что эти слова почему-то о тебе. А сейчас вот понял, почему: последние четырнадцать лет рассвет мой вечный васильковый – ты, Валюша. Ведь ты же у меня Васильева. – Василёк.

Берега юбилеев

Геннадий Сазонов

Геннадий Алексеевич Сазонов – поэт, прозаик, публицист. Окончил факультет журналистики Ленинградского государственного университета. Отработал в печати более 40 лет, в том числе собкором газет «Правда», «Труд» – на Южном Урале (Оренбург), в Вологодской, Новгородской, Архангельской областях, республиках Карелия и Коми. Издано 35 книг поэзии, прозы, публицистики. Публиковался в журналах: «Берега», «Север», «Москва», «ЛАД вологодский», «День и ночь», «ДОН новый», «Врата Сибири», «Пятницкий бульвар» и других

«ВЫСЕКАТЬ ОГОНЬ ИЗ СЛОВА...»

К 90-летию Николая Рубцова

Размышления над архивом Николая Рубцова

Жизнь и творчество выдающегося русского поэта Николая Михайловича Рубцова продолжают привлекать почитателей самобытного таланта. Поэтому хотелось бы кратко поговорить об особенностях творческой манеры мастера поэтического слова, взяв за основу материалы, хранящиеся в Государственном архиве Вологодской области.

«Мифы» про поэта

Сложность, противоречивость, многогранность личности поэта ещё не до конца поняты и прочувствованы, ещё нам это предстоит.

Ещё и раньше я выступал против того, чтобы из Николая Рубцова «делали» икону, выступаю и теперь. Значит ли моё желание что-то для других? Думаю, вряд ли! У поэта с течением времени приросло изрядное количество почитателей, поклонников, исследователей. Само по себе это прекрасно! Но дело в том, что многие из них готовы «обожить» стихотворного кумира, приписать ему всё что угодно. И в это приписанное искренне, бездумно верить, будто в ожившую реальность, ни больше, ни меньше.

Ну, вот возьмём хотя бы так называемые «социальные сети». Там как-то один из авторов с жаром утверждал, что Рубцов был «глубоко верующим», даже приводил эпизод, похожий на анекдот. Однажды шёл Николай Михайлович в компании друзей по набережной, то ли в Вологде, то ли в пригороде, а им навстречу священник. Тот и говорит: «Пошли, поэт, причащу тебя!» Что делать? Не отказываться же! Поэт якобы пошёл, причастился и через несколько минут догнал всю честную компанию.

Как оно, оказывается, всё легко делается!

В подобном духе много всяких «баек» ходило и ходит про Рубцова. На них порой «клевали» и люди, хорошо знавшие поэта. Один из исследователей рассказывал, что Рубцов, выступая в Тотеме, прервал чтения и попросил остановить часы-ходики, чтобы их тиканье не мешало декламировать строки. Очень красивый жест!

На самом деле в библиотеке никаких ходиков не было тогда, когда там выступал Николай Рубцов.

С лёгкой руки одного из близких друзей поэта пошла по белу свету гулять «побасёнка» про то, как Николай Рубцов сочинял стихи. Ну, как? «Беру чистый лист, – утверждал Рубцов в пересказе товарища, – пишу сверху “Николай Рубцов”, а внизу – всё стихотворение ровным столбиком». Насчёт «ровного столбика» спорить не буду, почерк у поэта был на удивление красивый. Раньше, в началь-

ной школе в Николе, которую посещал Коля Рубцов, детей хорошо учили чистописанию. А вот насчёт того, сразу или не сразу появлялся «столбик», вопрос большой.

Для ответа на него, да и на другие вопросы, я в своё время внимательно посмотрел и поизучал материалы о Н. М. Рубцове в Государственном архиве Вологодской области. Существуют два рубцовских фонда. Один – криминальный, связанный с трагической кончиной Николая Михайловича 19 января 1971 года, надолго ещё засекреченный по особым юридическим правилам. Его мне предоставили только по разрешению из Москвы. Детально изучив материалы, я был буквально «раздавлен» фактами и фотографиями, свидетельствующими о жестокой насильственной смерти поэта. Жуткое впечатление от этого знакомства не покидало меня несколько дней.

Другой фонд, творческий, он общедоступный – письма, рукописи, записные книжки, черновики и оригиналы стихотворений.

Нам он, в данном случае, наиболее интересен.

Родители поэта Н. Рубцова –
мать Александра Михайловна, отец Михаил Андрианович

Через личное – ко всеобщему

Нет свидетельств о том, чтобы Николай Рубцов занимался какой-либо литературоведческой деятельностью. Если, конечно, не считать его частых ответов-разборов на стихи, которые шли потоком в молодёжную газету «Вологодский комсомолец». Николай некоторое время на вполне легальных правах сотрудничал с этим изданием. Молодёжка печатала его поэтические обзоры. Он также иногда давал свои оценки поэтическим книгам или рукописям коллег.

Так, известен его добрый, исчерпывающий отклик на поэтический сборник Ольги Фокиной «Реченька», опубликованный в ноябре 1966 года в «Вологодском комсомольце». В материале дана подробная оценка поэтического дарования О. А. Фокиной, названы особенности её поэтического голоса. В то же время из статьи мы можем сделать выводы и о том, какие требования предъявлял сам автор к тем, кто пишет стихи, в чём он видел назначение Поэта. То же обнаружим и в оценках обстоятельного разбора Рубцовым поэтической рукописи Людмилы Дербиной, которую ему передали из Вологодской писательской организации. Ни рукопись, ни отзыв на неё Рубцова не были опубликованы в связи с трагическими обстоятельствами, вскоре случившимися 19 января 1971 года.

Вполне определённо высказывался Рубцов о предназначении поэзии в набросках к автобиографии «Коротко о себе» (фонд 51, опись 1). «Стихи пытался писать ещё в детстве. Особенно люблю темы Родины и скитаний, жизни и смерти, любви и удачи. Думаю, стихи сильны и долговечны только тогда, когда они *идут через личное, через частное, но при этом нужны масштабность и жизненная характеристика* (выделено мной. – Г. С.) настроений, размышлений».

Поэт через личные ощущения и переживания призван подняться до понимания всемирных явлений, выразить их в своём творчестве.

Не напоминают ли вам рубцовские размышления о чём-либо?

Да, это мироощущение, которое мы встречаем в творчестве Фёдора Тютчева и Фёдора Достоевского, так, по крайней мере, я думаю.

Любопытные наблюдения сделал В. Друзин в отзыве на дипломную работу студента заочного отделения Литинститута Н. М. Рубцова. «Тонкое и точное проникновение *в мир русской природы, в характер русской национальной самобытности* (выделено мной. – Г. С.) – вот отличительные черты поэзии Николая Рубцова», – отмечал рецензент.

«О стихах Николая Рубцова трудно говорить, как трудно говорить о музыке, – признавал Егор Исаев, прочитав дипломный цикл Рубцова «Зелёные цветы». – Слово его не столько *обозначает* предмет, а *живёт* предметом, высказывается его *состоянием*» (выделено мной. – Г. С.).

Интерес представляет и существующая в архиве выписка из зачётной ведомости. В Литинституте Н. Рубцов посещал семинары по творчеству Сергея Есенина, Максима Горького и спецкурс по Эрнесту Хемингуэю (зарубежная литература), а изучал французский язык.

Тайны записной книжки

Честно говоря, несколько озадачила фраза, написанная рукой Николая Рубцова на обложке одной из его записных книжек, хранящихся в архиве: «Смогу ли я писать стихи?» И тут же ответ: «Смогу!» Что получается у поэта?

Сомнения в себе и вера в себя шли рука об руку.

Наверное, так. Наверное, внутреннее состояние, которое не оставляло поэта, хотя он уже печатался в ведущих журналах Советского Союза, готовил к изданию первую книгу. К слову, по его же архивному свидетельству, рукопись первого сборника называлась «Над вечным покоем».

Перебирая сохранившиеся пригласительные билеты, записные книжки, нетрудно понять, что вхождение в «литературную среду» для Николая Рубцова началось в период, когда после окончания службы на Северном флоте он жил в Ленинграде и работал на Кировском заводе.

24 января 1962 года в Доме писателей имени В. Маяковского, это недалеко от Литейного проспекта, состоялось выступление перед публикой участников литературного объединения «Нарвская застава». Именной «Пригласительный билет» на мероприятие получил и Николай Рубцов. Он выходил на сцену, читал стихи. От литературного объединения, кроме него, выступали известная ленинградская поэтесса Ирина Мадярова, поэт Виктор Соснора и другие.

Похожий «Пригласительный билет» передали Рубцову и весной, 6 мая того же года. Во Дворце культуры им. Горького прошла встреча с молодыми поэтами Ленинграда. Рубцов опять же декламировал на публике и, по отдельным свидетельствам, имел некоторый успех. В числе молодых также выступали Людмила Щипахина, Александр Кушнер, Виктор Соснора.

В том же году было ещё одно памятное событие. 21 июня Николай получил аттестат зрелости, окончив среднюю школу рабочей молодёжи № 120 города Ленинграда.

Молодой поэт прислушивался к людскому говору, к языку народа и как-то пытался обозначить это для себя: записывал меткие выражения, поговорки. На одной из страниц читаем: «Работа лентяя хвалит!» Как-то необычно звучит, но определённый смысл во фразе, конечно, есть.

О круге общения Николая Рубцова в период пребывания в Ленинграде также дают некоторое представление записные книжки. В них мы находим адреса, телефоны, фамилии тех, с кем он дружил или встречался: поэта Игоря Шкляревского (г. Могилёв), поэта Иосифа Бродского (г. Ленинград), поэта Геннадия Хомутова (Ново-Сергиевский район, Оренбургская область), поэта и прозаика Вадима Шефнера (г. Ленинград), поэта Леонида Мерзликина (г. Барнаул), ещё некоторых. Ну а поэту Глебу Горбовскому Николай Рубцов даже посвятил ироническую миниатюру «Жалобы алкоголика», где рядом приписано: «Глеб, ждал тебя!» (январь 1962 г.).

Замечу, кстати: умением быстрой импровизации – редким поэтическим качеством – Николай Рубцов был наделён сполна. Чаще всего эти миниатюры, сочинённые, что называется, мгновенно, поэт обозначал термином «шутка». Вот история одной из них под названием «На реке». Друг его юности и молодости, прекрасный прозаик Сергей Петрович Багров (1936–2022), рассказывал, как однажды в начале лета он приехал из Тотьмы в Никулино к своему другу, и они пошли купаться на Тошму. Вода была ещё слабо прогрета, и Николай, раздевшись, не решался пойти в воду. Сергей же, закалённый, ничуть не испугался, нырнул прямо с берега и поплыл. Когда он вылез на песочек, Николай, хитро поглядывая на друга тёмными глазами, прочитал ему следующее:

Реки не видел сроду	Вода тепло струится,
Дружок мой городской,	Над ней томится бор.
Он смотрит в нашу воду	Я плаваю, как птица,
Со страхом и тоской.	А друг мой – как топор...

Ничего себе похвала!?

– Я, конечно, обиделся, – вспоминал Сергей Петрович. – Как это, Коля, ты чего? Сравнил меня с топором? Разве ты не видишь, как я плаваю? На что Рубцов застенчиво отвечал, что, мол, это же

шутка, а если уж ты, Сергей, недоволен моей шуткой, то я, хочешь, сочиню другую. И сочинил, конечно, тут же. Но я эту, вторую его шутку, увы, не запомнил...

Известна миниатюра Николая Рубцова, посвящённая поэту Александру Александровичу Романову, который в то время возглавлял Вологодскую писательскую организацию.

Романов понимающе глядит,
А мы коньяк заказываем с кофе,
И вертится планета, и летит
К своей неотвратимой катастрофе...

*Дочь поэта Елена на могиле отца
на Пошехонском кладбище в Вологде*

Как ни покажется странным, к «жанру шутки» Николай Михайлович обращался довольно часто, если судить по записным книжкам и некоторым черновикам. Порой вместо написания «развёрнутого» стихотворения он и ограничивался «шуткой». Как в случае со стихотворением «Ничего не буду делать».

Год пройдёт... / другой... / А там уж – / Что тут много говорить?
Ты, наверно, выйдешь замуж, / Будешь мужу суп варить.

«Высекать огонь из слова!»

Теперь приступаю к самому главному.

«Столбиком» писал или не «столбиком»?

Знакомство с оригиналами, с черновиками стихов Николая Михайловича Рубцова, находящимися в Государственном архиве Вологодской области, производит потрясающее впечатление.

Оглушительное просто!

За внешней как бы непритязательностью и простотой, присущей его поэзии, открывается изнурительная, напряжённая работа, о которой читатель не догадывался. Да и не должен догадываться.

Ему не нужно об этом знать!

Поразительно, но едва ли не все из самых известных стихотворений Рубцова, в том числе и положенных на музыку, имели по два-три-четыре варианта. Отдельные строки – по пять-шесть-семь вариантов.

Невольно вспоминается изречение древних мудрецов: «Поворачивай стило!»

Если делать подробный анализ «творческой лаборатории» Николая Михайловича, то это выльется в отдельное обширное исследование.

Приведу лишь некоторые, наиболее характерные, примеры.

Возьмём стихотворение «Ночь на Родине», которое открывает книгу «Душа хранит», изданную ещё при жизни поэта (Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1969).

В черновиках читаем:

Высокие берёзы, глубокая вода.
Спокойные на них ложатся тени.
Влечёт воображенье, как рыбку невода,
Старинный возраст призрачных селений.
И поздний наш костёр, как отблеск детских лет,
Очаровал моё воображенье,
И дремлет на душе
Спокойный дивный свет,
И сгинул след недавнего крушенья.

А теперь мы видим то, что появилось **в окончательном варианте:**

*Ежегодно в Вологде проходит
музыкально-поэтический фестиваль «Рубцовская осень»*

Высокий дуб. Глубокая вода.
Спокойные кругом ложатся тени.
И тихо так, как будто никогда
Природа здесь не знала потрясений.

И тихо так, как будто никогда,
Здесь крыши сёл не слыхивали грома!
Не встрепет ветер у пруда,
И на дворе не зашуршит солома.

И редок сонный коростеля крик...
Вернулся я – былое не вернётся.

Ну что же? Пусть хоть это остаётся,
Продлится пусть хотя бы этот миг,

Когда души не трогает беда,
И так спокойно двигаются тени,
И тихо так, как будто никогда
Уже не будет в жизни потрясений.

И всей душой, которую не жаль
Всю потопить в таинственном и милом,
Овладевает светлая печаль,
Как лунный свет овладевает миром...

Как говорится, почувствуйте разницу между черновиком и окончательным вариантом.
Что же произошло?

А то, о чём и говорил Николай Михайлович – личные переживания приобрели масштабность, уже стали присущи не только автору, но и всем нам, всему миру.

Любопытно, на черновике гениального стихотворения «До конца, до смертного креста» какой-то издательский критик (так и хочется сказать – кретин) сделал заключение: «Много крестов, здесь можно обойтись и без них».

Вот уровень понимания Поэзии!?

Он определялся количеством крестов или ещё чем-то!

Ужас!

«Визитная карточка» Николая Рубцова – его стихотворение «Тихая моя Родина», которое он посвятил Василию Белову, имеет четыре (!) варианта. Причём варианты различаются и по объёму – количеству строк. Заключительная строка про «смертную связь» приходит к поэту не сразу: связь у него сперва «светлая», потом ещё какая-то, наконец – «смертная».

Открывая читателю «секреты» своей творческой работы, Николай Рубцов в одном из стихотворений, опубликованном в первой посмертной книге «Зелёные цветы», которую он составлял сам, писал:

Брал человек / Холодный мёртвый камень,
По искре высекал / Из камня пламень.
Твоя судьба / Не менее сурова –
Вот так же высекать / Огонь из слова!

Всё это возвращает нас к старой, как мир, мысли. Искусство, а поэзия Николая Рубцова – это искусство, обретает себя через самопостижение и труд.

Другого, увы, не дано!

Берега юбилеев

Светлана Савицкая

Светлана Васильевна Савицкая – писательница, журналистка, художник, бард, изобретатель, поэт. Член Союза писателей. Автор более 120 книг. Академик Международной академии интеграции науки и бизнеса с 2013 года, член-корреспондент Международной академии наук экологической безопасности, член-корреспондент Православной русской академии. Основатель и президент Содружества литературных сообществ «Золотое перо Руси»

Юрий Викторович Коноплянников – родился в 1950 году в Севастополе. В 1975 году окончил Государственный институт театрального искусства им. А. В. Луначарского, актёрский факультет (курс народного артиста СССР И. М. Раевского). В 1979 году актёр Калужского театра драмы. Лауреат литературной премии МГК ВЛКСМ, МО СП РСФСР, журнала «Москва» и издательства «Московский рабочий». Член Союза писателей. Автор книг «Вопрос», «Закладный камень», «От чистого сердца» и др. Член Союза кинематографистов России. Член Союза журналистов России. Обладатель ордена Державина и Национальной литературной премии «Золотое перо Руси»

ГЕРОЙ, КОТОРОГО НЕТ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

К 75-летию Юрия Коноплянникова

Каждый смысл понимает по-своему. Кто – за высокими ногами стремится. Кто – за длинным рублём. А кто-то красоту отделить не в праве от тепла материнских рук, разворота плеч мужиков на покосе, добротного пятистенка, сложенного от венца до обвязки по законам исконных традиций. У таких людей красота и доброта, по сути дела – одно и то же.

Когда мысли мои рисуют образ Юрия Коноплянникова, не могу сдерживать добрую улыбку. Не знаю, можно ли представить более приятного человека среди знакомых. Миролюбивого. Покладистого. Позитивного – как принято сейчас говорить. И опять же, как принято маркировать неугодных современников «токсичными» – вот эти самые токсичные элементы в личность Юрия от природы решительно не заложены!

Мы увиделись впервые достаточно давно, ещё в «лихие девяностые», когда наш отважный председатель МГО СП России Владимир Иванович Гусев вёл собрание, и так как был некогда чемпионом малого веса по боксу, то съездил «прямо» по физиономии одному выступающему не по теме «прямо» возле трибуны «прямо» на сцене Большого зала ЦДЛ под заслуженные аплодисменты повеселевших писателей.

В те годы и Союз писателей и ЦДЛ здорово лихорадило. Владимир Солоухин и Михаил Ножкин гоношили поэтический народец, чтобы восстановить храм Христа Спасителя. Переделкино начали переделывать в музейный парк для экскурсий. «Неделька в Комарово» стала проблематичной. Дом на Скорятинском нуждался в ремонте. Центральный Дом литератора с хорошими советскими традициями достался непонятно какому английскому клубу и с гордостью орла навесил на себя весьма понятную всем символистам табличку «Клуб». За остальной недвижимостью охотились то «новые русские», то «старые велосипедисты». СП СССР был переименован в Международное сообщество писательских союзов – МСПС. А Коноплянников, находясь на передовой этого «видимого фронта», чтобы спасти Дом Ростовых, просто ночевал в нём, отвоёвывая общеписательские, а теперь-то мы видим – общечеловеческие позиции.

Всё это можно, конечно, уравнивать и с другими членами СП, коих в Москве тогда числилось что-то около трёх с половиной тысяч, если мне не изменяет память. Но... Не все же отвоёвывали тогда справедливость. А единицы. Тотальное большинство писателей посиживало дома, попивало чаёк с баранками под враки на ТВ Лужкова, Ельцина и Горбачёва. Дожидаясь: авось оно там в СП как-то само собою рассосётся и заживут они как и прежде.

Повышенное чувство ответственности для Коноплянникова Юрия Викторовича всегда было нормой. Уверена. Сам он до сих пор и не считает это подвигом. Возможно, ему даже кажется, что так должен поступать каждый. Но почему-то поступает только один процент человечества.

А ещё мой отец Василий Петрович и Юрий Викторович связаны кинематографом. Только Тишков, мой папа, – сценарист. А Юрий Коноплянников – артист. Я бы не сказала, что они по жизни как-то особо дружили. Однако... «Профессий много, но прекрасней всех – кино! Кто в этот мир попал, на веки счастлив стал!» И когда они встречаются – я любуюсь обоюдной радостью. Тут уж просто искры летят в стороны! Глаза блестят! Смешные жизненные моменты вспоминаются. Не зевай, журналист, – бери диктофон и записывай! За полчаса на добрый репортаж фактуры набрать можно!

Однажды нас пригласили в Литинститут на творческий вечер одной скучнейшей поэтессы. Сидели мы, приунывали. Приунывали...

Открываю блокнот... Пишу скверну: «Убей поэтессу, спаси гектар лесу...»

Чувствую, кто-то меня за плечо тронул. Оглядываюсь – книженция. С автографом Коноплянникова. И – его фирменная симпатичная улыбка.

Ладно. Под монотонный декаданс «чтицы» открываю «Литературный дом», так называлась книжка, на середине, как это я люблю... читаю: «В годы нерушимой болгаро-советской дружбы В. Ф. (так, оказывается, у автора зашифрован знаменитый поэт Владимир Фирсов) по долгу службы часто бывал в Софии. Недавно вспомнил о ней:

– Такая тоска там терзала! Со скуки даже “Доктора Живаго” прочитал...»

...На этом моменте вечер поэтессы был напрочь испорчен, потому что с центральных рядов не умолкало «га-га-га» и «гы-гы-гы»...

Были в нашем общении и серьёзные моменты. Никогда не забыть товарищеского «чувства локтя». В годы пандемии мы организовывали церемонию, было приглашено более 200 человек из разных стран. И люди уже съехались в Москву, несмотря на препоны и преграды... За два дня до мероприятия раздался звонок, и нам безжалостно сообщили, что отказывают от зала. Конец октября. Холодина. Где проводить вручение? Звоню Юре.

Он уладил вопрос в течение 10 минут. И мы великолепно провели всё, что планировали, в Доме Ростовых.

Но этим история не закончилась. Через год нам для тех же целей снова понадобился зал. А биться за лакомый кусок – Дом Ростовых – тёмные силы не переставали с девяностых. И на данный момент здание, отнятое у МСПС, заняли другие люди. Охраннику был дан чёткий указ – Коноплянникова, председателя МСПС, не пускать. Не зная об этом, я обратилась в руководство Дома Ростовых через секретаря. Нам дали разрешение провести нашу церемонию.

Но был нюанс. Дать-то нам дали. Только с одним условием. «Если на мероприятии не будет присутствовать Ю. В. Коноплянников».

Писательские интриги меня в тот миг пробесили не на шутку. Оказавшись между двух огней, звоню Коноплянникову. Так и так, говорю, мол, подлая я тварь. Пойми, если сможешь. И прости. Я тебя предала. Но за мной – люди. Их много... Я выбираю... церемонию...

Знаю – скверно поступила с тем, кто спас меня в тяжелейшей ситуации и протянул руку помощи. Но сам Юрий отнёсся к этому весьма философски. И даже не рассердился. Ну, или виду не показал. Об этом он никогда не вспомнил. По прошествии времени я расцениваю это как высшее проявление милосердия. Это редкое свойство характера – милость Божья. Истинное душевное благородство. Рыцарство без страха и упрёка. Вот что для меня значит Юрий Викторович Коноплянников.

Из этого я поняла – его личностное философское восприятие людей вообще, и среди них меня – не делит свойства их на достоинства и недостатки. Всё это – особенности. Он так людей и воспринимает – целиком со всеми прибабасами. И не сердится, если кого-то «жёстко заклинивает на поворотах».

Не скрою – и это ещё не было концом той сложнейшей ситуации. Ещё через год, когда подошёл срок проводить новое мероприятие, та самая секретарь, что связывала меня с новым руководством Дома Ростовых, заведомо в начале лета предупредила, что ОНО ни при каких обстоятельствах не

даст нам снова зал. Причина оказалась очень смешной, с моей точки зрения. «Савицкая гребёт золото лопатой и ни с кем не делится». Я смеялась от души, сказав себе: «Пусть так думают!!!» Но, несмотря на предупреждение, тут же набрала тот самый номер телефона. Мне, конечно же, не ответили. Куда там! Мы ж наверху такие важные-многоэтажные! Отправила СМС с запросом снять зал для осенней церемонии. Но через 10 минут перезвонила новая секретарша: «Мне сказали, что вы хотите снять зал. Но беда в том, что до конца года все часы в Доме Ростовых уже запланированно заняты с раннего утра до позднего вечера». Мой ответный смех её ошарашил. Все ж прекрасно знают, что теперь этот «заколдованный дом с привидениями» 90 % времени пустует!

И ещё меня удивил кармический закон «бумеранга», которым защищены все творческие люди Высокого ранга, такие как Коноплянников. На сей раз досталось мне. Но, не обойду молчанием, не очень больно. Так вот, вернёмся к Юрию Викторовичу.

Сколько бы мы ни беседовали – случайно или не случайно, по делу или по необходимой срочности – это всегда доставляет эстетическое удовольствие. Усыпанные анекдотами, занятыми воспоминаниями, отнюдь не злобным юмором, наши длинные или короткие беседы носят принцип: «моя добыча будет твоей» – мы охотно делимся новостями и жизненными открытиями. Беседуем практически на равных, несмотря на гендерные, какие-то статусные или возрастные различия. И, что приятно, – в общении Коноплянникова со мной, или не со мною, другими членами СП, нет ни сплетен, ни грязи, ни грызухи, ни подводных скользких ухаживаний. Я бы назвала систему его коммуникативных связей с окружающими людьми – Высокими Отношениями.

Может, однажды я и напишу рассказ, как божественно-красивый мальчик Юра в деревне у бабушки подражал птицам, а потом из него вырос великий артист и художник. А может, о том, как он запоем читал книги где-нибудь так в 7-м классе и дальше, как и всё наше великое поколение, выросшее в СССР. Как он самозабвенно и ответственно играл в футбол и даже закончил спортивную школу, получив свидетельство судьи третьей категории всесоюзного масштаба! Как добросовестно отслужил в армии и затем, находясь в запасе, получив звание капитана, всегда отдавал и отдаёт предпочтение людям в форме.

Может, однажды я напишу рассказ об истинном художнике, создавшем дюжину книг и снявшемся во множестве фильмов, впрочем, для творческой личности не имеет значения, чем бы он занимался. Он бы, как Юрий Коноплянников, профессионально работал бы во всех жанрах. И за что бы ни брался, старался бы не на уровне профана, лишь бы показать, что он что-то умеет, а всегда подходил бы к работе серьёзно и ответственно. Брался ли за перо, выходил ли на сцену, стоял ли перед камерой.

Вот такой положительный герой, совершенно не легкомысленный, нисколько собой не любующийся и не гордящийся, самоотверженно работающий на общество, созидающий старающийся старатель, которого я пока не встречала в художественной литературе сегодняшнего времени, отдавал бы себя без остатка. А что касается того, насколько это возвеличивает или не возвеличивает, ему бы не было до того никакого дела.

Юрий Викторович как-то сказал: «Я всё время стараюсь приблизиться к тому, кто творит добро, кто всегда устремлён ввысь, и пишу одну и ту же книгу...»

Наверное, он прав. Он всё это время, пока живёт, создаёт собственное, устремлённое ввысь «бытие», от которого «всем светлей, и слону, и даже маленькой улитке».

Я бы написала рассказ о том, что Союз писателей СССР, на который молилась вся страна, нигде не исчез. Превратившись в МСПС, он, благодаря моему главному супергерою, «несмотря на происки империализма и международной реакции», уцелел бы. Из МСПС не вышел бы, как это и есть на самом деле, ни один юридический член. А члены Союза писателей обрели бы... чёрт возьми, прежние тиражи, вошли бы стройными рядами в школьную программу и получили право экранизации на киностудии «Мосфильм»!

Только не знаю, где его публиковать. Поэтому в конце расскажу шутку из жизни в стиле Юрия Коноплянникова. В те самые времена, когда я ещё верила, что издательства публикуют талантливые произведения русских писателей, я набрала в каком-то дорогом супермаркете цветных лаковых журналов. Отобрала несколько самых ласковых сказюлечек и отправила по всем адресам редакций. 27 из них просто ничего не ответили. А вот с 28-й произошёл сбой. Вместо того, чтобы отправить мой текст редактору, текст с ответом попал на мой адрес, и вот я прочла: «...тут какая-то дура уже на 25-й адрес высылает мне своё г@вн@, думая, что мы издаёмся в России...»

Тут я и вспомнила о докторе Живаго!

Берега юбилеев

Александр Герасимов

Александр Владимирович Герасимов – прозаик, драматург, журналист. Родился в таёжном Приамурье. На Дальнем Востоке работал учителем, редактором газет и телевидения, генеральным директором государственной телерадиовещательной компании «Амур», трижды избирали председателем Амурской областной организации Союза журналистов России. С 2011 года живёт в Калининграде. Рассказы и эссе публиковались в России, Австралии, Германии, Канаде, Чехии. Спектакли по пьесам поставили десятки театров России, Казахстана, Латвии, США, Украины. Заместитель главного редактора журнала «Берега». Член редакционных коллегий литературных журналов России и Германии. Награждён орденом преподобного Сергия Радонежского Русской

православной церкви, заслуженный работник культуры РФ

Уважаемый, дорогой Александр Владимирович!

Редакционный совет, Ваши читатели и почитатели сердечно поздравляют Вас с 70-летием! Вы входите в число писателей «Золотого фонда» журнала «Берега», и мы рады выразить Вам огромную, безбрежную благодарность за Ваш талант, за вклад в развитие русской литературы! О Вас знают и помнят в разных уголках нашей планеты

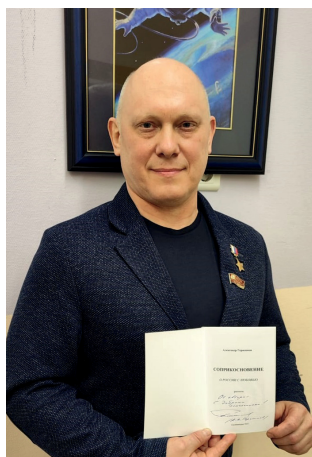

Фото из Московского музея космонавтики. Герой России лётчик-космонавт Олег Германович Артемьев с книгой А. В. Герасимова «Соприкосновение. О России с любовью». В 2022 году брал её в экспедицию на Международную космическую станцию. Книга, побывавшая на околоземной орбите, передана в экспозицию космического музея.

В первом номере 2024 года было опубликовано Приветствие О. Г. Артемьева к 10-летию юбилею журнала «Берега»: «Желаю главному редактору замечательной Лидии Довыденко и талантливым авторам журнала вдохновения, творческих успехов и благодарных читателей!»

Книга избранных рассказов и эссе «Созвучия» разлетается по белому свету. Фото из Королевства Таиланд. Настоятель православного Храма Святой Живоначальной Троицы на Пхукете о. Роман. После службы с книгой А. В. Герасимова «Созвучия» в руках.

Презентацию книги «Созвучия» в литературном клубе «Вдохновение» при Центральной библиотеке Архаринского округа Приамурья провели в канун Дня России. Из года в год из сёл, кордонов и урочищ таёжного округа собираются в библиотеке поэты и прозаики – от

школьников до пенсионеров, обсуждают написанное, делятся творческими планами. «Я и сам – член клуба, – пишет Александр Владимирович, – хотя давно живу в Калининграде, тысячи километров не разделяют, у литературы нет расстояний. Помогаю землякам публиковаться в солидных литературных журналах, альманахах, российских и зарубежных. Выходили произведения в журнале “Берега”, его номера есть на полках библиотеки, востребованы читателями. Возможно, по всей великой нашей России второго такого литературного клуба не сыскать!» (Руководитель – Анна Анатольевна Проскурякова – крайняя справа).

Фото с родины

САМАЯ ПРЕКРАСНАЯ БАБУШКА ЯГА

Сказка для детей и взрослых

(пьеса в двух актах для интерактивного спектакля)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Бабушка Яга

Дед Мороз

Дракон, он же Шут, Стражник

Кот в сапогах

Снегурочка

Действие происходит в театре-постановщике.

АКТ ПЕРВЫЙ

Звучат первый и второй театральные звонки.

Свет в зале гаснет, но занавес ещё опущен. Слышен звук пылесоса.

Из-за кулисы пятится на сцену рыжая уборщица (Б а б у ш к а Я г а).

Бабушка Яга *(выключает пылесос).* Эх, не те метлы пошли! Разве это метла? Ни пыли, ни радости. Раньше-то я в лесу жила. В избушке на курьих ножках. Вот там была метла. И подметала! И летала! *(Мечтательно.)* А уж как хорошо в нашем дремучем лесу было! Грибы собирала, сушила. Из земляники варенье варила. С Кикиморой болотной ссорилась. Вредная эта Кикимора. Не разрешала мне клюкву на болоте собирать. А сама по ночам землянику с моей полянки воровала. Нацепляет на лоб жучков-светлячков, чтобы ей в ночи видно было, и шастает, как привидение. Тьфу, нечистая! Даже Медведь со страху из лесу убежал и в цирк гимнастом устроился. А Лешего раз так напугала, что бедняжка сто лет от заикания лечился. *(Вздыхает.)* Где все сейчас? Леший – мой дружок... Кикимора – подруженька... Тоже, небось, в городе живут. Поди, старые стали? Я-то ещё ничего... *(Достаёт косметичку с зеркальцем, пудрится.)* Милашка! Хоть замуж отдавай. *(Поёт.)*

Ах, какую была я красоткой-цветочком!

В поднебесье на новенькой ступе летала.

А избушка моя по чащобе и кочкам

Вслед за мною на ножках цыплячьих скакала.

Увивался Горыныч, клянясь головами,

Сразу всеми: мол, нравишься папе и маме.

А Кощей, тяжким златом призывно звеня,
Не Ягою, а Ягодкой кликал меня.
Какие яркие в то время были краски,
И жизнь моя была чудесней сказки.

Всё проходит, что было, – с этим надо смириться:
Ступа треснула, ноги избушки замшели.
Да и мне уже триста, а вовсе не тридцать,
И порою с клюкою хожу еле-еле.
Но бывает, неожиданно, совсем без причины
Сердце бьётся сильнее при виде мужчины.
Захочу вдруг, чтоб кто-нибудь, взглядом маня,
Не Ягою, а Ягодкой кликал меня.
Да, время мчит, но не тускнеют краски:
Жизнь и сегодня может быть, как в сказке.

(Задумчиво.) Может, и вправду замуж выйти? А то что-то засиделась в девоньках.

Из-за противоположной кулисы слышен голос: «Выходите!»

Б а б у ш к а Я г а всматривается в сторону голоса.

Бабушка Яга. Замуж выходить?

Голос. Выходите! Идите!

Бабушка Яга. За кого идти-то?

Голос. Идите! Ко мне идите!

Бабушка Яга. К вам замуж идти?

*Из-за кулисы выходит Д е д М о р о з в каске театрального пожарного,
это он звал Б а б у ш к у Я г у.*

Бабушка Яга (кокетливо). Вы мужчина, конечно, симпатичный. Но старенький. Я ещё подумаю над вашим предложением.

Дед Мороз. Извините, бабушка, я просил вас со сцены выйти, а не замуж за меня идти. Спектакль сейчас начнётся.

Бабушка Яга. Правда? (Смотрит в зал.) Ой! (Почти испуганно.) Здравствуйте. А вы кто? Зрители? Ой, ещё раз здравствуйте.

Дед Мороз (к залу). Дети, с вами поздоровались, а вы молчите. Что надо сказать в ответ?

Бабушка Яга. В ответ надо сказать: «Здравствуйте, дорогая Бабушка Яга! Как поживаете?» Ну, и всё такое прочее. Дети просто растерялись. Я ведь тоже растерялась. Это раньше я была находчивой, когда в туристической фирме сказочной Бабой Ягой работала. На неведомых дорожках следы невиданных зверей туристам показывала. А когда все дорожки экскурсии повитоптали, в театр уборщицей устроилась, чтобы ближе к сказкам быть. Со вчерашнего дня в театре работаю. Мечтаю снова в какую-нибудь сказочную историю попасть, да никто не зовёт.

Дед Мороз (вздыхает). Сочувствую. Меня, Деда Мороза, тоже не часто приглашают. Исключительно на Новогодние утренники. И только зимой. Приходится в остальные времена года театральным пожарным трудиться.

*Звучит третий звонок. Занавес приходит в движение.
Видна ширма – стена мрачного сказочного замка.*

Бабушка Яга. Ой! Так ведь спектакль начинается, а мы сцену занимаем. Бежим!

*Подхватив пылесос, Б а б у ш к а Я г а и Д е д М о р о з пытаются бежать,
но их останавливает громогласный окрик: «Стойте! Не двигайтесь!»*

Дед Мороз. Стоим.

Бабушка Яга. Не двигаемся.

Над ширмой – стеной замка – появляется огромная голова Д р а к о н а.

Дракон (громогласно). Всем бояться! А то весь вылезу! Вот то-то же! (Далее говорит мягко и приветливо.) Что? Испугались? Правильно, правителя Дракона все должны бояться. Только так в нашей сказочной стране будет спокойствие и порядок. Кто боится Дракона, тот уважает власть и с уверенностью смотрит в завтрашний день. Потому что завтра будет так же, как сегодня. Только те, кто боится, – счастливы по-настоящему. Это все правители знают. Надеюсь, подданные, вы счастливы безмерно и невероятно? (Громогласно.) Не слышу ответа!!! Счастливы?!

Дед Мороз. Пока не знаем. Вообще-то мы не из вашей сказки и случайно здесь оказались.

Бабушка Яга. Ну, не совсем случайно. Я пыль убирала, размечталась. Думала, что замуж кто позовёт. А тут дедушка...

Дед Мороз. А тут я её позвал....

Дракон (перебивая). Замуж? Позвал? Вы двое решили пожениться? Нет проблем! Играем свадьбу! Немедленно! Свадеб у нас давно не играли. Как в прошлые сто лет Муху-Цокотуху за Комарика замуж выдали, так все сказочные свадьбы и закончились.

Дед Мороз. Но...

Дракон. Никаких «но»! Всем бояться!!! Эй, есть кто-нибудь из брачного агентства?!

Выбегает Кот в сапогах с саквояжем. Сняв шляпу, проносится по сцене, расшаркиваясь перед зрителями и актёрами.

Кот в сапогах. Мяу-мяу! Добрый день! Свадебное агентство «Муси-Пуси в вашем вкусе»! Свадьбы и торжественные бракосочетания на самом высоком профессиональном уровне! (Раздаёт визитки.) Рекомендации лучших королевских домов Европы. (К зрителям.) Кот в сапогах! Надеюсь, вы немножко помните, как ловко я сосватал и женил сына мельника на дочке короля? О, ля-ля! Между прочим, от меня в приданое этот оболтус получил титул маркиза и обширные земли великана Карабаса. А где у нас жених? А кто у нас невеста? Эти? Бывает... Ну, ничего-ничего. Если недотёпу младшего сына мельника я сумел женить на богатой красавице принцессе, то почему бы старенького Деда Мороза не поженить на престарелой Бабушке Яге?

Бабушка Яга. Я попросила бы!

Кот в сапогах. Прошу прощения, мяу, душечка! На бывлой красавице – Бабушке Ягушечке! (Оценивающе смотрит на Деда Мороза и Бабушку Ягу.) Невесте наденем фату. (Достаёт из саквояжа несколько разноцветных комплектов фаты, выбирает зелёную.) Под цвет глаз! (Передаёт фату «невесте».) С женихами всегда немножко проще. Жениху сбреем бороду! (Достаёт бритву с помазком.) Мяу-мяу! Согласны?

Бабушка Яга (восторженно). Согласны!

Дед Мороз. Нет, не согласны. Во-первых, если мне бороду сбредут, то никогда Новый год не наступит. Потому что Новый год не бывает без Деда Мороза, а Дед Мороз без бороды не настоящий. Во-вторых, я вообще жениться не собирался. А если бы и собрался жениться, то только с одобрения внучки Снегурочки. Вот.

Дракон. Да?

Дед Мороз. Да. То есть не «да», а «нет». Нет! Жениться без бороды и без внучки не буду.

Дракон. Так. Слушайте мой указ. Фату надеваем. Бороду не бреем. Телевидение приглашаем. Снегурочку ищем. Свадьба через час. (Голова Дракона скрывается за стену.)

Кот в сапогах. Мяу-мяу? И где мы ищем Снегурочку?

Бабушка Яга. Наверное, в лесу под Новогодней ёлкой.

Кот в сапогах. Не знаю – не знаю. До Нового года немножко далеко. Что ей в том лесу делать?

Дед Мороз (лукаво). Если внучка на роль Белоснежки в какую-нибудь сказку устроилась, тогда, может, и в лесу весёлые хороводы с гномами водит. Но если в другую сказку Золушкой пошла, – то на балу в хрустальных башмачках с принцем танцует. Она просто безумно обожает танцевать, и к тому

же божественно красива. (*Улыбается, пожимает плечами.*) Сказок много, и всем нужны прекрасные девушки, умеющие танцевать и любящие веселиться.

Бабушка Яга (*саркастично*). Это нам трудно место в сказках найти, а молодым и длинноногим у нас везде дорога.

Кот в сапогах. Мяу! Всё понятно. Искать не будем. Снегурочка любит веселиться и танцевать. Включим немножко громкую весёленькую музыку, – сама к нам прибежит. Как говорится, немножко мышка попадёт в ловушку. Мяу?

Дед Мороз (*с надеждой*). Но мы же не из вашей сказки.

Голова Дракона высовывается из-за ширмы-стены.

Дракон. Уже из нашей. Всем бояться! А то весь вылезу! Молодые, готовимся к свадьбе!

Голова Дракона скрывается. Из потайной дверцы ширмы-стены замка выбирается маленький Шут, обтряхивает от пыли шапку с рожками и бубенчиками, прислушивается.

Дед Мороз. Вот так, на старости лет поженят и согласия не спросят.

Бабушка Яга. А я молодой побыть не возражаю. Молодой! В мои-то годы!

Дед Мороз. А я молодым быть не желаю. У меня борода седая.

Кот в сапогах (*игриво*). Мяу! Седина в бороду – немножко бес в ребро! Будем танцевать и веселиться!

Кот в сапогах достаёт из саквояжа плеер, прикладывает к уху, подбирает музыку.

К Бабушке Яге и Деду Морозу подходит Шут.

Шут (*участливо*). Не успели пожениться, а уже ссоритесь. Может, я смогу вам помочь? Вас Дракон обидел?

Бабушка Яга. Меня он не обижал. Даже наоборот. Обходительный такой. Молодой назвал.

Шут. Да вы не бойтесь, я никому не скажу. Обидел-обидел, признайтесь. Хотите, пойдём на болото и громко скажем всё, что мы о Драконе думаем. Там нас никто не услышит. (*К Деду Морозу.*) Ведь обидел, да? Я по глазам вижу. Тиран. Да? Деспот?

Дед Мороз. Вообще-то я не могу так категорично утверждать.

Шут. Может, диктатор? Жестокий! Коварный! Безжалостный! Мучитель! Душегуб!

Дед Мороз. Пожалуй, это слишком.

Шут. Самовластец? Самоуправец? Не подходит? Узурпатор! Нет? Тогда – сатрап!

Бабушка Яга. А сатрап – это кто?

Кот в сапогах (*вмешивается в разговор*). Сатрап – немножко то же, что и узурпатор. Власть против воли народа захватил, принуждает всех поступать по его прихоти, не считается с чужими мнениями. Такой тип руководителя. Администратор-самодур. Не встречали таких?

Дед Мороз. Нет, в нашем театре хороший администратор. И директор хороший, и бухгалтер, и билетёр Валентина Петровна.

Шут. А главный режиссёр?

Дед Мороз. У него работа нервная. А человек он хороший. Очень творческий.

Шут. Но ведь жениться вы не хотите. А Дракон заставляет.

Бабушка Яга. Вы, гражданин, за других не заявляйте. Хочет – женится, не хочет – не женится, в нашем коллективе каждый сам решает. Главное, чтобы все ноги вытирали, когда с улицы в театр заходят.

Кот в сапогах. Мяу! Нашёл! Как вам мотивчик? (*Включает плеер.*)

Весёлая мелодия поневоле вынуждает всех пуститься в пляс.

Бабушка Яга, попытавшись увлечь быстрым танцем Деду Мороза (тот только топчется на месте), подхватывает Шута, и они, подпрыгивая, вихрем кружат по сцене.

Шут. Никогда так не веселился!

Бабушка Яга. Ой! Я тоже. А вы такой шалун.

Шут. Я ещё и не так могу. Кстати, вы не знакомы со старинным народным танцем «Король, Козёл и Принцесса»?

Бабушка Яга. Как смешно, ха-ха, «Король, Козёл и Принцесса»! Меня танцевать научите?

Шут. Легко! Руку сюда! Ножку отводим в сторону! Голову откинули назад! Танцуют все! И – начали! (*Напевает песенку, подпрыгивает.*)

Шёл король по лесу, по лесу, по лесу.
Нашёл себе принцессу, принцессу, принцессу.
Давай с тобой попрыгаем, попрыгаем, попрыгаем.
Ножками подрыгаем, подрыгаем, подрыгаем.
Ручками похлопаем, похлопаем, похлопаем.
Ножками потопаем, потопаем, потопаем.

Шёл козёл по лесу, по лесу, по лесу.
Нашёл себе принцессу, принцессу, принцессу.
Давай, коза, попрыгаем, попрыгаем, попрыгаем.
Ножками подрыгаем, подрыгаем, подрыгаем.
Ручками похлопаем, похлопаем, похлопаем.
Ножками потопаем, потопаем, потопаем.

*Персонажи с удивлением смотрят, потом подхватывают песенку,
дружно прыгают и хлопают в ладоши.*

Кот в сапогах выбегает на авансцену, пытается дирижировать залом.

Кот в сапогах. Все вместе! Поём и хлопаем в ладошки! Молодцы! Ещё громче!

*В самый разгар весёлой пляски, музыкальная тема сменяется, звучит светлая мелодия,
в неё вливаются трели соловья и журчание ручья. От неожиданности все в неуклюжих позах
замирают на месте. На сцену «вплывает» Снегурочка. Она очаровательна.*

Снегурочка (*поёт*).

На лесных тропиночках в сказочной стране
Хорошо так дышится и поётся мне.
Птички заливаются, шелестит листва,
Что-то шепчет нежное летняя трава.
Говорят, Снегурочке вредно жить в тепле –
Что ж, рисует иней мне лето на стекле?
Как увижу пальмы я и цветы зимой –
Сразу в лето хочется убежать самой.

(*Замолкает и удивлённо оглядывает присутствующих.*) Добрый день! Я здесь прогуливалась. Неподалёку. И услышала музыку. У вас бал или вечеринка?

Кот в сапогах (*поперхнувшись*). У нас корпоратив: помолвка и свадьба. Два в одном. А вы, ба-рышня, кто будете?

Дед Мороз (*трагично*). Снегурочка, ну зачем ты пришла?

Снегурочка. Я услышала музыку.

Кот в сапогах. Мяу-мяу. Мышка попалась.

Бабушка Яга (*визжит*). И-и-и! Ой! Где мышка? Я боюсь мышей!

Снегурочка. Ничего не понимаю. Какая мышка? Почему мне не рад мой дедушка? Какая-то свадьба... А кто жених и где невеста?

Дед Мороз. Жених – это я.

Снегурочка. Как интересно! Поздравляю, дедушка! А кто невеста? Добрая Фея из сказки про Золушку? Я помню, как на прошлом Новомоднем балу она тебе глазки строила. Вот так *(показывает)*.

Дед Мороз. Нет, не добрая Фея.

Снегурочка. А-а! Я догадалась! Билетёрша Валентина Петровна! Хорошая женщина. Я её с самого раннего детства знаю. Она меня бесплатно на дневные спектакли пускала. Стульчик у входа мне ставила, по головке гладила, про тебя, дедушка, расспрашивала и вздыхала. Вот так *(показывает)* вздыхала. Очень добрая. Я угадала? Валентина Петровна?

Дед Мороз *(всхлипывает)*. Нет. Не Валентина Петровна. Но её ты тоже с детства знаешь.

Снегурочка. Кто же это? Кто? Кого же ещё я с детства знаю?..

Кот в сапогах. Мяу. Вас, барышня, в детстве ею немножко часто пугали, когда вы манную кашу кушать отказывались. Мяу-мяу?

Снегурочка. Не может быть! Я всегда любила манную кашу.

Дед Мороз. Может, внучка, может. Это... это... *(трагично)* Бабушка Яга! Я пообещал, что женись, если ты, Снегурочка, не будешь возражать.

Снегурочка. Дедушка, твой выбор, конечно, неожиданный. Но если у тебя серьёзные намерения, – я возражать не стану.

Бабушка Яга. Зато я буду возражать! Я за вашего дедушку замуж не пойду!

Снегурочка *(возмущённо)*. Как это? Да как вы можете такое говорить? Да что вы себе позволяете? Вы... вы обязаны за моего дедушку замуж выйти!

Бабушка Яга. Я другого полюбила!

Немая сцена. Ш у т незаметно для окружающих исчезает за потайной дверцей ширмы.

Бабушка Яга *(страстно, прикрыв глаза)*. Это была любовь с первого взгляда. Он покори́л моё сердце... *(Поёт.)* «Любви все возрасты покорны, её порывы благотворны...» Нет, это – из другой сказки.

Кот в сапогах. Мяу! В нашей немножко не так.

Бабушка Яга. Да! *(Поёт.)*

Любовь ко мне явилась снова.
Я ею, как вином, пьяна.
Я полюбила молодого –
Так в чём же, в чём моя вина?
Пусть на меня свалился морок:
Мне триста с гаком, а ему,
Наверно, тридцать, может, сорок...
Но в чём преграда – не пойму.

Твердят: «...все возрасты покорны» –
В виду имея, что всегда
Муж – старичок, весьма упорный,
Жена – как в сказке, молода.
А у меня своя морока:
Мне триста с гаком, а ему,
Как ни крути, не так уж много,
И что мне делать, не пойму.

(Вздыхает.) Вот такие, мои милые, дела.

Снегурочка *(промокнув слезинки у глаз)*. Неужели так бывает?.. Как в книжке. Нет, как в кино. Даже ещё интереснее.

Дед Мороз. Как в театре.

Бабушка Яга *(вздыхает)*. Да, как в театре. Сегодня самый счастливый день в моей театральной жизни.

Снегурочка. Хотя вы, возможно, разбили сердце моего дедушки, мне так и хочется спросить: а кто он – ваш избранник? Как его зовут?

Бабушка Яга. Кто? Красавец-мужчина. А как зовут, я спросить не успела. Да он же здесь. (*Оглядывается.*) Был здесь. Только что был.

Снегурочка. Красавец? Мужчина? Здесь? Не видела.

Кот в сапогах и Дед Мороз смотрят друг на друга, пожимают плечами.

Бабушка Яга. Вы, наверное, шутите. Спрятали моего возлюбленного и хотите меня разыграть. Ха-ха. Смешно. Ха-ха. Пошутили и хватит. Милый, где вы?

Кот в сапогах. Бабушка, это у вас от счастья немножко слишком голова закружилась. Ваш возлюбленный перед вами. (*Показывает на Деда Мороза.*) Ку-ку, мяу-мяу! (*К залу.*) С невестами перед бракосочетанием и не такое случается. (*Неопределённо крутит лапкой у виска.*) У вас свадьба через семнадцать минут.

Дед Мороз (*обречённо*). Уже через шестнадцать минут и сорок восемь секунд.

Бабушка Яга. Я протестую! Я за Дедушку Мороза выходить не буду! Верните милого! А то хуже будет!

Дед Мороз. Ничего не понимаю. Мне уже не надо жениться? (*Радостно.*) А что мне делать?

Снегурочка. Как интересно! Как всё загадочно. Как всё запутанно.

Кот в сапогах. Как всё запущенно. А что скажет Дракон? А вдруг он сейчас вылезет, а?

Голос Дракона. Вылезу. Весь вылезу.

Кот в сапогах. Вы слышали?

Снегурочка. А кто это?

Кот в сапогах. Дракон. Кто же ещё? Правитель местный. Немножко ужасно страшный. Голова во-о-от такая.

Голос Дракона. А ещё у меня есть когти метровые. Хвост с шипами. И крылья перепончатые. (*Громогласно.*) Всем бояться! А то весь вылезу!

Снегурочка. Какая прелесть! А вы скоро к нам присоединитесь?

Голос Дракона. Не понял. Кто посмел меня не бояться?!

Дед Мороз (*к Снегурочке*). Внучка, скажи ему, что ты боишься. Ты же воспитанная девушка.

Кот в сапогах. Да-да, скажите. И у нас проблем не будет. И ему, правителю, понравится.

Снегурочка. Ну, раз вы просите. Так и быть, скажу. Ах, как я испугалась. Страшно-то как!

Голос Дракона. А вы не шутите?!

Снегурочка. Нисколько. А вам приятно, что я вас испугалась?

Голос Дракона. Приятно. Это каждому правителю приятно. Всем бояться! А то!.. То-то же! Так и быть: не буду вылезать.

Бабушка Яга. Нет, вылезайте! Извините, уважаемый Дракон, но я за Дедушку Мороза замуж не пойду! Я другого полюбила. А он внезапно исчез. И вы должны помочь мне его найти. А свадьбу вы мне обещали. И вылезти вам придётся!

Голос Дракона. Вот ещё. Некогда мне. Вообще-то я срочно к царю Гороху в Тридевятое царство улетаю. На международный саммит. Всё. Лечу. Всем бояться и с уверенностью смотреть в завтрашний день. Лечу-у-у! (*Голос удаляется.*)

Дед Мороз (*смотрит из-под руки*). Не видать. Наверное, низенько полетел, к дождю.

Снегурочка. Как всё странно. Улетел на какой-то загадочный саммит. А что это такое?

Кот в сапогах. Саммит? Вечеринка для правителей. Они круглый год на эти вечеринки друг друга в гости приглашают. (*Прикрывает лапкой рот.*) Между прочим, за казённый счёт.

Дед Мороз (*вздыхает*). А меня только на детские утренники приглашают. И в основном за счёт родителей.

Бабушка Яга (*отмахиваясь*). При чём здесь это? Сколько ни вздыхай, а милого искать надо. Фата есть. А жениха нету.

Снегурочка. Бабушка, а ваш возлюбленный знает, что он ваш жених? Ведь вы даже имени у него не спросили.

Бабушка Яга. Не спросила, не знает. Спрошу, узнает. Пусть это будет для него сюрпризом. Ой, милый, как вас зовут? Ау, милый! Милый, вы мой жених!

Дед Мороз (*радостно*). А может, нам собаку-ищейку пригласить?! И пустить её по следу этого жениха-невидимки, а?

Кот в сапогах. Мяу! Протестую! Давайте обойдёмся без собак. (*К залу.*) Знаете, иногда встречаются немножко очень невоспитанные собаки. Они не носят сапог и даже не снимают шляпу при встрече с дамами. (*К присутствующим.*) Предлагаю для начала выяснить – кого мы ищем.

Снегурочка. Бабушка, вы сказали, что это был красавец-мужчина. Что он был здесь, а потом исчез. Правильно?

Бабушка Яга. Правильно.

Снегурочка. Но почему его никто не запомнил? Как красавец выглядел?

Дед Мороз. Да, и чем он здесь занимался?

Бабушка Яга. Ну, он такой... (*Мечтательно крутит в воздухе пальцами.*) Он с вами, дедушка, разговаривал.

Дед Мороз. Разговаривал со мной?!

Бабушка Яга. Да. А со мною танцевал. Это было так восхитительно!

Кот в сапогах. Я понял! Это тот в шапочке с бубенцами. Маленький такой, танцевал тут и прыгал, как козёл.

Бабушка Яга. Я попросила бы!

Кот в сапогах. Простите, мяу! Немножко такой – изящный, миниатюрный! И танцевал как...

Бабушка Яга. Как козлик!

Кот в сапогах (*вздыхает*). Это любовь... Любовь зла... Бывает и хуже. Я знаю, куда он исчез.

В с е (*хором*). Куда?

Кот в сапогах. В мышиную норку. (*Подходит к ширме-стене замка, показывает на потайную дверцу.*) Вот в эту. (*К залу.*) Всегда обращаю внимание на такие норки. В юности на мельнице я был немножко очень ловким охотником. Эта сноровка, мяу, мне здорово помогла в схватке со злодеем Карабасом. Помните, глупый великан превратился в мышку, а я его – хватить!

Бабушка Яга. Я пойду за ним! За моим любимым. (*Пытается пролезть в дверцу.*)

Дед Мороз (*не пуская Бабушку Ягу*). Не спешите. Это может быть чрезвычайно опасно. Ведь там логово Дракона.

Бабушка Яга. Для настоящей любви преград не существует. (*Силой отодвигает Деду Мороза.*) Я его спасу от лап Дракона. Пустите, а то хуже будет!

Кот в сапогах (*к залу*). А я что говорил. (*Разводит лапками.*)

Дед Мороз (*к Бабушке Яге*). Я так благодарен, что вы не хотите выйти за меня замуж. Поэтому никогда вас не брошу. Я с вами.

Снегурочка. Дедушка, и я с вами! Я вас одних не отпущу!

Кот в сапогах (*к Бабушке Яге*). Не бойтесь Дракона? Нет? А если в норке мышки?

Бабушка Яга (*визжит.*) И-и-и!

Кот в сапогах (*вздыхает*). И что же? Придётся и мне идти. Кто же нашу Бабушку Ягу от мышек защитит? Но только учтите: за сказочной стеной этого замка мы с вами сами станем куклами. И будем ими, пока не выберемся обратно. И – вернёмся ли? Этого никто не знает. Вам немножко не страшно?

Снегурочка. Что вы! Забыли, что в нашем театре все сказки хорошо кончаются?

Кот в сапогах. Не знаю – не знаю. Я в эту сказку первый раз попадаю. И кто нам, если потребуется, на помощь придёт?

Дед Мороз. С такой компанией, да с любимой внучкой лично я ничего и никого не боюсь.

Бабушка Яга. А на помощь, если надо, к нам дети придут. (*К залу.*) Поможете, детишки? Не слышу. Поможете? Помогут.

Кот в сапогах. Позвольте, я первым пойду. Потому что там немножко темно. А мы, коты, и в темноте всё видим.

Кот в сапогах и компания пролазят в потайную дверцу. Затемнение.

АКТ ВТОРОЙ

Затемнение сцены. Слышны грохот и голоса: «Темно-то как!», «Как романтично!», «А что это такое лохматое?», «И-и-и! Ой! А это не мыши?», «Это паутина, мяу, не бойтесь!».

*Вспыхивает освещение. На ширме перед башней замка куклы:
Бабушка Яга, Дед Мороз, Кот в сапогах и Снегурочка.
Все с удивлением оглядывают себя и окружающих.*

Снегурочка (отряхивает рукав). Какая прелесть: я вся в паутине!

Бабушка Яга (смотрится в зеркальце). Неужели это я? Ой, какая красавица! Как куколка!

Кот в сапогах (облизывает лапки). Чувствую себя маленьким, мур-мур, котёнком! (К Деду Морозу.) Дедушка, вы мне кого-то напоминаете. Вы случайно в (называет адрес театра – постановщика спектакля) не проживали?

Дед Мороз. Кто? Я? Шутите. В доме под номером (повторяет адрес постановщика спектакля) театр располагается. (С гордостью.) Я в этом театре пожарным служу! И вовсе не случайно. А где моя пожарная каска? (Хватается за голову.) Уф, на месте!

Бабушка Яга. Мы действительно стали куклами. А красавец, которого я здесь ищу, тоже куколка? Ой, а я его узнаю?

Кот в сапогах. Не знаю – не знаю. Если прятаться не будет. Вперёд, друзья! Думаю, что нам надо попасть в этот замок.

На башне замка появляется закованный в железные латы Стражник.

Стражник («металлическим» голосом). Стой! Кто идёт?

Дед Мороз. А вы кто?

Стражник. Стражник из охраны. Вот кто. И в замок я вас не пушу. Не положено. Экскурсиям проход запрещён.

Снегурочка. Какая прелесть. А мы не экскурсия. Мы – поисковая экспедиция.

Стражник. И что же вы ищете?

Бабушка Яга. Ни «что же», а – «кого же». Красавца-мужчину ищем.

Стражник. А зачем он вам?

Бабушка Яга. Чтобы я сказала ему, что он самый милый на свете.

Стражник. Нету у нас никакого красавца. А разговаривать с ним не положено. И танцу я вас не учил. (Скрывается за стену.)

Бабушка Яга («хватается за сердце», задумчиво). Станный он какой-то.

Кот в сапогах. А может, это он и есть, тот самый «красавец-мужчина»?

Дед Мороз. Нет, у того на голове колпак с рогами и бубенчиками был. А у этого каска с железной маской.

Кот в сапогах. Это не каска с маской. Это шлем с забралом. Триста лет назад такие в моде были. Разве не помните?

Дед Мороз. Нет. У нас такой фасон не носили.

Кот в сапогах. Может, Бабушка помнит?

Бабушка Яга. Не помню. Я тогда ещё маленькой девочкой Ягунькой-попрыгунькой была. А с вашей стороны очень невоспитанно на возраст невесты намекать. А ещё в шляпе.

Кот в сапогах. Простите, сударыня.

Бабушка Яга. Если это он, то почему не бросился мне навстречу?

Кот в сапогах. Со стены замка? Действительно, что-то здесь не так.

Снегурочка. Как всё таинственно...

Над стеной замка вновь появляется Стражник.

Стражник. Эй, вы, там визу! Я передумал. (Далее говорит радостным голосом телевизионного шоумена. Между фразами включаются фонограммы смеха.) Ура-ура! Поздравляю! Ура! Какой

счастливый день! Вы выиграли главный приз – бесплатный сыр! Все дружно улыбаемся, смотрим в зал и говорим: «сы-ы-р». Так, ещё разочек: «сы-ы-ыр!» А сейчас я лифт подам! Заходите, поднимайтесь, улыбайтесь!

Со стены замка опускается металлическая клетка.

Стражник. Ну, заходите в кабину, я вас наверх подниму.

Снегурочка. Это лифт? Как экзотично!

Кот в сапогах. Мне этот лифт, мяу, что-то напоминает. А по лестнице подняться нельзя?

Стражник. Нет. Дорогим гостям положено только на лифте.

Дед Мороз. Как-то страшновато в такой клетке на стену подниматься.

Стражник. Не бойтесь. Лифт сегодня ещё ни разу не падал. Шутка. Что, испугались?

Бабушка Яга. Лично я с детства ничего и никого не боюсь. Это других мною пугают.

Снегурочка. Потому что не знают, какое у вас доброе и любящее сердце.

Стражник. Долго вас ждать? У меня обеденный перерыв скоро. Уйду на обед, а вы останетесь. Без сыра. Вот, уже ухожу.

Бабушка Яга. Нет! Не уходите. Я к вам! *(Заходит в клетку.)*

Дед Мороз. Я бабушку не удержу. Придётся идти с нею.

Снегурочка. И я с вами!

Кот в сапогах. Чувствую, попаду в неприятность. Мяу! *(Машет лапкой.)* И не из таких ситуаций выкарабкивался.

*В с е забираются в клетку, её дверца захлопывается.
На месте скрывшегося С т р а ж н и к а появляется голова Д р а к о н а.*

Дракон. А вот и я! Ага, попались? Вы в ловушке. Дверь на замке. И даже не пытайтесь выбраться.

Кот в сапогах. Мяу. Как я сразу не догадался? Это же гигантская мышеловка.

Дракон. Ну, не такая уж и гигантская. Не забывайте, что вы сами маленькие. Попав сюда, вы все стали куклами. И останетесь куклами навсегда. Потому что я вас никуда отсюда не отпущу. *(Громогласно.)* Ха-ха-ха!

Снегурочка. Но ведь это несправедливо! Я такая юная! Или вы так пошутили?

Дед Мороз. Отпустите девушку! *(Вздыхает.)* Меня можете оставить. Я уже старый. И никому до самого Нового года не нужен...

Бабушка Яга. Нет! Вы, дедушка, многим нужны. Не забывайте, что вы ещё и пожарным в театре работаете. *(К Дракону.)* Отпустите их всех. Здесь останусь я! Потому что без милого мне свет не мил.

Кот в сапогах. Дорогой Дракон, а правду говорят, что вы можете превратиться во льва?

Дракон. Запросто. Могу во льва. Могу в крокодила.

Кот в сапогах. Ну, это легко. А в маленькую мышку можете превратиться?

Дракон. Думаете, что вы самый хитрый? Я стану мышкой, а вы меня схватите и съедите. Мне ещё в детстве эту сказку читали. Меня не проведёте. Этот лифт сейчас не вверх пойдёт, он в подземелье вас опустит. И останетесь вы там навсегда.

Дед Мороз. Навсегда? Подождите! А как же Новый год? Без меня, Деда Мороза, и без Снегурочки Новый год может не наступить!

Дракон. А я Новый год отменю. Я давно об этом мечтал.

Дед Мороз. А как же дети?! Неужели они останутся без самого главного праздника?

Дракон. Праздник не может быть самым главным. Самый главный – это Я! И я не люблю, когда все смеются и веселятся. Я люблю, когда все боятся. *(Громогласно.)* Когда меня боятся! *(Поёт.)*

Есть крылья у тебя – летай, как птица.

Есть зубы – всех подряд грызи, как сласти.

Но если ты – дракон, пусть всяк тебя боится:
Драконам издревле дано стремиться
К вершинам власти.
К вершинам власти.

Обычно кто взлетел повыше – богачи,
Но всех богаче мы – драконы.
А ты, бедняк, работай и молчи.
И бойся, бойся – так велят законы.
Мои, драконовы, законы.

Мы обещаем людям изобилье
Под нашей властью – чтобы не роптали.
Но наши все слова осядут мелкой пылью,
Нас ввысь несут уверенные крылья –
Оттуда люди видимы едва ли.

Обычно кто взлетел повыше – богачи,
Но всех богаче мы – драконы.
А ты, бедняк, работай и молчи.
И бойся, бойся – так велят законы.
Мои, драконовы, законы.

Клетка опускается вниз.

*Слышны возгласы: «Это нечестно!», «Мяу, и я, кот, попался в мышеловку?»,
«Свободу Снегурочке!», «Козлик, где вы?».*

Голова Дракона с хохотом скрывается за стеной.

ЗАТЕМНЕНИЕ СЦЕНЫ

*Вновь загорается свет. У стены замка в подземелье
Бабушка Яга, Дед Мороз, Кот в сапогах и Снегурочка.*

Снегурочка. Кошмарное приключение. Нас похитили. Какое безобразие!

Дед Мороз. Это очень большое безобразие.

Бабушка Яга. Что же нам делать? Как мне встретиться с милым? Как моим друзьям выбраться на свободу?

Кот в сапогах. Мяу, знаю, что делать. Надо Дракона победить.

Снегурочка. Ах, как вы хорошо сказали. А где мы героя найдём, который победит злодея? Для этого отважный рыцарь нужен. Или богатырь былинный. Может, вы сами вызовите Дракона на бой?

Кот в сапогах. Вызову. Если он в птичку превратится.

Снегурочка. Птичку не жалко?

Кот в сапогах (обиженно). Я ещё и мышей могу ловить. Но мышкой стать Дракон отказался.

Бабушка Яга. И хорошо, а то бы я в обморок упала. (*Шёпотом.*) Ура. Кажется, я догадалась, как победить злодея!

Дед Мороз (оглядываясь). А почему шёпотом говорите?

Бабушка Яга. Чтобы Дракон не услышал.

Кот в сапогах. А детям (*показывает на зал*) можно слушать?

Бабушка Яга. Можно. Даже нужно. Потому что именно они сразятся с Драконом и победят его.

Дед Мороз. Как победят? Они же маленькие.

Бабушка Яга. Маленькие, да удаленькие. (*В зал, шёпотом, приставив руку ко рту.*) Дети, злые правители – очень трусливы. Правда-правда.

Кот в сапогах. Но ведь это – самая главная государственная тайна! Как вы её узнали?

Бабушка Яга. Догадалась. Все трусливые правители потому и стараются быть ужасными, чтобы никто их не разоблачил.

Кот в сапогах. Так оно и есть. Уж их-то я знаю. Сударыня, я просто восхищён вашим проницательным умом. И что вы предлагаете делать детям? Не бояться страшного Дракона?

Бабушка Яга (*шёпотом*). Предлагаю и детям, и нам самим не бояться трусливого Дракона!

Кот в сапогах. А если он...

Над стеной замка появляется голова Д р а к о н а.

Дракон (*громогласно*). Всем бояться! Эй, вы! Я сказал: бояться!!!

Бабушка Яга (*к Деду Морозу*). Вы не знаете, кто и почему там раскричался?

Дед Мороз. Не знаю. И знать не хочу.

Дракон. Это я – Дракон!!!

Бабушка Яга. А почему он кричит?

Снегурочка. Потому что невоспитанный и некультурный.

Кот в сапогах. Вы правы: культурные и воспитанные никогда не кричат. Это даже дети знают. (*К залу.*) Правда, дети? Вот ты, девочка, как считаешь: воспитанные люди могут некультурно кричать? (*Слушает.*) Не могут.

Снегурочка. Это не только девочки, а даже мальчишки знают. (*К залу.*) Правда, мальчики?

Дракон (*обиженно*). А я не просто кричу, я вас пугаю. И детей тоже.

Снегурочка. А нам не страшно.

Бабушка Яга. Вот ни на столечко не испугались.

Дракон. Не испугались?! Да у меня когти метровые и крылья перепончатые!

Снегурочка. Перепончатые? Как у летучей мышки? Ах, как интересно! Наверное, очень смешные крылышки.

Дракон. А если я весь вылезу?

Бабушка Яга. Ой, вылезайте! Что же вы? Бойтесь?

Дракон. Кто, я? Это вы меня должны бояться.

Бабушка Яга. А мы не боимся. И дети вас не боятся. (*К залу.*) Правда, дети, не бойтесь?

Кот в сапогах. Говорят, что не бояться.

Дракон. Неправда! Некоторые бояться. Страшатся и трепещут.

Снегурочка. Фи, да никто вас не страшится и вовсе не трепещет.

Бабушка Яга (*к залу*). Дети, а давайте дружно скажем Дракону, что никто-никто его не боится! Все вместе скажем: «Мы дракона не боимся!» Хором, три-четыре: **МЫ ДРАКОНА НЕ БОИМСЯ!** И ещё раз вместе дружно (*дирижирует залом*): **МЫ ДРАКОНА НЕ БОИМСЯ!**

Дед Мороз (*к Дракону*). Ну и как? Убедились?

Голова Д р а к о н а качается и с грохотом падает со стены замка.

Снегурочка. Ах, что это было?

Кот в сапогах. Кажется, голова Дракона немножко громко на землю упала.

Снегурочка. Ах, какая жалость.

Дед Мороз (*подходит к голове*). Не волнуйся, внучка. Это пустая голова.

Кот в сапогах. Какой же это Дракон? Это же... (*Стучит по драконьей голове, прислушивается к звуку.*) Картон? Это же – дурилка картонная! Фабричного изготовления. Вот, даже этикетка сохранилась. «Made in China», сделано в Китае.

Снегурочка. Разве Дракон не настоящий? А где его лапы с метровыми когтями? Перепончатые крылья и хвост с шипами где?

Бабушка Яга. Это не важно. Где мой милый?

Дед Мороз. Посмотрите: мы не заперты! И мы можем выйти на свободу.

Бабушка Яга. Зачем мне свобода без моего любимого?

Из потайной дверцы ширмы выбирается Ш у т, озирается.

Кот в сапогах. Так вот же он! (*К Шуту.*) Стойте!

Бабушка Яга. Милый, куда же вы? Я здесь!

Шут пытается бежать.

Снегурочка. Подождите! Не убегайте. Как вам не стыдно? Мы же вас спасти хотели.

Бабушка Яга. Это я, ваша принцесса. Милый козлик, я вас люблю!

Шут останавливается, хватается за сердце, разворачивается к замку, начинает пританцовывать, поёт сначала медленно и печально, потом весело.

Шёл козёл по лесу, по лесу, по лесу.
Нашёл себе принцессу, принцессу, принцессу.
Давай, коза, попрыгаем, попрыгаем, попрыгаем.
Ножками подрыгаем, подрыгаем, подрыгаем.
Ручками похлопаем, похлопаем, похлопаем.
Ножками потопаем, потопаем, потопаем.

Тем временем куклы скрываются за стеной замка, герои (уже не куклы) выбираются из потайной дверцы. Бабушка Яга подхватывает Шута, и они, подпрыгивая, вихрем кружат по сцене.

Снегурочка. А мне Дракончика жалко. Беденький. Вы не знаете, куда он улетел?

Шут (*смущённо*). Он здесь. Это я.

Снегурочка. Вы? Дракон?

Шут. А вы не догадались? (*Вздыхает.*) Когда-то давным-давно нашей сказочной страной правил настоящий дракон. Его боялись, он был огромный-преогромный, но под старость стал очень трусливым. Опасался, что появится молодой сильный дракон и расправится с ним. А я работал у дракона шутом в секретной службе безопасности. Да-да, секретным агентом, шутом, клоуном. Не верите? Вот в этой шапочке с бубенчиками я ходил по стране. Развлекал народ, вступал в душевные беседы с подданными дракона, сочувствовал и... выявлял недовольных. Благодаря мне дракон знал всё, что о нём думают и говорят. Одному мне он доверял. И не боялся меня, я же маленький. А потом он сделал меня своим наследником. Когда дракона не стало, я стал правителем страны и спрятался в замке. Стал надевать маску дракона. В ней я высовывался из-за стены и пугал прохожих. А чтобы знать, что обо мне думают и не грозят ли мне заговоры, я, как и прежде, надевал шутовскую шапочку, выходил из потайной дверцы и выявлял...

Бабушка Яга. Бедняжка. Мне вас так жалко.

Шут. Мне тоже меня было жалко. Я мучился и страдал, потому что никто меня не любил. В глубине души я мечтал, как меня полюбит прекрасная принцесса с добрым сердцем. Вы только не смейтесь, я мечтал, что принцесса будет звать меня «милый козлик». (*К Бабушке Яге.*) И потом появились вы. Я боялся поверить в то, что вы влюбились в меня. Я бежал от вас, строил вам козни и чинил препятствия. Думал: так мне и суждено всю жизнь быть злодеем...

Бабушка Яга. А мною детей пугают...

Шут. Дети вас любят. Они даже страшного злого Дракона не испугались. А вы красивая. Добрая. Вы самая прекрасная Бабушка Яга. Вы – моя принцесса.

Кот в сапогах. Да что вы, в самом деле? Ещё немножко и заплачете. Всё хорошо! Свадьбу-то когда гулять будем?

Дед Мороз. Надеюсь, что сегодня жених не я?

Снегурочка. Дедушка, мы тебя тоже женим. В следующий раз. Тебе кто больше нравится: Добрая Фея из сказки «Золушка» или билетёрша Валентина Петровна?

Дед Мороз. Можно, я ещё подумаю?

Кот в сапогах. Молодые, приготовились к свадьбе! Будем танцевать и веселиться! Невеста, наденьте фату! Жених, немножко выше голову! Мяу-мяу, начали!

Звучит музыка.

*В с е смеются, поют, весело прыгают в танце «Король, Козёл и Принцесса».
Кот в сапогах, Дед Мороз и Снегурочка спускаются в зал,
увлекают в «прыгающий» танец зрителей.*

Шёл король по лесу, по лесу, по лесу.
Нашёл себе принцессу, принцессу, принцессу.
Давай с тобой попрыгаем, попрыгаем, попрыгаем.
Ножками подрыгаем, подрыгаем, подрыгаем.
Ручками похлопаем, похлопаем, похлопаем.
Ножками потопаем, потопаем, потопаем.

Шёл козёл по лесу, по лесу, по лесу.
Нашёл себе принцессу, принцессу, принцессу.
Давай, коза, попрыгаем, попрыгаем, попрыгаем.
Ножками подрыгаем, подрыгаем, подрыгаем.
Ручками похлопаем, похлопаем, похлопаем.
Ножками потопаем, потопаем, потопаем.

В с е поднимаются на сцену.

Бабушка Яга (*к Шуту*). А в этом мрачном замке, милый козлик, я жить отказываюсь. Переедете на мою дачу – в избушку на курьих ножках.

Шут. Как прикажете, моя принцесса. С милой рай и в шалаше.

Бабушка Яга. Ой, как всё замечательно закончилось! Я наконец-таки попала в новую сказку!

Снегурочка (*к залу*). В нашем театре много замечательных сказок. Дети, приходите к нам почаще!

В с е. Мы всегда вам рады! (*Поют.*)

Ваши смех и улыбки от болезни любой нас излечат.
Ведь, поверьте, театра без зрителя попросту нет.
Мы сейчас расstaёмся, но с надеждой на новые встречи,
И хотим напоследок дать полезный и важный совет.

Не бойтесь драконов! Не надо бояться драконов.
Для них наши страхи – отрада, и пища, и сласть.
Не бойтесь драконов – и кончится время драконов,
И станет пустышкой драконова власть.

З А Н А В Е С

Автор пьесы Александр Владимирович Герасимов (г. Калининград)

Стихи песен для пьесы написал Станислав Петрович Федотов (г. Реутов)

e-mail: agerasimov2010@gmail.com

Поэзия

Ирина Денисова

Ирина Денисова – поэт, поэт-песенник, публицист. Автор пяти сборников, поэтических подборок и статей в российских и международных СМИ («Литературная газета», «Независимая газета», «Подъём», «День и Ночь», «Гражданинъ» и др.) Член Союза писателей России, Попечительского совета альманаха «День поэзии – XXI век. 2020/21», Международного творческого содружества «Роза поэты». Руководитель Творческого союза «Velut» и музыкального клуба «МузпоТок» в библиотеке им. М. Ю. Лермонтова. Лауреат российских и международных фестивалей и конкурсов в номинации «Поэзия» и «Публицистика» («Покровский собор», «Большой Донбасс», МСЛФ «Золотой Витязь» и др.). Живёт в Москве

МАНИФЕСТ

Как тяжело мы бьёмся за своё –
Простое право называться русским,
Но постоянно чёрное враньё
Пускает в ход свою перезагрузку.

Мы повелись на морок и обман.
Едва ли сердце чёрту не продали.
Зарос бурьяном полевой наш стан.
И сумрачными показались дали...

И все на время позабыли, что
Страна навек священной зовётся.
И даже если лет промчится сто –
Флаг над Россией-Матушкой взовьётся.

С печи опять, как встарь, сойдёт Илья.
Враз всколыхнётся древний Муром силой.
И снова станет русскою земля,
Где тать и ворог обретут могилу.

Да, мы заплачем горько о сынах,
Что положили жизни за Отчизну,
Но вечно будем видеть их во снах,
И благодарно поминать на тризне.

И вновь польёт весенний дождь жнивьё,
И смоем он вконец былую скверну.
И перестанет каркать вороньё,
И пахари сойдутся на вечерню.

И обустроят русский мир левши,
Перековав оружие на орала.
Затянут хором песню для души,
Вернув себя к основам и началам.

Мы зла не помним, нет. Но никогда
Злодеям рьяным не давали спуска.
Неотвратимо их настигнет мзда
За наше право – называться русским.

4 ноября 2024 г.,
День народного единства
и Иконы Казанской Божьей Матери

ДОЖДЬ

Дождливый день прикрыл свои глаза.
Деревья тихо хлопают в ладоши.
Поставив жизнь опять на тормоза,
Ты снова вспоминаешь о хорошем.

И падает душа куда-то ввысь,
В предельности и ясности былого.
И огоньки из прошлого зажглись
В преддверье обретения иного.

А город плыл, куда не зная сам,
Неведомую правду постигая,
Раскидывая слухи по домам
Со скрежетом прошедшего трамвая.

Неодолим судьбы простой поток.
Неведомы её хитросплетения.
И знаешь: верно, дождь напомнит срок,
Прошелестев о краткости мгновенья...

18 июня 2025 г.

* * *

Прибиться к берегам, которые незримы.
Услышать тишину, упавшую в лесу.
Влечёт к себе октябрь, мой друг, неодолимо,
И застывает лист ажурный на весу.

И кажется простым движение деревьев.
Мечты о юности в прошедшее влекут.
И череда медовых, красных, жёлтых звеньев
Найдёт опять на чёрной тверди свой приют.

Колышет облака задумчивая качка,
Там, в синей вышине, плывут они толпой.
А на стволе сосны, подобной статной мачте,
Янтарной камеди запечатлелся зной.

И тихо наступив на хруст поникшей ветви,
Задумаюсь я вновь о непростой судьбе.
И лишь холодных капель осень ставит метки,
Что падают слезой в такт медленной ходьбе.

Захочется взлететь и понестись далёко,
Но что-то держит здесь, где хорошо пока.
Не надо у Небес просить иного срока –
Поддержит на Земле Господняя Рука.

22 октября 2025 г.

* * *

***Павшим на Великой Отечественной войне
посвящается***

Когда ты пьёшь свой кофе утром,
Небрежно смотришь новый сериал,
То помни, за плечом как будто
Стоит тот, кто за это умирал.

Когда о пустяках заспоришь,
Прослушивая модный классный блюз,
Взгляни в прошедшее – увидишь:
Несёт боец тяжёлый, скорбный груз.

Когда ты бьёшь по монитору,
Как резко отключится Интернет,
Забодишься о всяком вздоре,
То вспомни тех, кого на свете нет.

Когда печалит день постылый.
Берут невзгоды снова в оборот.
Подумай, сколько нужно силы
Поднять в атаку поредевший взвод.

...Лежит солдат на бранном поле
Кругом страдания, раны, слёзы, тлен.
В глазах застыло столько боли,
Тебе незаданный вопрос «Зачем?».

Тобою правят лень и праздность –
В бою солдат в мученьях погибал,
Чтоб кофе пил ты безотказно,
Унынье тешил, глядя сериал!..

9 мая 2016 г. – 22 июня 2025 г.

* * *

Птицы сходят с ума в этом безумном апреле.
Солнце выходит в зенит нынче поспешной весной.
Дух устремляется ввысь среди городской карусели.
Яркий луч на асфальте кажется тонкой блесной.

Сердце моё, почему бьёшься в трепетном ритме?
Что так тревожит тебя, спавшая раньше душа?
...Где-то скрежещет металл после отчаянной битвы.
Пасху встречают опять воины у блиндажа.

За чертою вдали, в вырытых в почве окопах
Молятся Богу герои, к сердцу крестик прижав.
Взрывы слышат солдаты, звуки военной синкопы.
И возносятся в Небо, смертию смерть вновь поправ.

Страстная среда,
16 апреля 2025 г.

ТЫ ВЕРНЁШЬСЯ

Ты вернёшься ко мне, в этот радостный мир,
Заструившись дождём по щекам моим впалым,
И наполнишь каплей звенящий эфир,
Прошептав моё имя опять, как бывало.
Прорастёшь сквозь асфальт непокорной травой,
Прокричишь вместе с ветром свистящие песни.
Покаянной припав к груди головой,
Пробежишь по ступеням заоблачных лестниц.
Будешь вихрем, что рьяно развевает песок,
Словно куст, трепетать станешь лиственным
телом,

Ты вернёшься ко мне в назначенный срок,
Чтобы вновь говорить о любви то и дело.
Пробормочешь слова и мечты вразнобой,
Проведёшь по спине веткой дерева тонкой,
Сдуешь серых горестей тлен вековой,
Крылья выпростав, кинешься в неба воронку.
Ты туда поплывёшь, где сердца в унисон,
Словно в прежние дни, так неистово быются,
Ты пойдёшь к заветной любви на поклон.
Ты не сможешь, конечно, ко мне не вернуться!..

* * *

Обрывать золотую с деревьев листву,
Гнать по небу мятежные стаи...
Осень чувствует миг роковой за версту,
Осень что-то о будущем знает.

Собирает война беспощадный улов.
Тишину режут зуммеры дронов.
Сколько бед упадёт на заплаканных вдов!..
Сколько будет отчаянных стонов!..

Улетят скоро птицы в неведомый край.
И в канун долгожданный итога
Раздаётся кругом громкий воронов грей –
Лишь надеяться можно на Бога.

Обязательно выпадет белый покров,
Рассыпая застывшие слёзы,
Обагрят его ярко солдатская кровь,
Станут юноши седоволосы.

Вновь природа пройдёт предназначенный
круг,
А заря на Востоке займётся...
Хоть ржавеет железо былинных кольчуг,
Но Россия к себе – повернётся.

Октябрь 2024 г.

* * *

...А солнце пьёт чай из старинной посуды.
И чашки звенят всякий час.
Над крышей сороки пошли в пересуды,
И сверху глядит чей-то глаз:
На мироустройство, на бронзовый ясель,
На траву и дом, что так мил,
На то, что стало давно не напрасным –
На жизненный склон у стропил.
...Услышать в тиши равнинные песни,
Печали забыть хоть на миг,
Увидеть мечту у заоблачных лестниц
И ждать перехожих калик.
Дышать среди осени полною грудью,
Испечь ароматный пирог,
Понять: не один ты в этом безлюдье:
С тобою всегда Господь Бог.
И, встав на крыльцо, опираясь на память,
Что, верно, подставит плечо,
Заметить деревьев янтарную камедь,
Где вьёт свою сеть паучок...

21 сентября 2024 г.

* * *

Болота. Всё коряги да грибы...
И никого вокруг – лишь ропот ветра.
А память собирает в горсть судьбы
То, что сбылось на этом километре.

И ком в гортани речь твою сковал.
Ты снова смахиваешь слёзы кротко.
Воспоминанья поднимают вал –
И ставишь жизнь, как фильм, на перемотку.

Внезапно хрустнет ветка под ногой...
Вспорхнёт кулик, что место это славит.
Покажется, что с Бабою Ягой
Пойдёшь туда, куда она заставит.

Ты здесь – среди заоблачных высот,
Где сосны освещаются Ярилом –
Стоишь и ощущаешь свой оплот.
И чувствуешь, как наполняет сила.

.....
Хоть знаешь: надвигается закат,
Вовеки жребий твой иным не станет,
Но всё равно тоска пойдёт на спад,
Но всё равно печаль в болотах канет...

29 июля 2023 г.

* * *

Уже позолотила нежно осень
Деревья, что склоняются к земле.
И слышится, как тихо дышат лоси
В густой, задумчивой еловой мгле.

И в воздухе парит листок берёзы...
И ветер мимолётный пробежал...
Хотя ты в состоянии коматозном,
Обрушится воспоминаний вал –

Пресветлых, радостных, простых, горячих –
О лете, что промчится, будто миг.
Улыбку среди деревьев солнце прячет,
Пока его октябрь не настиг.

Вдыхаешь жизнь, как лёгкий бриз на море,
Почудится, что всё уже прошло.
И летний день с ночной прохладой спорит.
И притаился вечер за углом...

* * *

Дожить до весны, чтоб вдохнуть этот воздух хрустальный.
Чтоб с радостью снова на солнце и небо смотреть,
Чтоб горние выси открылись на берегу дальнем,
Воскликнуть: где жало твоё, ненавистная смерть?!

Лежать по окопам и слушать движение деревьев.
И вспомнить всё то, что когда-то прожить довелось.
И в прошлом далёком оставить лихие сомненья,
Взять радость с собой, позабыв про нелепую злость.

И чувствовать вечность, что, верно, стоит за плечами.
И братские руки в игре судьбоносной пожать.
И ждать, когда стужа с сугробами вместе отчалит.
Мечтая, придётся ли милую нежно обнять...

О, этой весною так хочется летнего зноя!..
Не хочется больше орудья по почве таскать.
Но знаешь, не всем доведётся вернуться из боя...
Представить то трудно, да правду придётся признать.

Уверенным быть, что на свете ничто не напрасно.
Истории вихрь неизменно повеет туда,
Где Божьему Промыслу будет случайность подвластна –
Дожить до бессмертья, взлетов, как ночная звезда.

23 февраля 2025 г.

* * *

Было много любви. Начертали о ней на скрижалях.
Было много страстей. Но сотрёт их стремительный век.
На планету в который уж раз все печали упали.
Растворяется в сумраке, сердце украв, имярек...

И созвездья любви во Вселенной искриться продолжат,
Заиграет шарманка волнующий терпкий мотив.
На Земле всё, как прежде, конечно, исполниться должно.
Зазвучит поколений иных непростой нарратив.

Не заметят примет, что пошлёт им десница фортуны.
И Сансары закрутится вновь, словно встарь, колесо.
Будут вечно любить в этом мире – светящемся, лунном.
По дорогам земным вскачь покатится обруч серсо.

И посмотришь на жизнь из заоблачной сказочной выси.
Улыбнёшься тому, что случится ещё много раз.
И пройдут снова путь свой тревожный наитий и миссий
Те, кто любит безумно, безмерно и страстно – сейчас.

14 августа 2024 г.

Поэзия

Лариса Бухвалова

Лариса Бухвалова – член Союза писателей России. Автор девяти поэтических книг. Публиковалась в журналах: «Литературный меридиан», «Зарубежные задворки», «Нижний Новгород», «Берега», «Новый континент». Дважды дипломант Московского славянского литературного форума «Золотой Витязь» (короткий список) за книги стихов «Несение звезды» и «Небесный Вифлеем». Дипломант и финалист литературной премии «Наследие» в номинации «Стихи», учреждённой Российским союзом писателей совместно с Российским Императорским Домом. Участник арт-проекта «Русские бабы» (авторы: Елена Крюкова, Лариса Бухвалова, Анастасия Ростова) и сборников «Русские бабы» (2021) и «Русские бабы на молитве» (2024)

СЕРЕБРЯНОЕ ПОЛЕ

АВДОТЯ. 20 ИЮЛЯ

Небо просыпало слабенький дождик,
Поперву, свежее сено гноя.
Это ненастные слёзы Авдотьи,
Плачет в подойник подруга моя.

Стадо гоняли за лес, на пригорок.
С плетью тяжёлой шёл важно пастух.
Рыженький с белым – Авдотьин телёнок
И заблудился, отбившись от рук.

Где ты, телок мелкотравчатый, бродишь?
Плачет Авдотья, платок беребя.
Небо, сочувствуя горяшку, вторит
Метко по нашему селу дождя.

Где ты? Нашёлся бы рыженький в пятнах,
Глупый, со звёздочкой ясной на лбу.
Долго ль по лесу ходить и кричать нам?
Я-т обещала Авдотье – найду.

Как же телёнок в чащобе без мамки?
Корова большая – мамка – мычит,
Будто Авдотья недужная плачет.
Сено проволгло, неужто спасти?..

Кажется, небо – колодец бездонный.
Клевер тяжёлый ложится в подол.
Нос чей-то ткнулся у шеи Авдотьи.
Мол, я не глупый, хозяйку нашёл.

Слышишь, Авдотья, телок-то нашёлся.
Ты уж опухшие щёки утри.
Сено на зиму нам надо телёнку,
Солнышко б вышло его просушить.

12 СЕНТЯБРЯ

Ромашки, васильки в венок вплетала летний.
Ячмень, овёс и рожь в осенний заплету.
Переместил нас Бог в сентябрьские сети,
И я, как паучок, на листике лечу.

Такое впереди свечение золотое.
И лес почти застыл в преддверье осени.
Ячмень, овёс и рожь – серебряное поле –
Осталось сжать его, приняв как дар земли.

Принять и проходить светлейшие посадки,
Молчание берёз, которым ровно век.
Те, кто их посадил, – в садах Господних,
сладких.

А я ещё брожу – осенний человек.

АНФИСА-РЯБИННИЦА.
9 СЕНТЯБРЯ

Свежо и прозрачно в сентябрь поутру.
Лесная рябина горит на ветру.

И грозди её высоки и красны.
В кудринах святой золотой хохломы.

Анфиса-рябинница, бабушка мне,
Рябины в подол насбирала во сне.

Её именины. И алая гроздь
Как память горит на сентябрь и любовь.

Для бус и для чая, в осенний букет.
Анфиса, Анфиса Ивановна цвет.

Тепло в эту осень, хоть дни перемен,
Я бабушку вспомню в рябиновый день.

Я бабушку вспомню, рябины нарву.
В сентябрьский день в лесу поутру.

АСТАФЬЕВЫ ВЕТРЫ. 3 ОКТЯБРЯ

Выходила утром в листвою я.
Ветер красоту мою сорвал.
Полетела красота над полем
Дальше, выше города-села.

И осталась я в годках, простая,
Без досужей сходной красоты.
Лишь запон¹ мой бабий подлетает.
Подпоясана – не улетит.

Забери тогда, ветер останный,
Бедствия, раздоры, сор разлук,
Унеси за холмы небесами.
О былом забуду – не всплакну.

Стану птица вольна у гнездовья.
Все продукты пёрышки перин.
За холмы унесены все боли.
Улыбаюсь – баба у стерни.

Убран огород, полны закуты.
При запасах не страшна зима.
Чистая, проветренная будто,
Не болит у бабы голова.

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ НА МОРОЗЕ

* * *

Калины алой горсть
Сорвать, соплодий сладких.
И уж податься сквозь
Прозрачные посадки.

Там солнце на закат
Почти что провалилось.
Горит калинов клад –
Мороженная милость.

Так может только Бог –
Прореха и награда.
Я не хозяин – гость
Его земного сада.

Затем остаток сей
Не горек – малым доля.
Для птиц и для людей –
Как мёд, и жизнь, и воля.

* * *

Я нарисую человека.
И крылья за его спиной.
И отпущу, чтоб в мир осенний
он окунулся с головой.

Он будет мне лишь аватаром
с сердечком маленьким в груди.
Он полетит седым астралом
над городом и над людьми.

И я, его глазами видя
район промозглый, где игра
и кручи красные из глины,
и огороды, и дома.

Весь посечённый частный сектор,
все утюги больных общаг,
завода корабли, как клетки,
где длинные цеха мычат.

Аллею, стадион, и липы,
и остановку, и «ждунов».
Автобус по дороге липкой
спешит, ползёт, он не готов

забрать забытых пассажиров.
Не час пик, просто выходной.
Плывёт над парком ввысь молитва,
что хочет бабушка домой...

Не торопись, живи дорогой,
здесь, костenea на ветру.
Художник знает, видно Богу
и душам, кто в ином миру.

¹ Запон – фартук (мест. диалект).

Так осень держит человека
при угасанье, пред зимой.
И непонятно, где на свете
приют его святой, родной?

То ль память кокона рожденья,
коробочки с белёным льном.
Мы ждём неделю воскресенья
и в мире суетном снуём,

куда-то падая, как в вечность,
но оставаясь у дверей.
Нарисовал Бог человека
в восторге радости своей.

И тот бредёт ночной дорогой,
в машине мчится между льдин.
Играет в жизнь и смотрит в окна,
где обитает Бог один.

КОСМИЧЕСКИЕ КОНИ

Раскрою в небеса ладони,
пока Вселенная вся спит –
летят космические кони
в душе моей через зенит.

Их гривы белые полощет
межзвёздный ветер, ход комет.
Власа их млечные в ладони
бесшумно испускают свет.

Их чёрные, как уголь, крупы
все в фосфорическом дыму.
С отливом в фиолет, их губы
дрожат фиалкой на ветру.

Летят космические кони.
Их нарисую я в огне,
хоть космоса седые бури
туманностью заносят след.

Их в музыке я нарисую.
Мне космос, как в великий холст.

Плыву я, астронавт, рискуя
погибнуть. Но душа живёт

И, астрой нежно распускаясь
и лотосом раскрывшись там,
высокий «О-ом» выпекая,
дарует видимость коням.

И через тьму, на свет сверхновой,
подковами о ночь звеня,
летят космические кони
в душе неспящей у меня.

* * *

Стихи для Бога, проза для земли.
А май приходит в тело человека
вместилищем забот в лучах любви,
надеждою, в труде, живым просветом.

Качает ветром стебелёк цветка,
а дух витает лепестков превыше.
Увянешь ты, цветок, увяну я.
Но песню, я надеюсь, Бог услышит.

И повторит Он в памяти Своей
кафизмы стебелька на ладе сердца,
в сосуд слезу сложив, поток дождей.
У Бога всё – и царство, и наследство,

И жизнь моя – как бы узором дней,
среди случайностей, мечты и терний.
Труд, совершённый в мае, – бытие
и формула для моря поколений.

В цветы одетый май-малец идёт.
Отрезком ситца в сундуке железном
он ляжет жизни вдоль и поперёк,
с тюльпанами и с яблоней над бездной.

Немеют руки на ветрах любви.
Погладит Бог его ладонью слабой.
Стихи для Бога, проза для земли.
А утешенье в горестях для слабых.

Наталья Радостева

Наталья Евгеньевна Радостева – воркутинка. Член Союза писателей России. Училась в художественной школе. С дипломом агронома поднимала Нечерноземье. Окончила Московскую государственную юридическую академию и успешно состоялась на поприще соцзащиты обездоленных. Депутат Воркутинского городского Совета народных депутатов (1990–1995). Депутат 3-го созыва Госсовета Республики Коми. Возглавляла Воркутинское городское литобъединение «Слохохи». Автор книг «Приворот», «Звёзды в ладонях», лауреат IX Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2018), Международного литературного конкурса «Большой Финал», конкурса «Север – страна без границ» (г. Санкт-Петербург), дипломант Международной литературной премии им. Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами» (2019). Публиковалась в журналах «Дон», «Молодая гвардия», «Новая Немига литературная», «Наши современники», «День и Ночь», «Берега», газетах «Литературная Россия», «Поэтоград», «День литературы», альманахе «Глагол» (Карта современной поэзии), ряде коллективных сборников и других изданиях

ШАФРАНОВАЯ ОСЕНЬ

* * *

Гой ты, Русь, моя родная
С. Есенин

С золотого на шафран ¹ тон меняет осень лисья.
По-над лесом жарким кликом летней радуги лоскут.
И планируют в судьбу с высоты берёзы листья;
Осеняя, увлекают в паутин лесной уют.
С самодельного крыльца в октября вступаю морось.
Лишь как свежесть ощущая молодильный влаги спрей.
Здесь авансом на весну прелый дёрн пронзает поросль,
Окаймляя мёд угоров, где едва отцвёл кипрей.
Изумруд сквозь янтари с рыжиной веснушек колок;
Не критично – молодые хвойных молний острия.
У сиреневых высот золотисто-розов полог.
И луням, парящим парой, я знакома и – своя.
Задержусь над суетой небесам на обозренье.
Как чудачка и певунья. Как чудесница в миру.
Расплещу себя вовне как источник вдохновенья.
Шарфик с неба семицветный – в нём укутаться – сорву.
Гой ты, Русь! – твоя русачка сейгод ² полнится задора!
Впрок напившись ароматов, в трели голос свой вплетёт.
До угоенной ³ избы с золочёного угора
Вновь сойдёт в свою деревню – словно с неба снизойдёт.
До – журавликом – колодца. От берёзы – на крылечко.
Через сени... – к самовару. В ноутбука мир иной. –
Не стенаю о селе, а растапливая печку –
Не без лёгкого укора – единиться со страной.

Где бы ты сегодня ни был –
Мир в бесцветье не приемлю;
Я люблю за тайну – небо,
Я люблю за близость – землю.

Я тебя не вспоминаю;
Не усталость глаз погасших –
Тайну таинств принимая,
Вязну в шорохах опавших.

Не погибшей, не поникшей,
В конопатейшую осень
Мокну в мороси, зависшей
Меж стволов шершавых сосен.

Жизнь как данность принимаю.
Своевольно разнокрыла,
Я тебя не вспоминаю...
Потому что –
не забыла.

* * *

Едва губами прикасаюсь,
Целую словно бы, – к бокалу.
Не захмелев, не обозначаю.
Не обознавшись, не раскаюсь.
Смеюсь в душе, не поддаваясь
Страстей накалу.

¹ Шафран – ближе к красно-рыжему, даже коричневому, тон жёлтого.

² Сейгод – в этом году.

³ Угоить – устроить, уладить; привести в порядок или убрать.

Привечен гость у самовара.
В ресницах прячет вызов дерзкий.
Под тары-бары-растабары
И чашку травного отвара
Сполох грядущего пожара
Гашу по-женски.

Бывает так – тебе открыты,
Но преждевременна горячность;
До спелой фазы жадно сбиты
Плоды тех чувств, что не испиты.
Не полнит – топит их избыток, –
Неравнозначность.

И посему с душой нет сладу –
Устало жаждет отрешиться
Его беды за суть бравадой.
Но всё поймёт. И то отрадно,
Что он уйдёт по листопаду –
В нём раствориться.

А ты останешься с часами,
Что бодро тикают свободу
Меж ваших стрелок полюсами;
Зажжёшь свечу под образами,
Чтоб бредить вёсен чудесами –
И дни и годы.

Едва губами прикасаюсь,
Целуя словно бы, – к бокалу.
Гнетущей паузы спасаюсь,
Но так давно не сомневаюсь –
И через годы не раскаюсь,
Что отказала.

Пока прикрыл без стука двери.
Шаги всё глуше, тише... – тают...
Пока, конечно же, растерян.
Не осознав масштаб потери,
Не раз мне пыл любви доверит, –
Но я – такая.

О, одиночества нирвана!
Его гармоний пеленанье...
Мне ни-че-го в себе не странно.
Не только замуж – в люди рано.
Лелеет прелый цвет шафрана
Самопознание.

* * *

Процент безумия в крови
Не даст опомниться...
Всё подчиняется любви –
Мечты... Бессонница...

Туда, где он, – уводит сон
Мерцанье лунное.
И ставишь ближе телефон,
О нём же думая;

И без фантазии смелей –
Какою сбудешься,
В словах и голоса тепле
Легко заблудишься.

И та любовь, что до него –
К дождям и радугам,
Почти не стоит ничего,
Почти не радуется.

Не заместят любви ни смех,
Ни дружба вечная;
Его глазами среди всех
Ищу, конечно, я.

Ни мой успех среди мужчин,
Ни сверхвезения,
Не станут главной из причин
Любви забвения.

Но, пренебрегши, не зови
Сквозь боли летопись... –
Всё подчиняется любви,
И даже – ненависть!

Всему свой час. Вне жизни лист,
В ручей опущенный,
Неповторимо серебрист
Лишь срок отпущенный.

Не дай нам бог её испить,
Ту стынть сердечную.
Воспев любовь – не разлюбить
Хочу, конечно, я.

* * *

Словно клавиши, листья сирени ныряют
Под пока осторожными каплями осени.
Не они умирают, а я обмираю
У стекла с золотистыми сонными осами.
Здесь же бабочки бьются оранжевокрылые;
Отпустить бы вовне – но там мокро и холодно;
Их смешает с листвою за окнами стылыми
Осень, струйкой стекая с подкрышного желоба.
Я ещё не проснулась, чтоб выйти к околице.
Греет кофе глоток, что здесь предки не видели.
Жаль, никто обо мне у икон не помолится.
Хоть, возможно, помолится в Райской обители.
Мне не грустно. Точнее – не осень причиною.
Просто память избы со мной тенями делится.
И пусть утро порою с кофейной горчинкою,
Бабым летом и это, и всё – перемелется.

ЕДИНСТВЕННЫЙ

Улыбаюсь без причин...
Пусть их – судят, что – таинственна,
В мире тысячи мужчин,
Ты – единственный.
Мир звонков, цветов, стихов –
Непосредственный и искренний;
Да, живёшь ты без оков,
Мой единственный!

Культивируя свой страх,
Подавляя голос истинный,
Осторожничаешь так
Ты – единственный.
Потому ли так суров,
Удивлён, влюблён и пристален –
Вместо видимых даров –
Взгляд единственный?

Я сама порой боюсь –
Пересуды так убийственны,
Но ехиднам отзовусь:
«Да! Единственный!»
Излучает свет снегов
Заполняя мир безлиственный...
Слышишь звук моих шагов,
Мой единственный?

Замечаешь, с кем одним
Весела и не воинственна?
Днём и ночью мной храним
Ты – единственный!
Улыбаюсь без причин,
Пусть их – судят, что – таинственна;
В мире тысячи мужчин...
Ты – единственный.

ИЗБА

Кверху мехом тулуп
На лежанке печи.
В свято-красном углу
Свет лампад и свечи
На иконах – игрой
В полумраке теней,
Где вечерней порой
Хор молитв обо мне.

А на круглом столе
Самовар на семью.
Сахар снега белей
Я вприкуску запью.
Сочни горкой тепла,
Маконина, блины
Ближе к центру стола –
С жару принесены.

Не считаю года
По седин белизне,
А прошу погадать
Мою бабушку мне...
Подольёт в кипятке
Нам кагор с хитрецей.
Чуть свободно платок
Обрамляет лицо.

Разрумянят покой
Семь сошедших потов.
Загорелой рукой
Мне раскинет вальтов.
Я в колени уткнуся.
Мой диванчик – что трон.
Нагляжусь. Нашучусь.
Напоюсь в унисон.

Как люблю этот дом!
Половиц ширину,
Яркость шторок и тон,
Что подходит к окну,
Гнутость ножек резных –
Простоты непростой,
И часов заводных
Кукованья настрой.

Разве не ритуал –
Гирьки вверх подтянуть?
И взгрустнуть у стола...
И кого помянуть...
Вятский говор и смех:
«Попустись-ко» – «Окстись!»
Предрекали успех
На грядущую «жисть».

Помню бабушкин вздох:
«Ныне хоть не постись.
Охрани тебя Бог,
Завтра есть что поисть».
И крестила рука:
«Уж поди-ко ложи-и-сь.
Молодая пока...
Разомлей. Отоспись».

Я взбиралась наверх,
На лежанку тепла –
В те подушки и мех –
И так сладко спала...
До своих петухов...
До другого утра...
Где от слёз да стихов
Вся подушка мокра.

Берега Беларуси

Наталья Михальчук

Наталья Александровна Михальчук – поэт, эссеист. Родилась в 1979 году в г. Могилёве. Работает доцентом в Могилёвском государственном университете им. А. А. Кулешова. Кандидат филологических наук. Автор трёх сборников поэзии и эссеистики «Коралловый ветер» (2014), «Нежность» (2015), «Светлый день» (2021). Стихи печатались в журналах и газетах: «Нёман», «Маладосць», «Литература и искусство», «Республика», «Знамя юности», в альманахах и коллективных сборниках. Обладатель Гран-при Республиканского литературного конкурса «Иван Шамякин. Сердце на ладони» за книгу стихов «Светлый день» (2022), премии им. Алексея Пысина Могилёвского областного отделения Союза писателей Беларуси (за сборник «Светлый день», 2022). Руководитель творческого объединения «Натхненне» в Могилёвском государственном университете им. А. А. Кулешова. Член Союза писателей Беларуси, член Союза писателей Союзного государства

ГОСПОДИН АВГУСТ

Добротой своей лицемерной
Ты меня одаривай, Август.
Дай же твой ветерок вечерний
Я допью до конца, как благодать.

Мотылёк, что в окошко бьётся, –
Знак: денёк предстоит чудесный.
А прохладного утра солнце
Стало щедростью мне небесной –

И скупая твоя улыбка
Удивительна и желанна!
Изумрудны и клён, и липка,
И нечасто в гостях туманы.

Заалели, гляди, каштаны,
Отреклись раньше всех от лета,
Но ещё зелены поляны,
Так что песенка не допета.

Я насквозь тебя, Август, вижу:
В день прекрасный уйдёшь, обманешь.
До весны и птиц не услышу,
В зиму лютой тоски утянешь.

Ненаглядный, пышно-нарядный,
Чую: он ещё улыбнётся!
Обожать тебя безоглядно –
Это всё, что мне остаётся.

ОБЛАКА

В небе тихом парят облака,
Их сегодня не гряды, а строфы.
И рука у поэта легка,
И «рисунок» искусно-нестрогий:

Лёгкой «лесенкой» нежный восток
Маяковского трепет возводит,
А на запад посмотришь – и Блок
Благовзвучный на память приходит.

Как родная стихам белизна!
И загадочны обе стихии:
Можем в небо смотреть дотемна
И мечтаем вчитаться в стихи мы.

«Говорят» облака между строк,
Ни дождейки, ни льдинки – впрямую.
В их движении плавном – намёк.
Может быть, я его истолкую?

На вершинах ли гордых берёз,
Иль на соснах лежать вам уютней?
Не считите серьёзный вопрос
Любопытства затеей минутной.

...А вокруг – гладь такой синевы,
О которой глаза и не знали,
Словно верной и чистой любви
Надо мною распахнуты дали.

НА ЛЕТНЕМ ЛУГУ

Что прекрасней: солнце или ветер?
Затрудняюсь, знаешь ли, ответить.
Что милее: вечер или утро?
Вечер кроток, ну, а утро – чудно.
... Колокольчика под ветром трепет,
Тихое волнение, слабый лепет...
Как слезами по траве стекают,
Доброй лаской сердце омывают
Венчики небесные растенья –
Грусть от нежности, от умиления.
Звёздочки сиреновой гвоздики –
Землю пересыпавшие блики –
Слева от тропиночки и справа
Кротки рядом с кашкой величавой.
И, любясь травкою мельчайшей,
Ты стараешься идти всё дальше,
Чтоб кивнул весёлой головой
Василёк беспечный луговой.
... А того, кто благодати этой,
Что полна целительного света,
Не увидел и не разглядел,
Кто в ней раствориться не посмел,
Бедного, ты от души жалеешь.
И желание искренне лелеешь,
Чтоб достало зоркости и сил
И тоскующий утешен был.

НАРОЧЬ

Как живёшь, чем дышишь этим летом?
Я в плену лазоревого цвета.
Да и мир, пожалуй, в его власти:
Посмотри, стихают вихри, страсти.

В воздухе – дыхание прибой.
Мне повсюду мнится голубое,
Взгляд его в лесу и в поле ищет.
И иной здесь лёгкий ветер свищет.

Огненных лучей слетится стая –
О солёных брызгах я мечтаю.
По какой тропинке ни брожу,
К озеру, как к Храму, выхожу.

... Помнишь, как огонь волну лелеял?
Оттого закат – всего нежнее.
Над водой порхали птичьи крылья –
И теперь взмывают без усилия.

Что-то в нас меняется незримо,
Если, проходя порою мимо,
Остановимся мы поклониться
Ясной глади, духом ободиться.

* * *

Лето милое, помедли.
Я ещё не дочитала
В томике главы последней,
Где и суть, и свет причала.

Еле-еле отогрелась
После горестных морозов.
Но ещё не насмотрелась
На ветвистую берёзу.

Тёплые колосья хлеба
Светятся в пыли дорожной...
Бесконечность поля, неба
Не впитала в жизни Божьей.

Всё ещё не досчитала
В небе солнечном кудряшки.
К милому не добежала,
Не нашла своей ромашки.

В облаках летуче-летних
Голова моя шальная!
До сих пор в пути заветном:
Я о птицах мало знаю.

... Сосен шёлковые иглы,
Словно на море, качались –
Этой тайны не постигла,
Хоть усердьем отличаюсь.

* * *

Всё больше дней в дороге. Всё белей
Туман, что снов тревоги застилает.
И в сладкой дрёме светлых тополей
И гордых сосен сердце оживает.

Машина мчит на поворот судьбы,
Сворачивая, как подскажет сердце.
И знают только сосны и дубы
Все тайны и стихи переселенца.

Вдыхает мне Господь надежду в грудь,
Перед мечтой распахивая дали.
Но если не исполнятся, ничуть
Не опечалюсь. Затужу едва ли.

А может, это выдумка моя?
И нет ни фар дорожных, ни тумана.
А мгlistая неторопливость дня –
Примета миража и рифм дурмана...

...Какой поэт придумал, мир храня,
Достоинство осанки медных сосен
И уезжающую вдаль меня,
В ту, где тебя нет, призрачную осень?

МОРЕ

Оно уже давно мне только снится
И даже не зовёт в свои владенья,
Не помышляет в яви воплотиться.
Волн его шумных радостное пенье
Во сне порой исполнится неожиданно,
Как будто заиграет грампластинка –
Серебряный рассвет и день туманный...
Но утром – словно не было картинки.
И всё-таки тебя я, море, помню:
Как будто из забытого покоя,
Из нежности, где плеск звучал твой томный,
Кричит мне чайка над родной рекою.
Всё выдержал – и штормы, и потери –
Вот этот гладкий камушек надёжный.
...И всё-таки во встречу нашу верю
Тем горячее, чем встреча невозможней.

ОСЕННИЙ ДОЖДЬ

Да, время было трудное.
Погасло лето чудное.
Но всё-таки поэзия
Светила для меня.
И там, где солнца не было
Что день, – какая невидаль! –
В мечтах я нежась, грезила
О лучиках огня.

Куда твой путь, неведомо,
И над какими бедами
Серебряными нитями
Ты протянулся, дождь?
А горести суровые,
И гроздья туч – лиловые.
Целебно, извинительно,
Ко времени идёшь.

С тобою за компанию
Пройдусь. Дай обещание,
Что к ночи не умолкнешь ты,
Исполнив перед сном
Моей весёлой девочке
Негромкую припевочку.
Замком послушным щёлкнешь и –
Растаешь за окном.

МОЯ БЕРЁЗКА

Ветви тонкие, вольные, нежные
То замрут, то плывут, переменчивы.
Небо синее и безмятежное
Переполнила ты беззастенчиво.

В каждом листике мысль, в каждой веточке.
Миг – и ветра порыв легкокрылого.
Что задумалась, светлая девочка?
И о чём ты грустишь, моя милая?

Белый ствол и листки твои хрупкие
Даже чёрствую душу растрогают.
Полно, что за грехи и проступки там
Быть могли у тебя, моя строгая?

Не земная, я знаю, – небесная.
То ли снишься ты мне, то ли гредишься.
Но отрадою стала воскресною:
Всей листвою, приветствуя, светишься.

* * *

Свет мой! Давай мы поздравим друг друга
С первым цветком –
Вешней поры долгожданной порукой
Там, под окном.

Робко в снегу голубеющий праздник,
Ты – огонёк,
Жизни нахлынувшей гордый участник
Твой стебелёк.

...Праздник крылатый, лети по округе,
Сердце утешь –
Свет мой, давай мы поздравим друг друга
С ветром надежд!

ВЕСНА НА ДАЧЕ

Возвращаюсь туда, где меня заждались
Мои белые яблони, милые сёстры.
О, была ли добра к вам небесная высь?
Ранил ветер ли словом запальчиво-острым?

И всё та же ты, груша-душа, у ворот.
Вновь твой шелест таинственный слушать готова.
Вот и путь повернул в новый час, новый год.
Прошепчи, посоветуй – пойму с полуслова.

Я с весною в душе эту зиму жила,
Тем, что помнило сердце и было хранимо.
И в молчании впрок строчек свет берегла,
И теперь вдохновение неодолимо.

Брянские берега

Елена Юденкова

Елена Ивановна Юденкова – член Брянского областного литературного объединения при Союзе писателей России; руководитель литературного объединения «Горизонт» (Трубчевск). Внесла значительный вклад в деятельность литературного объединения «Горизонт»: ей удалось многое сделать для активизации литературной и краеведческой жизни в Трубчевске, стала автором проекта и дизайнером стендового оформления музея «Трубчевский край литературный» (2015), организатором областных научно-практических конференций «Мы в славянском мире» (2003–2018), межгосударственных поэтических переключек «Над Десной, Днепром и Сожем» (2012–2020) в рамках Межрегионального праздника славянской письменности и культуры «На земле Бояна». Автор проектов и составитель поэтических сборников: «Струны души» (2015) – к 45-летию литобъединения «Горизонт», «От “Горизонта”

к горизонту» (2020) – к 50-летию литобъединения «Горизонт», «СлоVo ГориЗонта» (2023, 2025) – антология патриотической поэзии. Лауреат премий им. Николая Мельникова (2010), Бояна (2012), Евгения Зубова (2023). Имеет награды: знак «Отличник народного просвещения» (1996), «Лидер образования» (2000), медаль «200 лет Ф. И. Тютчеву» (2003), знак Брянской областной Думы (2007), знак «Ветеран педагогического труда» (2010), юбилейную медаль «Трубчевск – 1050 лет» (2025).

elena6262@mail.ru

О ЛИТЕРАТУРНОМ ОБЪЕДИНЕНИИ «ГОРИЗОНТ»

(г. Трубчевск, Брянская область)

Трубчевскому литературному объединению «Горизонт» – 55 лет. Юбилейная дата, тем более такая значимая, – это всегда повод оглянуться назад, осмыслить пройденное, вспомнить, как всё начиналось: о тех, кто стоял у истоков создания литературной организации, кто формировал её «лицо», её стиль работы. Это возможность подвести определённые итоги и сделать верные выводы, очертить новые горизонты, далёкие и близкие...

Интерес к литературному творчеству в Трубчевске особо проявился, когда редактором районной газеты «Знамя труда» стал Георгий Дмитриевич Нарейко. Он открыл для читателей газеты литературный дар преподавателя математики Трубчевской средней школы № 1 им. В. И. Ленина, а затем Трубчевского лесотехникума Виктора Николаевича Белоусова, печатая его стихи и первые рассказы. Эту зародившуюся в газете традицию продолжил следующий редактор – Фёдор Фёдорович Бородулин. На страницах районной газеты появилось имя Виктора Козырева, поэтические способности которого заметил и оценил его учитель русского языка и литературы Трубчевской средней школы № 2 им. А. С. Пушкина – Евгений Евгеньевич Малюго. В то время трубчевская районная газета «Знамя труда», впоследствии эта же газета – «Знамя Октября» (редактор Пётр Яковлевич Иванюшкин), стала публиковать под рубрикой «Творчество наших читателей» стихи и рассказы и других местных авторов: братьев-педагогов Арсения и Александра Шапкиных, педагогов Сергея Каяновича и Михаила Завацкого, директора Красненской школы Тихона Пунина, мастера фотоателье Фёдора Ребенко, строителя Вячеслава Позднякова, технолога овощесушильного завода Зои Горянный, рабочего трикотажной фабрики Аркадия Дылкина и других. Подбор для публикации вёл ответственный секретарь «районки» Павел Мартынович Понякин, бывший военкор газеты Калининского фронта «Вперёд на врага», человек большой эрудиции, широкого кругозора, глубоко знавший литературу (на войне встречался с Евгением Долматовским).

Эти творческие силы сплотились вокруг Виктора Сергеевича Козырева, выпустившего к тому времени несколько авторских поэтических сборников и ставшего в свои 28 лет членом Союза писателей СССР, – первого профессионального поэта, жившего и работавшего в Трубчевске. Так в 1970 году родилось литературное объединение «Горизонт», руководителем которого он был на протяжении пяти лет, позже руководил Брянской областной писательской организацией.

«Горизонт» был создан исключительно в целях творческого общения начинающих поэтов с уже публиковавшимися авторами и предоставления культурного пространства для духа, который охватывает широкие горизонты и видит дальше и глубже, чем глаза человека. Поэтический талант даёт многое, когда он сочетается с хорошим вкусом и направляется сильной мыслью. Чтобы художественное творчество одерживало большие победы, необходимы для него широкие умственные горизонты. Только культура ума делает возможной культуру духа. К числу активистов первых заседаний литобъединения «Горизонт» присоединились поэты Владимир Маслов, Александр Буряченко, Владимир Соловский, Владимир Зайцев, позже его ряды пополнили Мария Артемьева, Василий Трошин, Борис Роженцов, Вера Сенченко, Егор Цырульников и другие.

С 1975 года эстафету руководителя принял вернувшийся на работу в редакцию газеты поэт Степан Кузькин. В газете начали регулярно выходить страницы художественного творчества «Деснянские зори», где публикуются стихи и рассказы местных авторов. К 30-летию Победы в Великой Отечественной войне страницы газеты публиковали стихи «горизонтовцев» – участников Великой Отечественной войны Александра и Арсения Шапкиных, Василия Трошина, Тихона Пунина, малолетних узников фашистских концлагерей – Марии Артемьевой и Александра Буряченко. Тема трагедии войны, нестигаемого боевого духа, высокого патриотизма все эти годы доминирует в творчестве участников литобъединения «Горизонт».

Поддерживали «Горизонт» и новый редактор газеты «Земля трубчевская» (1978) Иван Алексеевич Балабанов, и его заместитель Михаил Щербаков, и фотокорреспондент Валерий Гаранин, и корреспонденты Светлана Нефёдова и Вера Семёнова, тесно сотрудничавшие с трубчевскими авторами и поддерживавшие их творческие замыслы.

С 1989 по 1999 год руководство «Горизонтом» передано поэту Владимиру Маслову. В этот период в литобъединение пришли Наталья Соболева, Павел Прагин, Борис Лозов, Вера Силищева, Николай Аршуков, Валентина Кудина. В 1998 году в издательстве «Десна» в одной серии были выпущены пять первых авторских поэтических книжек пяти «горизонтовцев»: Владимира Маслова, Натальи Соболевой, Бориса Лозова, Павла Прагина и Николая Аршукова. Этому предшествовал организованный «Горизонтом» 7 февраля 1998 года благотворительный концерт в Трубчевском Доме культуры (директор В. А. Карева). Вообще 1998 год – «рекордсмен» по изданию книг поэтов «Горизонта»: свою первую книжку стихов для детей выпустила Мария Артемьева. А Степан Кузькин подготовил и издал посмертную книгу стихов Михаила Завацкого. За год – семь книг!

1997–2007 годы. Главный редактор газеты «Земля Трубчевская» Наталья Андреевна Соболева. Сотрудничая по журналистике со своим заместителем Степаном Павловичем Кузькиным, а с 1999 года снова возглавившим литобъединение, она активно способствовала сохранению и укреплению творческой деятельности «Горизонта» при редакции. Весомую поддержку и практическую помощь «Горизонту» стал оказывать член Союза писателей Дмитрий Стахорский, переехавший в Трубчевск из Воркуты в 1994 году. Активно влились в состав литобъединения Виктор Анисов, Василий Бузуляк, Елена Вавильченкова, Александр Гнедов, Анатолий Гавриленко, Елена Кузькина, Станислав Прилепский, Владимир Тарасенко, Максим Кокотов и другие. С 2003 года и по сей день выпускается «Поэтический ежегодник» – это задумка Степана Кузькина, где каждый автор представляет одно стихотворение уходящего года. Связано это было и с уходом из жизни горизонтовцев – членов Союза писателей России.

В 2010 году на 40-летие литобъединения «Горизонт» сопредседатель правления Союза писателей России Николай Иванов вручил именной флаг руководителю Степану Кузькину, а 3 июля этого же года в связи с 825-летием создания «Слова о полку Игореве» в Трубчевске, на земле былинного Бояна, побывала представительная делегация Союза писателей России во главе с его председателем Валерием Николаевичем Ганичевым. Для гостей при активном участии «Горизонта» было подготовлено литературно-музыкальное «Сказание о земле трубчевской». Московские гости высоко и по достоинству оценили творчество трубчевских поэтов, а также певцов, музыкантов и композиторов. Стихи

«горизонтовцев» в авторском исполнении записаны на видеодиски. Немало песен на их слова создано местными композиторами. Первую песню к 1000-летию Трубчевска в 1975 году создал брянский композитор Михаил Шевердин, написанную на стихи Степана Кузькина, которая называлась «Трубчевский вальс» («Здравствуй, город!»). Она стала гимном Трубчевска, его своеобразной визитной карточкой. Его лирика напевна и легко запоминается. Композитор Виктор Разинкин написал песни «Соборная гора» и «Славянская вязь», являющиеся основными в репертуаре народного ансамбля русской песни «Дрема». Геннадий Соболев сочинил музыку к стихам Степана Кузькина «Курганы», мастерски используя звуковые эффекты. В соавторстве по созданию песен с поэтами «Горизонта» также активно работали музыканты Вадим Ерохов, Алексей Мухамедьянов, Сергей Слабоднюк, Николай Глухов. Немало ярких, талантливых стихов и музыку к ним написала участница «Горизонта» Валентина Кудина, исполняющая свои песни на сценах. В этот период «горизонтовцы» активно выступали перед аудиториями всех учебных заведений города, в ряде сельских школ и клубов. Неоднократно выезжали для участия во Всероссийском празднике поэзии в Овстуг и Красный Рог, бывали с выступлениями в городе Рыльске (сентябрь 2006 г.) и в городе Курчатове Курской области (апрель 2008 г.), на Украине – в городах Глухов и Путивль Сумской области, Новгород-Северский Черниговской области. В Трубчевском и Белоберёзовском Домах культуры литературным объединением «Горизонт» многократно организовывались и проводятся авторские творческие вечера, юбилейные встречи, литературно-музыкальные композиции, собирающие полные залы благодарных слушателей.

Имена трубчевских литераторов всё чаще стали появляться на страницах брянских газет: «Брянский рабочий» и «Брянская учительская газета», в центральных: «Трибуна», «Труд», «Советская Россия»; в журналах: «Наш современник», «Московский вестник», «Форум», «Воин России», «Десна», «Пересвет», «Новый литератор»; альманахах: «Литературный Брянск», «На земле Бояна», «Литературная Гомельщина» (Беларусь), «Славянские колокола» (г. Рыльск Курской области); в переводе на украинский язык – в журнале «Литературный Чернигов», в черниговской газете «Гарт» и других изданиях.

В истории «Горизонта» значимую роль сыграла идея проведения братских литературных встреч. Так, в последнее воскресенье мая 1986 года впервые прошёл поэтический праздник «На земле Бояна», позже переросший в ежегодный Межрегиональный праздник славянской письменности и культуры «На земле Бояна». В нём принимали участие представители культуры соседних областей России, Украины и Белоруссии. Идеей праздника является сохранение и развитие самобытной культуры и художественных традиций славянства, духовное единение славянских народов. Яркой страницей праздника проходит поэтическая переключка «Над Десной, Днепром и Сожем», гостями в разные годы были авторы, переводившие «Слово о полку Игореве»: Андрей Чернов, Владимир Суетенко, Игорь Шкляревский из Москвы (1993); известные авторы: Станислав Репях из Чернигова (1986), Нина Карташёва из Москвы (1993), Виктор Боков из Подмоскovie (1994), Николай Иванов из Москвы (1996, 2007, 2010, 2012, 2015), Александр Бобров (2000), Николай Дорошенко и Василий Дворцов из Москвы (2012).

По инициативе «Горизонта» (С. П. Кузькин) в 1997 году была учреждена премия Бояна. Диплом лауреата премии Бояна вручается ежегодно на торжественном открытии праздника «На земле Бояна». В номинации «Литературное творчество» были удостоены: Таисия Мельченко (поэт) – Беларусь, г. Гомель (1997); Станислав Репях (поэт) – Украина, г. Чернигов (1997); Степан Кузькин (поэт) – Россия, г. Трубчевск (1997); Григорий Андреевич (редактор журнала «Полесье») – Беларусь, г. Гомель (1998); Александр Олейник (поэт) – Украина, г. Чернигов (1999); литобъединение «Горизонт» – Россия, г. Трубчевск (2000); Николай Малый (поэт) – Украина, г. Чернигов (2001); Василий Юрьевич Ткачёв (писатель) – Беларусь, г. Гомель (2002); Клавдия Васильевна Асеева (поэт) – Россия, г. Карачев (2003); Михаил Захарович Башлаков (поэт) – Беларусь, г. Минск (2004); Василий Алексеевич Дандыкин – зам. главного редактора журнала «Воин России» – Россия, г. Москва (2005); Александр Кириллович Якушенко (председатель Брянской областной писательской организации) – Россия, г. Брянск (2006); Геннадий Анатольевич Соболев (композитор, поэт, директор Трубчевской ДШИ им. А. Вальцевой) – Россия, г. Трубчевск (2006); Дмитрий Иосифович Иванов (поэт, главный редактор молодёжной газеты «Гарт») – Украина, г. Чернигов (2007); Юрий Сергеевич Фатнев (поэт) – Беларусь, г. Гомель (2008); Владимир Евгеньевич Сорочкин (председатель Брянской областной писательской организации) – Россия, г. Брянск (2009); Николай Иванович Лелюк (поэт) – Украина, г. Чернигов (2010); Николай

Фёдорович Иванов – сопредседатель правления Союза писателей России (г. Москва) – Россия (2011); Владимир Николаевич Гаврилович – председатель Гомельской областной писательской организации Республики Беларусь (2011); Анатолий Анатольевич Мироненко (главный редактор литературно-художественного альманаха «Славянские колокола») – Украина, г. Глухов Сумской области (2011); Дмитрий Васильевич Стахорский (писатель, член Союза писателей России) – Россия, г. Трубчевск, Брянская область (2012); Михаил Михайлович Болсун (поэт, культурный и общественный деятель Гомельщины) – Республика Беларусь (2013); Юрий Павлович Штыка (поэт) – Украина, г. Глухов Сумской области (2014); Владислав Сергеевич Пасин – член Союза писателей России, Брянский литератор и краевед (2014); Нина Никифоровна Никитина-Шклярова (поэт) – Беларусь, г. Гомель (2015); Павел Израилевич Прагин (поэт и переводчик, член Союза писателей России) – г. Трубчевск (2016); Тамара Крюченко (поэт, публицист) – Беларусь, г. Гомель (2016); Лилия Иосифовна Величко – член Союза писателей Беларуси, общественно-культурный деятель Гомельщины, поэт, публицист (2017); Юрий Николаевич Сбитнев (член Союза писателей СССР, член Национального Союза писателей Украины, исследователь «Слова о полку Игореве») – г. Чернигов (2017); Александр Тимофеевич Нестик (член Союза журналистов СССР, член Союза писателей России, писатель, публицист) – г. Брянск (2017); Людмила Станиславовна Ашеко (поэт) – г. Брянск (2019), а также за научно-исследовательскую работу по краеведению, общественно-культурную деятельность в области литературы, бережное отношение к славянскому братству и дружбе лауреатами премии Бояна стали: МБУК «Межпоселенческая центральная библиотека Трубчевского района» в лице директора Натальи Евгеньевны Марченковой (2015), ГУК ЛНР «Луганская республиканская универсальная научная библиотека им. М. Горького» в лице директора Натальи Антоновны Расторгуевой (2017) и ГУК ДНР «Донецкая республиканская универсальная научная библиотека им. Н. К. Крупской» в лице заведующей отделом краеведения Виктории Геннадиевны Юшкова (2017). Все лауреаты премии Бояна были гостями нашего города и литературного объединения «Горизонт». Встречи с именитыми авторами поражают искренностью и открытостью гостей, они не только остаются в памяти «Горизонта», в первую очередь, это редкий шанс общения с профессионалами самого высокого уровня, это литературный процесс, где можно получить обратную связь, живой отклик на своё творчество. В результате этого рождаются лучшие строки для современников и потомков.

При содействии литературного объединения «Горизонт» в начале 90-х годов в Трубчевской районной библиотеке создан литературно-краеведческий клуб «Боян», объединивший интеллигенцию города. На встречах клуба проходят презентации авторских сборников, а также прошло одобрение коллективных сборников стихов «Струны Бояна» (1991), «Трубчевские просторы» (1993), «Собор» (2001), «Трубчевское литературное объединение “Горизонт”. 40 лет» (2010), «Струны души» – к 45-летию «Горизонта» (2015), «От “Горизонта к горизонту”» (2020) – к 50-летию ЛИТО, «СлоVo “ГориZонта”» (2023, 2025) – к 55-летию «Горизонта».

В 2012 году «Горизонт» понёс невосполнимую утрату: перестало биться сердце Степана Павловича Кузькина, возглавлявшего литобъединение на протяжении двадцати пяти лет. Благодаря его активности и постоянной заботе о молодёжи литобъединение стало самым плодотворным и многочисленным на Брянщине. С апреля 2012 года руководителем литературного объединения «Горизонт» стал Павел Израилевич Прагин, в 2013 году его сменил Николай Николаевич Аршуков, а с 2021-го и по сегодняшний день руководит «Горизонтом» Елена Ивановна Юденкова.

2015 год в России был назван Годом литературы. Годом раньше участником литературного объединения «Горизонт» поэтом Борисом Лозовым было высказано предложение о создании Трубчевского литературного музея. В помещении Трубчевской детской библиотеки, в старинном особняке XIX века к 45-летию «Горизонта» состоялось открытие музея «Трубчевский край литературный», где фонды и экспозиции рассказывают посетителям о богатом литературном наследии земли трубчевской. Здесь же хранится именной флаг литературного объединения «Горизонт», изготовленный Союзом писателей России и вручённый в 2010 году литобъединению; в 2015-м правление Союза писателей России отметило работу литобъединения Почётной грамотой, а в 2020 году город Трубчевск был удостоен чести – статуса «Литературный город России», в чём немалая заслуга ЛИТО «Горизонт». На сегодняшний день наше литобъединение самое многочисленное на Брянщине – нас 25! Наиболее активные из них: Нина Волченкова и Александр Романов, Лада Кузнецова и Сергей Солдатов, Светлана Богданова и Валентина Кудина, Елена Вавильченкова и Ирина Урсул. В этом году создан

молодёжный сектор «Горизонта», в него вошли студентка Валерия Гуляева, школьник Артём Петраков и гимназистка Анастасия Логунова. Мы проводим не только ежемесячные заседания, но отмечаем праздники, знаменательные даты истории и литературы, участвуем в конкурсах и фестивалях, выпускаем поэтические сборники и литературную страницу в районной печати, встречаемся с земляками и гостями нашего города.

К сожалению, а может быть, и к счастью, время не стоит на месте: оно в бешеном темпе мчится вперёд, открывая новые возможности и новые темы для творчества, новые литературные *горизонты*!..

ВИКТОР КОЗЫРЕВ

(1940–2001)

К 85-летию поэта

ГОРИЗОНТ

Наивность в нас звучит всё глуше, глуше.
О, возраста нелёгкий перепад!..
Сомнения сжигают наши души,
Открытия наш разум бередают!

В надежду верим мы несокрушимо,
Неверящих презрением корим,
Знать, потому бунтует одержимость
В звенящей от волнения крови.

Не гаснут в тёмной глубине колодцев
Чужих созвездий яркие глаза.
Похожи мы на тех первопроходцев,
Кому дороги нет уже назад.

И всё же славлю этот риск бессонный,
Не каждый примет жертвенность пути,
Чтоб безрассудно рваться к горизонту
И никогда его не перейти!

МАЛЬЧИШКИ

Другу Николаю Шейнову

Та страна навсегда мне запомнилась,
Не забудется мною она.
Говорили о нас: «“Заполица!” –
Хулиганская сторона!»
Проходил обыватель украдкой
Мимо вымышленной «шпаны».
И сверкали цветными латками
На весёлой «шпане» штаны.
Да, мы с техникой виртуозною
Били по кону пятаком,
И умели солидно, как взрослые,
Затянуться лихим табаком.
Не учил нас никто приличию,

Были игры у нас просты,
Но зато мы одною спичкою
Зажигали в дожди костры.
Мы любили толкучки и ярмарки,
Разбирались в звериных следах,
И конечно, литые яблоки
Воровали в чужих садах.
А, попавшись, – молчали каменно,
В том не чувствуя вовсе стыда...
Только не были мы хулиганами,
Мы мальчишками были тогда!
Были Кольками, Сашками, Витьками
(до сих пор я вас так зову),
Мы плохого немало видели,
Но мы верили в дружбу свою.
И уж если беда разбойничала
И предательски била она –
Собиралась на свист Заполица,
Хулиганская сторона.
И друг друга, окликнув по прозвищу,
Непечатно ругнув врага,
Шла на помощь моя безотцовщина,
Послевоенная детвора.
Где ж теперь вы, мальчишки хорошие,
На каких километрах земли?..
Наше детство ночью порошею
Осторожно года замели.
Но в часы неудач, одиночества,
Когда горьки участья слова,
Мне по-прежнему очень хочется
Всех вас свистом условным позвать!

МЕНЯ РАСТИЛА РУСЬ ГЛУБИННАЯ

Меня растила Русь глубинная,
моя холодная и жаркая,
с своими ивами, рябинами
да с безответными лошадками.
Её я видел не плакатную –
с калекими и «похоронными».
Она солдаткой ночью плакала
и в праздник пела под гармонику.
Она с тоскою неколькою

вставала, собираясь с силами,
кружащимися колокольнями
и безымянными могилами.
И с выдержкой, давно изведанной,
не покачнулась пред опасностью.
И мы салютными победами
лишь ей и только ей обязаны.
Её я видел не парадную,
её я видел откровенную –
с «тошнотиками» и баландою
во времена послевоенные.
Она стояла опечаленно,
знакомая до подноготной,
в очередях вся нескончаемых,
как будто в лентах пулемётных.
Она сверкала далью синюю,
познав и муки, и терпение,
с безудержною русской силою
трудилась до остервенения,
до грани, мужеством утроенной,
о мужестве, о том не знавшая,
пахала, убирала, строила,
шинели серые донашивая.
И планы сдюжила авральные
не с подоплёкою цитатной,
и стала за рулём штурвальной
У века трудного двадцатого.

«ПОМНЮ, У РАЗБИТОГО ВОКЗАЛА...»

Помню, у разбитого вокзала
раздавала девочка цветы.
Раздавала и сама не знала,
что цветам тем не было цены.
И солдаты, нависая, росло,
от трофейных чарок веселы,
брали в руки разрывные розы
и застенчивые васильки.
Шёл Победе только месяц третий.
И над чьей-то шалой головой
плыл разнокалиберный букетик,
собранный голодной детворой.
Шрамов тихо лепестки касались,
и сгорало солнце в вышине.
Ясным чудом васильки казались
людям, уцелевшим на войне.
Рельсы разогретые дрожали,
гасли над перроном голоса...
Только тех цветов не отражали
девочки сожжённые глаза.

* * *

Ветер травы росные колыхет
и уходит в синие дожди.
Утонули серенькие крыши
в тяжком море беспокойной ржи.

Чуть дымится тёплый подорожник,
каплет солнце медленно с ветвей...
Родина! Что может быть дороже
молчаливой верности твоей!

Прощумит дорога свежим ветром,
поседеет рано голова –
буду для тебя искать по свету
самые хорошие слова.

И пускай сойду с бедой любой
в незнакомой дальней стороне,
только б ты с заботой и любовью
вспоминала чаще обо мне.

Только б ты всегда своим участием
вновь и вновь звала меня к борьбе...
Жизнь моя – в твоём огромном счастье!
И судьба моя – в твоей судьбе!

* * *

Как часто мы оторванно витаем,
Как часто нас уносит суета.
Нам кажется – мы высоко взлетаем,
Но как обманна эта высота!

Слова идут от сердца, не елейно,
Но все мученья наши – напоказ.
Мы открываем вещи и явления,
Давным-давно открытые до нас.

А где-то слёзы вдовьи не просохли,
А где-то правду побеждает ложь...
А где-то у забытого просёлка
Из детства мягко-мягко светит рожь.

И жизнь нас накрывает океанно
И мудрым непризнанием корит.
И вновь любовь разбойно, окаянно
За дымом наших выдумок горит!

Неотвратимая приходит кара
(а крыльям – таять; сердцу – индеветь...),
И рушимся мы с высоты Икара,
Чтоб иль разбиться, или впрямь взлететь!

СТЕПАН КУЗЬКИН
(1937–2012)

СЛАВЯНСКАЯ ВЯЗЬ

И что им не спится? И что их изводит?
Славянское звёздное небо молчит.
Солунские братья Кирилл и Мефодий
Над радостной тайной застыли в ночи.

И в келье монахи светлы, словно дети,
Колеблются тени от русских вихров.
Рождаются знаки: Аз, Буки и Веди.
Аз, Буки и Веди, Глаголь и Добро...

Горят золотисто под образом свечи.
Над азбукой братья колдуют склонясь:
Кирилл и Мефодий славянские речи
Вплетут узорочьем в славянскую вязь,

Чтоб мы написали великие книги
И через столетья услышали мы,
Как бьётся у Дона израненный Игорь
И плач Ярославны плывёт за холмы.

Кирилл и Мефодий – славянские дети,
И ныне стило ваше, братья, остро.
Звучит издалече: «Аз, Буки и Веди», –
А эхо в ответ им: «Глаголь и Добро».

У БРЯНСКОГО ЛЕСА

Героическая баллада

У леса – трава одичалая
И танк на высоком холме...
И тут, под калиною алою,
Былое вернётся ко мне.

Горели хлеба перемятые,
В низинах дымился бурьян.
Вёл танки к столице армадою
Со свастикой Гудериан.

И сосны стояли, как стражники,
Смирная раскатистый гул.
И танк свой горящий Калашников
На запад стволом повернул.

На запад! За дом свой! За Сталина!
За поле в густых зеленях! –
И долго чернела окалиной
Со свастикой чёрной броня.

У леса – деревни сожжённые
С печалью сиротскою труб...
И вздрагивал, вздрагивал кроною
Осколками раненый дуб.

...Тут сосны шумят высоко в небесах,
Роняя иголки в траву.
И пали солдаты в брянских лесах,
Но враг не прошёл на Москву!

СОЛДАТКИ

Всё забуду когда-то,
Что за детство пришлось:
Рубашонку в заплатах
И голодную злость...

Но увижу, пожалуй,
И в последний свой час
Женщин в скорби усталой,
В тёмных шалях до глаз.

У глухого распада,
Где берёзы шумят,
Хоронили солдатики
Чужеземных солдат.

И за крест иль за веру
Шёл солдат – всё равно:
Всех их во поле белом
Опоили вином.

И солдатики смущённо
В сером сумраке хат
Осветляли иконы
Зыбким светом лампад.

ВЕЧНЫЙ ЗОВ

Ударил колокол над храмом –
Поплыл над ширью благовест,
И вороньё с надрывным гамом
Снялось, озлясь, с обжитых мест.

Спросить бы: что мне в этих звуках?
Под них не венчан, не крещён.
Но жизни зов и скорбь разлуки
Роняет в душу вечный звон ...

Шаги замедлю у ограды,
Где дразнит молодо трава,
Скользнёт, как тень, в калитку рядом
Вся в чёрном юная вдова.

И всяк идёт во Храм с надеждой,
Чтоб здесь, от суеты вдали,
Мирские сняв с души одежды,
Свои печали утолить.

Стою поодаль. Близок вечер.
Но жар крестов не приглушить.
И оплывают в храме свечи,
И режут неба синь стрижи.

МИХАИЛ ЗАВАЦКИЙ (1930–1996)

Я ЛЕЧУ НАД РОССИЕЙ

Я лечу над Россией,
Отчий край под крылом:
Ширь речного массива,
Рек могучих излом,
И задумчивость пашен,
Нив бескрайний простор,
И хрустальные чаши
Синеоких озёр.
В золотом ореоле
Вдаль плывут города,
А за ними на поле
Обелисков гряда.
Я лечу над полями
Тех сражений былых,
Где вздымалось ввысь пламя,
Вился огненный вихрь,
Где в чаду страшной тризны,
Охладив вражий пыл,
Русский воин Отчизну
Своей грудью закрыл.
Здесь теперь – мир, раздолье,
Зеленеют поля,
Только старую болью
Кровоточит земля.
Да седым ветеранам
Снятся грозные сны,
В предрассветном тумане
Бродит эхо войны.
Я лечу над Россией,
Синева впереди,
А навстречу косые
Проливные дожди.
Но вдали пламенеет
И сверкает Восток,
Скоро тучи развеет
Озорной ветерок.

ОН ШЁЛ К ТЕБЕ

Он шёл к тебе. Он шёл к своей невесте
Через войну, надеждой окрылён.
Но вдруг письмо: солдат пропал без вести.
И весь твой дом был горем окружён.

Он шёл к тебе. Но путь был страшно труден
Сквозь град стальной и тёмно-синий дым.
Вокруг вздымались сполохи орудий,
И крылья смерти реяли над ним.

Он шёл к тебе. В железной круговерти
К тебе стремился, не жалея сил,
И многих по пути спасал от смерти,
И Родину от мук освободил.

Он шёл к тебе. Но путь его был длинен.
И где-то там он всё ещё в пути.
И был он в том, конечно, неповинен,
Что до тебя так и не смог дойти.

НИНА ВОЛЧЕНКОВА

ДОРОГА

Ты приведи меня, дорога,
На край любимого села,
Где не судили люди строго
И где я счастлива была.

Вбирала то, что на картине,
Запоминала каждый штрих.
Пейзажа нет уже в помине,
Но как же дорог сердцу миг.

Нет, мне угадывать не надо:
Тот свет родного очага
Хранят июльская прохлада
И детства синие снега.

И вьётся локоном дорога,
Вплетая золото полей,
Древесный запах от порога –
На свете нет его милей.

ЛАДА КУЗНЕЦОВА

* * *

Пусть моя любовь к тебе прорвётся
Через годы, сотни лиц, дорог.
Тонким стеблем нежно обовьётся
Вкруг твоих усталых, сбитых ног...

Пусть моя любовь снега растопит,
Радужно раскрасит старый дом.
День искристый, что был чуть недопит,
Пусть наполнит ласковым теплом!

Пусть она, в прозрачной дымке тая,
На заре, твой не тревожа сон,
Лебединой стаей улетаю,
Не разбудит задремавших крон...

Пусть моя любовь к тебе вернётся,
Круг земной пройдя. Издалека
Солнечным лучом опять пробьётся
Прямо к сердцу. Сразу. На века!

ВАЛЕНТИНА КУДИНА

СЫНОК

Я в руках несла одуванчик
Осторожно, боясь коснуться...
Как ты там без меня, мой мальчик?
Без тебя там не обойдутся!

Позвонишь, спросишь: «Мам, ты плачешь?»
«Что ты, родненький? Радость это!
Слышу голос твой! Это значит,
Что живой ты! Душа согрета.

Ничего мне не надо свыше:
Ни монеты и ни наряды.
Только б сердце твоё было ближе,
Где не рвутся в огне снаряды.

Сердце матери выдержит беды,
На себя примет боль любую.
Возвращайся, сынок, с Победой!
Доброй весточки только жду я».

СВЯЩЕННИК ИГОРЬ МОРОЗОВ

ТИШИНА

Я в лесу сегодня слушал тишину
И в её объятьях нежных утонул.
Обнимала крепко-крепко тишина.
Позабыл, что где-то рядом есть война.

Шума ветра по-над лесом не слышать.
Разливается по сердцу благодать...
А в окопах наш солдат ведёт войну,
Чтобы мы могли послушать тишину.

Пусть победою закончится война,
Пусть ребят дождутся мама, дочь, жена.
Пусть вздохнёт спокойно мирная страна
И с любовью всех обнимет тишина.

СЕРГЕЙ СОЛДАТОВ

МЫ ВЕРНЁМСЯ

Мы вернёмся. Не все, но вернёмся!
Встретят нас у подъездов цветы,
И девчонкам своим улыбнёмся –
Чуть седые, но всё ж пацаны.

В наши души войдёт тишина,
Ляжет с нами в бессонные ночи
И пугать будет нас иногда –
Лучше спим, если где-то грохочет...

Долго будем мы к ней привыкать,
Шум грозы нас с тобою утешит.
Будет рада нам каждая мать,
Глядя вслед, молча нас перекрестит.

Только трудно, что было, забыть –
Позывные друзей снова слышим.
Выйдя ночью во двор покурить,
Мы взятг тишиною подышим.

Будем с памятью долго кружить,
Скрыв в руке огонёк сигареты.
Нам теперь с тишиной этой жить
И искать вместе с нею ответы.

С неба чья-то сорвётся звезда,
Месяц рогом упрётся в крыши.
Засыпает вся в ранах душа,
Звуки грома всё тише и тише...

Брянские берега

Нина Волченкова

Нина Петровна Волченкова – автор восьми сборников стихов: «Любимых сосен перезвон», «Тихая моя пристань», «У судьбы тропинок много», «Благодарю за счастье полюбить», «Хочу туда, где свет зари», «Под солнцем спелым», «Звёзды “Вечного зова”», «И крест над куполом сияет», и шести – критики и публицистики: «Родник души» (о творчестве Н. И. Поснова – в соавторстве с Т. И. Посновой), «Путь к горизонту» и «Стремительная проза воина» (о творческом пути Н. Ф. Иванова), «И память тонкой нотой зазвучит» (К 75-летию Победы), «Летящий к Богу – аист легкокрылый» (К 80-летию Победы), «Душа твоя высокого полёта» (Памяти С. К. Вермишевой). Лауреат премий им. Николая Поснова «За Русь любимую», РОО «Брянское землячество» им. Н. А. Мельникова, Национальной премии «Золотое перо Руси». Обладатель спецдиплома I, III, VII Всероссийского фестиваля-конкурса «Поэзии прекрасный свет» (Анапа), диплома финалиста III Всероссийского фестиваля-конкурса «Поэзия русского слова» в номинации «Поэзия» и специального диплома III Всероссийского фестиваля-конкурса в номинации «Малая проза» (Анапа), диплома Московской городской организации Союза писателей России «Современные писатели России. Золотое перо!», диплома «За верность слову и Отечеству», литературной премии им. первого главного редактора «Литературной газеты» Антона Дельвига, диплома финалиста XIX, XXI и XXII открытого поэтического конкурса им. ветерана Великой Отечественной войны П. И. Шестакова.

nina-volchenkova@mail.ru

«ЛЕТЯЩИЙ К БОГУ – АИСТ ЛЕГКОКРЫЛЫЙ...»

Долгожданная книга с таким названием увидела свет в Год защитника Отечества, но история её создания уходит в прошлое десятилетие. О чём она? О Великой Отечественной войне, отражённой в произведениях поэтов Брянского края, о людях – солдатах и мирном населении. Прежде чем книга дошла до читателя, она попала в поле зрения мастеров слова – нашего земляка Николая Фёдоровича Иванова, хорошо знающего писателей и поэтов старшего и среднего поколения Брянской писательской организации, ответственного секретаря правления Союза писателей России. Рецензия «О КНИГЕ» побуждает открыть её и начать читать с первой части:

«С 9 мая 2015 года мы живём под сенью имён Бессмертного полка. Статисты подсчитали: если бы портреты всех погибших в Великой Отечественной войне пронесли по Красной площади, то процессия бы длилась девятнадцать суток. Она могла быть и больше, если бы не оказались написанными “Священная война”, “Жди меня”, “Шумел сурово Брянский лес”. Поэзия, песня, слово спасали солдат и их родных в тылу, заставляли не просто выживать в безвыходных ситуациях, а идти вперёд и побеждать. Но никогда бы не возродился Бессмертный полк, если бы послевоенное поколение писателей и поэтов не продолжили писать о войне, волновать нашу память и совесть, оглядываться назад, вглубь истории.

Брянские поэты – из первого ряда нашей литературы о войне и мужестве. Создавая свои произведения, они оставили нам верстовые столбы, которые не дали потерять из ориентиров великую Победу. Не позволили заплутать в бесовских топях, через которые всегда проходят дороги Правды.

И когда приходит третий этап – поддержать и сохранить поэтические свидетельства тех, кто соприкоснулся с дыханием войны и победы, всегда находится тот, кто терпеливо, бережно, трогательно соберёт свидетельства истории. И передаст их слова поколениям.

На Брянщине это сделала Нина Петровна Волченкова, знающая цену Слову и Памяти. Созданный ею сборник вобрал в себя целую эпоху великой страны, он сохранил атмосферу времени, передаёт – напрямую от сердца к сердцу! – величие народа. Такие дела и позволяют нашему народу становиться тем самым Бессмертным полком и пронести Победу и её поэтическое слово через будущие десятилетия».

Григорий Исаакович Блехман, поэт, прозаик, публицист, литературовед, секретарь Союза писателей России, рождённый в 1945 году, тоже оставил свои «ВПЕЧАТЛЕНИЯ О КНИГЕ “ЛЕТАЮЩИЙ К БОГУ...”»:

«Вот уже пятый десяток лет нам со всех сторон пытаются внушить мысль о том, что роль в победе советского народа в самой страшной из войн на земле – Великой Отечественной – сильно преувеличена. Что наша, тогда ещё общая страна Советский Союз едва ли справилась бы без союзников.

Конечно, тем, кто в начале 1990-х нашими же руками разрушил СССР, это выгодно. Ведь когда слабеют корни памяти, организм дряхлеет и с ним можно производить любые манипуляции.

Более чем за четверть века в новой России выросло уже целое поколение, которое усиленно “питают информацией фактов” о порочности системы бывшего Советского Союза. Поэтому любые его достижения “друзья” на Западе и внутри страны стараются по возможности нивелировать. Тем более умалить заслугу в величайшей Победе 45-го года.

Это и понятно. Ведь в огромной степени победили мы благодаря силе духа советских людей, которые, вопреки положению, в каком оказались летом 1941-го, сумели отстоять свою землю и тот строй, какой был в Советском Союзе. Строй, который в начале 1990-х не сумели сберечь мы, о чём с каждым годом всё сильнее жалею, поскольку “большое видится на расстоянии”. Вот почему любую правду о Великой Отечественной войне переоценить невозможно. Тем более невозможно переоценить роль Слова в нашей Победе, потому что во время Великой Отечественной войны оно “играло роль незримого фронта”.

Рукопись книги Н. П. Волченковой “Летающий к Богу – аист легкокрылый” как раз и несёт правду о событиях 1941–1945 годов устами брянских поэтов, произведения которых, на мой взгляд, очень удачно комментирует Нина Петровна. Кроме того, в разделе “Осколки от войны” есть и её короткие рассказы, написанные на основании документальных материалов “из первых уст”. Написаны талантливо, поэтому производят такое же сильное впечатление, как и основной материал книги, куда эти рассказы органично вливаются.

О Великой Отечественной войне люди на Брянщине знают не понаслышке, поскольку вряд ли найдётся там семья, которой она не коснулась. Вот почему думаю, что такая книга имела бы особую ценность именно здесь.

Уверен, она будет встречена всеми россиянами и особенно земляками поэтов, представленных на её страницах, с благодарностью».

Презентация книги состоялась в мае 2025 года в модельной Детской библиотеке № 5 г. Брянска, в Трубчевской городской библиотеке на заседании литературного объединения «Горизонт», а само издание имеет логотип ЛИТО. Верно сказано, что по содержанию это – книга-сборник, которая включает в себя девять частей: I – **«Вставай, страна огромная!»** (Василий Лебедев-Кумач) [<https://rospisatel.ru/volchenkova-nachalo.htm>]; II – **«Шумел сурово Брянский лес...»** – (Анатолий Софронов) [<https://rospisatel.ru/volchenkova-brjansk.htm>]; III – **«Болъ зажигает свечи памяти»** [<https://rospisatel.ru/volchenkova-hazun.htm>]; IV – **«Пахали бабы на себе, таскали плуг тяжёлый»** (Николай Алексеев), публикация на сайте «Российский писатель» – **«Были вы как несказанный свет»** – [<https://rospisatel.ru/volchenkova-vdovy.htm>]; V – **«В стихах поэта вся его судьба»** [<https://rospisatel.ru/volchenkov-br-p.html>]; VI – **«Летающий к Богу – аист легкокрылый»** [<https://rospisatel.ru/volchenkova-aist.htm>]; VII – **«Осколки от войны»** (Марьюшкины рассказы) [<https://rospisatel.ru/volchenkova-mr.htm>]; IX – **«Над подвигом время не властно»**. Ссылки на материалы были опубликованы на сайте «Российский писатель» к 70-летию Великой Победы.

Почему у книги такое необычное название?

«О ком хочу сегодня рассказать и попросить истории живые, не торопясь, с душою прочитать? О доброй птице, крупной перелётной – об аисте, что вьёт своё гнездо в тех деревьях на кровлях и деревьях, где люди очень любят их и ждут. Походкой аистиной горделивой прошли они по горестной земле в сороковые роковые годы, и погибали, проливали кровь – не потому, что этого хотели... А гордость их была сама любовь!»

*Давно, давно мне не даёт покоя один рассказ из былей фронтовых писателя старейшего из Брянска, чья биография – великий ратный путь: организация печатной пропаганды в тылу врага – март, сорок третий год. Земля в огне, и гибнущий народ, и партизанское движение, и мифы... Участником Великой той войны об аисте написано сказанье. Но что за ним? Читайте сами – **Владимир Константинович Соколов**».*

АИСТЫ ПРИЛЕТЕЛИ

Старый Трофим обычно поднимался раньше всех, но сегодня его опередил маленький Алёшка, Аркашкин сын. Вместе со старшим братом он ночевал в сарае на сеновале и проснулся от какого-то шума на крыше дома. Тихонько подполз к стенке и стал смотреть в щёлочку, чтобы выяснить, кто шумит. Увидев аистов, кубарем скатился вниз, ворвался в дом и изо всех сил начал тормошить Трофима:

– Деда, дед, аисты прилетели... Вставай же, дед, аисты...

– Где они? – спросил сразу проснувшийся Трофим.

– У нас на крыше. Скорей одевайся. Пойдём смотреть, – предложил Алёшка и, не дожидаясь Трофима, бросился к двери.

Дед поспешно натянул штаны, сунул ноги в валенки, схватил фуфайку и, забыв про свои годы и болезни, вслед за внуком выскочил во двор. Не сделав и десяти шагов, остановился, поражённый увиденным: на фоне громадных густо зазеленевших тополей, растущих около дома, ярко выделялось белоснежное оперение аистов. Трофим вдыхал нежный запах молодой листвы, принесённый лёгким ветерком из сада, ещё покрытого прозрачной дымкой тумана, любовался гордыми птицами, которые напомнили ему о другом времени. Страшное было время. Тогда над домом тоже летали аисты...

Много лет прошло с тех пор, но Трофим ничего не забыл. Нет, такое не забывается. Осень 1942 года. Выгоревшее поле, опустевшее село. Люди ушли в лес. В деревне остался только он, Трофим, да колхозный сторож Влас. Оба старые. Влас так прямо на четвереньках ползал. Кто мог подумать, что через них с партизанами связь держалась!

...Вот точно так же, как сейчас, сидел Трофим на скамеечке и смотрел в ту сторону, где за озером из леса ниточкой поднимался к небу дымок. Вековые сосны, мохнатые ели, ветвистые дубы укрыли там партизанские землянки. К нему подошёл Влас, примостился рядом на камень, потёр шершавыми ладонями колосья, собранные на поле, и начал жевать зёрна. Аистиха, сидевшая в гнезде на крыше Трофимова дома, беспокойными глазами наблюдала за ним. Укрыв птенцов, она ждала возвращения отца пернатого семейства.

Трофим взял у Власа несколько зёрен и, закопав их недалеко от сарая, сказал задумчиво: «На всхожесть надо проверить». Вернулся на место, пыхтя самосадом, Влас тоже свернул козью ножку. Перед ними раскинулось село, повёрнутое к озеру. Как сказочный град Китеж, оно словно выросло из воды. Может быть, потому здесь и гнездились аисты: вода близко и зелени много кругом.

Подул ветерок и принёс отдалённый гул моторов буксующих машин. Трофим и Влас переглянулись. Гул усилился. Машины подкатили все разом. Влас насчитал их десять. Грозные машины с бронированными бортами и кабинами. Громким охрипшим голосом кто-то скомандовал. Машины остановились. Из первой выскочил офицер и быстрым шагом направился к старикам: – Русь, бандит... Люди... Люди... – Он, очевидно, хотел узнать, где жители села.

– Хальт, хальт! – закричал в ответ Влас, потом он показал ему глазами на озеро, на хату и на гнездо аистов.

– Где люди? – спросил по-русски подбежавший солдат.

– Хальт, хальт! – твердил Влас, глядя на него круглыми, как у младенца, глазами.

– И-ди-од!... – зло процедил сквозь зубы офицер и сильно толкнул Власа в грудь. Влас не упал. Он только качнулся, потом сел на землю и обхватил голову руками.

– Где люди? – наседали на него офицер.

Трофим пробовал защитить Власа, усювестить расхонднвшего фашиста, но тяжёлый удар в висок сбнл его с ног. Трофим потерял сознание. Сколькo пролежал, не помнит. Очнулся от едкого запаха дыма. Село горело. Пожар шумел, как буран. Трофим тяжело поднялся и глянул на свой дом. По его стенам плясали огненные галки. Аист улётел, а аистиха, распластав крылья, подняла свой длинный клюв к небу, словно грозила невидимому врагу. «Укрыла детей», – подумал старик.

Среди шума пожара прозвучало несколько автоматных очередей, но и этот треск не испугал аистиху. Тогда Трофим стал кричать, бросать палки, чтоб спугнуть птицу, сунулся было на крышу, но пламя широким полотном опоясало гнездо. Когда снопы искр поднялись к небу и рухнула крыша, над хатой появился аист. Старик смотрел в небо. Аист медленно и долго парил на малых кругах. Он то опускался вниз, где огненные языки вылизывали кладку дров, что возвышалась вровень с избой, то поднимался в посеревшее от гари небо, потом стал резко набирать высоту. Вот он уже поднялся так высоко, что стал едва заметной белой точкой. «Пусть улётает, вольная птица», – подумал Трофим. Но вдруг аист сложил крылья и тяжёлым камнем понёсся к земле. Через несколько секунд рядом с пепелищем Трофимова дома лежал ком окровавленных перьев...

Где-то за селом завывала собака. Треснула короткая очередь автомата, и собака замолкла. Несколько взрывов сотрясли землю. Потом затрещали длинные пулемётные и автоматные очереди. «Бог вам на помощь, родные! – прошептал Трофим, узнав своих по «голосу» пулемёта, – Аркашкина рука. Твёрдо выводит строчку...» Это был девяносто пятый бой партизанского отряда. Девяносто пятый раз его Аркашка строчил из пулемёта. При мысли о внуке в сердце старика затеплилась радость. Он напряжённо прислушался. Бой длился около часа. Когда стало тихо, старик закрыл глаза. Послышались чьи-то быстрые шаги. Трофим догадался, что к нему спешит Аркашка. Парень действительно торопился к старику. Он остановился перед ним, не смея ни поздороваться как следует, ни заговорить.

– Ну как там? – спросил старик. – Всех побнли?

– Три машины удрали, дед, – словно извиняясь, ответил Аркашка.

Старик на минуту задумался. Всё-таки это большая и тяжёлая работа. Семь из десяти!

Внук стоял перед дедом, он был выше его на голову.

– Аркашенька, жив, значит, – прошептал дед.

– Ты не горюй, дед, мы построим новый дом, посадим новый сад. – И, невесело глянув на погибшую птицу, Аркашка твёрдо сказал: – К тебе на крышу прилетят аисты, уж это я знаю... Прилетят.

– Жаль, упустили гадов, посмотри, что они тут наделали, – сказал дед, показывая на сгоревшее село. – Матрёновку тоже спалили. Все сёла около леса, окаянные, пожгли.

Аркашка услышал слёзы в голосе деда, неловко погладил его голову и тихо сказал:

– За людей наших, за наши сёла отомстим, крепко отомстим гадам.

Дед верил, что прогонят фашистов, село отстроят и к нему, Трофиму, прилетят аисты, и ждал их. Очень ждал, и вот они прилетели (1943 год).

Доверчива и лучезарна птица, к людскому тянется жилищу, любима, и несёт добро, и рассыпает серебро – оно ложится белым пеплом как память – память о войне.

У КОЛОДЦА ВОЗЛЕ СЕЛА ИВАЙТЁНКИ

У самой дороги широкой,
Как символ людской доброты,
Колодец стоит одинокий
Невиданной красоты.
Искусно сработанный аист
С поклоном, как будто живой,

Резную бадью поднимает
И поит нас чистой водой.
И каждый, кто здесь остановится
Испить, уходить не спешит.
И мастеру низко поклонится
За щедрость и чуткость души.

Павел Кулешов

Летящий к Богу, аист легкокрылый, на белых перьях душу вверх несёшь, а на земле и о любви и вере всему ты человечеству поёшь.

Процесс сбора материала был долгим и кропотливым, но эта работа вознаграждалась рождением собственных стихов. Однажды мне позвонил Николай Фёдорович Стручков (Светлая память бывшему малолетнему узнику!) и сказал: «Прочитал ваше стихотворение “Война”. Если бы я не знал возраста автора, то отнёс бы его тем, кто находился на передовой в лихолетье». Это признание дорогого стоит. Мои стихи в книге даются в строчку курсивом:

Война!

Эта тема всегда волновала меня. Я читала стихи и пыталась понять: как Душа уцелела среди моря огня? Эту добрую Душу хочу я обнять, стать перед ней на колени, молитвы шептать, чтобы силы хватило другим прочесть, за что пала отцов, дедов, прадедов рать. Что не сделали мы, и на чём мы стоим, когда вражьи тьмы за погостом самим? А ответ очень прост, его знаем давно: Память добрая в рост, как святое вино, где в атаке солдат и где Родина-мать, где Москва, Сталинград – это сердцем принять и сберечь мы должны. И сомнения прочь: есть у нашей страны День святейший, не ночь, – Май! Девятое! Слёзы... Сирень... И салют в поднебесье, и горечи тень, вальс Победы, и плачущей матери стон...

Возвращаются беды, но Памяти тон как молитвы слова: всяк живущий живи, чтоб не никла глава, – у России на это, как Правда, права! Хрупок мир и раним, беспокойства не счесть, но сегодня есть рать – Доблесть, Мужество, Честь, Память белых берёз, леса Брянского стать, чтобы край партизанский подняться и стать в полный рост мог сегодня и завтра стоять. Нужна сила Господня, чтобы Родина-мать, у которой Любви и Заботы – на всех, процветала в веках, не меняла бы вех!

Память – зов и набат, слово сердца в строке! Кто её написал от семьи вдалеке? Генерал, комиссар, политрук или солдат? Человек – чей-то муж, или сын, или брат!

Я читаю стихи, понимая сейчас, что поэтов рождал грозный Родины час.

Никогда не забыть нам «Священной войны»! Где б ни слышали песню и текст ни читали, мы позову сердца, как солдаты страны, в ту Минуту молчания тихо вставляли. Дрожь по коже и кадры кино, чёрно-белые сполохи света... Как же это всё было давно! И недавно... А память обета не даёт нам ни ночи, ни дня, возвращает к картинам былого: рвутся в небо дороги огня... Все свои – никого нет чуждого... Никогда не забыть нам «Священной войны»!

Каким он был тот самый чёрный день, зеркальное число в начале лета? Таким, как все. И не лежала тень кровавого фашистского рассвета. Он был туманом утренним укрыт, седая борода из белой ваты. Восток алел, он был росой умыт, но прогремели взрывы... И солдаты, стоящие на грани двух миров, отчётливо и ясно понимали, каких нечистый накопил даров... Как уберечь страну, конечно, знали: стать на защиту, голову сложить, но победить фашистскую громаду, и верою, и правдою служить, не думая, не мысля о наградах.

Владимир Парыгин – старейший поэт. Пятнадцать в ту пору минуло. Война в его сердце оставила след, душа для Победы шагнула туда, где он нужен был, необходим, и дело своё делал с честью: он лётную часть безгранично любил, как техник всегда был на месте. Сражался с полком на чужой стороне и небо Берлина он видел. Вот так и служил своей милой стране, чтоб больше никто не обидел.

Парыгина строк не забуду вовек, рыдает душа в полный голос:

*И был июнь, и рожь входила в колос,
Вставляли стройки, плавился металл...*

Сегодня бы никто из нас не знал, когда бы не было таких стихов поэтов. Чтоб каждый юный жил и понимал, я тоже говорить хочу об этом. На многоцветье вижу я росу, и слышу «Школьный вальс» по всей округе, и думаю: зачем топтать красу, зачем беситься смертоносной вьюге, когда июнь – благая милость нам?! Он стал в году чертою пограничной, смешались слёзы с горем пополам. Судьба страны судьбою стала личной.

И БЫЛ ИЮНЬ...

И был июнь, и рожь входила в колос,
Вставали стройки, плавился металл...
И девичий грудной и грустный голос
Кого-то звал в ночи, кого-то ждал.

И падала роса на многоцветья
У пограничных западных застав.
Готовые и к смерти, и к бессмертью,
Стояли часовые на постах.

И был покой. Окончен день рабочий,
Накапливая силы для труда,
Страна спала. И на исходе ночи
Ещё не знала, что пришла беда.

А был июнь, и рожь входила в колос.
И вдруг затишье городов и нив
Зловещими громами раскололось,
На «до» и «после» время разделив.

Владимир Парыгин

Визитная карточка области нашей. Сурово шумел Брянский батюшка-лес. А время идёт, он становится краше, и сосны, как стрелы, до самых небес. Но горькую Память хранят и поныне траншеи, окопы, землянки и рвы. Наш лес как Святыня, как Знамя Победы – перед ним нам нельзя не склонить головы. В Суземском районе исполнена песня, в те горькие годы она родилась. А мощь её духа – в груди сердцу тесно, когда над лесами свободой лилась. Она и сегодня с душой величавой, поднимет на бой и тропой поведёт. Ей восемьдесят три, жизнь овеяна славой, а линия фронта, как Память, встаёт... Пусть будет и Память, и песня, и чудо, которое МИРОМ зовётся. И голос в эфире – повсюду, повсюду! Как ноты, по небу плывут облака...

* * *

Мой Брянский лес я наизусть листаю.
А в нём – какую ветвь ни отведи –
Увидишь: всё никак не зарастают
Окопы и по нынешние дни.
Когда приходит женщина седая
За ключевой криничною водой,
На дне ведра песчинки оседают,
Обратным счётом годы ей считает
Кукушка – не избытые бедой.
Когда бегут детишки резвой стаей
За ягодой приманчивой лесной –
Тропа свернёт, свернёт тропа лесная
Повдоль следов, оставленных войной.
Таков мой лес, мой край, родной и близкий.
В нём по какой дороге ни сверни –
Вросли корнями в землюobeliski
Из прошлых дней в сегодняшние дни.

Александр Мехедов

Мне классика, товарищи, не надо представлять. Читаю – моё сердце холодеет. Историю войны как можно умять?.. Ведь с запада всё лютый ветер дует. Он не несёт отрады и тепла, но не ему бросать нас в наказание.

В Союзе жизнь размеренно текла, и люди принимали обещанья как слово чести и как жизнь саму... А что в итоге? Смертоносным грузом напичканы кресты, кресты, кресты – в крестах от самолётов купол неба, нарушен мир, но нашим братским узам не разорваться! Хватит дружбы, хлеба и полотна-судьбы в благословенье, как покрова в тот самый миг рожденья, но не того, как пострадал народ.

«Наш Грибачёв!» – мы произносим с честью.

* * *

Июль. Жара и пыль. И крик и стон.
Вот-вот накроет переправу канонада.
Плетутся старики, спешат обозы вброд.
Погонщик из реки не может выгнать стадо.
На лицах малышей смешались слёзы, пот,
С утра уже детей огнём пытается жажда,
Но сзади топот толп: не время пить – вот-вот
Накроет переправу канонада.
Хоть каплю бы дождя, хоть тени бы кусок,
От пыли поседев, к земле сникают травы.
Вы спросите меня, когда настанет срок,
Как я вступил в бои,
где сердцем стал жесток?
Я в этот день стоял в толпе у переправы.

Николай Грибачёв

Война, как чёрный ворон, налетела, сбивала с ног и взрослых и детей. Фашистская Германия хотела повиновения, хороших новостей лишь для себя. А русским людям беды все и горе свалились, словно чёрный снежный ком, и разливалось человечье море, и оставался сиротинкой дом. У Дрожжину об этом говорится, душа болела тем, что пережил. Дитя войны, ну кто с тобой сравнится, кому на жизнь такую хватит сил?

ЭВАКУАЦИЯ

Со двора вели коров мычащих,
и котомки ладили к плечам.
И ворчал старик на домочадцев,
на слезливых дочек и внучат.
В сад прошёл. Остановился сторбясь.
Долго землю разминал в горсти
и в кисет, пропитанный махоркой,
как ребёнка в люльку опустил.
И рукой потрогал под поветью,
бросил взгляд на вымахи стропил.
Дверь закрыл. На дверь замок повесил.
И собаку отпустил с цепи.
Брызнул дождь. И затихали хаты,
пустоты не зная отродясь.
И людской поток заколыхался,
на восток тревожно уходя.
Люди шли. Глаза им вечерила
горькая осознанность вины.
И собака долго-долго выла
там, в деревне, в стороне войны.

Анатолий Дрожжин

*Родился **Виктор Козырев** в Трубчевске. До войны. Ему всего лишь год исполнился в ту пору, но все его стихи – не поле тишины, а лихолетия крутые горы, горы... Отец пал смертью храбрых на фронтах, а мама берегла судьбу поэта. Теперь и сам он о святых вратах не понаслышке знает, но об этом он с детства слышал. Адом на земле была бомбёжка, вой сирен и слёзы. А он мечтал о солнце и тепле, но холодели руки на морозе. Он выжил, путь-дорогу проторил и создал «Горизонт» – объединил Трубчевск литературный. Он сам писал и возглавлял сообщество писателей здесь – в Брянске. И город благодарен, он хранит его наследие и жизнь благодарит, стихи читает. Сборники полны любви к СССР – судьбе страны.*

БОМБЁЖКА

Не помнится мне – только снится
на краткую вспышку, на миг:
над просекой чёрные птицы
и сосны в разрывах немых.

Ну где же? Где мамины руки?
Сквозь слёзы – взлетающий свет.
Кричу, посинев от натуги,
Кричу, только голоса нет.

И всё выбираюсь из ямы...
Не верил бы в сон я ночной,
Да ноют давнишние шрамы,
Что выросли вместе со мной.

Виктор Козырев

ВОКЗАЛЫ РАННИХ ЛЕТ

Бессонно плавал в рамах
разлуки жёлтый свет...
Огромные, как храмы,
вокзалы ранних лет!
С надеждою неблизкой
под своды я входил,
и браунинг бельгийский
ладонь мне холодил.
Залётное оружие
с обоймою пустой...
И рокотал простуженно
динамик надо мной.
Морозом прокалённый,
стелил я у окна
шинель свою казённую
из чёрного сукна.

Зато я слушал вдоволь
в сумятице ночей
гармоник голос вдовий
и гвалт очередей.
Дорожные страдания,
забот – невпроворот.
Но всё ж в тепле оттаивал
отчаянный народ
и, подобрев, делился
печалью и едой,
и озарялись лица
сокрытой добротой.
И билось сердце сладко
в мальчишеской груди –
знакома пересадка,
но что там впереди?

А поезда вонзали
лучи в гудящий след...
Далёкие вокзалы,
вокзалы ранних лет!

Виктор Козырев

*Есть часть и целое в поэзии и прозе. И темы есть, что обойти нельзя, где даже летом стынет на морозе живая кровь, как в инее стезя. О ратном поле Родины, России – открытом поле святости, любви – и пели, и надрывно голосили, и умирали, клялись на крови. Да, Прохоровку брянские поэты своим вниманием не смели обойти. **Гамолин, Кузин** – рядом на планете. Как к морю реки, к Полю нам идти.*

В СМЕРТЕЛЬНОЙ СХВАТКЕ

Яростно, в смертельной схватке,
Здесь решала битву сталь.
В Понырях и Ольховатке
Мглой, свинцом застлало даль.

Гул – вверху, внизу – дым, взрывы,
Танков лязг – рёв, ад сплошной.
Разберёшь ли – где кто живы,
Всюду грохот, всюду бой.

Против стали люди встали
И со связками гранат
«Тигры» рвали, умирали,
Шагу не ступив назад.

Бились, мужество утроив:
– Стойте, гады. Хода нет.
Помни, Родина, героев,
Чти их подвиг тыщи лет!

Чем сраженье длилось боле –
Пекло жарче, гуще рёв.
И на Прохоровском поле
Ужас охватил врагов.

Шок фашисты испытали,
Осознали вдруг они:
Нервы русских – крепче стали,
Воля их – прочней брони.

Дрогнули и, огрызаясь,
Покатили в страхе вспять,
Далеко ещё ваш хаус,
Можно смерть сто раз принять.

Широки поля России,
Вековечна глубь лесов.
Разве вас сюда просили,
Наглых нелюдей и псов?

Так, незваные, ступайте,
Супостаты – вражья рать, –
И бесславно умирайте,
Фатерланд вам не видать.

И ничто уж не поможет:
Ни муштра и ни броня.
Каждый голову здесь сложит,
Жизнь, как каску, оброня...

Владимир Гамолин

ПРОХОРОВСКОЕ ПОЛЕ

*Прохоровка – посёлок городского типа в Белгородской области.
12 июля 1943 года в ходе Курской битвы здесь произошло
самое большое танковое сражение Второй мировой войны*

Шесть часов среднерусского шляха
Тряс автобус, железом звеня,
И на поле кровавого страха
Он к обеду доставит меня.
Я сошёл, разможнённый дорогой,
Оглушённый моторной нудой,
Будто странник – хмурной и убогий, –
Измождённый хулой и нуждой.
Предо мной зеленели просторы
Белгородских холмов и долин.

Тех долин, все века на которых
Бился с ворогом Рус-Исполин.
Я спешил в этот край поклониться
Тем местам, где гремели бои,
Где тучнеет овёс и пшеница
И по маю поют соловьи.
Белгородское древнее поле,
Затерялся твой Прохор в веках.
Был он пахарь, и отчину холил,
И держал Матерь-Русь на плечах...

4.05.1999 г.

*Прохоровка – Карачев
Евгений Кузин*

*Ничто не бывает случайным, и знаю я это давно. В жюри прикоснулась я к тайнам – к тем снимкам немого кино. Читаю ребячьи творенья – порою наивны, порой взрослее самих сочиненья, и хочется крикнуть: «Постой! Всмотрись в фотоснимок, ребёнок, и сердце послушай своё!..» Храни тебя Боже с пелёнок, не будет пусть колким жнивье... Читаю, читаю, читаю, и всё мне понятно без слов. И как никогда понимаю, что им не встречался **Поснов**.*

ФОТОГРАФИЯ ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

В наплыве мерцающей дымки,
Сквозь тусклый махорочный свет
Глядит с пожелтевшего снимка
Солдат восемнадцати лет.

Над правою бровью – пилотка,
Спадающий чубчик белёс.
Задумчиво, нежно и кротко
Глядит он на ветви берёз.

Над левым карманом солдата,
Неброская, впрочем, на вид,
Одна боевая награда –
Медаль «За отвагу» – горит.

О чём он задумался, право,
Солдат этот, юный лицом,
Стоящий в проснувшихся травах,
Ещё мне не ставший отцом?

Какие там ветры шумели,
Цветы прозревали в золе
В немыслимо-дальнем апреле
Ещё на горящей земле?

Какие там трубы играли,
И что им звучало в ответ?
Таинственный свет фотографий,
Далёкого времени свет.

В мерцающей дымке, сквозь ветви
Глядит на весны торжество
Солдат восемнадцатилетний,
И я так похож на него!

Смотрю на квадратик бумаги,
Судьбу принимая свою,
Тот воздух любви и отваги,
Как воду бессмертия, пью...

Николай Поснов

Сколько б ни было лет по прошествии горя, а подходят живые к единой черте, и сливается память в широкое море, и пульсирует сердце в своей наготе. Не прикрыть нашу боль, чёрный плат не расправить, не сложить его вчетверо и не забыть. Наша совесть от боли не может избавить – они живы, коль мы их умеем любить.

Господи, за что такая мука русскому народу в свете лет? Брянский лес, Десны родной излука... Острова и океаны бед... И не потому, что всё проходит, время лечит раны – так-то так. Помнят молодёжь и ветераны: Брянский лес как самый высший знак.

БРЯНСКИЙ ЛЕС

Хмуро стоят вековые ели,
затерялся след военных троп,
и уже заметен еле-еле
весь оплывший, брошенный окоп.
Проросла берёзка через каску,
сгнил землянки смоляной накат.
И стоит над той могилой братской
одиноким бронзовый солдат.

Он стоит коленопреклонённый,
голову и плечи обнажив,
и шуршат под ветром, как знамёна,
листья вязов и плакучих ив.
Слушает, как бьётся сердце глухо,
и опять от прошлого знобит...
Это Память ловит чутким ухом
эхо трудных, но победных битв.

Георгий Метельский

*Память, память! Возвращаюсь снова я к твоим далёким родникам. Нет дорожке золотого слова,
в смысл его сам воин проникал.*

* * *

Когда былых сражений всплески
Коснутся памяти моей,
Я удаляюсь в перелески,
В мир тишины ржанных полей.
Там, как судьбе благодаренье
За этот творческий покой,
Я мучаюсь до одуренья
Над заколдованной строкой
Об этом поле, о покое
И о погибших в дни боёв...
Мне хочется сказать такое,
Что сердце тронуло б твоё,
Чтобы слеза... Не об утратах,
Всего вернее, потому,
Что тишиною мы богаты
В лесу, во ржи, в родном доме.

Леонид Мирошин

*Ансамбль «Партизанской поляны» от Брянска не так далеко. Здесь в списках живут ветераны.
Здесь память всплывает легко. Здесь поднято знамя священной и очень тяжёлой борьбы...*

ПАРТИЗАНСКАЯ ПОЛЯНА

Над лесом осенним – то дождь, то туманы,
то небо как грусть васильков.
Раздвинутся сосны – возникнет поляна,
где каменный парус плывёт высоко.

Как будто перо обронила случайно
белая лебедь, рванувшись в полёт...
Это ль не песня о душах отчаянных?!
Это ль не память, что вечно живёт?!

Мы чтим имена ваши. Золотом ныне
выводим на плитах солдатских надгробий.
Ваше бессмертие – путь до Берлина.
Его окропили вы собственной кровью.

Над лесом осенним – то дождь, то туманы,
то небо как грусть васильков.
Идут ветераны к знакомой поляне,
несут ветераны букеты цветов.

А сосны гудят, словно трубы органа...
Широкая песня слетает с высот.
Идут партизаны лесною поляной,
и Память за ними неслышно идёт.

Валентин Динабургский

Все знают давно: не уйти от судьбы, исполнится всё, что начертано свыше. Свершится и памятью станет святой. Земля, как уставшая женщина, дышит и держит озёра с живою водой, чтоб раны лечить. И добро принимая, небесную синь не нарушит гроза. И видит она: среди грустного мая стоят колокольчики, как образа. Но с первым лучом появляется лунка, и снег уступает дорогу весне. И первый подснежник, как памяти струнка, нам дарит надежду не только во сне.

ПОДСНЕЖНИК

В семи верстах от нас в лесу – поляна...
Хоть много лет прошло – забыть я не могу.
Как под конвоем гнали партизана
Фашисты в бьющую свинцом пургу.

Он был поставлен к зябнувшей берёзе,
Убийцам прямо посмотрел в глаза,
И то ль от ветра, то ли от мороза
На снег упала жгучая слеза...

Прошла война над выжившей поляной,
Но отголосок той былой грозы
В стволе берёзы – пулевая рана,
И, где казнили немцы партизана,
Подснежник вырос из его слезы.

Я и теперь поляну вижу эту:
...Подснежник... смерть...
Фашисты... и мороз...
И я хочу, чтоб не было на свете
Войны, смертей и раненых берёз.

Анатолий Романюк

ПЛОЩАДЬ ПАРТИЗАН

Про Брянский лес звучит мотив,
течёт горячих дней сказанье.
И, лица к свету обратив,
на площадь вышли партизаны.
Усталый, непарадный вид!
Ведь столько выпало осилить,
чтоб доказать, на чём стоит
и стоит что страна Россия!
В рывке – стремительность штыка,
в лице – готовность насмерть драться,
в руке – граната для врага,
и для себя, чтоб в плен не даваться.

Машины мчатся налегке,
И облака плывут куда-то;
и смотрит женщина в платке,
и смотрит русич бородатый,
как по сердцам идёт мотив
и как растут под солнцем дети.
Стоят герои, воплотив
мгновенье жизни, смерти, мести.
У ног лежат цветы любви,
и годы шаг чеканят гордо.
На площади эпоху битв
как на ладони держит город.

Анатолий Дрожжин

Боль зажигает свечи Памяти. И плачет сердце – как его унять?! Леса под пеплом белой замети. Тревога рокового дня... Лёгкая метель, земли касаясь, лечит раны тех далёких лет. И сегодня, снова опасаясь, многократно повторяет: «Нет! Так нельзя, ведь вы как будто люди, а подобны, Господи, кому?..» Мы людьми останемся и будем помнить их в своём родном доме. Первая Российская деревня – Брянская невинная Хацунь...

ХАЦУНЬ

*Брянскую деревню Хацунь немцы
расстреляли 25 октября 1941 года.
Безвинно погибли 318 человек...*

Евгений Кузин

Расправа, расправа, расправа...
Со взгорка строчит пулемёт.
И полнится кровью канава.
И гибнет хацунский народ.

Это было... О, как это было!
Ранним утром, в тревожной тиши
Автоматная дробь разбудила
Луговую хацунскую ширь

Предсмертные слёзы и вскрики.
О Боже-Заступник, спаси!
Убийцы германского лика
Вершили свой суд на Руси.

И Хацунь, и Хацунь занемела –
Горстка русских сосновых хат.
А хацунцы ждали расстрела,
Прижимая к груди ребят.

А потом – тишина и пепел.
И могила на всех одна.
Только чибиры стонут в небе.
Тишина. Тишина... Тишина!

И солнце увяло в рассвете.
Как розги, – немецкая речь.
Хацунцы – российские дети,
Никто вас не смог уберечь.

Как страшна ты и как жутка ты,
Если детского смеха нет,
Если рядом – пепел от хаты,
А над полем – кровавый рассвет.

До сих пор в поклоне все деревья, и от горя не вздохнуть бойцу. Он себе никак простить не может и понять не может, как же так, человек живёт и горе множит, носит сатанинский страшный знак. Нет, не человек – фашист! Иуда! Но ведь тоже матерью рождён... Свечи свои боль зажгла повсюду, и солдаты в памятном строю.

Свечей зажжённых не пересчитать! И потому, я думаю, их много, что молится всегда жена и мать и держит купол пламени в дороге, чтобы дойти до Вечного огня, в молчанье опуститься на колени и Бога попросить: «Прости меня!» ...На фоне Неба тени, тени, тени...

Матрёновка, Бежань и Бересток, Горелково, Борисово, Упрусы... Отравлен жизни радостный исток, а головы – седы, давно не русы. Летает пепел, сожжены дотла деревни, люди, храмы и погосты... Приходим в мир, чтоб жизнь была светла. Мы на планете этой только гости! И снова предо мною имена тех деревень, посёлков и селений... От них осталась маленькая тень, да редкие стоят кусты сирени. Парасочки, Белёво, Мамаёвка...

Столица партизан – столица света. А есть ещё и Зайцевы Дворы. А МАРЬЕВКА, Салтановка – все где-то... Они живут в сердцах до той поры, пока мы помним, зажигаем свечи, за убиенных ставим в упокой. Не опускайся, зло: людские плечи всё вынесут, и рядом ты не стой! Мы вспомним ДАРКОВИЧИ – с даром, а ДОРОЖОВО – с доброю молвой. Но и они, объятые пожаром, горели, потерявшие покой. И в Святово не стало больше света. Расстрелы в Угровице и огонь... Горела наша Брянская планета... В Журиницах... Меня ты, Память, тронь! Не бойся мне напомнить, знаю, надо! А свечи боли – лишь тихонько дунь – исчезнут береги и ограды и эхом снова позовёт Хацунь.

Боль зажигает свечи Памяти и в честь того, кто здесь не назван был.

У войны – кровавое лицо! Это правда, и куда же деться, если снег слезами на крыльцо тихо падал... И болело сердце, и не знало, бедное, оно, как удары правильно расставить, и стучало гулко всё равно – звука не убавить, не прибавить. Метрономы – женские сердца! Очень точно отмеряют время... Боли нет ни края, ни конца... Господи! За что такое бремя? Брянские поэты, мой поклон вы примите в мартовской лазури: ваши строки – колокольный звон, гимны женщинам после вселенской бури.

Вдовья память – основа основ. Сколько раз она в жизни спасала? Без помпезных и праздничных слов из разрухи страну поднимала. И пиджак (что от мужа) надев, выходила родимая в поле, не кляня свой тягчайший удел, принимая как есть свою долю.

ПИДЖАКИ

На поле бранном пали мужики.
От мужиков остались пиджаки.
Их вдовы на еду не променяли,
хозяев новых к ним не примеряли.
У сельских вдов устойчивая память,
а мужняя одежда всех теплей.
Ходили в них с граблями и цепами
дорогами немереных полей.

Награды и взысканья получали
в тех пиджаках, свисающих с плеча.
Полою утирали след печали,
детишек укрывали по ночам...
Их внучки носят платица бедовые –
как вызов старомодным старикам,
а в пиджаках поныне ходят вдовы.
И нет износу этим пиджакам.

Анатолий Дрожжин

Вдовья память сиренью к крыльцу приросла, майским ливнем черёмухи белой. В День Победы как будто она не жила, но душой ожидала несмело, что споёт соловей только ей о любви, только ей он подарит надежду... Что же медлишь, солдат? Ты жену позови, чтобы как до войны, чтоб как прежде...

СОЛОВЕЙ

В зарослях сиреневых ночами
Соловей, осыпанный росой,
Пел взахлёб, разрух не замечая,
Девушке с откинутой косой.
Сколько счастья юной он пророчил,
Забываясь в собственном бреду,
В звёздно-майском ясном узорочье,
В сорок пятом памятном году!
Я не знаю, как потом он часто
В тех кустах перед резным крыльцом
Пел опять, захлёбываясь счастьем,
Женщине с задумчивым лицом,
Я не знаю, в радости ль, в печали,
Но она тревожно по весне

Почему-то плакала ночами
Над детьми, сопящими во сне.
Я не знаю, колдовские звуки
Долго ли звучали в высоте,
Помню лишь морщинистые руки,
Как поля в глубокой пахоте.
Не имею никаких известий,
Почему годами вновь и вновь
Верила обманым этим песням
Про извечно юную любовь?
Почему и ныне неустанно
Соловей поёт среди ветвей
Над уснувшей женщиной усталой,
Над могилой матери моей.

Николай Поснов

Женского рода слова – смыслы горьки и утешны... Вы обретали права всё на защиту нас, грешных. Чтобы спасти от беды, женщинам силы давали. Времени реки! Воды много в священном канале...

БОМБЁЖКА

Не помнится мне – только снится
на краткую вспышку, на миг:
над просекой чёрные птицы
и сосны в разрывах немых.
Ну где же? Где мамины руки?
Сквозь слёзы – взлетающий свет.

Кричу, посинев от натуги,
кричу, только голоса нет.
И всё выбираюсь из ямы...
Не верил бы в сон я ночной,
да ноют давнишние шрамы,
что выросли вместе со мной.

Виктор Козырев

Когда читала «Сахар», «Марфин крест», катились слёзы по щекам холодным, хотя светило солнце и окрест был благодатным краем – не голодным. А этот «сахар» я держу в руках, моё тепло он принимает тихо... Как бесновалась смерть, носилось лихо, но крест как храм высокий – в облаках.

САХАР

Пронёсся ураган по крышам ветхим
И задохнулся в душной синеве.
Сорвал в цвету рябиновые ветки,
Тяжёлый град рассыпал по траве.
Босой мальчишка, обжигаясь, ахал,
В большой картуз поспешно собирал
«Холодный сахар», вот какой он, сахар...
Он первый раз в руках его держал.

А мамка каждый вечер говорила,
Что сахар с фронта батяня принесёт.
А тут на землю столько навалило,
Что и никто его не соберёт!
Но в хате «сахар» медленно закапал
Из картуза и весь водою стал.
И мальчик плакал, мальчик долго плакал
И снова батюку с фронта ожидал.

Алексей Меньков

МАРФИН КРЕСТ

(Легенда)

Была гроза... Мы выжили едва.
Казалось, не отбиться от беды.
Спасаясь от мороза, на дрова
Враги рубили русские кресты.
У бабки Марфы вздрогнула душа:
«Поганцы!.. Не замаете дорогих!..»
И с кочергой, всё на пути круша,
Из темноты набросилась на них.

И тут свершила «колдовство» своё
Старушка в ту кладбищенскую ночь.
За привиденье приняли её:
И бросились незванцы в страхе прочь.
...Домой под выюгой еле добрела...
Когда ж умолк военный горест,
Весной воскресшей на краю села
Поднялся непокорный Марфин крест.

Николай Денисов

Матери и бабушки, родные, золотая женская душа! Ваша сила – сосны вековые, светлая дорога хороша. Вы прошли сквозь ад войны и боли, но сердца не очерствели, нет. Колосится рожь в широком поле, васильки, ромашки дарят свет.

МАТЬ

Старушка пыль устала протирать,
Предметы поднимать, перебирать,
Присела, онемев от тишины.
И вдруг упала рама со стены.
Стекольным звоном кончено пике,
И распростёрся на половике
Её сынов желтеющий портрет
Из фотографий довоенных лет.
И ею с плачем поднят из руин
Осколком рассечённый старший сын,

И, вытирая слёзы кулачком,
Берёт других, положенных ничком.
Всех собирает вместе за столом,
И выправляет каждый перелом,
И гладит раны глянцевого тел,
Глядит, как шнур на раме перетлел.
Сметает бой к остуженной печи,
Скрипит калиткой в пасмурной ночи,
Стучит впотьмах в соседское окно,
Чтоб ей мужчина вырезал стекло.

Владимир Сорокин

Родилась в преддверии Победы, из контрастов соткана судьба. Было всё: и радости и беды, только не кончается борьба. Словом и надеждой душу лечит, но порой берёт упорство высь, молнии свои на злобу мечет, на несправедливость – берегись! У метели просит хлопьев жгучих, пламени из сотканных снегов, чистоты студёной и могучей, силы от родимых берегов. От улыбки августа печальной ощущает сокращенье вех. Возвращаясь к мысли изначальной, отвечает, что унынье – грех. С сентябрём смеётся, как девчонка, радостью наполнена с небес. Как художник, своей кистью тонкой, украшает цветописью лес. Жизнь стекает плавно мягким воском, пахнет ветром, мёдом и травой. На лугу России дивно-нёстром юбиляр в согласии с собой.

ЧАСЫ ПОБЕДЫ

Прощаясь, мать его перекрестила –
Шёл на войну. В победу верил сын.
И чтоб скорей победа наступила,
Он починил и запустил часы.
...А в эту ночь часы остановились –
Вдруг перестали ходики стучать.
Она вскочила и за грудь схватилась,
Как пулю в сердце получила мать.
Холодное присутствие металла
Ей долгий месяц не давало спать.

Она ещё жила. Ждала, но знала.
Что ей уже сыночка не обнять:
Нет больше на земле её ребёнка,
Его сожгла безжалостно война!
Ну, вот и прилетела похоронка.
Часы молчали. Стыла тишина.
Она не вскрикнула, не зарыдала,
Чуть различая буквы скорбных слов.
Вздохнула горестно, шатаясь, встала
И запустила маятник часов.

Людмила Ашеко

О том, что людям страшно на войне, никто и никогда не станет спорить. А бедным детям... даже не вдвойне – на сотни лет умноженное горе. Им довелось такое пережить, что описать, осмыслить невозможно. И всё ж рискнём листки судьбы сложить, касаясь каждой строчки осторожно. Проблема есть: как фабулу представить, как разместить стихи на белом поле, чтоб не пришлось зачёркивать и править? По именам, по числам, не без боли – по их рожденья датам... Они бойцы! Защитники! Солдаты!

Этот мальчик – родом из войны. В детстве память цепкая на краски... Нет на свете ни одной страны, где земля страдала так от пляски этой смерти – сгинь она в аду! Как нести всю эту боль без меры, видеть и во сне и наяву город Кривой Рог, и изуверов, и тела казнённых на плаву. Сполохи багровые, фашисты, свастика, немецкой речи лай, ненависть и жуткое «нацисты» – из всего, что хочешь, выбирай! Нет в живых отца, казнили маму, тётя как распятие – с детьми... Не было б вовек такого срама, если б люди гнали зло плетью. Сказочная Белая Берёзка заживляла раны, бергла, но жила в душе, как свечка, слёзка и в основу творчества легла.

* * *

Как мы выжили, дети войны?
Лихолетьем обожжены
И согреты у сердца России, –
Как мы выжили, беды осилив?
Мамалыга заварена в каске,
Беспризорные давят года,
Без присмотра, тепла и ласки,
Как птенцы, без родного гнезда.

Как мы выжили, поднялись прочно
Вовки, Витьки – не съедены ржой?
В академики вышли, в рабочие
С очень нежной, ранимой душой...
Всё мне видится горько и остро:
Эшелон, уходящий в рассвет...
От вагона отставший подросток
В сером ватнике смотрит вслед.

Александр Буряченко

Как писали они! Удивительно ярко и открыто – чего б ни касалась рука. По прошествии лет драгоценным подарком нам представлена целой эпохи строка.

Судьба поэта... вся в его стихах. А жизни путь в том протяженье долог. И мысль невольная в сознание нашем: «Ах! Как человек Вселенной всё же дорог!» Читаешь «Выжил», образ выплывает: Солдат, прошедший тот кровавый ад... Вперёд идёт он, но не забывает друзей своих – весенний листопад. И потому он выжил, чтобы помнить всех, кто погиб у рваной той черты, идти вперёд, и мир стихами полнить, и воспевать шедевры красоты.

Над подвигом время не властно – так было и будет всегда. И пусть над землёю всечасно горит и не гаснет звезда. На Млечном Пути их несметно, тех звёзд, что покрылись росой – молочной росой... Чуть заметны – красивою русой косой легли высота и открытость, и взгляд устремлён в небеса. А Память, как Жизнь, – неизбежность и вера души в чудеса.

У Вечного огня да будет вечным пламя! Оно колышется, как шёлковое знамя. Небесный купол – взгляд моих внучат. Их голосов мелодии звучат, а я прошу у Бога Тишины, чтоб не вернулось эхо той войны. Наш хрупкий мир пусть богатырь хранит... Горит огонь... Молчание... Гранит...

Брянские берега

Александр Романов

Александр Романов – лауреат премии РОО «Брянское землячество» им. Н. А. Мельникова (2024). Темы исследования в литературе – литературно-критические статьи, связанные с духовной поэзией русских поэтов XIX века. Участник проекта Фонда «Благодар», руководитель Философской гостиной в «Литературном салоне Тютчевых», получившем поддержку Президентского фонда культурных инициатив. Исполнитель цикла мероприятий «Дума за думой, волна за волной» в районах Брянской области, организатор встречи с учащимися старших классов в школе № 4 «Наследие и наследники» в рамках «Литературного салона Тютчевых». Участник Рождественского концерта «Свет очей Господних», организованного Молодёжным отделом Брянской митрополии во Дворце им. Ю. А. Гагарина. Многократный лауреат фестиваля «Рубцовская осень», лауреат фестиваля-конкурса исполнителей романса и авторских произведений «Славянский край», победитель в номинации «Авторское произведение на стихи Ф. Тютчева», победитель в номинации «Профессиональное исполнение». Участник фестиваля актёрской песни им. Андрея Миронова, IV Всероссийского литературного фестиваля-конкурса им. Евгения Гусева «Яблочный Спас». Снимался в фильме режиссёра Влада Калашиникова «Прорицатель» в главной роли диакона Александра Воскресенского; в эпизодической роли в фильме режиссёра Александра Молочникова «Монастырь». Награждён дипломами и сертификатами различного уровня

ПИСЬМО В ВЕЧНОСТЬ

(Автобиографическая повесть)

Написать эту историю меня побудило желание облегчить боль и тяжесть первых дней после случившегося. Как бы мы ни понимали, что рано или поздно подобное произойдёт с каждым, смерть близкого всегда страшна и неожиданна.

Моя родная, любимая Таня! Вот уже одиннадцатый день после твоего ухода, как ты перешагнула порог временной земной жизни. Моя боль утраты подвигла меня сегодня начать писать о тебе, о нас. Может быть, в этом я найду какое-то успокоение.

Сегодня, 3 мая, возвращаясь домой со службы, рыдал, видя те места, откуда я звонил тебе в больницу. Положили тебя 8 апреля. Почти каждый день я писал тебе короткие письма. Одно, последнее, позволь мне написать в назидание всем нам, оставшимся живыми на этой земле...

«Здравствуй, моя любимая, родная Танечка! Сегодня – 23 апреля, пятница, завтра – 24-е, суббота. Вечером я буду освещать вербочки, 25-го, в воскресенье, привезу тебе несколько веточек. Потерпи, родная, осталось 5–6 дней, и я заберу тебя домой на Ленинградскую. Сегодня я стоял напротив твоего окна, но ты не подошла. В воскресенье я снова приеду на велосипеде, позвоню медсестре, и мы, Бог даст, увидимся. Передаю тебе бананы, сок и это письмо. Целую, твой муж Саша».

Вчера, выходя из подъезда, поделился своим горем ещё с одной соседкой и услышал в ответ: «Я же вас недавно видела, вместе шли из магазина...» Да, это было 7 апреля, мы вместе выбирали продукты...

Помнишь, мы были на гастролях в Ярославле, и нас пригласила в гости семья почившего протоиерея. Они повели, как он незадолго до своего ухода всем родным протяжно произнёс: «Я вас всех лю-у-б-л-л-лю-у!» Точно так же и ты нам протяжно, мягко и сердечно сказала, когда за неделю до твоего «свершения» мы звонили тебе вместе с Юлей из нашего дома.

Многие меня пытаются утешить, говорят прописные истины, которые известны и мне, но так не хочется их слушать. Люди милые, лучше поплачьте вместе со мной!

Да, ничего без воли Господа не происходит, но... что случилось, то случилось. Последним словом умирающего на кресте Спасителя было: «Свершилось!» Свершили это и с тобой, родная... В этом и моя вина. Зачем я согласился на твоё стационарное лечение? Осознание вины и каждое малейшее воспоминание о тебе придаёт мне тяжкую, мучительную боль. Сегодня опять идёт, пусть и мелкий, но холодный дождь – как тогда, в первые дни твоей кончины. Умерла ты 23 апреля в 21:15. В 18:30 я ещё читал в храме канон к событию Лазаря четверодневного. После девятнадцати часов пять – семь минут я ещё разговаривал с тобой по телефону. Ты попросила договориться с кем-нибудь из батюшек о причастии. Я исполнил твою волю и желание, но предстояло решить этот вопрос с главврачом. Потом ты пообщалась ещё с дочерью Юлей. И вот в 21 час у тебя тромб из ноги начал своё смертоносное движение. Реанимационные действия были безуспешны. Свершилось то, что мы оба чувствовали и ожидали, но... только бы не здесь, не в больнице и не сейчас. И вот в Лазареву субботу я получаю эту страшную весть. Четверодневный Лазарь, воскрешённый Христом, ещё тридцать лет прожил на земле, а тебя на четвёртый день, 27 апреля, опустили в землю.

Наверное, нам всем, собравшимся у твоей могилы, в некое утешение в этот день светило солнышко. Помнишь, как я называл тебя? «Солнышкин мой»! Ты всегда была для меня ясным лучиком, освещающим Путь к Богу, несмотря на твоё презорство, ускоренное желание сделать меня «святым». Кое-что тебе удалось: вместе мы учились в духовном училище, благодаря тебе, я стал служителем храма, закончил духовную семинарию.

Мои коллеги по театру, в большинстве случаев актрисы, говоря о нас, удивлённо подмечали: «Что она с ним сделала? Это совсем другой человек!» Иногда в кулуарах театра мы слышали ироничный шёпот: «Ниточка с иголочкой». Идя навстречу твоему желанию, я покинул театр и перешёл в филармонию, ты стала моим концертным директором, а в дальнейшем и артисткой. В ГОРОНО твой уход восприняли так: «Татьяна совсем с ума сошла!»

Одна из твоих студенток, Елена Лифиц, живущая в Москве, стала блогером. Написала она историю и о нас – «Любви посвящается». Тебе не удалось почитать, поэтому излагаю её здесь:

«Он был новеньким... Одним из вновь принятых в труппу артистов нашего местного драмтеатра. Она учила будущих педагогов. И до встречи с ним среди нас, студенток, её называли “джентльменом в юбке”. Очень живая, яркая, резкая, эмоциональная, часто категоричная. Нет, в учебной аудитории она совсем была не похожа на пушкинскую Татьяну, хотя и носила это же имя.

Я знала их историю любви не из одного источника. Во-первых, она была моим преподавателем. Во-вторых, она дружила и работала с моей мамой. И когда на неё нахлынули чувства, делилась с ней совершенно откровенно. А ещё до поступления на учёбу я сама работала в театре и поэтому с “той” стороны информация тоже была доступна.

Городок у нас небольшой, культурная прослойка ещё со времён царя Иоанна Грозного всегда была как слой густых сливок на молоке высокой жирности. Писательская организация, Союз художников, Союз театральных деятелей, Дом актёра, несколько театров, филармония, народные театры, дома культуры, картинная галерея... Поэтому случавшиеся влюблённости, свадьбы, законнорождённые и внебрачные дети обсуждались чисто по-семейному – все свои, все наши, все родные...

Увидела она его на концерте. Помимо того, что он играл на сцене, он ещё и пел под гитару.

– Какой красавец! А как поёт!! Я сразу, как услышала, как увидела, влюбилась!

Слышать такое от сорокалетней женщины, побывавшей замужем и разведённой, многим было странно. Посмеивались: с ума сошла Татьяна, в артиста влюбилась! Да они ж там все гуляки да бабники. Наплачется потом. Попытались вразумить, чтобы утихомирилась... Кому-то даже казалось, что у неё от этой любви “крыша поехала”. А у неё сияли глаза, и сама она светилась счастьем. В её жизни появился смысл. В её жизнь ворвалась любовь. В её жизни родилось счастье и появился тот, кто был этому причиной!

– Таня, ты его старше, одумайся! У него там поклонниц тьма-тьмущая! Бросит он тебя!

– Нет! Не бросит! Он меня тоже любит! – убеждённо отвечала она на все эти добрые советы-предупреждения.

В театре посмеивались. Там не всегда и всех сразу принимают.

Она ничего не замечала. Для неё Саша – всё!

Однажды она позвонила моей маме и убитым голосом сообщила, что Саша исчез. Она ждала его всю ночь, обзвонила всех, кого только можно, ей тоже звонили родные и близкие. Кто-то ругал, а кто-то утешал. С утра вместо работы она поехала в театр. Там сказали, что артист прервал договор по собственному желанию. Выходя из театра, встретила знакомого актёра, который сообщил, что его вызывали к директору и ругали, что водит в театр любовниц, на закрытых репетициях всегда посторонние лица, что он уехал искать другой театр. Видя убитое горем её лицо, Володя (так звали актёра) попытается утешить Татьяну. Вдогонку убегающей жене кричит: “Вернётся! Таких не бросают!” А она взглядом ловила такси, чтобы успеть на вокзал, в аэропорт, чувствовала, что он ещё здесь, в городе.

Между тем Александр с билетом на вечерний поезд в кармане, мучимый совестью, слонялся по городу, не находя себе места. В аэропорту работал заместителем начальника один из знакомых, с помощью которого были проверены все улетевающие и ещё не улетевающие пассажиры. Вернувшись в город, она зашла к сестре на работу за поддержкой и просто, чтобы попить воды. Туда же привели ноги и измученного совестью актёра.

Они прожили вместе 30 лет. Она ушла из образования и была счастлива рядом с ним. Саша оказался глубоко верующим человеком. Да, и артисты такими бывают. Он и сейчас поёт под гитару духовные и светские песни, даёт концерты.

Вспомнила эту удивительную историю любви, потому что на днях, случайно, среди предлагаемых ВК друзей, промелькнуло знакомое имя и лицо – Александр Романов. Я зашла на страничку и среди недавних постов увидела: моя Таня, 1991–2021 год. А на фото – Татьяну Сергеевну, учительницу из моей юности с потрясающе счастливым лицом и светом в глазах... Кому было и учить будущих педагогов, как не тем, кто умеет так любить и верить! Светлая ей память!»

Танечка, в доме много твоих вещей: одежды, косметики, фотографий, таблеток – всё это приносит мне невыносимую боль. Особенно тяжело было разбирать вещи, полученные из больницы в чёрном мешке. На следующий день после страшной вести я поехал в морг, договорился с патологоанатомом, и меня допустили к твоему телу. Я просил прощения у тебя, гладил твои холодные руки. Не знаю, слышала ли ты меня в это время?..

Анатомировать тебя, слава Богу, не стали. Санитар пообещал чуть приукрасить твоё личико. Только вечером я нашёл в себе силы прочесть канон на исход души. В нём обращение как бы от твоего лица. В пятой песне один тропарь был созвучен моему состоянию:

Иже по плоти сродницы мои.
Иже по духу братие и друзи,
И обычнии знаемии, плачите,
Воздохните, сетуйте,
Се бо от вас ныне разлучаюся...

Сегодня 4 мая, двенадцатый день. Я вновь пишу, переписываю, исправляю и по-прежнему рыдаю... Опять льёт этот холодный дождь. Несмотря на радостные Пасхальные дни Светлой седмицы, на душе тоскливо и скорбно. Раньше я усматривал и в пурге, и в дожде свои прелести. А теперь вот этот дождь... Неужели всегда, как только он заморосит, буду возвращаться в память этих мучительных дней?

Да, мы знаем, по слову апостола, что не должны уподобляться язычникам, не имеющим обетования вечной жизни, в том числе и в телесном Воскресении. Но пусть радость этого обетования будет для тебя, родная, пострадавшей от болезни, методов лечения, наших ошибок. Ты теперь уже в Доме, куда так стремилась в последнее время. А мы ещё здесь в «гостях» – в этой плачевной юдоли земной. И плакать я буду о своих грехах о том, что не смог дать тебе всего, когда ты была ещё рядом. Помнишь, когда мы поругались, и я, чтобы загладить свою вину, украсил комнату множеством живых тюльпанов. Они были с бело-розовым оттенком. С тех пор такие тюльпаны стали твоими любимыми цветами. Правда, осенью на день рождения приходилось дарить розы. А вообще я мало дарил тебе подарков. Этот зелёный свитер, который я подарил тебе в первые годы совместной жизни. Он тебе нравился, и ты его носила очень долго. Ничего уже не вернуть. Теперь и меня нет целого, а только

половинка... Упокой, Господи, душу новопреставленной рабы Твоей Татианы, моей венчанной половиночки!

В детстве ты мечтала стать артисткой. Наверное, потому и обратила внимание на меня, пришедшего к тебе в детский сад с концертом для твоего коллектива. Тогда я пел в основном популярные песни и романсы. Это потом, благодаря тебе, у меня появилось много своих песен. Помнишь, как ты мне рассказывала о своих переживаниях, что у меня расстроенная гитара? Не сердилась, именно переживала.

Да, ты была Отличником просвещения, одной из лучших заведующих, тебе даже предлагали баллотироваться в депутаты, но ты выбрала одно поприще со мной – стала артисткой филармонии. И не потому, что хотела осуществить детскую мечту, а быть рядом с мужем. И мы находились всегда вместе – и дома, и на работе, и на гастролях. Ты красивая, умная, обворожительная, но вместе с тем горделивая и властная. Прошло совсем немного времени, и я стал типичным «подкаблучником». Но, благодаря тебе, ускорилось воцерковление, в доме появлялись иконы, мы стали исповедоваться и причащаться, читать духовную литературу.

Ты радовалась моим новым песням. К репертуару на стихи любимого поэта Николая Рубцова добавились новые песни духовного содержания, появилась программа песен на стихи твоего брата. Помнишь, как после их исполнения на концерте нам звонили благодарные зрители? Однажды позвонили супруги, которые утверждали, что помирились благодаря таким песням.

...В снегу цветку не вырасти,
Лёд без тепла не тает,
Без щедрости и милости
Любовь в нас умирает...

А как ты проникновенно, нежно читала стихи со сцены!..

В Светлое Христово Воскресенье
В небо рвётся с радостью душа.
Научи нас, Боже, во спасенье
Думать глубоко и не спеша...

А «Улетели листья с тополей» Николая Рубцова в твоём исполнении теперь звучит в моём сердце нежным, грустным и пока ещё до боли скорбным эхом... Сегодня ночью я слышал всего одно лишь твоё слово – «Саша!» Не знаю, зов это был или просьба, а может быть, эхо твоих последних минут...

Покроется небо пылинками звёзд,
И выгнутся ветви упруго.
Тебя я услышу за тысячу вёрст...

Да, говорят, цитирую латинское изречение: «Vita brevis, ars longa» (жизнь коротка, искусство вечно). Наверное, надо иметь в виду искусство, выбранное самим Творцом, которое участвует в Его Божественном замысле по отношению к нам – падшему человечеству. Это понимание вкладывала ты и в меня. И как только заносило артиста в сторону былой разновсячины, настойчиво возвращала меня в нужное русло.

У тебя была особая любовь и жертвенная отзывчивость к близким. Ты всегда откликалась на просьбу дочери понынчиться с внуками, была им рада, заботлива, приобщала и меня к этой заботе. Однажды мы вместе с ними, благодаря семье Истоминых из Верховажья, участвовали в восстановлении сельского храма в честь св. пророка Иоанна. Это было ещё задолго до того, как я начал своё служение в Вологде именно в храме св. пророка Предтечи. А потом почти полтора десятка лет мы ухаживали за твоей больной мамой. Вместе с сестрой Олей вы отдавали маме частичку себя. По каждому звончку ты мчалась к ней. Оля, младшая сестрёнка, умерла в 2012-м – через три года после ухода мамы. А вот теперь этот тяжкий для меня 2021 год... Умоляю тебя, Танечка, по прошествии сорока дней приди ко мне во сне, скажи: «Не волнуйся, милый, не скорби, у меня всё хорошо, я – с Богом! Здесь все живы и счастливы».

В Великий понедельник тебя привезли в храм, я читал псалтирь рядом с гробом, просил у Бога милости для тебя. В Великий вторник, 26-го, было отпевание, потом дочь сказала, что увидела изменение в твоём лице после отпевания. Вместо мучительной маски появилась улыбка. Это заметил и отпевающий тебя наш настоятель отец Сергей.

Сменяйтесь, времена,
Катитесь в Вечность, годы,
Но некогда весна бессмертная придёт,
Жив Бог, жива душа,
И царь земной природы воскреснет –
У Бога мёртвых нет.

Н. Гнедич

Для тебя эта весна уже наступила, а моя весна земная сейчас мне кажется осенью. Прошлой осенью я ещё ездил за грибами ночью, чтобы к девяти утра, когда ты проснёшься, быть рядом. Помнишь, как ты радовалась, видя красивые белые грибочки и красноголовики, как я поил тебя каждую весну берёзовым соком. Ещё в январе этого года мы вместе покупали тебе новые рубашки и халат. Купила ты и мне новую рубашку.

Письмо дописал в 13-й день по возвращении со службы, 5 мая. Сегодня была переменная облачность, иногда выглядывало солнышко, но по-прежнему ещё холодно... Сегодня – 9 мая, День Победы – любимый праздник твоего папы-фронтовика.

Опять моросит этот дождь – как и вчера. Не только нам, многим приходится переживать боль утраты. Умирают и старые и молодые. И каждому, как сказал поэт, – «добрый крест» – знамение спасательной надежды, оружие победившего смерть Христа.

Слава, Господи, Кресту Твоему Честному и Воскресению!

В конце наших панихид по усопшим мы поём: «...и память их в род и род». Но проходят годы, десятилетия, века, образ усопшего, как сказано в акафисте за единоумершего, блекнет, ревность молитвы ослабевает, время изглаживает даже места захоронения; лишь любовь Божия, никогда не охлаждающаяся, никогда не перестающая, вечно пребывает и вечно блаженствуют пребывающие с Ним.

Берега Новороссии

Владимир Курочкин

Владимир Иванович Курочкин – родился в 1956 году в Оренбургской области в семье служащих, и весь его жизненный путь связан со службой в Российской армии. Стартом в его жизни стало Калининское Суворовское военное училище (1973), вслед за которым он успешно окончил Рязанское высшее воздушно-десантное училище (1977). С февраля 1984 по апрель 1986 года был в рядах советского военного контингента в Афганистане на должностях командира парашютно-десантной роты и начальника штаба парашютно-десантного батальона. Участвовал в Гильмендских, Кандагарских, Панджшерских и Кунарских армейских операциях. Трижды ранен. Награждён орденами Красной Звезды, «За службу Родине», медалями Жукова и Суворова, орденами и медалями ДРА. Продолжением учёбы стала Военная академия им. М. В. Фрунзе (1989) и адъюнктура при ней (1994). Кандидат военных наук и доцент кафедры воздушно-десантных войск Общевоинской академии. С особым

вниманием следит за обстановкой в зоне СВО, переживая за судьбы наших солдат. В своих стихах стремится передать, что чувствуют воины во время боевых действий

* * *

Под разрывами трудно стоять,
Третьи сутки в грязи леденю.
Научите меня выживать –
Выживать я совсем не умею.
Научите подмогу не ждать,
Есть траву, пить болотную воду,
Хлеб товарищам весь отдавать
И о ране забыть понемногу.
Атакует пехота опять,
Я готов, я уже не робею.
Научите меня убивать –
Убивать я совсем не умею.
Научите врагам горло рвать,
Окружившим бесчисленным стадом,
Под ударами не стонать,
Отбиваясь штыком и прикладом.
Набухает от крови бушлат,
Руки слабые, ноги немеют.
Научите меня умирать –
Умирать я совсем не умею.
Научите мечты забывать,
Оставляя надежду другому,
Кисть с гранатой легко разжимать,
Улыбаясь разящему дрону.
Смерть пытается в омут тащить,
Всё равно я её одолею.
Научите меня просто жить –
Жить как раньше теперь не сумею...

* * *

Захлебнулся «накат»: метко бьёт неприятель.
Залегли. Всё равно наступать.
Чуть разжав почерневшие губы,
Шепчет друг: «Не хочу умирать!»
Не шепчи, не зови – ты не дышишь,
Ты огнём пулемёта прошил.
Я тобою прикроюсь. Ты слышишь?
Сталь осколков навстречу летит.
Засыпай, друг, как спят терриконы.
Мне стрелять, а тебе засыпать.
Я твои забираю патроны.
Взвод поднялся в атаку опять...

* * *

Он мой друг – автомат, он с отвагой в груди.
Он меня не жалеет и в ад посылает.
Но когда он с отрядом штурмов впереди,
В упоенье победы мой страх пропадает.
Он фанатик войны, он, не дрогнув, убьёт,
А меня слабаком мягкотелым считает.
Но как только ложится рука на цевьё,
Сердце сразу душевный покой обретает.
И когда я, скрываясь от армии дронов,
Презирая себя, зарывался в песок, не дыша,
Он тащил меня в бой, он стрелял испуганно.
И опять наливалась азартом душа.

Берега Новороссии

Яков Шафран

Яков Шафран – автор десяти книг прозы и поэзии. Лауреат всероссийских литературных премий: «Левша» им. Н. С. Лескова, «Белуха» им. Г. Д. Гребениčkова, лауреат литературной премии русских писателей Белоруссии им. Вениамина Блаженного, лауреат «Российского писателя» (2023). Его имя внесено в «Тульский биографический словарь. Новая реальность» и в биографический словарь «Писатели земли тульской». Публикуется во многих изданиях. Награждён многими медалями, дипломами, благодарностями и грамотами. Ответственный редактор-секретарь (зам. главного редактора) литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег». Член Союза писателей России, Академии российской литературы. Член Тульского областного общества «Знание». В данное время не работает. Живёт в г. Туле

СВЯТОЕ ДЕЛО

* * *

Что означает быть русским,
Если не русским рождён? –
Значит, идти только узким,
Только надёжным путём.

Если враждуют народы,
Совесть сумев позабыть,
Родину от невзгоды
Делом своим закрыть.

Тело России в ранах
Сердцем своим бинтовать.
Ведь успокоиться рано,
Если в опасности Мать.

Прошлoе в памяти свято
Против неправды хранить.
Родину, пусть виноват ты,
Всею душою любить.

Многое есть не по сердцу
В нашей родной стране.
Только души своей дверцу
Не открывать слабине.

Не открывать разрушенью –
Только в спокойствии лад.
Чтобы не стать мишенью
Краю для вражьих армад.

Что означает быть русским,
Если не русским рождён? –
Это стоять и не трусить,
Правды держа рубикон.

01–11.09.2025 г.

* * *

Идёт на нас зло,
Идёт, как веками.
В душе тяжело
Быть кому-то врагами.
Коль кто-то с добром,
Хлеб-солью их встретим.
Коль с тёмным нутром,
То встречный им ветер.
Хотите добра –
Очистите души
Свои вы до дна,
Чтоб не было стужи.
Иначе война
Несущим нам злое.
Не наша вина –
Мы помним бывшое.
За Родину – в бой,
За милые песни,
Пойдём мы с мольбой –
Не быть тёмной бездне!

30.08–11.09.2025 г.

* * *

*майору Роману Филиппову,
лётчику, сбитому врагом
и, чтобы не сдаться в плен,
подорвавшему себя и врагов гранатой*

Парни простые, обычные парни,
Как много вас гибнет в священном бою.
Звери нацистские злы и коварны,
Ведь знают они то, что лучшее бьют.

Парни себя не жалеют в атаке,
В решительной схватке один на один,
Делают то, что способен не всякий,
Средь крови и боли, ранений, кончин.

Там, среди них, моё место, я знаю, –
Не здесь, среди весёлых и праздных людей, –
Там, где Филиппов чеку вырывает,
Гранатой взорвать чтоб себя и зверей.

Хочется вырвать его из осады,
Другой самолёт для него подогнать...
Только секунды не знают пощады,
И не повернуть тока времени вспять.

Я не диванный совсем наблюдатель,
Поэтому с силой враждебной борюсь
Словом своим как поэт и писатель!..
Вот только о павших щемящая грусть.

Парни простые, обычные парни,
Всегда на войне, как на деле святом.
Вот потому-то мы им благодарны,
И знаем – победа вернётся в наш дом!

06–09.09.2025 г.

* * *

Мир окунулся в войну,
Заповедь Божью забыв.
Вновь, не избывши вину,
Вражьей армады наплыв.

Вновь сатанинская мразь
Хочет позор осознать.
И, своей спесью давясь,
Гонит на Русь свою рать.

Финиш войны предreshён –
Русских им не победить.
Слышен над Родиной звон –
Это призыв послужить.

Наша победа им впрок,
В памяти знаковый клин,
Будет надолго урок,
Как побеждённый Берлин.

Сколько б ни гнали солдат,
С русскими не совладать.
Будет один результат –
Выстоит Родина-Мать!

29.08–11.09.2025 г.

* * *

Учила нас жизнь –
Не остаться в стороне,
Когда брошен клич:
«Друзья, наших бьют!»
Остаться бесстрастным –
Быть, значит, подонком,
Поставив превыше свой личный уют.
А также глядеть малодушно, трусливо,
Как бьют безнаказанно наших людей,
И только лишь корчить гримасы брезгливо,
Услышав –
Насилуют наших детей.

Враги так довольны,
Когда видят это,
И вновь намечают «нах остен» маршрут,
Мерещится им над Россией победа,
И вслед начинается прибыли зуд.

Народ наш силён лишь тогда,
Когда вместе,
Когда воедино,
Как сжатый кулак,
Когда, при одной
«Наших бьют!» только вести,
Он вверх поднимает Отечества флаг.

Поэтому нет и не будет приятя
Для тех, кто спокоен,
Когда наших бьют.
Сплотимся теснее для Родины, братья,
Ведь враг наш силён, и коварен, и лют!

09–24.09.2025 г.

Берега истории

Екатерина Фёдорова

Екатерина Сергеевна Фёдорова – родилась в Москве, доктор культурологии, к. ф. н., профессор факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова; лауреат литературной премии «Золотое перо Руси – 2024» в номинации «Культурное наследие». Основные работы последних трёх лет: Федорова Е. С. *О красоте и чести. Жизнеописание потомка Рюрика князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского*. М.: Издательский Дом ЯСК, 2023; Федорова Е. С. *Анна Сергеевна Вырубова: Вкус к жизни. Домашний круг и рецепты в историко-мемуарном контексте. (Идеи века в истории рода)*. М.: Издательский Дом ЯСК, 2023; Федорова Е. С., Лобанов-Ростовский Н. Д. *Исторический портрет и Серебряный век: род и коллекция князя Н. Д. Лобанова-Ростовского в изобразительном искусстве России: учебное пособие по истории искусства для учащихся старших классов, СПО и вузов*. М.: Издательский Дом ЯСК, 2025; Григорий Николаевич

Вырубов: *русский философ-позитивист в европейском контексте. Воспоминания / составители: Федорова Е. С., Лобанов-Ростовский Н. Д.; науч. ред. Фёдорова Е. С. М.: Издательский Дом ЯСК, 2024*

ТИЛЬЗИТСКИЙ ПЕРЕГОВОРЩИК

Князь Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский

Князь Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский. Неизв. худ.
Дар Н. Д. Лобанова-Ростовского
Посольству РФ в Париже

Князь **Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский** (1758–1838) прославился храбростью в сражениях, с 14 лет находясь на военной службе и стремительно продвигаясь по карьерной лестнице. В 1807 году, по личному распоряжению государя императора Александра I, он проявил своё дипломатическое дарование в Тильзите (ныне город Советск в Калининградской области) в переговорах с Наполеоном.

В 1807 году, 2 июня по старому стилю, Наполеон разгромил при Фридланде (близ Кёнигсберга) русскую армию под командованием генерала Леонтия Беннигсена. С обеих сторон потери были огромны: русских убито и ранено около 12 тысяч, французов – около 10 тысяч. Ослабевшая Пруссия, ради спасения которой Россия ввязалась в войну, не смогла даже обеспечить необходимыми помещениями солдат и помощью раненых. Александр I был в панике, не видя на тот момент возможностей для прямой войны с Наполеоном. Нужен был умелый переговорщик, который смог бы убедить Наполеона заключить с Россией перемирие. Выбор пал на военачальника Лобанова-Ростовского. Вероятно, причиной такого

решения стало сочетание дерзновенно смелого и волевого характера князя и столь же отважного ума.

Князь обладал ярким и сложным характером. В частной жизни Дмитрий Иванович порой был вспыльчив до ярости, а когда дело касалось защиты Родины – храбр и горяч. На протяжении всей жизни он приносил огромную пользу России на полях войны, став героем и известным лицом отечественной истории, и в соответствии с заслугами получал ордена, награды и сделал головокружительную карьеру.

В 25 лет в чине подполковника он участвовал в русско-турецкой войне, затем – в завоевании Крыма, отличился при взятии Очакова и Измаила, а также при штурме Праги в Польской кампании. За

что Суворов наградил его золотой шпагой, на которой было выгравировано «За храбрость». В его военной жизни было много успешных операций, подвигов и ранений. В возрасте 52 лет он стал генерал-губернатором ливонским, эстляндским и курляндским, а также и рижским военным губернатором, то есть военным главой всей территории современной Прибалтики. А в 55 лет его назначили членом Государственного совета, в этой должности он состоял четверть века – до 80 лет, до конца жизни.

Встреча с Наполеоном стала особой страницей в жизни Дмитрия Ивановича. В книге «Эпоха. Судьба. Коллекция» его потомок, Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский, пишет: «Александр I, готовясь к войне с французами, предложил Дмитрию Ивановичу возглавить формируемую в Твери дивизию, которую он и привёл под Тильзит»¹. Вот как излагает ход дальнейших событий болгарский учёный Никола Казански: «2 июня 1807 года Наполеон разгромил при Фридланде русскую армию Беннигсена. Александр I, получив это известие, приказал Лобанову-Ростовскому ехать во французский лагерь для переговоров о мире. Генерал Калькрейт также явился к Наполеону от имени прусского короля (Фридриха Вильгельма III), но Наполеон усиленно подчёркивал, что заключает мир именно с русским императором»².

19 июня 1807 года Дмитрий Иванович оказался с дивизией в Тильзите, имея предписание провести переговоры о военном перемирии. Казански так оценивает роль Лобанова: «От его встречи с представителем Наполеона маршалом Бертье зависело очень и очень много. При отказе Наполеона военные действия могли возобновиться в полной мере. Вместе с тем он должен выяснить вопрос о возможности заключения окончательного мира. Тут было одно главное условие. Россия, – провозгласил царь устами Лобанова-Ростовского, – оскорбительного её достоинству мира не примет, тем не менее ещё потерпит, чтоб какая ни есть перемена коснуться могла до границ её»³. Россия согласна была заключить перемирие только при неукоснительном соблюдении полной целостности своей территории.

К большому удивлению Александра I и его окружения, Наполеон впервые принял условие о незаблемости территории побеждённого противника, столь нетипичное для французской дипломатии того времени. В донесении Лобанова-Ростовского утверждалось, что великий завоеватель не собирается требовать каких-либо территориальных уступок за счёт Российской империи. Есть и другой весьма примечательный факт – первое официальное предложение о заключении мира сделал именно Наполеон, а не Александр I. В этом, кроме всего прочего, бесспорна заслуга императорского уполномоченного Лобанова-Ростовского, продемонстрировавшего чёткое понимание задач и последствий дипломатических ходов. Мы знаем, сколь чувствителен был Наполеон к талантам военных стратегов – как соратников, так и противников, и умел оценить одарённость собеседника, его понимание военного дела.

В переговорах Лобанова-Ростовского всё пошло в ход: и умение выстроить аргументы, убедить, и прямая, пылкая, отважная манера разговора, и глубокое перспективное понимание военной диспозиции в целом. Наполеон, бесспорно, оценил личность Дмитрия Ивановича и силу его доводов. Об этом неопровержимо свидетельствует его личная награда дипломату и воину: Большой крест (Grand croix) ордена Почётного легиона Франции.

Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский верхом на лошади. Неизв. худ. Акварель. Из собрания Н. Д. Лобанова-Ростовского. Надпись по-французски: «Правильная посадка»

Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский. Неизв. худ. Литография, 1807

¹ Лобанов-Ростовский Н. Д. Эпоха. Судьба. Коллекция. М.: Русский путь, 2010. С. 363.

² Здесь и далее цитируется рукопись Николы Р. Казански, доцента Болгарской академии наук: Д. И. Лобанов-Ростовский: „Князь мира” в Тильзите. В печати: «Русская мысль». 2026, № 1.

³ Казански Никола Р. Там же.

Д. И. Лобанов-Ростовский.
Худ. Г. А. Гиппиус. Литография, 1822

Наполеон и император Александр I на свидании в Тильзите.
Худ. А. Д. Кивиенко. Акварель, 1893

Итак, почва была подготовлена. Лобанов передал желание своего императора лично встретиться с Наполеоном. В том же июне «оба императора встретились на плоту, поставленном посредине реки Неман, и около часу беседовали с глазу на глаз в крытом павильоне», – сообщает Никола Казански.

Союз, заключённый между державами, предполагавший сотрудничество Франции и России в наступательной и оборонительной войне, устранял единственного сильного соперника Наполеона – Англию. Это было на руку прежде всего Наполеону, получившему огромное преимущество.

Русское общество встретило Тильзитский мир с предубеждением. Однако через столетия мы научились понимать значение осмотрительности государя Александра I, непопулярной в обществе, но с точки зрения глобальной стратегии более полезной Отечеству: мирный договор позволил России взять паузу, чтобы подготовиться к неизбежной войне.

А помимо орденов, в день подписания договора Лобанов-Ростовский получил от императора чин генерала от инфантерии.

«Сердитый карла»

О буйном нраве Лобанова-Ростовского недоброжелатели высказались в своих мемуарах весьма нелицеприятно. Например, барон Филипп Филиппович Вигель, автор знаменитых «Записок», мемуаров о первой трети XIX века, назвал его надменным «сердитым карлой».

Про его тяжёлый характер современники оставили живописную историю: «Лобанов-Ростовский отличался крайней вспыльчивостью... Получив приказ отправить войска на 17 тысячах подвод, он пришёл в ярость из-за того, что одна из деревень – Добрянка, – населённая раскольниками, отказалась дать ему подводы, и крикнул: “Добрянку сжечь!” – “Слушаюсь!” – ответил исправник... Когда подводы были отправлены, [Лобанов-Ростовский] через неделю с ужасом вспомнил о своей ужасной вспышке. Хитрый исправник сообщил ему: “Ваше сиятельство, не смог выполнить Ваш приказ, так как не понял, как надо сжечь Добрянку, с жителями или без них?” – “Не смог, и молодец!” – обрадованно ответил князь»¹.

Старый, вредный, маленький седой «карла», который мог непредсказуемо вспыхнуть от любой спички, Дмитрий Иванович очень страдал от ран, полученных в сражениях. Нёс государственную службу как мог, но в 1822 году, в возрасте 64 лет, отказался от должности главы Военного министерства, которую ему предложил император Александр I, – не чувствовал в себе достаточно сил для этого.

Не создав собственной семьи, он содержал детей своих погибших товарищей и две семьи близких военных соратников, а также четырёх своих внебрачных детей. Исправно исполнял должность члена Государственного совета. Так и умер одиноким, будучи похоронен в Санкт-Петербурге, на кладбище близ Фарфорового завода. Его попечениями четверо его детей получили дворянство и фамилию Дмитриевских.

¹ Лобанов-Ростовский Н. Д. Эпоха. Судьба. Коллекция. М.: Русский путь, 2010. С. 364.

Игорь Агибалов

Игорь Агибалов – генеральный директор Издательского дома Академии им. Н. Е. Жуковского

КУЛЬТ КНИГИ КАК ОСНОВА ВЫСОКОЙ ДУХОВНОЙ И МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ В ТРИАЛОГЕ ОБЩЕСТВА, ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА

Статья дана в сокращённом варианте

Тренд нашего времени: «Папа – токарь, я – тик-токарь!» А ведь действительно, чем больше входит в нашу жизнь цифровизация, тем всё больше молодых людей хотели бы стать блогерами и всё чаще этот процесс в обиходе стал характеризоваться как «дебилизация» пользователя. Вот какое заключение по этому вопросу дала профессор Татьяна Черниговская:

«Конечно, соцсети значительно влияют на наш мозг, так как на него влияет абсолютно всё, с чем он сталкивается. Влияние социальных сетей разное: и положительное и отрицательное. Но о негативных сторонах нужно особенно сказать. Потому что жизнь в сетях очень быстрая, непостоянная и переменчивая. Мозг отучается последовательно, глубоко и внимательно работать.

Современные люди фактически не могут читать длинные тексты. Несколько страниц для них кажутся слишком большим объёмом информации. Информация нужна им более сжатая и короткая. А попроще и покороче – это про другое. Если современные люди согласны превратиться в амёб с очень коротким и маленьким сознанием, то они успешно двигаются по этой дорожке»¹.

Анализ сказанного Татьяной Владимировной позволяет сделать теоретический вывод, что под влиянием ускорения темпа жизни, вызванного агрессивной экспансией информатизации во всех сферах жизнедеятельности общества, в том числе в соцсетях, у людей сформировался новый тип мышления, который стал характеризоваться фрагментарностью получаемой информации и быстротой её передачи и был назван «клиповым». Клиповое мышление как социокультурный феномен уже давно являет себя, как говорится, в полный рост, формируя главные особенности такой культуры – мозаичность и фрагментарность образа, его яркость и кратковременность, быстрая смена другим.

К некоторым негативным последствиям влияния клипового мышления на культуру общества можно отнести:

- снижение способности человека к критическому анализу поступающей информации. У людей остаётся меньше времени на осмысление инфопотока и его анализ;
- утрата навыка рефлексии – глубокого размышления. В результате в сложный момент человеку трудно принять решение;
- падение коэффициента усвоения знаний. Обладатели клипового мышления плохо воспринимают и запоминают учебный материал, не умеют правильно излагать свои мысли.

Есть и другой практический аспект реализации этих «теоретических» основ по расчленению детского сознания, к которому пришли исследователи из Союза писателей России. Проанализировав современную детскую литературу, они выявили тревожные тенденции: около 60 % детских книг сегодня строго соответствуют пяти деструктивным направлениям, каждое из которых формирует определённые установки в сознании детей. Вот основные смыслы, которые методично внедряются в детскую литературу:

1. Тема предательства. В книгах часто продвигается идея предательства – друг друга, страны, общества. Вместо сплочённости детям рекламируется модель **разобщённости**.

¹ <https://www.baby.ru/journal/chernigovskaya-socialnye-seti/>

2. *Человек как животное.* Человеческая природа сводится к инстинктам, игнорируются высокие идеалы и духовное развитие.

3. *Изменение социальных ролей.* Традиционные роли мужчины и женщины отвергаются. Мальчикам не обязательно быть защитниками и героями, а девочкам – заниматься домоводством. Семья перестаёт быть центральной ценностью общества.

4. *Отклонение как новая норма.* Любые личные недостатки представляются как некоторая нормальность, что не требует исправления, а зачастую выдаётся за уникальность индивидуума.

5. *Безразличие к будущему.* Книги внушают идею, что не стоит задумываться о будущем. Надо жить одним днём, здесь и сейчас!

Исследователи считают, что такие антиценности, постепенно проникая в подсознание детей, формируют у них новое восприятие мира, которое в итоге может повлиять на безопасность нашего государства.

Встаёт логичный вопрос: что нам делать с таким наследием и как вернуть былую славу книге?

Золотой век книги – источника знаний

Эпоха Просвещения, как известно, вознесла книгу на небывалую высоту. Этот исторический период связан прежде всего с развитием научной, философской, общественной мысли и художественного слова. Ярчайший пример достижения печати того периода – «Энциклопедия» Дидро, выпущенная для широкого круга читающей публики. Изобретение парового печатного станка и ротационной машины дали возможность печатать до 12 тыс. листов в час.

Поэтому в первой половине XIX века утвердились два важных фактора: популярные писатели начали получать за свой труд приличные гонорары, а предприимчивые книгоиздатели помимо выполнения просветительской функции стали на книгоиздании неплохо зарабатывать, получив финансовую возможность увеличивать тиражи и оплачивать работы интересных для читателя авторов. Так что взаимовыгодная триада «ОБЩЕСТВО – ГОСУДАРСТВО – БИЗНЕС» появилась в наиболее развитых странах, прежде всего в Европе, именно в этот исторический период. Книгопечатание совершенствовалось, расширялось тематически, прирастало тиражами и с переменным успехом всё же развивалось до начала эпохи компьютеризации и цифровизации.

Бумажный носитель информации вначале неохотно, но затем всё стремительнее стал сдавать позиции. Тиражи печатных изданий, в том числе и периодических, из года в год сокращались и – вкупе с ростом цен на типографские материалы, транспортные и энергетические издержки – увеличивались в цене. В первую очередь стали расти цены на энциклопедическую и учебную литературу, словари и богато проиллюстрированную детскую литературу. Гонорары за высокохудожественную, военно-патриотическую, поэтическую литературу упали до уровня плintуса, выбив из писательских рядов наиболее профессиональных авторов. Их заменили конъюнктурщики, графоманы и писатели-бездари. Достаточно полистать многочисленные литературные сборники и альманахи, выпущенные на средства самих авторов, чтобы в этом убедиться. Как тут не вспомнить известный афоризм Льва Озерова: «Талантам надо помогать... Бездарности пробьются сами».

Свой вклад во всеобщую дебилизацию вносят и отдельные издательства, выпускающие произведения о монстрах, зомби, паталогических убийцах или садистах в жанре «ужасы» (или «хоррор»), порнографические откровения и «сказания» о счастливой однополрой любви, что наносит огромный ущерб интеллектуальному, культурному и духовному развитию общества, приводит его к постепенной деградации и через морально-нравственное перерождение – к полной деградации и разложению – к расчеловечиванию.

Производство, вброс в инфополе и потребление обществом (сейчас уже прямо говорят «скармливание», как для скота или птицы) многообразного неотфильтрованного информационного контента и отстранение государства от данных процессов с течением времени приводит к существенно большим затратам бюджетных ресурсов, которые идут на борьбу с криминалом: коррупцией, наркоманией, проституцией и их негативными для общества последствиями, которые имеют свойства кругов на воде. Не говоря уже о социальных и психологических трагедиях, касающихся подрастающего поколения и его взаимоотношений с семьёй и в школьных коллективах, где воспитание, по сути, сведено на нет и практически отсутствует, а освободившееся место занял школьный буллинг.

Просчёты в историческом, нравственном, военно-патриотическом воспитании школьников в итоге в определённой степени сказываются и на эффективности российской армии и флота, а также на отношении населения к защитникам Отечества.

Дабы устранить подобные негативные явления, необходимо, чтобы государство сделало многофронтальную теоретическую работу над ошибками, засучило рукава и начало на практике поддерживать авторов и издателей, которые работают над просветительскими проектами, которые несут читательской аудитории высокохудожественное слово, научные знания, культуру, правду, одухотворённость, любовь к родной земле и её славной истории. Иначе наше общество будет развиваться совершенно в другой парадигме, на радость нашим недругам, завистникам и злопыхателям. Лучшие литературные произведения обязательно должны быть востребованы кино, театром, телевидением, переводиться на другие языки, как это было во времена СССР. И это не тоска по Советскому Союзу – это тоска по правильной и, к сожалению, напрочь забытой (или намеренно избегаемой для упоминания) культурной стратегии того периода. Только кардинально изменив современные отечественные культурные тренды, наша нынешняя культура (в том числе и литература) выйдет из панциря американизации и станет подлинно народной, то есть вберёт в себя самое ценное, что есть в разноликих культурах народов и народностей, населяющих нашу огромную страну.

Что выбрать бизнес-сообществу: культ книги или культуру книги?

Культ книги – ограниченное признание и сверхвысокая ценность произведения в определённом кругу читателей. Чтобы книга стала культовой, должен сложиться определённый круг поклонников, создающих вокруг неё определённые сообщества, занимающихся сотворчеством, с отсылками к такой книге.

Отличие культа книги от культуры книги заключается в том, что культ фокусируется на особом признании конкретного произведения. А культура книги – это отношение к книгам как к носителям идеологем, мыслей и эмоций, духовности и морали, прорывных и креативных идей. К этому понятию относится также и уровень качества текста, иллюстраций и полиграфического исполнения, с чем, к сожалению, не считаются некоторые книгопроизводства.

Решая задачу выпуска культовой книги, Издательский дом Академии имени Н. Е. Жуковского готовит к выпуску линейку мотивационных и профориентационных изданий. Отработанная технология позволит применить её в отношении любых отраслей.

Так, работая в данном направлении, а именно по космической отрасли, считая её успехи высшим достижением в науке и технике, мы начали с выпуска в свет книги для детей дошкольного и младшего школьного возраста «Мы – дети Галактики!», написанной доктором технических наук Александром Николаевичем Суловым. Книга позволит зажечь интерес в детских глазах, выбрать из многочисленного разнообразия индивидуальностей тех, кому интересна космическая тема, и определить целевую аудиторию: с кем надо работать, кто потенциальный читатель и, возможно, будущий работник космической отрасли. И уже таким читателям предлагать в качестве культовых следующие издания мотивационной линейки. И такая книга для учащихся средней школы «Когда я стану космонавтом?», написанная членами Союза писателей России Галиной и Павлом Барышниковыми, уже готовится. В основу книги положены реальные истории из жизни космонавтов Олега Новицкого и первой белорусской женщины-космонавта Марины Василевской.

Следующая в линейке книга о космонавтах для старшеклассников и студентов «Сергей Прокопьев», выпущенная в серии «Покорители

космоса». Автор – кандидат военных наук, член Союза писателей России Владимир Штокало. Эти книги практически направят молодёжь по карьерной лестнице на предприятиях и в учреждениях государственной корпорации «Роскосмос». Посредством указанных и подобных (при пополнении линейки) книг мы надеемся пробудить в детях интерес к космосу и, проведя ребят по ступеням образования, через систему космических классов, СПО и ВПО, привлечь к работе в космической отрасли или помочь исполнить им свою мечту детства – стать космонавтом!

Убеждён, что создание подобных книжных серий, нескудным образом ориентирующих читателя в различных отраслях промышленности, будет вести молодёжь в отраслевом фарватере, увлекаемую личными примерами патриотов – настоящих героев и былых времён, и нашего времени. Романтизация многих профессий в своё время позволила утолить кадровый голод в советской экономике – поможет и сейчас, если с умом подходить к этой идее.

Какой фундамент государства прочнее – потребительский или духовный?

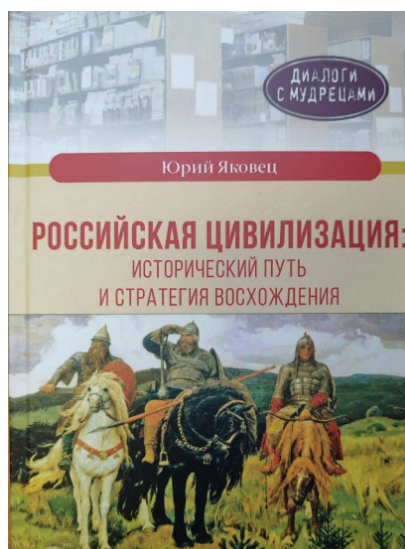
Учитывая, что читающая аудитория по разным причинам сократилась в нашей стране до 10–15 % в крупных городах и до 5–7 % на периферии, для того чтобы книга обрела статус культовой, кроме её обсуждений в сетевых группах, нужны: интервью с автором в центральных СМИ; презентации книги; публикации о ней авторитетных литературоведов; ряд маркетинговых ходов, связанных с её распространением (например, литературные туры, проводимые вместе с героем книги); поощрение автора книги престижной премией или званием. Но всё это требует определённых организационных и финансовых затрат. Оптимальный вариант – государственный заказ. И тогда книга целевым назначением попадает в библиотеки, в том числе и школьные, общества книголюбов, некоммерческие организации, работающие с молодёжью, военно-патриотические клубы, детские дома и т. п.

Раскрутка книги может также столкнуться с откровенным троллингом и фейками, которые сейчас обрели новые, более низкие, формы и методы и пышным цветом расцвели на просторах Интернета и в соцсетях. Подобная практика существовала всегда: достаточно вспомнить организованную «заклятыми друзьями» травлю Б. Пастернака за роман «Доктор Живаго», М. Булгакова за «Собачье сердце» и «Дни Турбиных», М. Шолохова за «Тихий Дон» и многих других. Тем не менее эти книги можно отнести к культовым, полюбившимся нашему обществу, как и романы М. Булгакова «Мастер и Маргарита», И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», А. Рыбакова «Дети Арбата», повесть Б. Васильева «А зори здесь тихие» и многие другие.

Один из наших авторов – ливанец Сухейль Фарах, академик Российской академии образования, доктор философских наук, учредитель Ливано-российского дома в Бейруте – в 2004 году был награждён патриархом Московским и всея Руси Алексием II медалью Святителя Макария, митрополита Московского, за книгу «Россия и Арабский Восток: встреча двух культур», изданную в конце XX века.

Поразителен для многих был ответ автора на вопрос, почему вдруг он решил осветить данный аспект: «Я обратил внимание, что от России начали отворачиваться, и сделал первый шаг исправить эту несправедливость – организовал встречу этих великих культур». Затем был не один раунд борьбы за Российскую цивилизацию, о которой как о самостоятельной цивилизации доктор философии Сухейль Фарах начал говорить в начале XXI века. В 2017 году он издал книгу «Российская цивилизация: смысл и судьба» на арабском языке в Бейруте, за которую тогда же получает международную премию имени Е. М. Примакова. В 2019 году эта книга выходит из печати в Египте на английском языке. И только в 2022 году у нас, в России, на русском языке, в нашем издательстве, увидело свет её третье переиздание – «Российская цивилизация: энергия пространства и человека», открыв собой издательскую книжную серию «Диалоги с мудрецами» и одноимённую коллекцию видеоочерков – бесед с известными общественными деятелями.

Борьба за лидерство в духовных и творческих процессах – одна из актуальнейших проблем мыслящей планеты, и автор книги выводит Российскую цивилизацию на вершину духовного лидера человечества. Определяя характерные черты цивилизационного своеобразия и самобытности России, учёный осмысливает «извечные, страстные, противоречивые стремления к духовности русского человека и народа в целом» и впервые говорит о признаках отдельной Российской цивилизации.

Российская цивилизация многотипная, обладает сложной структурой, в основе которой взаимодействие энергий человека и энергии пространства самого большого в мире государства. Это одна из великих цивилизаций, повлиявших на весь мир.

«Мир цивилизаций: есть ли будущее?» – это сейчас едва ли не самый актуальный вопрос в условиях цивилизационной войны объединённого Запада против России. Монография под таким названием вышла в серии «Диалоги с мудрецами» в 2022 году. Авторы этого научного издания – доктор экономических наук Юрий Яковец и доктор философских наук Сухейль Фарах.

Опираясь на теории происхождения и эволюции цивилизаций, посредством анализа системы угроз, нависших над человечеством, авторы предлагают оптимистический взгляд на будущее цивилизаций в системе многополярного мироустройства. Монография содержит ряд принципиально новых положений и гипотез относительно принципов взаимодействий будущего мира цивилизаций, партнёрства государств, диалога культур и религий, социальных слоёв и поколений.

В 2023 году в нашем издательстве вышла в свет монография «Культура спасёт мир!». Авторы – доктор философских наук Сухейль Фарах (Ливан) и Фуад Мамедов, доктор исторических наук (Азербайджан). В книге речь идёт о культуре и её неограниченных преобразовательных возможностях для человеческого развития, о культуре, являющейся базовым социальным феноменом, отличающим человека от животного, формирующим путь от хаоса к порядку, способствующим сохранению и улучшению жизни с древнейших времён до наших дней. Отдельные главы и параграфы посвящены вопросам культуры семьи, религиозной культуры, культуры мира и разрешения конфликтов, а также особенностям культурного развития Востока и Запада в части культуры государственного и социального управления.

Монография доктора экономических наук Юрия Яковца «Российская цивилизация: исторический путь и стратегия восхождения», изданная в 2023 году, даёт обоснование перспектив преодоления цивилизационного кризиса, предлагая систему приоритетов стратегии восхождения России, и её авангардной роли в становлении устойчивого многополярного мироустройства на базе партнёрства цивилизаций и ведущих держав.

В представляемых изданиях заключена система знаний, так остро необходимая именно сейчас нашему государству для защиты интересов мира и дружбы в традиционной научной парадигме, сформулированной с опорой на многолетний опыт исследований, проводимых различными научными авторскими коллективами.

Практическая ценность этих книг обусловлена тем, что они помогают самосовершенствованию личности: её самообразованию, самопознанию, самовоспитанию и самоуправлению, то есть формированию тех качеств, которые имеют неоценимое значение для развития человеческого капитала и формирования новой высококультурной элиты во всём мире.

Описанные выше издания собраны в комплект в подарочной упаковке, которую мы назвали «Интеллектуальная библиотека «Диалоги с мудрецами»», с целью привлечь бизнес и дать начало новому тренду – дарить интеллектуальную литературу (вместо дорогого алкоголя) сейчас модно и престижно! С помощью такой библиотеки бизнес-сообщество может внести свою лепту в решение следующих государственных задач:

- культивирование патриотизма в обществе;
- просвещение как неотъемлемая часть развития культуры и духовности общества;
- укрепление высокой репутации компании в России и за рубежом среди соотечественников;
- поддержка творческих людей в России и за рубежом, которым безразлична судьба Российской цивилизации;
- развитие международного сотрудничества путём реализации совместных издательских проектов, которые содействуют формированию положительного образа России в западной мировоззренческой картине мира, а также укреплению связей с российскими гражданами и соотечественниками, живущими за границей.

Готово ли общество принять культ книги? Что делать? С чего начинать?

С болью в сердце каждый из нас переживает происходящее сегодня, когда брат с братом у межи делит мир на рубежи. Почему это стало возможным? Хватило тридцати с небольшим лет нашим врагам, чтобы посредством различных «благотворительных» фондов, работающих над «переосмыслением» истории, над формированием новых смыслов в литературе и искусстве, переформатировать сознание брата. А начали они именно с детской литературы, сделав её красочно оформленной, дорого-богато изданной, а главное, доступной по цене во всех магазинах идеологического фронта, развёрнутого в братской нам республике. Надо сказать, что подобные тенденции могут разворачиваться сейчас и в нашем государстве, и задача нашего общества, способного к исключительной самоорганизации в тяжёлые времена, быстро купировать эту злокачественную опухоль, не допустив метастазы к новому поколению, дабы оно выросло душевно и духовно здоровым и стало поколением уверенного будущего.

И такой, лечащий детские души, автор есть! Это Валерий Ильич Герланец – уникальный культовый писатель современности, житель города Донецка, который снискал любовь своих читателей, живущих на исторически русских территориях Новороссии и выросших на сюжетах его книжек. Однако сегодня на Украине все книги В. Герланца, которые были доступны в каждой школьной библиотеке и на которых выросло поколение защитников Русского мира на Донбассе, уничтожены, а их автор по определению занимает место врага в списке на украинском сайте «Миротворец».

Задолго до этого произведения Валерия Герланца для детворы издавались не только на Украине, но и в России, Белоруссии, Германии, Израиле, Канаде, США, Чехии, а также ставились в профессиональных театрах, театрах школ искусств и дворцов детского и юношеского творчества. В 2010 году творчество писателя было отмечено медалью А. С. Грибоедова. Ряд прозаических и поэтических произведений Валерия Герланца давно вошли в школьные хрестоматии и учебники, а также в собрание сочинений лучших современных писателей «Литературный фонд», вышедшее в свет в 2018 году в Москве. В 2021 году писатель был удостоен почётного звания «Заслуженный деятель искусств ДНР», а в 2024 году стал лауреатом Международной литературной премии «Золотое перо Руси».

«Что значит в Вашей жизни книга?» – с таким вопросом наш Издательский дом обратился к Валерию Герланцу. Ответ получился своеобразной беседой-знакомством с автором. Вот что нам рассказал Валерий Герланец:

«С книгой меня познакомила мама. Первые мои книги – это народные сказки, это Пушкин, Ершов, Андерсен, Маршак, Чуковский, Носов, Бианки, Михалков... Я попадал в удивительный мир родного слова, представлял героев их произведений в своём воображении, с огромным интересом путешествовал вместе с ними, а затем пытался нарисовать увиденное. Поэтому в пять лет я уже достаточно бегло читал самостоятельно и неплохо рисовал, а стимулировала развитие литературного и художественного талантов – книга. Вот почему с книгой я никогда не расставался и не собираюсь этого делать в угоду современным гаджетам, персональному компьютеру или авто. Благами цивилизации я, естественно, пользуюсь, но обязательно нахожу время и для общения с книгой. Много книг написал сам, а ещё больше прочитал, и жажда чтения, к счастью, с годами не убывает.

Мне довелось застать время, когда люди, чтобы приобрести хорошую книгу, тащили на приёмные пункты огромные тюки макулатуры, которая, к слову, потом шла на издание новых книг. В то время, к кому в гости ни зайди, у них на полках стояли Дюма, Стивенсон, Вальтер Скотт... И люди всё это читали! А кроме того, выписывали кучу толстых литературных журналов. Не случайно статистика определяла жителей нашей тогдашней страны как самый читающий народ. наших западных партнёров этот факт очень раздражал, и они сделали всё, чтобы мы перестали быть таковым народом. Просто они стали навязывать нам свои западные “ценности”.

Процесс отлучения от книги намного быстрее пошёл после развала СССР, когда кризис охватил не только идеологическую сферу и политику, но и экономику. Книгоиздание стало переходить в частные руки и начало стремительно коммерциализироваться. Вскоре вместо русской и зарубежной классики и ведущих современных авторов в РФ хлынул поток так называемого читива – весьма примитивного, пошлого, жестокого, но необходимого для перековки людского сознания. Процесс пошёл, и его разрушительные результаты наблюдаются до сих пор.

Анализируя книгоиздательскую деятельность последних тридцати лет, прихожу к мысли, что всё происходящее вроде бы имело вполне объективные причины: свято место пусто не бывает. А если нет? Может, кому-то выгодно, чтобы новое поколение росло зашоренным, малограмотным и неэрудированным. Чтобы основным источником информации у людей стала мировая пойма – Интернет, где присутствует неисчислимое количество ошибок, неточностей и фейковой информации.

Тиражи книг за прошедшие десятилетия резко упали, цены на них выросли, но, несмотря на это, я твёрдо убеждён: книги были и остаются важны и нужны. Отказ от их чтения – это дорога в никуда, кратчайший путь от света знаний во тьму незнания.

Учёные утверждают, что чтение увеличивает число нервных связей в мозге человека на физиологическом уровне. Чтение книг

развивает мозг и позволяет сохранить ясность ума на протяжении всей жизни. А вот кино или телевидение – нет. Только мудрые книги могут научить нас безошибочно распознавать добро и зло, истину и ложь. Только они доносят до нас информацию о прошлом, чтобы, зная и анализируя её, мы смело двигались в будущее, не делая фатальных ошибок».

Согласитесь, что на таком мировоззрении и надо воспитывать наше молодое поколение – нашего юного читателя.

И мы начали делать эту работу, создав редакцию книг для детей «Забавник», выпустив следующие книги Валерия Герланца.

Книжка-конструктор «Четыре Ква» содержит в себе: раскраску для работы с карандашами; цветных персонажей на самоклеящейся бумаге, вырезая их ножницами, разрабатывая мелкую моторику, дети наклеивают их на обложку, собирая свой квартет, есть персонажи, анимированные в виртуальной реальности. Книга о том, как маленький лягушонок совершенно непохожих друг на друга героев находит нечто общее. Следуя за красочными иллюстрациями, вы окунётесь в настоящее приключение и найдёте ответ на вопрос: «Что это такое – дружить?»

В книгу «День святого Николая» вошли истории, главными героями которых стали брат и сестра – Андрюша и Ксюша, их одноклассники и, конечно же, сам святой Николай со своими небесными помощниками – ангелами. Написана она прекрасным, понятным детям языком, с мягким юмором, проиллюстрирована замечательными рисунками. Книга о дружбе, добрых помыслах, делах и мечтах детворы в канун Дня святого Николая – предвестника ярких новогодних праздников и Рождества. Книга предназначена для семейного чтения и пропитана светлыми мыслями об извечных православных ценностях. В сюжет гармонично вплетаются чудеса, столь привычные для волшебных сказок. Ох, как в них хочется верить и детям и взрослым! И чудеса обязательно происходят!

Озорные приключения маленьких четвероногих героев собраны в рассказах, оформленных нами в серию «Дачные истории». В них щенок Борька и киска Лариска – типичная аллегория. Выбрав этих пушистых проказников, автор, конечно же, имеет в виду современных мальчишку и девчонку – двух сорвиголов, непосед и почемучек. Через ответы на их вопросы автор познакомит маленького читателя с окружающим миром и научит некоторым основам жизни. Сериал этот с продолжением.

В плане работы Издательского дома на текущий год значится несколько книг В. Герланца. Это экологические сказки «Город, который ушёл по-английски...» и «Земноводные против людоземных», которые в художественной форме повествуют о серьёзных экологических проблемах, о людях, которые ради своей сиюминутной выгоды готовы разрушить мир братьев наших меньших и гармонию с окружающей средой.

Историческая повесть «Благословенный» – для взрослого читателя. Эта книга – осмысление эпохи Александра I, размышления о сделанном и не сделанном им, о победах и неудачах, досадных пролётах и ошибках, мистицизме, которым он очень увлёкся в последние годы жизни.

Книга для детей и юношества «Маленький герой необъявленной войны» – повесть, написанная по реальным событиям войны киевского нацистского режима с народом Донбасса. Шестилетний герой этой книги вместе с мамой, папой и своими сверстниками мужественно переносит военное лихолетье и начинает осознавать, почему нужно любить и защищать Родину, как это делает его отец-офицер.

... Читательская аудитория нашего Издательского дома довольно широкая, но всех нас объединяет любовь к хорошей книге. И мы выпускаем хорошие книги! Каждый может в этом убедиться, зайдя в интернет-магазин itsbook.ru и на маркетплейсы OZON и WB. Ждём вас среди гостей и друзей нашего Издательского дома!

Берега прочтения

Владимир Карагодин

Владимир Карагодин – историк, писатель, поэт. Лауреат премии «Золотое перо Руси» за серию книг о святынях Православия и подвижниках благочестия, а также литературно-исторической премии Союза писателей России «Росс Непобедимый» за книгу о Донецком старце схииерхимандрите Зосиме «Пророк Непокорённого Донбасса»

КИНО КАК ИСПОВЕДЬ:

О ПРЕМЬЕРЕ ФИЛЬМА НИКОЛАЯ БУРЛЯЕВА «НИКИТА»

Бурные овации. Стоя... Такой была первая реакция зрителей, которые собрались 7 октября (в память равноапостольной Фёклы) в Театре Михалкова на премьеру нового фильма Николая Бурляева «Никита». И если бы Николай Петрович в этот вечер не спешил на самолёт, то обсуждение его нового документального шедевра могло затянуться на несколько часов. Потому что фильм «зацепил» каждого в зале...

– Я могу снимать документальное кино только о том, что мне очень дорого, потому что для меня кино – как исповедь перед зрителем.

Так в своём вступительном слове перед показом фильма «Никита» народный артист России, режиссёр и писатель Николай Бурляев кратко выразил своё творческое кредо.

Фильм о своём друге Никите Михалкове – это уже четвёртое творение Бурляева как документалиста, которым он удивил зрителей вместе с режиссёром Дмитрием Чернецовым, лауреатом Государственной премии, а также премии им. Сергея Бондарчука за выдающийся вклад в кинематограф.

Первую их совместную ленту о полковнике «Альфы» Владимире Келехсаеве «Остановивший Войну», снятой в 2020 году, не показал ни один из центральных каналов, такая неудобная правда о событиях 1993 года в то время была не востребована. И только телеканал «Звезда» отважился показать своим зрителям этот фильм-исповедь о самых трагических страницах современной Русской истории.

– Вот этот человек, благодаря которому мы сидим в этом зале и наша страна не залита кровью гражданской войны, он сейчас с нами в зале. Покажите его! – так Николай Бурляев подытожил свой рассказ о полковнике «Альфы», который отказался выполнять преступный приказ Бориса Ельцина и вместо «зачистки» Белого дома вывел оттуда народных депутатов... Живыми!

– Есть ещё офицеры в Российской армии, не предавшие свою честь! Вольно! Садитесь! – обратился народный артист по-военному к зрителям, которые стоя аплодировали в тот вечер Человеку, остановившему в далёком 1993 году гражданскую войну и который присутствовал в этом зале.

В своём вступительном слове перед показом фильма «Никита», которое длилось 15 минут, Николай Бурляев сжато и лаконично рассказал зрителям, как он «дошёл до такой жизни», что, будучи актёром художественного жанра, начал снимать документальное кино. Иначе говоря, как художник-портретист начал красить заборы и стены... В этом кратком рассказе было много личного, что прошло сквозь сердце артиста и режиссёра. Точнее – в этой исповеди перед зрителями всё было личным, выстраданным.

– Андрей Тарковский... Ну как я мог не рассказать о нём! Ведь я его так любил, мы все его любили...

Когда после документального фильма об Андрее Тарковском режиссёр Дмитрий Чернецов спросил у Николая Петровича:

– Ну что мы ещё будем снимать? – То актёр даже обиделся:

– Ну что я родился для того, чтобы документальные фильмы клепать?!

Но потом, как это бывает часто, почти всегда, творческая мысль посещает как озарение: «Стоп! А Никита Михалков? С которым вот уже шестьдесят шесть лет мы дружим, вместе шагая по жизни!»

Как ни странно звучит, но самым сложным этапом в съёмках документального фильма «Никита» для режиссёра оказалось снять в живую самого Никиту Михалкова... Архивных материалов – сколько угодно, на любой вкус и привкус, но найти свободное время у Никиты Сергеевича для пространныго интервью, в круговороте режиссёрской жизни, оказалось делом почти невозможным. И, как признался Николай Бурляев, пришлось искать к своему другу и коллеге по киноцеху нестандартные подходы.

– Никита, ну ты же знаешь, что мы не вписываемся в график Министерства культуры, и есть только две причины, из-за которых на нас не наложат штрафные санкции: или ты умрёшь, или я...

Преждевременно умирать никто не хотел. Так и записали двухчасовое интервью с Никитой Михалковым, которое и стало центральной сюжетной линией документального фильма «Никита», на которую уже, как игрушки на ёлку, «одевались» самые яркие эпизоды жизни главного героя: от раннего детства, от воспоминаний о своей семье, до переломных моментов уже в нашей новейшей истории, где Михалкову, как одному из авторитетных лидеров нашего русского кино, приходилось не раз отстаивать справедливость, опровергая проплаченную клевету и ложь, отстаивая в первую очередь не свои личные интересы, а высокие нравственные ориентиры нашего отечественного кинематографа.

Лично меня больше всего впечатлила сцена из фильма о реакции Никиты Михалкова на бомбёжки войсками НАТО многострадальной Сербии. Режиссёр как раз находился в Каннах, и прямо с трибуны кинофестиваля сказал «культурной» элите Запада всё, что он думает об этом преступлении: как на Суде Божиим – только Правда, и ничего, кроме правды. Конечно, он понимал и знал наперёд, что за эту речь ему закроют как режиссёру двери на все площадки Америки и Европы, отменят прокат его фильмов... Но как сказал ещё древнегреческий философ Сократ: «Пусть рушится мир, но торжествует Правда». Потому что этот мир без Правды Божией превращается в ад (Иоанн Златоуст). Сам же Никита Михалков свою жизненную позицию в фильме определяет так:

– Отстаивание справедливости надо воспринимать как задание Божие.

И вот этот экзамен, это задание как ежедневный выбор актёр и режиссёр Никита Михалков сдаёт по жизни на отметку «красиво». Как художник.

В своём фильме Николай Бурляев с экрана высказывает глубокую психологическую истину, что каждый художник, каждый режиссёр всю свою жизнь, по сути, снимает одну-единственную картину, на главную тему своего творчества. Так Андрей Тарковский все свои фильмы снимал, по сути, о Жертвенности как главной теме своей жизни. А вот для Никиты Михалкова, по мнению Бурляева, главной темой является Любовь. Хотелось бы дополнить эти слова режиссёра, в свете идей его же фильма: Любовь и Справедливость. Потому что для Никиты Михалкова по жизни не существовало и не существует любви без справедливости, а справедливости – без любви.

Наверное, и в этом документальном фильме Никита Сергеевич ещё раз повторил одну из любимых своих фраз:

– Как сказал один старец, правда, сказанная без любви, есть ложь.

Пожалуй, эта цитата может служить эпитафией и ко всему творчеству великого режиссёра и актёра современности.

Детство Никиты Михалкова и Николая Бурляева выпало на послевоенные годы, когда страна поднималась из руин, юность их вдыхала пьянящий воздух творческой свободы в недолгий период «оттепели», который родил в нашей культуре такое уникальное явление, как «шестидесятники». Эти юные годы становления личности прекрасно иллюстрированы кадрами из известных художественных фильмов, которые погружают зрителя в атмосферу эпохи.

На предпоказе фильма «Никита», который состоялся 3 августа тоже в Театре Михалкова в рамках презентации повести Николая Бурляева «Близнецы», я как рецензент книги поделился своими впечатлениями от черновой версии документального фильма:

– Николай Петрович в своей речи сказал, что главной целью этого фильма было для него рассказать миру о человеке, которого он любит. И ему это удалось. Зритель действительно в конце фильма проникается любовью к личности Никиты Михалкова, любовью к его творчеству. И, пожалуй, единственный и главный недостаток черновой версии фильма – это то, что мало! Мало кадров с самим Никитой Михалковым, мало кадров из его знаковых фильмов, которые стали символами эпохи.

И поэтому 7 октября уже на премьере окончательной версии фильма мне было радостно констатировать, что в ленте появились кадры из киношедевров Михалкова. Более того, в черновой версии было много кадров с интервью, так что я, следуя журналистской привычке, сделал на фотоаппарат много кадров, где Николай Бурляев беседует в студии с Никитой Михалковым – мимика, жесты, эмоции... Никогда не знаешь, какой кадр окажется самым нужным и удачным для статьи. В чистовой же версии беседующие между собой режиссёры в кадрах появляются только в начале, середине и конце фильма. Весь их диалог – разговор двух художников, двух мыслителей – звучит как бы за кадром, иллюстрированный к месту и по делу кадрами из фильмов Никиты Михалкова, а также фотографиями из его жизни.

Несмотря на то что чистовая версия фильма «Никита» длится 1 час 20 минут, то есть на 15 минут дольше, чем черновая версия в предпоказе, – смотрится лента на одном дыхании. В первую очередь, благодаря продуманному динамичному сюжету, а также искусной компьютерной графике, которая усилила эффект целостности разношёрстных по времени кадров и эффект присутствия.

Рефреном фильма, который оформляется в кольцевую композицию, являются кадры из фильма-спектакля Никиты Михалкова «12» – как припев главной песни мастера «Любовь и справедливость». К слову, многие известные Евангельские притчи посвящены именно этой проблеме.

После просмотра фильма Николай Бурляев в формате «3 минуты на выступление» дал возможность зрителям вылить свои эмоции и впечатления. Много было сказано тёплых и даже восторженных слов от кинокритиков и коллег по цеху... Но лично мне больше всего запомнилось краткое выступление одной московской учительницы:

– Спасибо вам, Николай Петрович, за этот замечательный фильм! Теперь я всех своих учеников буду водить на показ этого фильма, чтобы они узнали и увидели правду о нашей эпохе, а также прикоснулись к духовному миру тех светлых личностей, которые являются совестью нашей Родины.

Подобную мысль выразил и гость из братского нам Ливана, автор книг о Российской цивилизации академик Сухейль Фарах:

– Я потрясён! У каждого народа есть такие люди, которых принято называть голосом совести. И вот сегодня я увидел и услышал голос совести современной России. Спасибо вам за это!

И закончить этот краткий отзыв о премьере документального фильма «Никита» хотелось бы словами, сказанными Никитой Михалковым в конце этого замечательного документального фильма, как предельно честный, как исповедь, ответ на вопрос Николая Бурляева о свободе и творчестве:

– Свобода – это когда полное доверие Богу. И я всегда, когда берусь за новое дело, обращаюсь к Богу с просьбой: Господи, если Тебе это не надо – укажи, а если надо – помоги!

Прокат фильма Николая Бурляева в кинотеатрах начнётся с 21 октября – День рождения Никиты Михалкова. Мастеру исполняется 80 лет, он ровесник нашей Великой Победы, а имя Никита с древнегреческого означает «победитель». И если бы фильм назывался «Победитель» – это тоже было бы справедливо, потому что труднее всего человеку победить самого себя, свои страсти и немощи, которые мешают нам оставаться людьми. И как остаться Человеком, пройдя через огонь страстей и искушений, как не заразиться вирусом эгоизма и лукавства – каждый найдёт для себя рецепты в этом очередном шедевре документалистики от Николая Бурляева.

Светлана Волошина-Андрейчук

Светлана Волошина-Андрейчук – академик Петровской академии наук и искусств, профессор, актриса, режиссёр и театральный критик

МЫ ТАМ НУЖНЫ

(о киноповести В. А. Иванова-Таганского)

Побывав в местах проведения специальной военной операции, режиссёр, заслуженный артист России, писатель Валерий Иванов-Таганский написал военно-историческую повесть о событиях на Донбассе.

Мы там нужны... Это не просто название повести – это первые слова родившегося произведения... Заложенный в них и исторгнутый в мир эмоциональный душевный порыв, как крик появившегося на свет человека.

Каким он будет?..

«Если мы рассматриваем человека таким, какой он есть, мы делаем его хуже, чем он есть. Но если мы рассматриваем его таким, каким он должен быть, мы даём ему шанс стать таким, каким он мог бы стать». (Здесь и далее: из киноповести В.А. Иванова-Таганского «Мы там нужны».)

Повесть сия носит военно-исторический характер. История, политика, социальная жизнь общества XX–XXI веков – всё это излюбленные жанры и темы автора, которым он долгие годы отдаёт предпочтение. И можно сказать, посвящает жизнь. По его книгам удаётся проследить ход новейшей истории, смену настроений в обществе, развитие политической мысли в стране и борьбу политических течений.

И кажется, что всевозможные веяния на политической арене изменяют не только содержание книг, вместе с этим меняется и сам автор, меняется его читатель... как меняется вокруг и вся наша жизнь... И нельзя дважды войти в одну реку.

История теперь развивается стремительно, как никогда. Или это только так кажется?.. Не всегда успеваешь и осмыслить, но на то он и автор, чтобы успевать.

Новая повесть В. А. Иванова-Таганского посвящена событиям на Донбассе, она о современности, о временах сегодняшних и людях нынешних. Но её герои, её образы вышли из российской глубинки, словно из недр народного сознания, из глубин его творчества – русские умельцы, русские искусники, русские богатыри. О них народ слагал былины и сказания, предания и песни, о них – о мастерах своего дела и защитниках земли русской, бесстрашно в час испытаний встречающих врага лицом к лицу.

И недаром эпиграфом к повести послужила русская пословица *«Если по-русски скроен, и один в поле воин»*.

Таковыми предстают в повести «Мы там нужны» ребята строительно-ремонтной бригады ГБУ «Гор-мост» – совестливыми, честными и отчаянными. Друг за друга – горой. Таким предстаёт и их бригадир Николай Фатеев – отважным и чутким. В каждом из них живёт былинный герой, хоть и не подозревают они о том до поры до времени. И вовсе не думают о наградах, а просто по зову души не могут оставить без подмоги того, кто в этом нуждается. Потому, что не могут бездействовать в стороне, когда рядом ходит зло.

«Действительно, работа по ремонту общежития и библиотеки развернулась в кратчайший срок. Люди отлично работали, не только потому, что знали, что всё будет достойно оплачено, но и старались по-дружески, всем миром помочь городу и подготовить здания к новому учебному году. Добавляло энергии ещё одно обстоятельство: приехавшие строители видели, что годы противо-

стояния ЛНР с официальным Киевом, постоянные обстрелы изрядно потрепали город и нервы жителей. Поэтому коллективу строителей искренно хотелось помочь и порадовать жителей своим участием в жизни города».

И мотив этой русской былинности, этого русского мира протянулся от начала до конца произведения. Нет, он не броский, он не крикливый, мол, я русский, я лучший. Нет, он сокровенный, он глубинный, он трогательный и лиричный: он в нежной заботливой любви Николая и его жены Татьяны, в их сыне, стремящемся походить на отца; в мужской дружбе и рабочем единении. Он в добрых неравнодушных людях, встречающихся на пути, ведь мир не без добрых людей. Он, в конечном итоге, – в отступающей перед героем смерти.

Недаром говорят, смелого смерть не берёт. Вот и обходит его стороной. И богатырское здоровье хранит героя и помогает выжить от смертельной раны.

Но есть в этом произведении ещё одна строка, которая может выступить эпиграфом наравне с выбранной пословицей. Она несёт важную мысль: *«Ненависть умирят страх».*

Примечательно, что эта фраза словно сродни сказочной природе и возникла следом за всем известной присказкой «Добро побеждает зло».

Та же самая словесная конструкция, которая недругами может истолковываться как неизвестность, кто кого победит или кто кого усмирят. Но мы-то знаем, что побеждено будет зло. Вековая мудрая народная сказка не даёт в этом усомниться.

Так и страх будет усмирён ненавистью. Это о той ненависти, которая становится гневом праведным и побеждает страх и смерть во имя жизни. Это о ненависти к тем, кто хочет войны, кто идёт убивать, попирая священный мир и бесценные человеческие жизни.

Но в повести В. А. Иванова-Таганского эта присказка и о другой ненависти – о ненависти, которая подавляет страх забыть, задавить в себе всё человеческое, светлое, всё возвышенное и чистое; забыть свой образ и подобие Божие. И оставить место лишь животной ненависти.

Животная ненависть... но может ли она противостоять жизни и любви. Нет, перед законами природы она обречена.

Чтобы исследовать эту мысль, автор выводит новых персонажей (Германа и Лизу).

«Оба представляли собой ту часть врагов ЛНР, которые были закоренелыми националистами и среди разнообразных военных преступников выделялись тем, что свои преступления совершали не за деньги, как наёмники из других стран, не будучи подневольными военнотружущими, а за идею. Идею, в основе которой лежат преступления против человечества, в первую очередь, против ненавистных москалей».

Бессмысленная тупая ненависть, которая должна стать основой человеческой сути, переформатированного человеческого сознания, становится сильным оружием в новой войне за переустройство мира. И в рассматриваемой нами повести возникает иной тип героев. Это те, кому слепая ненависть загнана в души: террористы-подрывники, убийцы-диверсанты.

Весь ужас состоит в том, что коверкаются не только людские судьбы, но извращается человеческий «код», словно его разъедает генетическая вирусная инфекция. И женщина, которая по рождению своему призвана любить и давать жизнь, приходит с оружием, чтобы эту жизнь отобрать, коварно и безжалостно, обращая оружие против мирного населения. Здесь ясно одно, если ненависть станет основой человеческой души, человек перестанет быть человеком, а станет образом и подобием дьявола.

«Возлюби ближнего» – доносится сквозь тысячелетия. Для чего рождён человек: для любви или для ненависти?

Но автор показывает нам на примере, что и тупая ненависть – оружие несовершенное, поскольку ненависть способна усмирить страх, но не любовь. А где любовь, там и жизнь.

Возникшая любовь помешала Лизе Петрице, снайперу высшего класса, выполнить задание у Дома правительства города Луганска.

И с этой точки зрения показателен ещё один довольно интересный мотив, который есть в повести – пересечение с произведением Бориса Лавренёва «Сорок первый».

В небольшом эпизоде Лиза открыто сравнивается с Марюткой, персонажем Б. Лавренёва. Напарник ставит Лизе в укор её внезапно возникшую страсть.

«Есть у москалей такой фильм, “Сорок первый” называется. Так та Марютка могла шлёпнуть своего офицера, а наша Лиза нет. Влюбилась, рыба холера, и говорит мне, красивый парень, пусть ещё поживёт».

Конечно же, в этом случае ситуация схожа лишь немного чисто внешне, а образы Марютки и Лизы безмерно далеки друг от друга. Хотя у них есть общая ненависть к врагу, но и эта ненависть имеет различную природу и характер.

Марютка, молодая девушка, боец Красной армии, сражается за идеалы революции. У неё есть высокая романтическая мечта – счастье, свобода и равенство людей. Она борется против угнетения и несправедливости. Её враг – это классовый враг, класс богатых, присвоивших себе все права и все блага мира. Марюткой движет её мечта и любовь к человечеству, её светлая и чистая душа, которая несётся к высшим сферам и ищет поэзию в окружающем мире. Именно поэтому Марютка пытается выразить в стихах всё, что любит и во что верит её юная душа. Её душа прошла долгий путь, прежде чем увидеть в классовом враге (в белом офицере) человека достойного, с такой же высокой, родственной ей душой, и полюбить его. Но когда он вновь проявил себя как классовый враг, предательски разрушив духовный мир, который между ними возник, тогда преданность идеалам революции и мечта о светлом будущем человечества заставили выполнить её свой долг бойца и приказ командира и в минуту выбора поставить законы революционной борьбы выше законов любви и собственной жизни.

Совсем иная Лиза Петрица. Её ненависть к народу, который она считает вражеским, основана на внушённой лжи. У неё нет чёткой картины будущего, и окружающий мир вселяет в неё тоску. Её жизнь заполняют «грязные» отношения, грубые и жестокие люди. Её любовь к Николаю Фатееву, человеку из враждебного лагеря, основана не на высоком чувстве, а на животной страсти, пробуждённой случайной встречей. Её любовь – это выраженный собственнический и женский инстинкт. Мечты её неясны и туманны. В них нет полёта, а лишь логический закон природы: дом, муж, дети.

Её «любовь» возникает как нечто спонтанное, хаотичное, что рождает внешние противоречия в её существовании, а постепенно приводит её и к внутренним противоречиям.

«Они бесились, что в то время как Украина сражается до последней капли крови, на подконтрольных России территориях местные девушки пускают в свою постель русских мужиков. Это равняется госизмене, за которую следует жестоко карать, – грозили они приговором. “Эти мужики – «чмо болотное»”, – считала Лиза. Сейчас, несмотря на войну, убийства, ненависть, она, как никогда, чувствовала, что любовь не имеет национальности и политических взглядов».

Вместе с этими противоречиями в мыслях Лизы начинают появляться и проблески человеческого. Она пускает образ Николая Фатеева в свои воспоминания и ассоциирует с тёплыми картинками детства: родной природой, полем и небом, родным домом, с мамой и с собой. Её «любовь» начинает приобретать человеческие черты и чувства.

Но в момент главного выбора между жизнью и смертью, боясь разоблачения перед начальством за свою привязанность к русскому, Лиза стреляет в свою «любовь».

«Она давно видела в прицеле не людей и не агрессора, а видела мишень. Но сейчас было другое дело, она целилась в любовь».

И вот тут совершается перелом и перерождение Лизы, вступает в силу тот самый закон, по которому ненависть усмиряет страх, но не любовь.

Лёжа на дощатой кровати, Лиза чувствует тупую пустоту и боль, мир рухнул. В её жизни больше нет и никогда не будет ни поля с обвивающими толстые стебли цветочками, ни синего неба над головой, ни синего платья, ни венка из ромашек. Не будет подле мускулистой руки Николая, его красивого лица и стучащего сердца.

Мечта не воскреснет, она убита рукой снайпера.

Ища спасения от этой боли и бессмысленности своего существования, Лиза покончила с собой.

Но «Сорок первый» в повести В. А. Иванова-Таганского – не только отсылка к известному произведению Б. Лавренёва, не только застреленный Марюткой офицер, последний в её короткой жизни классовый враг.

Через это число проходит ещё одна параллель. С этой призрачной параллели и начинается отсчёт времени и событий в произведении. Его первое предложение звучит кратко и точно: Николаю Фатееву шёл сорок первый год.

Слишком глубоко отпечаталось в коллективной памяти нашего народа значение числа сорок один. Невольным эхом долетает военный отзвук 1941 года. Возможно, не случайно здесь читается такая аллюзия и грезится образ Второй мировой. Вновь воскресла фашистская идея и поражает людские умы. Вот и попадает, в силу сложившихся обстоятельств, главный герой повести Николай Фатеев со строительно-ремонтной площадки прямо на линию фронта, на передовую, туда, где идут бои.

С честью прошёл герой все испытания, получил заслуженный орден Мужества и ответил Донбассу на призыв горячим добровольческим откликом: «Мы там нужны!»

Повесть с начальных строк подкупает своей детальной проработанностью, причём из разных областей. Это и интересные факты из истории военного дела, например, такие, как описание британского танка Mark V времён Первой мировой войны, известного своим делением на две модификации: «самцов» и «самок».

Это и описание современного стрелкового оружия в действии и военные сводки о положении дел на позициях. И будто сделанная словесная фотография обустройства самих позиций, фронтового быта, атмосфера блиндажей, госпиталя, вплоть до мелких подробностей, как названия лекарств и рабочих инструментов, вплоть до описания процесса спасения танка последней российской разработки, его ремонта и отвода на свои позиции.

Как под увеличительным стеклом, предстаёт работа бригады строителей-ремонтников. Их речь пересыпается профессионализмами, а восстановительные работы словно проходят перед глазами со всеми мастерскими особенностями.

Важную и интересную часть книги составляют описания двух основных городов, которых касается повествование: города Ожерелье и Луганска. Сюда можно отнести факты из истории их возникновения, развития; детали, мелочи, бытовые подробности; погоду, климат, географию. Необычна и красива легенда города Ожерелье, связанная с жемчужным ожерельем, которое императрица Екатерина Великая потеряла во время купания. Или «неинтересность» Луганска, что развешется как миф, стоит только взяться изучать его историю, которая начинается с постройки первого на Донбассе металлургического завода.

Интересны, к примеру, также и «кухонные» нюансы: что и как едят герои, как готовят, в какой посуде. Обо всём автор рассказывает мимоходом, но тем не менее создаётся убедительная картина быта героев, рисующая их привычки, склонности, повадки и черты характера. То есть вроде бы через незначительные детали автор всё равно выходит на главные линии, раскрывающие содержательные моменты излагаемой истории.

«Дома ждали к обеду. Пахло жареным мясом, на столе уже красовались осенние засолы огурцов и перца».

Когда Николай умял борщ, он с опозданием попросил под второе что-нибудь выпить. Выпив, осмелел и, собравшись объявить о предстоящей поездке, вдруг заметил, что и у жены, и у тёщи какие-то напряжённые глаза».

«На электрической плитке, заляпанной обгоревшими остатками, разогрели мясные консервы, пожарили картошку и сели обедать. Герман выпил водки, а женщины – пива, взятого из старого, дребезжащего холодильника “Саратов”. Долго обсуждали, как работать дальше, что докладывать киевским кураторам».

«Здесь, на линии боестолкновения, всё было, как во время атаки: совсем рядом, как огромные жабы, “чавкали” мины, громыхали гаубицы, шла постоянная канонада и, казалось, что через мгновение в этот обжитой капонир влетит снаряд и освободит его от всех обещаний, данных майору. Киселёв, принёсший ему еду, то появлялся, то исчезал».

Последний пример, вернее, одна из его строк напомнила, что язык произведения образен и метафоричен «как огромные жабы, “чавкали” мины, громыхали гаубицы». В. А. Иванов-Тоганский всегда находит для описания явлений точные речевые характеристики, меткие сравнительные обороты. Его метафоры запоминаются и надолго остаются в памяти живописными образами.

«Многие улицы и дома были разрушены и глазели обожжёнными зенками окон, люди двигались быстро, проезжали машины, слышна была артиллерийская дуэль, ухали разрывы снарядов и мин».

Все собранные автором факты поданы в художественной проработке, органично вписываются в ткань повествования и не выглядят голой информацией, оторванной от жизни произведения.

Даже современные песни, написанные по следам происходящих событий, нашли своё место в повести, заняли свою творческую нишу и вплелись в содержание как городской фольклор, наподобие того, как звучит своею первой «затухающей» строкой «Не слышно шуму городского» и врезается в память городской романс в поэме Блока «Двенадцать».

Есть во всём этом стиле присущая автору самобытность, как отличительная черта его творчества, его жанровый оттенок.

Можно сказать, что повесть «Мы там нужны» объединяет в себе штрихи и фольклора, и хроники, и художественного вымысла, и достоверности. Неуловимо их взаимодействие. Тесно и тонко связаны они друг с другом. Создают хитроумную интригу, за которой следует читатель, то угадывая развитие сюжета, то удивляясь неожиданным переменам и поворотам судьбы.

Подводя итог вышеизложенного, хочется отметить, что повесть Валерия Александровича Иванова-Таганского – это небольшое, достаточно сжатое, сконцентрированное произведение, динамичное и компактное. Его объём и насыщенность отражают ход современной жизни, истории. Всё быстрее заставляют они ориентироваться человека в происходящей действительности, всё активнее и стремительнее реагировать на цепи причинно-следственных связей. Одна из главнейших задач современного человека состоит в том, чтобы не ошибиться в своём нравственном, политическом и историческом выборе.

Волей-неволей своим участием или безучастием народ творит историю. Мы все в ответе за то, что происходит на земле сейчас, и за то, что с нами будет завтра. Как никогда мы должны бороться за всё лучшее, что есть на земле: за поле, за синее небо, за любовь, за радость детства и за всё то, что стоит за понятием «человек».

2023 год

Наши друзья

Журнальный мир: <http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/>

Русская народная линия: <http://www.rusklina.ru>

Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>

Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/

Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru

Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>

Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru

Московский журнал: [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)

Журнал «Подъём»: <http://www.podiem.vsi.ru>

Культура Вологодской области: <http://cultinfo.ru>

Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»

Журнал «Сибирь», Иркутск

Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург: <http://rodnayaladoga.ru/index.php/o-nas?id=59>

Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк

Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов

Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно

«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>

Журнал «Приокские зори», гл. ред. Алексей Яшин

Журнал «Корни», Рига: <http://www.korni.lv/>

Журнал «Настоящее время», гл. ред. Татьяна Житкова, Рига

Журнал «Территория слова», гл. ред. Людмила Гонтарева, Донбасс

Журнал «Влтава», гл. ред. Ольга Белова-Далина, Прага

Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздняя, Вильнюс

Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл. ред. Альберт Снегирёв, Каунас

Литературный русский альманах «Литера», гл. ред. Елена Шеремет

Альманах «Врата Сибири», гл. ред. Л. К. Иванов, Тюмень

Литературный журнал «Аргамак», гл. ред. Николай Алешков, Татарстан

Литературный альманах «Крылья» (Луганск): <http://lugansk1.info/>

Литературный журнал «Жемчужина», гл. ред. Тамара Малеевская, Австралия: <http://zhemchuzhina.yolasite.com>

Электронный журнал «ЛИТЕРА», гл. ред. Владимир Фёдоров

Поэтический альманах «Образ», гл. ред. Эдуард Побужанский, Москва: izdat.su

Журнал «Пересвет», Белгород, гл. ред. Сергей Бережной

Журнал «Невечерний свет», гл. ред. Владимир Хохлев: vladimir-khokhlev-2015.bibliowiki.ru/pages/nevechernij-svet.html

Альманах «Под часами», Смоленск

О приобретении журнала

Поддержка и приобретение журнала «Берега»
осуществляется перечислением на карту Сбербанка по номеру телефона 89118630467.

Новый экокомплекс «Русская Европа», город Калининград

Музей Мирового океана, город Калининград